

**Учредитель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»**

Редакционный совет

Александрова О. В., д. филол. н., проф. (Россия, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

Березович Е. Л., д. филол. н., проф. (Россия, Уральский федеральный университет им. первого Президента
России Б. Н. Ельцина)

Богданова-Бегларян Н. В., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский государственный университет)

Буле О., д-р, доц. (Нидерланды, Университет Лейдена)

Вендина Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН)

Войтак М., д-р, проф. (Польша, Университет Марии Склодовской-Кюри)

Джусмайло О. А., д. филол. н., проф. (Россия, Южный Федеральный университет)

Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Котельников В. А., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербург, Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН)

Мызников С. А., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)

Поссамаи Д., д-р, проф. (Италия, Падуанский университет)

Рут М. Э., д. филол. н., проф. (Россия, Уральский федеральный университет им. первого Президента

России Б. Н. Ельцина)

Савкина И., д-р, проф. (Финляндия, Университет Тампере)

Саксена Р., д-р, проф. (Индия, Университет Дели)

Ушакова О. М., д. филол. н., доц. (Россия, Тюмень)

Фээр-Дюпэрг А., д-р, доц. (Франция, Университет Пуатье)

Чернявская В. Е., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Редакционная коллегия

Новокрещенных И. А. (гл. ред.), к. филол. н., доц.
(Россия, ПГНИУ)

Русинова И. И. (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц.
(Россия, ПГНИУ)

Шутёмова Н. В. (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц.
(Россия, СПбГУ)

Абашев В. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)

Абашева М. П., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)

Алексеева Л. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)

Арутюмова А. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)

Баженова Е. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)

Боронникова Н. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)

Братухин А. Ю., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)

Бурдина С. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)

Данилевская Н. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)

Дускаева Л. Р., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)

Ерофеева Е. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)

Кондаков Б. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)

Кочкарева И. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)

Кушнина Л. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)

Мишиланов В. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)

Мишиланова С. Л., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)

Нестерова Н. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)

Подюков И. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)

Похаленков О. Е., д. филол. н., доц. (Россия, КГУ
им. К. Э. Циолковского)

Проскурнин Б. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)

Серова Т. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)

Сидорова О. Г., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ

им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)

Шляхова С. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)

Адрес учредителя и издателя: 614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Адрес редакции: 614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15 (Факультет современных иностранных языков и литературы, Филологический факультет). E-mail: langlit2009@mail.ru.

Сайт журнала: <https://press.psu.ru/index.php/philology>. Администратор сайта А. В. Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта В. А. Бячкова.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-66482 от 14.07.2016 г.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: с 01.02.2022 – 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.4. Фольклористика (филологические науки), 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки); с 21.02.2023 – 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (философские науки)

**Учредитель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»**

Редакционный совет

Александрова О. В., д. филол. н., проф. (Россия, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

Березович Е. Л., д. филол. н., проф. (Россия, Уральский федеральный университет им. первого Президента
России Б. Н. Ельцина)

Богданова-Бегларян Н. В., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский государственный университет)

Буле О., д-р, доц. (Нидерланды, Университет Лейдена)

Вендина Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН)

Войтак М., д-р, проф. (Польша, Университет Марии Склодовской-Кюри)

Джусмайло О. А., д. филол. н., проф. (Россия, Южный Федеральный университет)

Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Котельников В. А., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербург, Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН)

Мызников С. А., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)

Поссамаи Д., д-р, проф. (Италия, Падуанский университет)

Рут М. Э., д. филол. н., проф. (Россия, Уральский федеральный университет им. первого Президента

России Б. Н. Ельцина)

Савкина И., д-р, проф. (Финляндия, Университет Тампере)

Саксена Р., д-р, проф. (Индия, Университет Дели)

Ушакова О. М., д. филол. н., доц. (Россия, Тюмень)

Фээр-Дюпэрг А., д-р, доц. (Франция, Университет Пуатье)

Чернявская В. Е., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Редакционная коллегия

Новокрещенных И. А. (гл. ред.), к. филол. н., доц.
(Россия, ПГНИУ)

Русинова И. И. (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц.
(Россия, ПГНИУ)

Шутёмова Н. В. (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц.
(Россия, СПбГУ)

Абашев В. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)

Абашева М. П., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)

Алексеева Л. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)

Арутюмова А. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)

Баженова Е. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)

Боронникова Н. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)

Братухин А. Ю., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)

Бурдина С. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)

Данилевская Н. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)

Дускаева Л. Р., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)

Ерофеева Е. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)

Кондаков Б. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)

Кочкарева И. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)

Кушинина Л. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)

Мишиланов В. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)

Мишиланова С. Л., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)

Нестерова Н. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)

Подюков И. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)

Похаленков О. Е., д. филол. н., доц. (Россия, КГУ
им. К. Э. Циолковского)

Проскурнин Б. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)

Серова Т. С., д. пед. н., проф. (Россия, ПНИПУ)

Сидорова О. Г., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)

Шляхова С. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)

Адрес учредителя и издателя: 614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Адрес редакции: 614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15 (Факультет современных иностранных языков и литературы, Филологический факультет). E-mail: langlit2009@mail.ru.

Сайт журнала: <https://press.psu.ru/index.php/philology>. Администратор сайта А. В. Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта В. А. Бячкова.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-66482 от 14.07.2016 г.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: с 01.02.2022 – 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.4. Фольклористика (филологические науки), 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки); с 21.02.2023 – 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (философские науки)

Founder: Perm State University

Editorial Council

- Olga Aleksandrova* (Russia, Moscow State University)
Elena Berezovich (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Natalya Bogdanova-Beglarian (Russia, Saint Petersburg State University)
Otto Boele (Netherlands, Leiden University)
Tatyana Vendina (Russian Academy of Sciences, Moscow, Institute of Slavic Studies)
Maria Voytak (Poland, Lublin University)
Olga Dzhumaylo (Russia, Rostov-on-Don, Southern Federal University)
Tamara Erofeeva (Russia, Perm State University)
Vladimir Kotelnikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Russian Literature)
Sergey Myznikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Linguistic Studies)
Donatella Possamai (Italy, University of Padua)
Mary Rut (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Ranjana Saxena (India, University of Delhi)
Irina Savkina (Finland, University of Tampere)
Olga Ushakova (Russia, Tyumen)
Anne Faivre Dupâigre (France, University of Poitiers)
Valeriya Chernyavskaya (Russia, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University)

Editorial Board

- Irina Novokreshchenykh* – *Editor-in-Chief*
(Perm State University)
Irina Rusinova – *Associate Editor*
(Perm State University)
Natalya Shutemova – *Associate Editor*
(Saint Petersburg State University)
Vladimir Abashev (Perm State University)
Marina Abasheva (Perm State
Humanitarian-Pedagogical University)
Larissa Alekseeva (Perm State University)
Anna Arustamova (Perm State University)
Elena Bazhenova (Perm State University)
Natalya Boronnikova (Perm State University)
Alexandr Bratukhin (Perm State University)
Svetlana Burdina (Perm State University)
Natalya Danilevskaya (Perm State University)
Liliya Duskaeva (Saint Petersburg State University)
Elena Erofeeva (Perm State University)
Boris Kondakov (Perm State University)

- Irina Kochkareva* (Perm State University)
Ludmila Kushnina (Perm National Research
Polytechnic University)
Valeriy Mishlanov (Perm State University)
Svetlana Mishlanova (Perm State University)
Natalya Nesterova (Perm National Research
Polytechnic University)
Ivan Podyukov (Perm State Humanitarian-
Pedagogical University)
Oleg Pohalenkov (Kaluga State University
named after K. E. Tsiolkovski)
Boris Proskurnin (Perm State University)
Tamara Serova (Perm National Research
Polytechnic University)
Olga Sidorova (Ural Federal University named after
the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Svetlana Shlyakhova (Perm National Research
Polytechnic University)

Address of the founder and publisher: 15, Bukireva st., Perm, 614068, Perm Krai

Address of the editorial office: 15, Bukireva st., Perm, 614068, Perm Krai
(Faculty of Modern Languages and Literatures, Faculty of Philology). E-mail: langlit2009@mail.ru

Web-site of the journal: <http://press.psu.ru/index.php/philology>
Site administrator A. V. Pustovalov, content editor of the English version of the site V. A. Byachkova

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО	5
Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Деривация как универсальная категория языка: к 95-летию основателя пермской дериватологической школы профессора Л. Н. Мурзина	5
Зверева Ю. В. <i>Уха из старого петуха</i> : названия невкусных и малопитательных блюд в русских говорах Пермского края.....	16
Зубаркина Е. С., Мискевич Ю. А. Экотекст в современном медиапространстве на примере детского радиовещания в Европе	26
Котюрова М. П., Соловьева Н. В., Тихомирова Л. С. Аргументы в защиту номинации «дискурсивные основания речеведения» (к уточнению понятия «дискурсивные основания»)	41
Кушнина Л. В. Переводчик и реципиент как субъекты дискурса: аксиологический аспект	55
Романова Н. А., Джелалова Л. А. Тексты клинических рекомендаций в аспекте категории информативности	64
Рябцева Н. К. Функциональная стилистика научного текста М. Н. Кожиной и современные корпусные исследования по идентификации искусственно сгенерированного контента	81
Свалова Е. Н. Языковые средства оформления текстов-воспоминаний о детстве (на материале устных рассказов коми-пермяков)	91
ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ	100
Васильева Е. В. Чудаки и безумцы в романах Г. К. Честертона	100
Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Принцип «игрового перевертыша» в детской художественной литературе	110
Доценко Е. Г. Литература и политика: за и против (рефлексия над книгой О. Ю. Пановой о советско-афроамериканских литературных взаимосвязях)	119
Любеева С. В. Конфликт поколений в романе З. Смит «Белые зубы»	127
Новокрещенных И. А. Рецепция творчества Обри Бердсли в романах Ады Леверсон 1910-х годов	136
Проскурнин Б. М. <i>La femme fatale</i> : типологические художественные переклички У. М. Теккерея и И. С. Тургенева («История Генри Эсмонда» и «Дым»)	145
Сейбелль Н. Э. Призраки прошлого в рассказе А. Штифтера «Три кузнеца своей судьбы»	157

CONTENTS

LANGUAGE, CULTURE, SOCIETY	5
Alekseeva L. M., Mishlanova S. L. Derivation as a Universal Category of Language: On the 95th Anniversary of the Founder of Perm Derivatological School, Professor L. N. Murzin	5
Zvereva Yu. V. <i>Old Rooster Fish Soup</i> : The Names of Unpalatable and Low-Nutritious Dishes in Perm Dialects	16
Zubarkina E. S., Miskevich Yu. A. Ecotext in the Modern Media Space Through the Example of Children's Radio Broadcasting in Europe	26
Kotyurova M. P., Solovyova N. V., Tikhomirova L. S. Arguments in Defense of the Nomination 'Discursive Foundations of Speech Studies' (Clarifying the Concept of 'Discursive Foundations')	41
Kushnina L. V. A Translator and a Recepient as Discourse Agents: The Axiological Aspect	55
Romanova N. A., Dzhelalova L. A. Texts of Clinical Recommendations in the Aspect of the Category of Informativeness	64
Riabtseva N. K. M. N. Kozhina's Functional Stylistics of Scientific Text and Current Corpus-Based Studies in Detecting Artificially Generated Content	81
Svalova E. N. Linguistic Means Used in Recollections of Childhood (the Case of Oral Narratives Told by Komi-Permyaks)	91
 LITERATURE IN THE CULTURAL CONTEXT	 100
Vasiljeva E. V. Eccentrics and Madmen in G. K. Chesterton's Novels	100
Gridina T. A., Konovalova N. I. The Principle of 'Comic-Effect Provocation' in Children's Fiction	110
Dotsenko E. G. Literature and Politics: Pro et Contra (Reflections on O. Yu. Panova's Monograph about Soviet – African American Literary Relations)	119
Lyubeeva S. V. The Conflict of Generations in Z. Smith's Novel 'White Teeth'	127
Novokreshchennykh I. A. The Reception of Aubrey Beardsley's Works in Ada Leverson's Novels of the 1910s	136
Proskurnin B. M. <i>La femme fatale</i> : Typological Artistic Comparisons of W. M. Thackeray and I. S. Turgenev ('The History of Henry Esmond' and 'Smoke')	145
Seibel N. E. Ghosts of the Past in A. Stifter's Story 'Die drei Schmiede ihres Schicksals'	157

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 81-11
doi 10.17072/2073-6681-2025-4-5-15
<https://elibrary.ru/absfae>

EDN ABSFAE

Деривация как универсальная категория языка: к 95-летию основателя пермской дериватологической школы профессора Л. Н. Мурзина

Алексеева Лариса Михайловна
д. филол. н., профессор кафедры лингводидактики
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. larissapsu@gmail.com

SPIN-код: 7540-0880
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7336-1067>

Мишланова Светлана Леонидовна
д. филол. н., зав. кафедрой лингводидактики
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. mishlanovas@mail.ru

SPIN-код: 4043-5532
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3332-9753>

*Статья поступила в редакцию 23.04.2025
Одобрена после рецензирования 09.08.2025
Принята к публикации 10.09.2025*

Информация для цитирования

Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Деривация как универсальная категория языка: к 95-летию основателя пермской дериватологической школы профессора Л. Н. Мурзина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 4. С. 5–15. doi 10.17072/2073-6681-2025-4-5-15. EDN ABSFAE

Аннотация. Статья, посвященная юбилею известного российского лингвиста, основателя пермской школы дериватологии, раскрывает смысл основных понятий и методов данного направления. Даётся краткий очерк становления дериватологии, подчеркивается роль в этом процессе лидера пермской школы профессора Л. Н. Мурзина. Отмечается, что термин *деривация* в рамках дериватологии получает широкую трактовку. Центральной идеей дериватологии является представление о языке как синхронно-динамической системе, в которой единицы всех уровней связаны деривационными отношениями, а принцип деривации становится методологической базой описания (моделирования) языковых структур и текстопорождающих процессов. Подчеркивается, что понятие деривации во многом определяет специфику новой лингвистической парадигмы. Традиционное представление о статике (в синхронии) и динамике (в диахронии) языка как антиномии в дериватологии осмысливается как свойственное всякому процессу текстопорождения диалектическое единство воспроизведения и производства.

Одним из важнейших результатов исследований языка в свете деривационной теории стало положение о том, что каждый деривационный шаг (основная динамическая единица) осуществляется одновременно как воспроизведение заданных системой единиц и как производство новой единицы

языка. Показано, что природа любой лингвистической единицы объясняется ее вовлеченностью в процесс текстообразования, а потому производство вторичных языковых единиц в конечном счете диктуется потребностями коммуникации. Предпринимается попытка рассмотрения категории деривации в аспекте трансдисциплинарности. В частности, отмечается, что принцип деривации играет существенную роль в методологии как когнитивных наук, так и естествознания.

Ключевые слова: деривация; пермская школа дериватологии; антиномии языка; синхронная динамика; семиотика; текстопорождение.

Введение

Заметное место в отечественной лингвистике последних десятилетий ушедшего века занимает возникшее в Пермском университете оригинальное теоретическое направление – пермская школа дериватологии. Ее основателем и признанным лидером был Л. Н. Мурзин.

Сейчас, по прошествии трех десятилетий, мы можем точнее оценить место этого направления в отечественной лингвистике, выявить самое важное в его теоретическом фундаменте, объяснить, почему и в лингвистике XXI в. вовсе не ослабевает интерес к идеям дериватологии.

В этой статье попытаемся описать в общих чертах историю возникновения пермской школы. Чтобы решить эти задачи, мы не только вновь проанализировали материалы дериватологических конференций, проведенных в 80-е гг. в Пермском университете, и некоторые диссертационные исследования по проблемам дериватологии, но и, стремясь воссоздать тот особый научный и личностный контекст, в котором эта школа зародилась на рубеже 70–80 гг., перечитали сохранившиеся записи лекций профессора Л. Н. Мурзина, воспоминания его коллег и учеников [Фатическое поле языка 1998].

Добавим, что одним из мотивов, побудивших авторов написать эту статью, стал тот факт, что работы профессора Л. Н. Мурзина, в которых изложены основные положения дериватологии, пока не оцифрованы, и по данной причине для большинства исследователей стали малодоступными.

По инициативе и под руководством Л. Н. Мурзина Институтом языкоznания АН СССР в Пермском университете были проведены четыре все-союзные конференции. Первая конференция, посвященная общим теоретическим аспектам дериватологии, была организована в 1981 г. На следующей дериватологической конференции, проведенной в 1985 г., в центре внимания оказались важные методологические проблемы, в том числе вопрос о роли деривационного анализа (синхронно-динамического описания языка) в диахронических исследованиях [Деривация и история языка 1987]. В рамках третьей конференции (1988 г.) решались вопросы о месте и роли деривации разноуровневых языковых единиц в речевой деятельности (в текстопорождении), то есть,

по сути, о коммуникативном статусе деривации. Четвертая конференция, прошедшая в 1991 г., ставила целью выявление методологической роли принципа деривации в истории языкоznания и современной лингвистике.

Как видим, проблематика пермских конференций, затрагивая самые основы теоретической лингвистики, остается актуальной и в наше время. Особенно востребованными в современной лингвистике оказались дериватологические взгляды на процессы текстообразования. Главный вывод дериватологии в отношении текста – это то, что функции любой лингвистической единицы в конечном счете определяются текстом, и природа ее может быть раскрыта (объяснена) вовлеченностью этой единицы в процесс текстообразования. Поэтому текст может быть назван своего рода «полигоном», позволяющим наблюдать жизнь самого текста, а также всех его компонентов. Многие положения дериватологии свободно и логично вписываются в современные суждения о природе текста как комплексного явления и о дискурсе, рассматриваемом с позиции транслингвистики.

Участниками конференций по дериватологии были такие известные лингвисты, как Н. Ф. Алефиренко, И. К. Архипов, Г. И. Богин, Э. П. Васильева, Е. Л. Гинзбург, Н. Д. Голев, В. И. Заботкина, В. И. Карасик, А. К. Киклевич, Е. С. Кубрякова, В. М. Никитевич, Б. Ю. Норман, Л. В. Сахарный, П. А. Соболева, И. П. Сусов, З. А. Харитончик, С. С. Хидекель, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал и др. На каждой конференции присутствовало более ста участников из России, Белоруссии, Германии, Казахстана, Узбекистана, Молдавии и других стран.

Уже на первой из названных научных конференций термин *дериватология* был принят как название нового лингвистического направления, нацеленного на исследование мотивации, механизмов и формальных средств деривационных процессов на всех уровнях и в конечном итоге закономерностей функционирования и эволюции языка [Мурзин 1984: 5]. В 70–90-е гг. было выпущено девятнадцать сборников научных трудов [Фатическое поле 1998: 222–223]. В редакционную коллегию сборников под руководством главного редактора Л. Н. Мурзина входили известные российские лингвисты: Е. С. Кубрякова, Г. Г. Сильницкий, А. М. Шахнарович, В. С. Юр-

ченко. В резолюциях конференций отмечалось, что актуальной задачей теории деривации становится разработка текстообразующих моделей и деривационных грамматик различного типа [там же: 224].

Научные труды по деривации начали публиковаться в 70-х гг. XX в. в издательствах Пермского и Уральского университетов, и очень скоро идеи теории деривации (шире – динамической лингвистики), образующие теоретический фундамент пермской школы, нашли широкий отклик во многих других центрах отечественного языкоznания [Алексеева, Мишланова 2015, 2021; Алексеева, Мишланов, Салимовский 2010; Баранов 1988; Мишланов 2010; Карасик 1987; Кубрякова 1998; Полякова 2002; Сахарный 1979 и др.].

Оценивая научные результаты дериватологической школы профессора Л. Н. Мурзина, нельзя не отметить, что он был научным руководителем четырнадцати кандидатских и трех докторских диссертаций, и не менее тридцати кандидатских и четырех докторских диссертационных исследований были проведены под руководством его учеников [Алексеева 1990; Алексеева, Мишланова 2015; Васильева 1986; Мишланов 1996; Мишланова 1998, 2003; Симашко, Литвинова 1993].

Методологический потенциал понятия *деривация*

Известно, что новые теории языка рождаются первоначально в ходе исследования отдельных областей языкоznания. Так, например, структурная лингвистика возникла на базе фонологической теории, а психолингвистика и теория речевых актов появились в результате обобщения данных, полученных из сферы языковой pragmatики.

Понятие *деривация*, ставшее в дериватологии краеугольным, использовалось в работах Л. Н. Мурзина как синтаксическая категория [Мурzin 1974; Мурzin 1984; Адливанкин, Мурzin 1984]. До появления синхронно-динамических теорий языка (порождающих грамматик) термин «деривация» в языкоznании употреблялся только в значении ‘словообразование’ или, еще уже, ‘аффиксальное словообразование’ [Ахманова 1966]. Терминологическое сочетание «синтаксическая деривация» было введено в нашу науку Е. Куриловичем, который использовал его для обозначения особого вида аффиксального словообразования, противопоставленного «лексической деривации» [Курилович 1962]. В работах Л. Н. Мурзина этим термином обозначены не диахронические процессы образования отлагольных или отадъективных имен (*приехать* → *приезд*, *смелый* → *смелость*), а синхронные процессы производства вторичных синтаксических единиц (в общем процессе рече-

порождения), в частности, так называемые номинализации, или трансформации предикативных конструкций в непредикативные (дезактуализованные) конструкции с именем в качестве синтаксически опорного компонента (*Иван приехал вечером* → *вечерний приезд Ивана...*) [Мишланов 2010].

В современном лингвистическом дискурсе словосочетание «синтаксическая деривация» чаще всего употребляется именно в том значении, в каком оно используется в докторской диссертации Л. Н. Мурзина, – ‘образование производных синтаксических единиц’, а понятие *деривация* предельно расширило свой экстенсионал, став обозначением образования «любых вторичных знаков...», которые могут быть объяснены с помощью единиц, принятых за исходные, или выведены из них путем применения определ. правил, операций» [ЛЭС 1990: 129].

Почему Л. Н. Мурзин положил в основу нового лингвистического направления именно это понятие? Деривация как понятие словообразования касается отношений между уже готовыми языковыми выражениями, существующими в системе языка до речевого акта, то есть является «диахронно-динамической» категорией. Однако, разрабатывая свою теорию, Л. Н. Мурзин следовал концепции В. фон Гумбольдта, понимавшего язык как *энергию*, и именно термин *деривация* (дословно ‘отклонение’ [от заданного, уже существующего в языке]), не привязанный внутренней формой лишь к представлению о словообразовании, по мысли ученого, более всего отражает динамическую сущность языка, способ его существования (в согласии с философским тезисом о движении как условии существования материи).

С учетом того, что в лингвистике второй половины XX в. возрос интерес к языковой процессыуальности (к функциональному аспекту языка, к порождающим грамматикам), а термин *деривация* стал постепенно связываться с синхронной динамикой языка, и возникла идея о создании на базе «принципа деривации» [Кацнельсон 1967] нового лингвистического направления – теории деривации, или дериватологии.

Обобщая методологический принцип деривации, профессор Л. Н. Мурзин вывел следующую формулу: $A + \alpha \rightarrow B(A\alpha)$, где A и B – языковые знаки, принадлежащие любому уровню, α – показатель (оператор) деривации [Мурzin 1984]. Как следует из этой формулы, деривационный механизм предполагает частичное тождество компонентов A и B. Из двух тождественных в каком-либо отношении компонентов производной является более сложная в структурном и/или функциональном плане единица.

Отмечая скрытый от непосредственного наблюдения характер деривационных единиц (шагов), исследователи соотносили деривацию с «переводом» внутренней речи во внешнеязыковую структуру средствами естественной речи [Адливанкин, Мурzin 1984: 8–9]. Таким образом, деривация определяется как комплексный процесс, протекающий на глубинном и поверхностном уровнях – как «мысле-речевое (мысле-внутреннеречевое) действие, состоящее в порождении предикативных (коммуникативных и номинативных) единиц, и производство на их синтаксико-семантической основе из языковых строевых материалов по языковым моделям до известной степени аутентичных конструкций натулярной речи» [там же: 10].

Деривационный анализ можно охарактеризовать как внутреннюю реконструкцию деривационной истории производной (вторичной) языковой конструкции, то есть воссоздание процесса ее порождения, опирающееся на сопоставление производной языковой единицы с исходными (первичными) единицами [Кубрякова, Панкрац 1982: 15]. Иначе говоря, данный метод предполагает анализ следов внутреннеречевых деривационных процессов, оставленных во внешней речи, и создание деривационной гипотезы производства исследуемой языковой единицы.

Как следует из сказанного, реконструкция деривационных процессов (последовательности «деривационных шагов») становится главной задачей исследования языка в аспекте дериватологии. Методологическая значимость такого подхода состоит в том, что понятие деривации позволяет объединить в теоретических рассуждениях антиномические категории статики и динамики, синхронии и диахронии, ибо диахронические процессы, протекающие на разных уровнях языка, онтологически тождественны относящимся к синхронии деривационным шагам.

Между динамикой и синхронией

Вслед за И. А. Бодуэном де Куртене, Л. Н. Мурзин различал два языковых механизма: воспроизведение и производство языка, характеризующие соответственно статику и динамику языка [Деривация и история языка 1987: 7]. Но статику/динамику он трактует по-новому, считая их диалектическими сущностями, то есть рассматриваемыми с позиции ведущего/ведомого механизма [Мурzin 1974, 1982, 1987]. В данной дихотомии ведущим процессом считается производство языковых единиц, детерминирующее воспроизведение, поскольку воспроизведение нужно не само по себе, а с целью последующего производства [Принцип деривации 1991: 36].

Идеи о том, что традиционные взгляды на динамику языка недостаточны, воплощаются в работах «Основы дериватологии» (1984) и «Текст и его восприятие» (1991), где понимание языковой динамики обретает форму законченной концепции.

Занимаясь исследованием динамики языка, Л. Н. Мурзин раскрыл диалектическую суть соотношения статики и динамики языка. По его словам, язык есть постоянная деятельность общения и как таковой является условием саморазвития. «Но всякая деятельность имеет определенный результат, некоторый продукт. Поэтому язык как деятельность предполагает язык как продукт этой деятельности. Это две стороны одного и того же явления – языка: динамика и статика» [Мурzin 1984: 9]. В статике, имеющей дело с совокупностью единиц, заданных системой, констатируются некоторые факты и фиксируются отношения между единицами языка. В динамике исследуются языковые процессы, правила образования языковых единиц и в целом функционирование языка как средства общения [там же].

Здесь мы подходим к чрезвычайно важному лингвистическому понятию – *синхронной динамике языка*. Благодаря ему могут быть гносеологически объединены антиномические понятия синхронии (процессов текстопорождения) и диахронии (исторического развития языка). С точки зрения структурной лингвистики термин *синхронная динамика* кажется алогичным, поскольку понятие статичности языка приводит к осмыслению синхронии как статики. Природа деривации синхронна, поскольку деривационный процесс, имея протяженность во времени, происходит одновременно со множеством других процессов, то есть представляет собой синхронный процесс.

В этом смысле деривацию называют третьим измерением языка: порождаемые единицы рассматриваются не как «заданные списком или непосредственно представленные в тексте, а в качестве результата порождающего процесса, образующего более сложные единицы из более простых по определенным правилам» [Сильницкий 1982: 4].

Идею динамизма языка Л. Н. Мурзин считал центральной в современной лингвистике [Деривация и история языка 1987: 10]. В монографии «Синтаксическая деривация: Анализ производных предложений русского языка» он обосновывает мысль о том, что динамический аспект языковой системы (или синхронная динамика языка) проявляется в первую очередь в деривационных отношениях [Мурzin 1974: 8].

Считается, что традиционная грамматика, приписывая языку устойчивость, неизменность,

рассматривала языковые единицы как уже существующие в системе (а потому и не выходила за рамки предложения). Дериватология, сосредоточиваясь на деривационных отношениях, то есть на синхронно-динамических процессах, описывает любые языковые единицы как «момент движения» в синхронии (из глубинных структур в поверхностно-сintаксические) и в диахронии (в истории). Таким образом, антиномия статики-динамики в дериватологии осмысливается как диалектическое противоречие текстопорождения, которое является одновременно воспроизведством (статикой) и производством (динамикой).

Новый взгляд на язык связан с тем, что «в конце столетия язык для нас становится подлинно динамическим объектом, не лишенным не только достаточной строгости, но и творческого начала» [Мурzin 1996: 14].

Таким образом, понимание в рамках дериватологии статики и динамики языка как диалектического единства позволяет подойти к вопросу о сущности синхронии/диахронии языка с этих же позиций, то есть интерпретировать их как онтологическое единство синхронных и диахронных процессов. Такая интерпретация формирует особый взгляд на развитие языка как на такой процесс перехода в новое состояние, который включает предшествующие этапы воспроизведения языка. Л. Н. Мурзин видел динамику в синхронии языка, утверждая, что «динамическая система языка в той же степени синхронна, в какой синхронна система готовых единиц, хранящихся в памяти говорящего» [Деривация и история языка 1987: 7].

Деривация и семиотика

Принцип деривации в новой лингвистической парадигме обусловлен пониманием языка как семиотического феномена [Адливанкин, Мурzin 1984; Алексеева, Мишланова 2021; Кубрякова 1998; Мурzin 1984, 1991; Сахарный 1979 и др.]. Для дериватологии существенно то, что текст является вербальным заместителем вне-текстовой ситуации. В этом выражен главный семиотический принцип «стыковки» двух разных систем – мира реальных вещей (референтов) и мира языковых знаков.

«Ставя знак в соответствии объекту, человек производит сложнейшие логические и психологические операции. Так как каждый объект неповторим и индивидуален и вместе с тем принадлежит к множеству классов, то в большинстве случаев, чтобы удовлетворить потребности в общении, приходится создавать все новые и новые знаки. Фактически коммуниканты почти всегда создают знаки или приспособливают к данному случаю готовые, т.е., в сущно-

сти, преобразуют их в новые знаки. Отсюда очевидна роль деривации в коммуникативном семиотическом процессе» [Мурzin 1984: 17]. Не элементарный текст всегда уникален – не только в содержательном плане, но и в плане выражения.

Л. Н. Мурзину принадлежит заслуга открытия основных законов текстообразования – *инкорпорирования*, в результате которого на глубинном уровне осуществляется включение в актуальное предложение содержательных компонентов предтекста, *контаминации* и *компрессии* (необходимого сжатия компонентов предтекста, соединяемых с ремой актуального высказывания) [Мурzin 1984: 22].

Исследование деривации подводит к пониманию того, что она находится на «пересечении» двух форм языковой динамики: реализация деривации относится к речи, а результаты ее (имеющие сами по себе коммуникативное значение) обуславливают формирование нового состояния языковой системы, которая в какой-то более поздний момент и является новой основой для последующих актов коммуникации [Мурzin 1989].

Раскрывая знаковую природу каких-либо деривационных явлений, Л. Н. Мурзин широко использовал «семиотические образы», то есть такие знаки-метафоры, которые дают возможность обозначить абстрактные понятия в наглядной, конкретно-образной форме. Так, упомянутые выше механизмы развертывания связного текста (*инкорпорации*, *контаминации* и *компрессии*) требуют от глагола (первоначальной формы предиката), так сказать, особой поверхностно-сintаксической «гибкости», и это деривационное, по сути, свойство предиката он конкретизировал в образе «глагольной маски». Вне зависимости от того, какую внеязыковую категорию – действие, процесс, свойство – выражает языковой знак, он «надевает» на себя ту или иную «маску» (глагольную, атрибутивную или субстантивную), как только вовлекается в процесс построения текста (ср.: Я опоздал, потому что ты **был разбудить меня**; Я опоздал из-за твоей **забывчивости**; Я опоздал из-за тебя и т. п.) [Мурzin 1993].

Одна из последних научных идей Л. Н. Мурзина заключалась в применении понятия «полевая структура» (используемого при описании недискретных систем) к языку в целом для разработки полевой концепции языка, предполагающей выделение в языке семиотического центра (ядра) и периферии. Такая модель языка представлялась пермским ученым с помощью символического образа *кометы*, в которой есть плотное ядро и большой разреженный хвост [Мурzin 1998]. Поле языка включает, подобно комете,

ядро, состоящее из предельного количества частотных языковых единиц, и периферию, содержащую необозримое количество редко употребляемых единиц. Модель поля основана на особом понимании коммуникативной функции языка, заключающейся в том, что, помимо передачи информации, в речевом акте реализуются функции (интенции) самовыражения, эмоционального воздействия и экспрессии, придающие коммуникации особую *ауру*. Благодаря этим идеям Л. Н. Мурзина термин «фатическая функция языка», введенный Р. О. Якобсоном в узком значении ‘контактоустанавливающая функция’ [Якобсон 1975: 201], получил новое значение и весьма широкое употребление: фатическая коммуникация понимается теперь как самодовлеющее общение, как «общение для души», в противопоставлении коммуникации информативной, или «общению для тела».

Семиотический потенциал дериватологии (то есть возможности методологического оснащения общей знаковой теории идеями и методами теории деривации) определен в первую очередь ее предметной фокусировкой – ориентацией на синхронную динамику языка, на описание законов, механизмов и средств создания производных единиц (ср.: [Мурzin 1974, 1984; Мурzin, Штерн 1991; Мишланов 1996; Мишланова 1998, 2003; Полякова 2002; Симашко, Литвинова 1993 и др.]).

Выводы

В трудах по дериватологии это направление характеризуется как целостная наука, синтезирующая понятия и методы многих лингвистических дисциплин – синтаксиса, семантики, словообразования, грамматики текста и др. Подводя итоги анализу роли деривации в языке и дериватологии как лингвистического направления, сошлемся на мнение официального оппонента докторской диссертации Л. Н. Мурзина профессора В. Г. Гака, оценившего работу пермского ученого как «первое в нашей стране всестороннее теоретическое исследование синтаксической деривации. В этом ее ценность и научная значимость» [Гак 1998: 171]. Это исследование Л. Н. Мурзина стало методологической основой дериватологии, способствовавшей постановке ряда теоретических проблем, решение которых в рамках таксономической лингвистики было невозможным. Она послужила стимулом создания новых лингвистических направлений, в центре которых стоит человек: лингвокогнитологии, текстологии, тропологии и др.

Теория деривации во многом опередила свое время, и многие ее положения в наше время в координации с современными взглядами в области когнитивной лингвистики, теории дискурса и

других направлений получают новое осмысление. Свойственный современной науке принцип междисциплинарности в деривационную теорию Л. Н. Мурзин заложил изначально, рассматривая ее в соотнесенности с понятиями и методами таких наук, как психология, психолингвистика, трансформационная грамматика, информатика и др. [Мурzin 1990]. Дальнейшее развитие дериватологии во взаимодействии со смежными дисциплинами ставит новые проблемы, решение которых предполагает описание деривации сквозь призму разных моделей: физических, психических, биологических и др.

Аналогичные явления находят широкое отражение в методологии современной науки. Так, М. В. Ильин в статье, посвященной научному направлению в генетике, изучающему, в частности, процессы *свертывания* и *развертывания* информации, характеризует исходную метафоричность термина *фолдинг* (от англ. «развертывание») и возможность его использования не только в рамках генетики, но и в научных направлениях, связанных с семиотикой, с человеческим мышлением, языком и общением [Ильин 2022]. Говард Патти, известный ученый в области фундаментальной биологии и биосемиотики, определил *фолдинг* как механизм семиотического моделирования, способствующего описанию жизни как перетекающих друг в друга процессов свертывания (*folding*) и развертывания (*unfolding*) [Pattee 2023]. В свете этих выводов очевидно определенное родство данного понятия с описанными в дериватологии механизмами текстообразования: свертывания и развертывания [Мурzin 1982, 1984; Мурzin, Штерн 1991 и др.].

Другим важным достижением современной методологии науки является понятие *симплекс*, возникшее в современной науке о жизни при изучении сложных динамических систем (*simplicity*), состоящих из простых процессов окружающей действительности [Cowley 2019a; 2019b]. С. Каули заимствует данный термин из нейрофизиологии, где им обозначается глобальное средство описания любых процессов взаимодействия, включая человеческое сознание и язык. В деривационном плане термин *симплекс* представляет собой сращение английских слов *simple* «простой» и *complex* «сложный», результатом которого явилось новое слово *simplex* из (*simpl-*) + (-*ex*).

Данное общеначальное понятие помогает по-новому взглянуть и на деривацию как базовое понятие динамической лингвистики. Действительно, исходное положение дериватологии относится со свойством (предназначением) языковых единиц вовлекаться в процесс построения текста, протекающего по закону инкорпорирования, то есть включения в компрессированном

виде предшествующих единиц в последующее предложение (в прежних терминах это объясняется как диалектическое соотношение *целого* и *единичного*). Дериватология, таким образом, представляет язык как сложнейшую систему текстов, образуемую конкретными описаниями отдельных ситуаций.

Очевидно, что дериватологическая трактовка языка аналогична современному понятию симплекса: в языке совмещаются сложная (*complex*) система текстов (в определении Л. Н. Мурзина, «полигон») и простые (*simple*) процессы порождения конкретных текстов. Подобным же образом представляется деривация текста в работе А. Г. Баранова, одного из участников дериватологических дискуссий, рассматривающего процесс порождения текста как создание макро-структуры, или текстового модуля, состоящего из элементарных текстовых модулей [Баранов 1988: 6]. Создание текста, в его представлении, происходит путем развертывания замысла в сложную структуру текста.

Таким образом, дериватология, взаимодействуя с когнитивными науками, демонстрирует во многом иную картину языка, выявляя его динамическую основу – синхронные процессы текстопорождения, обусловливающие диахронные схемы языковой эволюции. Поэтому одновременно дериватология выступает объединяющим началом многочисленных языковых направлений, претендующих на роль общего теоретического знания, позволяющего решать многие современные проблемы языкознания.

Блестящий исследователь языка, Л. Н. Мурzin посвятил свое научное творчество изучению деривации как универсальной категории, не только определяющей функционирование и развитие языка, а потому становящейся методологической сердцевиной динамической лингвистики, но и обусловливающей многие явления человеческой деятельности и самого мира.

Список литературы

Адливанкин С. Ю., Мурzin Л. Н. О предмете и задачах дериватологии // Деривация и текст: межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Перм. ун-т, 1984. С. 3–12.

Алексеева Л. М. Деривационный аспект исследования термина и процессов терминообразования (на материале научно-технической терминологии русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1990. 161 с.

Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Теория деривации (к 85-летию профессора Л. Н. Мурзина) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 3(31). С. 127–135.

Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Пермская дериватологическая школа: к 90-летию профессора Л. Н. Мурзина // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2021. № 3. С. 5–12.

Алексеева Л. М., Мишланов В. А., Салимовский В. А. Динамическая лингвистика Л. Н. Мурзина в современном эпистемическом контексте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 4(10). С. 211–218.

Ахманова О. А. Фонология, морфонология, морфология. М.: МГУ, 1966. 107 с.

Баранов А. Г. Деривационные процессы в формировании текста // Деривация в речевой деятельности (Общие вопросы. Текст. Семантика): тез. науч.-теор. конф. Пермь: ИЯ АН СССР; Перм. ун-т, 1988. С. 5–7.

Васильева В. В. О функции ритма в текстообразовании // Деривация и семантика: слово – предложение – текст: межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Перм. ун-т, 1986. С. 160–163.

Гак В. Г. Создание новой науки // Фатическое поле языка. Памяти профессора Л. Н. Мурзина: сб. науч. тр. Пермь: Перм. ун-т, 1998. С. 169–175.

Деривация и история языка: межвуз. сб. науч. тр., Пермь: Перм. ун-т, 1987. 140 с.

Ильин М. В. Модели свертывания и развертывания во всеобщей эволюции мироздания // МЕТОД: московский ежеквартальник трудов из обществоведческих дисциплин: ежеквартал. науч. изд. / под ред. М. В. Ильина; ИНИОН РАН, Центр перспектив методологий соц.-гуманит. исслед. М., 2022. Вып. 12. Т. 2, № 2. С. 174–209.

Карасик В. И. О производности высказываний // Деривация и история языка: межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Перм. ун-т, 1987. С. 92–102.

Каунельсон С. Д. Порождающая грамматика и принцип деривации // Проблемы языкознания. М.: Наука, 1967. С. 20–23.

Кубрякова Е. С. Когнитивные аспекты процессов деривации // Фатическое поле языка. Памяти профессора Л. Н. Мурзина: сб. науч. тр. Пермь: Перм. ун-т, 1998. С. 45–51.

Курилович Е. Очерки по лингвистике. М.: Иностр. лит., 1962. 456 с.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. 685 с.

Мишланов В. А. Русское сложное предложение в свете динамического синтаксиса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1996. 40 с.

Мишланов В. А. Синтаксическая деривация в концепции профессора Л. Н. Мурзина и актуальные проблемы русского синтаксиса // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 3 (9). С. 122–127.

Мишланова С. Л. Метафора в медицинском тексте: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1998. 167 с.

Мишланова С. Л. Термин в медицинском дискурсе (образование, функционирование, развитие): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 36 с.

Мурzin Л. Н. Глагол и его маски // Вариативные отношения в языке и тексте: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. С. 4–10.

Мурzin Л. Н. Деривация в синхронном и диахронном аспектах // Деривация и история языка: межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Перм. ун-т, 1987. С. 4–10.

Мурzin Л. Н. Еще раз о языке и речи // Филология на рубеже XX – XXI веков: тез. междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию Пермского университета. Пермь: ПГУ, 1996. С. 13–14.

Мурzin Л. Н. О деривационных механизмах текстообразования // Теоретические аспекты деривации: межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Перм. ун-т, 1982. С. 20–29.

Мурzin Л. Н. Основы дериватологии. Пермь: Перм. ун-т, 1984. 56 с.

Мурzin Л. Н. Полевая структура языка: фатическое поле (текст лекции) // Фатическое поле языка (памяти профессора Л. Н. Мурзина): межвуз. сб. науч. трудов. Пермь: Перм. ун-т, 1998. С. 9–14.

Мурzin Л. Н. Психологическое направление // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 405–406.

Мурzin Л. Н. Синтаксическая деривация: Анализ производных предложений русского языка. Пермь: Перм. ун-т, 1974. 170 с.

Мурzin Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. 172 с.

Полякова Е. Н. Динамические процессы в пермской географической терминологии во второй половине XX века // Мурзинские чтения: Динамика языка в синхронии и диахронии: материалы межвуз. науч. конф. Пермь: Перм. ун-т, 2002. С. 37–43.

Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистике: тез. докл. Пермь: Ин-т языкозн. АН СССР; Перм. ун-т, 1991. 296 с.

Проблемы динамической лингвистики: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию профессора Леонида Николаевича Мурзина (Пермь, 12–14 мая 2010 г.) / отв. ред. В. А. Мишланов; Перм. ун-т. Пермь, 2010. С. 296–304.

Сахарный Л. В. Коммуникативная номинация: оформление, осознание, типология // Семантика и производство лингвистических единиц: сб. науч. тр. Пермь: Перм. ун-т, 1979. С. 12–36.

Сильницкий Г. Г. Теория деривации и ее место в системе лингвистических дисциплин // Теоре-

тические аспекты деривации: межвуз. сб. науч. тр. Перм. ун-т. Пермь, 1982. С. 3–7.

Симашко Т. В., Литвинова М. Н. Как образуется метафора (деривационный аспект). Пермь: Перм. ун-т, 1993. 218 с.

Фатическое поле языка (памяти профессора Л. Н. Мурзина): межвуз. сб. науч. тр. Перм. ун-т. Пермь, 1998. 225 с.

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

Cowley S. J. The Return of Languaging: Toward a new ecolinguistics // Chinese Semiotic Studies. 2019a. No. 15(4). P. 483–512.

Cowley S. J., Gahrn-Andersen R. Simplexity, languages and human languaging // Language Sciences. 2019b. No. 71. P. 4–7.

Pattee H. H. Symbol Grounding by Folding: The Primary Biosemiosis // Open Semiotics. 2023. Vol. 4. P. 99–109.

References

Adlivankin S. Yu., Murzin L. N. O predmete i zadachakh derivatologii [On the subject and objectives of derivatology]. *Derivatsiya i tekst* [Derivation and Text: an interuniversity collection of scientific works]. Perm, Perm State University Press, 1984, pp. 3–12. (In Russ.)

Alekseeva L. M. *Derivatsionnyy aspekt issledovaniya termina i protsessov terminoobrazovaniya (na materiale nauchno-tehnicheskoy terminologii russkogo i angliyskogo yazykov)*. Diss. kand. filol. nauk [The derivational aspect of studying a term and term formation process (on the material of scientific and technical terminology of the Russian and English languages). Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 1990. 161 p. (In Russ.)

Alekseeva L. M., Mishlanova S. L. Teoriya derivatsii (k 85-letiyu professora L. N. Murzina) [Derivation theory (to the 85th anniversary of Professor L. N. Murzin)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2015, issue 3 (31), pp. 127–135. (In Russ.)

Alekseeva L. M., Mishlanova S. L. Permskaya derivatologicheskaya shkola: k 90-letiyu professora L. N. Murzina [Perm school of derivatology: to the 90th anniversary of Professor L. N. Murzin]. *Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i russistiki* [Current Issues of Germanistics, Romanistics and Russistics], 2021, issue 3, pp. 5–12. (In Russ.)

Alekseeva L. M., Mishlanov V. A., Salimovskiy V. A. Dinamicheskaya lingvistika L. N. Murzina v sovremennom epistemicheskem kontekste [Dynamic linguistics of L. N. Murzin in modern epistemic context]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University

Herald. Russian and Foreign Philology], 2010, issue 4 (10), pp. 211-218. (In Russ.)

Akhmanova O. S. *Fonologiya, morfonologiya, morfologiya* [Phonology, Morphonology, Morphology]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 1966. 107 p. (In Russ.)

Baranov A. G. Derivatsionnye protsessy v formirovaniyu teksta [Derivational processes in text formation]. *Derivatsiya v rechevoy deyatel'nosti (Obshchie voprosy. Tekst. Semantika)* [Derivation in speech activity (General issues. Text. Semantics): Theses of a scientific-theoretical conference]. Perm, Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences Publ., 1988, pp. 5-7. (In Russ.)

Vasil'eva V. V. O funktsii ritma v tekstoobrazovanii [About the function of rhythm in text-formation]. *Derivatsiya i semantika: slovo – predlozhenie – tekst* [Derivation and Semantics: Word – Sentence – Text: an all-university collection of scientific works]. Perm, Perm State University Press, 1986, pp. 160-163. (In Russ.)

Gak V. G. Sozdanie novoy nauki [The creation of a new science]. *Faticeskoe pole yazyka. Pamyati professora L. N. Murzin* [The Phatic Field of a Language. In memory of Professor L. N. Murzin: a collection of scientific works]. Perm, Perm State University Press, 1998, pp. 169-175. (In Russ.)

Derivatsiya i istoriya yazyka [Derivation and Language History: an interuniversity collection of scientific works]. Perm, Perm State University Press, 1987. 140 p. (In Russ.)

Il'in M. V. Modeli svertyvaniya i razvertyvaniya vo vseobshchey evolyutsii mirozdaniya [Models of folding and unfolding in the general evolution of the universe]. *METOD: Moskovskiy ezhekvartal'nik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin* [METHOD: A Moscow quarterly of works from social science disciplines]. Moscow, 2022, issue 12, vol. 2, issue 2, pp. 174-209. (In Russ.)

Karasik V. I. O proizvodnosti vyskazyvaniy [On derivation of utterances]. *Derivatsiya i istoriya yazyka* [Derivation and Language History: an interuniversity collection of scientific works]. Perm, Perm State University Press, 1987, pp. 92-102. (In Russ.)

Katsnelson S. D. Porozhdayushchaya grammatika i printsip derivatsii [Generative grammar and derivation principle]. *Problemy yazykoznanija* [The Issues of Linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 20-23. (In Russ.)

Kubryakova E. S. Kognitivnye aspekty protsessov derivatsii [The cognitive aspects of derivation processes]. *Faticeskoe pole yazyka. Pamyati professora L. N. Murzin* [The Phatic Field of a Language. In memory of Professor L. N. Murzin: a collection of scientific works]. Perm, Perm State University Press, 1998, pp. 45-51. (In Russ.)

Kurilovich E. *Ocherki po lingvistike* [Essays on Linguistics]. Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 1962. 456 p. (In Russ.)

LES – *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. 685 p. (In Russ.)

Mishlanov V. A. *Russkoe slozhnoe predlozhenie v svete dinamicheskogo sintaksisa*. Avtoref. diss. doktora filol. nauk [Russian Complex Sentence in the Light of Dynamic Syntax. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 1996. 40 p. (In Russ.)

Mishlanov V. A. Sintaksicheskaya derivatsiya v kontseptsii professora L. N. Murzina i aktual'nye problemy russkogo sintaksisa [Syntactic derivation within L. N. Murzin's conception and current issues of Russian syntax]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2010, issue 3 (9), pp. 122-127. (In Russ.)

Mishlanova S. L. *Metafora v meditsinskom tekste*. Diss. kand. filol. nauk [Metaphor in medical text. Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 1998. 167 p. (In Russ.)

Mishlanova S. L. *Termin v meditsinskom diskurse (obrazovanie, funkcionirovanie, razvitiye)*. Avtoreferat diss. d-ra filol. nauk [A term in medical discourse (formation, functioning, development. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2003. 36 p. (In Russ.)

Murzin L. N. Glagol i ego maski [The verb and its masks]. *Variativnye otnosheniya v yazyke i tekste* [Variative Relations in the Language and Text]. Yekaterinburg, Ural State University Press, 1993, pp. 4-10. (In Russ.)

Murzin L. N. Derivatsiya v sinkronnom i diakhronnom aspektakh [Derivation in synchronous and diachronic aspects]. *Derivatsiya i istoriya yazyka* [Derivation and Language History: a collection of scientific works]. Perm, Perm State University Press, 1987, pp. 4-10. (In Russ.)

Murzin L. N. Eshche raz o yazyke i rechi [Once again about language and speech]. *Filologiya na rubezhe XX – XXI vekov* [Philology at the Turn of the 20th – 21st Centuries: Theses of an international scientific conference dedicated to the 80th anniversary of Perm State University]. Perm, 1996, pp. 13-14. (In Russ.)

Murzin L. N. O derivatsionnykh mekhanizmakh tekstoobrazovaniya [About derivation mechanisms of text formation]. *Teoreticheskiye aspekty derivatsii* [Theoretical Aspects of Derivation: an inter-university collection of scientific works]. Perm, Perm State University Press, 1982, pp. 20-29. (In Russ.)

Murzin L. N. *Osnovy derivatologii* [The Foundations of Derivatology]. Perm, Perm State University Press, 1984. 56 p. (In Russ.)

Murzin L. N. Polevaya struktura yazyka: faticheskoe pole (tekst lektsiy) [The field structure of the language: The phatic field (texts of lectures)]. *Faticheskoe pole yazyka. Pamyati professora L. N. Murzina* [The Phatic Field of Language. In memory of Professor L. N. Murzin: an interuniversity collection of scientific works]. Perm, Perm State University Press, 1998, pp. 9-14. (In Russ.)

Murzin L. N. Psikhologicheskoe napravlenie [Psychological perspective]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990, pp. 405-406. (In Russ.)

Murzin L. N. *Sintaksicheskaya derivatsiya: Analiz proizvodnykh predlozheniy* [Syntactical Derivation: The Analysis of Derived Sentences of the Russian Language]. Perm, Perm State University Press, 1974. 170 p. (In Russ.)

Murzin L. N., Shtern A. S. *Tekst i ego vospriyatie* [Text and Its Perception]. Sverdlovsk, Ural State University Press, 1991. 172 p. (In Russ.)

Polyakova E. N. Dinamicheskie protsessy v perm'skoy geograficheskoy terminologii vo vtoroy polovine XX veka [Dynamic processes in Permian geographical terminology of the second part of the 20th century]. *Murzinskie chteniya: Dinamika yazyka v sinkhronii i diakhronii* [Murzin Readings: Language Dynamics in Synchrony and Diachrony: Proceedings of the interuniversity scientific conference]. Perm, Perm State University Press, 2002, pp. 37-43. (In Russ.)

Printsip derivatsii v istorii yazykoznaniya i sovremennoy lingvistike [The Derivation Principle in the History of Language Studies and Modern Linguistics: Proc. of the conference]. Perm, Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences Publ., Perm State University Press, 1991. 296 p. (In Russ.)

Problemy dinamicheskoy lingvistiki [The Problems of Dynamic Linguistics: Proceedings of the international scientific conference dedicated to the 80th

anniversary of Professor Leonid Nikolayevich Murzin (Perm, May 12-14, 2010]. Ed. by V. A. Mishlanov. Perm, Perm State University Press, 2010, pp. 296-304. (In Russ.)

Sakharnyy L. V. *Kommunikativnaya nominatsiya: oformlenie, osoznanie, tipologiya* [Communicative nomination: formation, comprehension, typology]. *Semantika i proizvodstvo lingvisticheskikh edinits* [Semantics and Linguistic Units Production: a collection of scientific works]. Perm, Perm State University Press, 1979, pp. 12-36. (In Russ.)

Sil'nitskiy G. G. *Teoriya derivatsii i ee mesto v sisteme lingvisticheskikh distsiplin* [Theory of derivatology and its place in the system of linguistic disciplines]. *Teoreticheskie aspeky derivatsii* [Theoretical Aspects of Derivation: an interuniversity collection of scientific works]. Perm, Perm State University Press, 1982, pp. 3-7. (In Russ.)

Simashko T. V., Litvinova M. N. *Kak obrazuyutsya metafore (derivatsionnyy aspekt)* [How metaphors are constructed (derivational perspective)]. Perm, Perm State University Press, 1993. 218 p. (In Russ.)

Faticheskoe pole yazyka (pamyati professora L. N. Murzina) [The Phatic Field of the Language (In memory of professor L. N. Murzin): an interuniversity collection of scientific works]. Perm, Perm State University Press, 1998. 225 p. (In Russ.)

Jakobson R. O. *Lingvistika i poetika* [Linguistics and poetics]. *Strukturalism: 'za' i 'protiv'* [Structuralism 'pro' and 'contra']. Moscow, Progress Publ., 1975, pp. 193-230. (In Russ.)

Cowley S. J. The return of languaging: Toward a new ecolinguistics. *Chinese Semiotic Studies*, 2019a, issue 15(4), pp. 483-512. (In Eng.)

Cowley S. J., Gahrn-Andersen R. Simplexity, languages and human languaging. *Language Sciences*, 2019b, issue 71, pp. 4-7. (In Eng.)

Pattee H. H. Symbol grounding by folding: The primary biosemiosis. *Open Semiotics*, 2023, vol. 4, pp. 99-109. (In Eng.)

Derivation as a Universal Category of Language: On the 95th Anniversary of the Founder of Perm Derivatological School, Professor L. N. Murzin

Larissa M. Alekseeva

Professor in the Department of Linguo-didactics
Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia. larissapsu@gmail.com
SPIN-code: 7540-0880
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7336-1067>

Svetlana L. Mishlanova

Head of the Department of Linguo-didactics
Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia. mishlanovas@mail.ru
SPIN-code: 4043-5532
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3332-9753>

Submitted 23 Apr 2025

Revised 09 Aug 2025

Accepted 10 Sep 2025

For citation

Alekseeva L. M., Mishlanova S. L. Derivatsiya kak universal'naya kategorija jazyka: k 95-letiyu osnovatelya Permskoy derivatologicheskoy shkoly professora L. N. Murzina [Derivation as a Universal Category of Language: On the 95th Anniversary of the Founder of Perm Derivatological School, Professor L. N. Murzin]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 4, pp. 5–15. doi 10.17072/2073-6681-2025-4-5-15. EDN ABSFAE (In Russ.)

Abstract. The article, dedicated to the anniversary of a famous Russian linguist, the founder of Perm school of derivatology, reveals the meaning of the main concepts and methods of this perspective of language research. A brief outline of the formation of derivatology is provided, the role of the leader of Perm school, Professor L. N. Murzin, in this process is emphasized.

The term *derivation* has a broad interpretation within the framework of derivatology. The central idea of derivatology is the concept of language as a synchronous-dynamic system including units of all levels connected by derivational relations. The principle of derivation becomes a methodological foundation for describing (modeling) language structures and text-generating processes. It is suggested that the concept of derivation determines the specificity of a new linguistic paradigm. The traditional idea of statics (in synchrony) and dynamics (in diachrony) of language as an antinomy is understood in derivatology as a dialectical unity of reproduction and production, inherent in any process of text generation.

One of the most important results of language research within the frames of derivational theory is the suggestion that each derivational step (the main dynamic unit) is carried out simultaneously as the reproduction of units specified by the system and as the production of a new language unit. It is shown that the nature of any linguistic unit is explained by its involvement in the process of text formation, and therefore the production of secondary language units is ultimately dependent on the needs of communication. An attempt is made to consider the category of derivation in the aspect of transdisciplinarity. It is noted, in particular, that the principle of derivation plays a significant role in the methodology of both cognitive sciences and natural science.

Key words: derivation; Perm school of derivatology; antinomies of language; synchronous dynamics; semiotics; text generation.

УДК 81'28

doi 10.17072/2073-6681-2025-4-16-25

<https://elibrary.ru/btmvte>

EDN BTMVTE

Уха из старого петуха: названия невкусных и малопитательных блюд в русских говорах Пермского края

Зверева Юлия Владимировна

к. филол. н., старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований

Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН

614000, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, д. 13А. zv.ul@mail.ru

SPIN-код: 9483-8453

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0129-2565>

ResearcherID: D-9469-2017

Статья поступила в редакцию 14.07.2025

Одобрена после рецензирования 01.09.2025

Принята к публикации 06.09.2025

Информация для цитирования

Зверева Ю. В. Уха из старого петуха: названия невкусных и малопитательных блюд в русских говорах Пермского края // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 4. С. 16–25. doi 10.17072/2073-6681-2025-4-16-25. EDN BTMVTE

Аннотация. В статье рассматриваются пермские диалектные наименования невкусных и малопитательных блюд. В пермских говорах отмечено большое количество слов, называющих подобные кушанья, что свидетельствует о важности для носителей говоров таких признаков пищи, как наличие приятного вкуса и питательность. Эта группа лексики характеризуется синкретизмом семантики: нередко значения ‘невкусный’ и ‘малопитательный’ трудно разделить. В статье проведен анализ этой микрогруппы лексики в семантико-мотивационном аспекте, определены особенности формирования рассматриваемой лексической группы, осуществлена этимологическая реконструкция лексем с «непрозрачной» внутренней формой. Делается вывод, что в этой группе лексики преобладают образные, экспрессивные единицы; для наименования невкусных и малопитательных блюд часто используются фразеологические сочетания, слова с суффиксами субъективной оценки, языковые единицы с необычной звуковой формой. Выявлены мотивационные модели, реализованные в рассмотренных языковых единицах. Развитие семантики ‘невкусный, неприятный на вкус’ наблюдается у слов, обозначающих что-либо не предназначено в пищу человека, например отходы, мусор. Нередко у номинаций жидких, негустых блюд возникает дополнительное значение ‘малопитательный, несытный’. С одной стороны, такое развитие семантики связано с внутренними свойствами этих языковых единиц, с другой стороны – возникновение нового значения может быть мотивировано внешними обстоятельствами: распространением определенных блюд (каши из заваренной муки, похлебок с сухарями) в периоды лишений и голода. В основном языковые единицы этой тематической микрогруппы имеют русское происхождение и прозрачную внутреннюю форму, нередко они отмечаются и в других русских говорах.

Ключевые слова: Пермский край; русские говоры; тематическая группа; мотивация; лексика питания; фразеология.

Введение

Лексика питания относится к числу древнейших слоев словарного состава русского языка, в

ней находят отражение этнические и культурные особенности народа, поэтому ее изучение представляет большой интерес для исследователей. В

русских говорах Пермского края языковые единицы, входящие в лексико-семантическую группу «Питание», составляют значительный пласт. Их анализу посвящены работы, в которых рассматриваются диалектные наименования хлеба [Бакланова 2008; Зверева 2013], напитков и блюд [Зверева 2009; Зверева 2011]. Е. Н. Полякова описала языковые единицы этой тематической группы в пермских памятниках письменности [Полякова 2009а, 2009б]. Лексика питания тесно связана с другими группами слов: так, в работе И. И. Русиновой, А. В. Черных [Русинова, Черных 2023] рассматриваются коллективные прозвища, основанные на кулинарных предпочтениях жителей разных территорий Пермского края. В статье И. И. Русиновой, А. В. Черных приводятся такие прозвища, как *парёнки*, *губоеды*, *ярушиники* и др. [Русинова, Черных 2023], таким образом, эти номинации также могут служить источником сведений о пермской диалектной лексике питания.

Указанная тематическая группа включает в себя не только нейтральные номинации блюд, напитков, продуктов, но и характеризующие единицы, в семантике которых содержится информация о вкусовых качествах, оценка пищи. Чаще всего такие эмоционально-экспрессивные номинации входят в тематическую подгруппу, которая называет плохо приготовленную, невкусную пищу, а также малопитательные, не приносящие насыщения блюда. Дальнейшая дифференциация языковых единиц позволяет также выделить наименования невкусных напитков и неудачных выпечных изделий. Если лексика питания довольно хорошо изучена на материале разных говоров, то оценочные единицы не часто рассматриваются в работах исследователей.

Среди работ, посвященных анализу подобных «маргинальных» названий, можно назвать статью Е. Л. Березович и К. В. Осиповой, в которой описываются особенности мотивации языковых единиц, называющих невкусный суп и чай в русских говорах [Березович, Осипова 2014]. Есть несколько работ, в которых рассматриваются номинации неудавшегося хлеба [Гапонова 2011; Гришанова 2020; Зверева 2023; Карасева 2017; Парменова 2015]. Довольно часто лексемы со значением ‘невкусная, непитательная пища’, ‘неудавшееся хлебное изделие’ имеют область пересечения с единицами, обозначающими блюда и продукты питания, употреблявшиеся во времена голода. В такие периоды сельские жители часто добавляли в рацион заменители муки, что могло ухудшать вкус и питательность блюд. К. В. Осипова, анализируя номинации блюд «голодного времени», отмечает, что такая пища была довольно тяжелой, невкусной, плохо «елась»

и усваивалась [Осипова 2017: 130]. В статье Л. П. Батыревой рассматриваются номинации лепешек из крахмала, полученного из подмороженного, подгнившего картофеля, на материале говоров Ивановской области. Автор указывает на экспрессивность таких единиц, они часто имеют отрицательную коннотацию [Батырева].

Наименования плохо приготовленной, невкусной и малопитательной еды хорошо представлены в пермских говорах, однако отдельных исследований, посвященных этой идеограмме, пока нет. Языковые единицы с таким значением стали предметом анализа в настоящей работе.

I. Наименования невкусной, некачественной пищи в пермских говорах

В пермских говорах отмечено несколько лексем, называющих плохо приготовленную, некачественную пищу. Чаще всего это номинации жидких блюд, похлебок: *баланда* ‘жидкая невкусная похлебка’ (*Ты что сварила, баланду какую-то!* Черд. (СРГСПК 1: 51)); *бурдома/ бурдомага* ‘недоброкачествоенный, плохо приготовленный напиток или кушанье’ (*Сначала надо варить сироп, если сразу насыпешь ягоды-те, бурдома какая-то получается.* Ныроб Черд. (СРГСПК 1: 166); *Всяку дрянь накладут – вот и бурдомага.* Акчим Краснов. (АС 1: 100)); *бутормага* (*Ну и бутормагу подали!* Диково Караг. (СПГ 1: 69); *помойчики* (*У ё каки-ко там помойчики. Водичка синенька.* Акчим Краснов. (АС 4: 93)); *телепня* ‘неудавшийся напиток, пища’ (*Что это за телепню ты, Маруся, приготовила? Есть нельзя.* Моховое Кунг. (СПГ 2: 435)). В городской речи жителей Пермского края зафиксированы слова *варево* ‘блюдо низкого качества’ (*Ну и варево [о невкусном супе]; Невестка молодая, варево сготовила* (СГПЛ: 29)) и *ополоски* ‘некачественная пища, чаще напитки’ (*Ополосками накормила – с утра ничего не ела. Что ты мне налила ополоски?* (СГПЛ: 144)). Довольно часто такие единицы являются многозначными, при этом значение ‘невкусное блюдо’ является переносным. Оно возникает в результате метафорического переноса от единиц, которые обозначают какие-либо остатки или что-то непригодное в пищу человека: *ополоски* < *ополоски* ‘вода, в которой что-либо ополаскивали, мыли’ (БАС 13: 765); *помойчики* < *помои* ‘грязная вода с какими-л. отбросами после мытья посуды, продуктов и т.п.’ (БАС 18: 621), *телепня* < *телепня* ‘мука, замешанная с водой; пойло для скота’ (КСРГСПК).

В диалектных словарях XIX в. у лексемы *баланда* фиксировались такие значения: 1) ‘пища, состоящая из заквашенного отвара свекольной ботвы и других стеблей и листьев огородной

зелени со ржаною мукою’ (Опыт: 6) и 2) ‘ботвинья, холодец из заквашенного на муке отвара свекольной и иной ботвы, с окрошкою’ (Даль 1: 106). В современном общенародном языке это слово имеет помету «просторечное» и определяется как ‘жидкая невкусная похлебка’ (БАС 1: 350). Вероятно, упрочение этого значения в общенародном языке связано и с тем, что с конца XIX в. слово использовалось для обозначения тюремной похлебки.

По мнению А. Е. Аникина, первоначальная семантика лексемы – обозначение растения: *баланда* ‘вид лебеды, ботва, идущая на ботвинье’ (фиксируется в разных русских говорах), затем происходит развитие значения: ‘марь, лебеда’ > ‘ботва, идущая на ботвинье’ > ‘ботвинье’ > ‘примитивная похлебка, окрошка или иная простая пища’ (Аникин 2: 124). Исследователь не исключает и версию происхождения слова от глагола *баландать* ‘взбалтывать, делать мутным (о жидкостях)’, ‘разводить в воде муку для опары’ (там же: 125). В русских говорах представлены подобные отглагольные наименования похлебок и каш: *болтушка*, ‘жидкая пища, приготовленная обычно из муки, толокна и т.п., разведенных в воде, молоке, квасе’ (БАС 2: 119); *заболтуха* ‘каша из заваренной муки’ (КСРГСПК).

Лексемы *бурдомá*, *бурдомáга*, вероятно, связаны с общерусским *бурда* ‘о плохо приготовленном, невкусном питье или жидкой, невкусной пище; о любой мутной, неприятной на вкус жидкости’ (БАС 2: 262). Во многих русских говорах встречаются фонетические и словообразовательные варианты слов в этом значении: *бурдомá*, *бурдамáга*, *бурдымáга*, *бурдамáха* (СРНГ 3: 283–284).

В пермских говорах отмечена также лексема *бурлин* ‘баланда’: *Одну-то в ясли носила, а эти на мне висились. Прибегу с поля, бурлин излажу, четверя похлебали*. Оськино Сол. (СПГ 1: 67). Слово не фиксируется в других русских диалектах, что позволяет предположить его окказиональный характер: возможно, оно возникает в результате контаминации слов *бурда* и *бурлить* ‘шуметь, урчать (о звуках в кишечнике)’ (СРНГ 3: 293). Об образовании названий некоторых блюд со значением ‘малопитательное блюдо’ от звукоподражательных глаголов (*свистунья*, *быргуша*), обозначающих звуки при расстройстве кишечника, в своей работе пишут также Е. Л. Березович и К. В. Осипова [Березович, Осипова 2014: 236].

Часто номинации невкусных блюд, как видно из приведенных примеров, имеют негативную (неодобрительную или ироническую) окраску. Экспрессивность характерна и для идиом с этим значением, например, *ухá из старого петухá* ‘о неудачном блюде’ (Чё-то неладно сделала, вовсе не вкусно – уха из старого петуха. Ленск Кунг.

(Подюков: 103)). Необычность блюда, его несъедобность подчеркивается как внутренней рифмой (*уха – петуха*), так и несоответствием значений: уха – это обычно суп из рыбы, в данном же случае говорится о блюде из птицы. Собственно пермским диалектным фразеологизмом является *как амборские пельмёни* ‘пельмени плохого качества’ (*Сёдня, говорит, я наст्रяпала пельмени, как несамик, ну, неумелые или плохие, как амборские пельмени*). Редикор Черд. (АЧ)). Амбор – деревня в Чердынском районе, которая находилась чуть более чем в 20 километрах от Редикора, где был записан текст. Довольно часто жители соседних деревень наделялись какими-то отрицательными качествами, в том числе отмечались пищевые предпочтения.

II. Наименования жидких, малопитательных блюд в пермских говорах

Значение ‘невкусное, плохо приготовленное блюдо’ чаще всего возникает у номинаций малопитательных, не вызывающих насыщения кашаний. В некоторых случаях синкретизм семантики находит отражение в дефинициях таких языковых единиц: *алакиша* ‘жидкое невкусное кашанье’ (*Во время голода алакиши были рады*. Акчим Краснов.; *Похлебочка мало-мальска. Выварила алакишу*. Акчим Краснов. (АС 1: 41)). Как правило, значение ‘малопитательное блюдо’ возникает у номинаций различных похлебок и жидких каш, которые готовились очень быстро: «...возвращаясь к особенностям приготовления пустых супов, следует отметить скорость их варки. Из-за своего скучного состава они обычно довольно быстро готовятся» [Березович, Осипова 2014: 225].

В повседневном питании крестьян Пермского края довольно часто встречались блюда вроде похлебок и жидких (иногда густых) каш на основе заваренной в кипятке муки, сухарей, иногда с добавлением капусты или других продуктов. В пермских говорах обычно различаются по значению наименования блюд с корнем *хлеб-* и слова с корнем *суп-*. Если *похлёбка* (*похлебец* и др.) – жидкое блюдо без мяса, то *суп* – жидкое блюдо на мясном бульоне: *Ежели мяса не накладено – похлёбка*. Купчик Черд.; *Похлёбка – картошка, вода и лук. Суп – ишо мясо*. Тиуново Гайн. (КСРГСПК); *А без мясо-то, суп похлёбкой называют*. Акчим Краснов. (АС 4: 117). Е. Л. Березович и К. В. Осипова отмечают, что первые блюда без мяса часто расценивались как несытные [Березович, Осипова 2014: 219]. Это подтверждается и данными пермских говоров: нередко лексемы, называющие разного рода похлебки, получают также дополнительное значение ‘малопитательное блюдо’. Несколько прене-

брежительное отношение к такой пище носителей говоров может проявляться в номинациях с суффиксами субъективной оценки (*похлебёнка*, *похлебёшка*), а также в использовании зависимого неопределенного местоимения: *Ой, надо картошку доставать из ямы надо ешо похлёбку сварить, похлебень какой-нибудь*. Акчим Краснов.; *Каку-нибудь похлебёнку сваришь да похлебашь*. Акчим Краснов. (АС 4: 117). Добавочная сема ‘малопитательное блюдо’ у лексем с корнем *хлеб-* хорошо заметна в противопоставлении похлебки и щей: *Мамочка неродная, похлебочка холодная. Кабы родная была, щей горячих налила* (из песни). Акчим Краснов. (Там же). Действительно, в пермских говорах у слова *щи* отмечается значение ‘суп с мясом’: *Щи заправлены, суп заправлен, а похлебка – капуста, картошка*. Редикор Черд. (КСРГСПК). Вероятно, изначально оппозиция жидких похлебок без мяса и блюд на мясном бульоне связана с чередованием в рационе крестьян постов и мясоедов. Блюда с мясом воспринимались как праздничные, более вкусные и питательные, а постные блюда – как повседневные, а также менее сытные. В XX в. такое противопоставление постепенно уходит из уклада жизни, однако социальные-политические конфликты и кризисы нередко приводили к периодам нужды и дефицита продуктов питания, и супы без мяса становились приметой таких времен.

Экспрессивными синонимами к слову *похлебка* в пермских говорах являются *барабулька* (*Сварю кой-какую барабульку, тем и живу*. Плишкино Ел. (СПГ 1: 21) и *шулёмка* (*Она опять каку-то шулемку сварила, чё ведь, не наешься*. Чайковский (СРГЮП 3: 409)). Лексема *барабулька* может быть связана с отмеченным в южнорусских и вятских говорах *барабуля* ‘картофель’ (СРНГ 2: 102), ‘картофельное пюре’ (ОСВГ: 49). Возможно, номинация похлебки возникает в результате развития семантики: ‘картофель’ > ‘блюдо из картофеля’ > ‘малопитательная похлебка’. Кроме того, на появление последнего значения могли повлиять нетипичность слова для пермских говоров, а также фонетическое оформление слова (звуки *b-r-b-l*). Как отмечают Е. Л. Березович и К. В. Осипова, названия некачественной пищи могут включать в свой состав звукокомплексы, отражающие физиологическую реакцию организма на ее употребление, например, *t-(p)-r-a-u-(y)* [Березович, Осипова 2014: 236].

Интересно появление значения ‘похлебка из крупы без мяса’ у лексемы *шулёмка*, которое, вероятно, попало в пермские говоры из охотничьего жаргона. Так, в «Охотничьем словаре Прикамья» отмечается похожее по звучанию *шулёмка*

‘блюдо из свежеподстреленной дичи на костре’ (*Кто что в шулёмку кладет. Косач хорошо с перловочкой, лук и лаврушка*. Пермь (ОСП: 276)). Исследователи считают, что слово является заимствованием из тюркских языков и пришло с территории Сибири (там же). Возможно, энантиосемия возникает вследствие того, что блюдо готовилось в походных условиях и было простым по рецептуре. В то же время не исключено, что название блюда *шулёмка* связано с севернорусским *сулема* ‘всякий яд, отрава’, ‘о чем-либо некачественном, неприятном’, ‘чепуха, ерунда’, ‘некачественная пища’ (СРНГ 42: 219–220); в пермских – ‘очень крепкая брага’ (СПГ 2: 418). К. В. Осипова отмечает, что в картотеке «Словаря говоров Русского Севера» зафиксирован вариант с начальным [ш]: *шулемка* ‘некачественный алкогольный напиток’, ‘домашний хмельной напиток’ [Осипова 2020: 3]. В таком случае пермское *шулёмка* может быть частью наследия материнских севернорусских говоров.

Водянистость, малопитательность блюда может ассоциироваться с нехарактерным для пищи цветом – синим. Примером этому является фразеологизм *синяя похлебка* ‘картофельный суп без мяса и жира’ (*Они без денег сидят, придёшь – одну синюю похлебку хлебают, из картошечки. Сыра Сукс.* (СРГЮП 2: 429)). Сходную семантику ‘ жидкий, малопитательный’ имеет колоратив *синенький* в идиоме *синенькая водичка* ‘о неожирном, жидким молоке’ (АС 1: 140).

Одним из традиционных для русской кухни быстро приготавливаемых блюд являлась похлебка из залитых кипятком сухарей, иногда с добавлением других ингредиентов: капусты, лука, картошки и т. п. В пермских говорах отмечено несколько номинаций такой похлебки: *сухарница* (*Сухарницу варили. Воду скипятят. Масла накладут, сухари – вот и сухарница*. Марушево Черд. (КСРГСПК)); *тиоря* (*Садись, говорит, тюрю хлебать. Это вода светлая, посолёная да с хлебушком*. Камгорт Черд. (Там же)); *хлебенка* (*Хлебенка да сухарница. Это искривление. Воду льют, сухарей накрошат, да квасу, да луку, да соли да хлебают* (Пянетег Черд.); *Хлебенку едят. Хлеб накрошат, горячей воды нальют, сметану накладут и едят*. Камгорт Черд. (там же)). Приведенные контексты свидетельствуют о том, что номинации блюд, основной составляющей которых были сухари или хлеб, также могут приобретать дополнительную семантику ‘малопитательная, не приносящая насыщения пища’. Приведенные лексемы являются общерусскими, фиксируются в этом значении во многих русских говорах, а слово *тиоря* – и в литературном языке. В пермских говорах у лексемы фиксируются также другие значения: 1) ‘картофельное пюре’,

2) ‘кушанье из толокна с ягодами’, 3) ‘каша из заваренной муки’ (КСРГСПК).

В наших материалах встречаются и другие наименования похлебки с сухарями, которые образованы от номинаций других блюд: *ратомуй* (*Ратомуй возырять – есть крошки с водой*). Пянтег Черд. (КСРГСПК) и *кутый/кутый* (Дак чё нам давали. *Ой-ё, хлеба 400 грамм дадут. Чёрной... Придём из лесу – столовая закрыта, кого ись-то? Из дома возьмём капусты, муки маленько, приехали в барак, капусту-ту поставили, закипела – муки горску, положили, а хлебушка-то меленько только.* [Как называлось то, что варили?] *Вот кутый. Ну, ну капуста кипячёная. Капуста кипячёна, крошки покрошишь, скоко ма-линко хлебушка-то есть.* Касиб Сол. (Там же)). В ярославских говорах слово *рататуй* обозначает суп без мяса (СРНГ 34: 337), в пермских также отмечается это значение у фонетического варианта *ритатуй*: *Какой-то ритатуй сварю: вода да картошка, да ишо там две чесночки. Вот и называется ритатуй.* Акчим Краснов. (АС 5: 31). Вероятно, сема ‘без мяса’ служит основанием для переноса на любое малопитательное блюдо, в том числе похлебку с сухарями.

Лексема *кутый (кутый)* в пермских говорах обычно употребляется в общерусском значении ‘обрядовое поминальное кушанье из варёного риса или другой крупы с изюмом или мёдом’ (БАС 8: 830), но в приведенном выше контексте обозначает похлебку с добавлением капусты, муки и сухарей. В русских говорах слово *кутый* может обозначать различные блюда: ‘кушанье из гороха и ячменной крупы’, ‘гороховый суп без мяса’, ‘кушанье из ячменной или какой-либо другой муки’, ‘постные щи с добавлением крупы’, ‘каша из крупной (ячменной?) крупы’ (СРНГ 16: 178-179). Все значения объединяет сема ‘без мяса’, видимо, она становится основой развития семантики: ‘блюдо без мяса’ >‘малопитательное кушанье’.

Значение ‘похлебка из сухарей, залитых кипятком’ отмечается у фразеологизма *гусиные шти*: *Гусиные шти ели, нонче уж никто этого не ест.* Макарята Черд. (СПГ 2: 560). Е. Л. Березович и К. В. Осипова, анализируя языковые единицы, называющие жидкий суп и некрепкий чай, обращают внимание на то, что для обозначения кипятка, воды, то есть «неполноценного» чая, могут использоваться фразеологизмы, включающие определения «гусиный» и «утиный» [Березович, Осипова 2014: 220]. Таким образом, устойчивое сочетание (*гусиные шти*) обозначает не только конкретное блюдо, но и вообще малопитательное кушанье.

Нередко для обозначения невкусных, малопитательных кушаний служат лексемы, обознача-

ющие жидкие каши из заваренной муки (*завары́ха, затиру́ха, повалы́ха, размазня*). О возникновении такой семантики у данных языковых единиц свидетельствуют контексты, в которых такие блюда становились основой рациона в голодное время: *завары́ха, завару́ха* (*Раньше худо жили, накормят заварухой, и бегают ребятишки целый день.* Большой Букор Чайк.; *В голод-то все большие заваруху ели, муку, заваренную на кипятке.* З. Сарс Окт. *В войну мы все заваруху едали.* Вильгорт Черд. (СПГ 1: 272)); *повалы́ха, повары́ха, повалю́ха* (*На трудодни выдавали муку по 100 грамм на трудодень. Сразу же варили кашу-повалиху, пекли колобки с пистиками, лебедой* (Пож Юрл.) (Гусева: 59); *Каша-повариха-де токо до порогу, её из муки стряпают.* Камгорт Черд. (КСРГСПК); *Есть нечо, дак повалюху сделам. Муку завариши горячей водой, молоком забелиши, и хлебай.* Пожва Юсьв. (СРГКПО: 187)).

Семантика лексем мотивирована способом приготовления такой каши: *зavarить > заваруха, завариха* (*Из белой муки заваривали, дак заваруху ешо звали кашей-повалихой.* Илаб Сол. (КСРГСПК)); *повалить ‘сбрасывать, скидывать’ > повалиха, повалюха* (*А из аржаной не делают, потому называется повалиха – сразу муку валят в кипеток.* Волеги Нытв. (ДАКТИПЯ)). Вероятно, *повариха* является фонетическим вариантом лексемы *повалиха*, а мена звука [л] на [р] происходит из-за семантического сближения со словами с корнем *вар-*. Интересно, что носители говоров, подчеркивая недостаточную питательную ценность такой каши, дают свое объяснение происхождения слова *повалиха*: *Каша-повалиха – слабый обед, она-де повалит. Воду скипятишь, посолишь, завариваешь, ямку посерёдке, налеваешь масла, мачешь туда.* Купчик Черд. (КСРГСПК). Таким образом, с изменением значения происходит переосмысление мотивационных связей лексемы.

Обращение к данным словарей XIX в. свидетельствуют о том, что добавочная сема ‘невкусное, малопитательное блюдо’ появляется не сразу. Так, лексемы *завары́ха, повалы́ха* в значении ‘каша из заваренной муки’ были широко распространены в северорусских говорах (Даль 1: 1394, 3: 357; Дилакторский: 441; Подвысоцкий: 51), а само блюдо можно считать традиционным. Каши из различных видов муки, часто с добавлением сливочного или растительного (в пост) масла, сметаны, молока, составляли значительную часть рациона русского крестьянина. Однако в годы Великой Отечественной войны мучная каша на воде становится основным блюдом, поскольку для ее приготовления нужно было меньше муки, чем для выпечки хлеба, и готови-

лось такое блюдо быстро. К. В. Осипова, анализируя развитие семантики у слова *повариха* в костромских говорах, приходит к выводу, что в голодное время происходит ироническое переосмысление номинации: вместо традиционного сытного и питательного блюда она начинает обозначать похлебку, заправленную мукой [Осипова 2017: 132].

Актуализация семантики ‘скорость и простота приготовления’ реализуется также в названиях каши / похлебки, заправленной мукой, **болтүшка, заболтуха**: *Заболтуха из овсяной муки*. Карпичово Черд.; *Жратъ-то нечё было. Тисель да болтушку заболтывают да нальют на этот.* Бондюг Черд. (КСРГСПК); *С едой было тяжело, особенно ближе к весне, когда картошка заканчивалась. Ржаную муку заваривали кипятком, добавляли воды, если было, то немного молока. Получалась болтушка.* Куед. (ЗК: 54). Номинации с корнем *болт-* могут обозначать кашу из заваренной муки или пищу, приготовленную из муки, разведенную в воде или другом напитке.

Семантический переход ‘каша из заваренной муки’ > ‘малопитательное блюдо’ в пермских говорах может иметь и обратный характер. Так, слово **алакиечка** обозначает также кашу из муки (*Мусну алакиечку свариишь*. Акчим Краснов. (АС 1: 41)) и образовано от *алакиша* ‘малопитательное блюдо’. Как и в случае с другими лексемами, слово *алакиша* первоначально имело более конкретное значение, чем фиксируемое в пермских говорах. По мнению этимологов, лексема связана с овенским *алакиша* ‘пиво’, ‘самосадочное хлебное вино, преследуемое откупом’ (Аникин 1: 141). Жаргонное происхождение слова подтверждается тем, что слово довольно редко встречается в русских диалектах, а в «пищевом» значении – только в пермских говорах.

Значение ‘каша, похлебка из заваренной муки’ может появляться у лексем, которые первоначально имели другую семантику: **кумышина** (*Во время войны Отечественной кумышину варили*. Ленск Кунг. (СПГ 1: 451)); **курица** (*Голод-то был, я и научилась курицу заваривать. Муки варишь, с водой её замешаешь – вот и курица*. Григорьевское Нытв. (Там же: 454)). Вероятно, слово **кумышина** выступает фонетическим вариантом *кумышка* ‘самогон’, ‘брата’. Появление «пищевого» значения может быть связано с особенностями изготовления напитка, для приготовления которого заквашивали хлеб или муку в воде: *Кума-кумышика в тёплую воду замешаёшь, <...> хлеб, картошка и квасить и потом варить. Покча Черд.; Сивуха – это самогон, квашонка из ржаной муки. Три дня проквасяют, в чугун наливают, садят на печку*. Покча Черд. (КСРГСПК).

Возможно, перенос названия с напитка на жидкое, малопитательное блюдо связан и с тем, что самогон являлся напитком худшего качества, чем пиво: «Брага и самогон, в отличие от пива, считались напитками второго сорта, их употребление ассоциировалось с пьянством и вызывало социальное осуждение» [Осипова 2020: 30].

Лексема **курица** в значении ‘жидкая пища из муки и воды’ не встречается в других русских говорах. Вероятно, она является окказиональной и основана на приеме иронии: вместо предполагаемой семантики ‘суп с курицей’, слово обозначает жидкую, малопитательную похлебку без мяса. В то же время нельзя исключить и другие версии происхождения языковой единицы, например, от глагола *курить*, одно из диалектных значений которого ‘мутить (воду)’ (СРНГ 16: 128). Однако суффикс *-иц (а)* довольно редко встречается в отглагольных существительных. Не исключено также, что лексемы **курица** и **кутый** ‘похлебка с сухарями и капустой’ ассоциативно сближаются носителями говоров на основе смысла ‘без мяса’ и омонимии, существующей в диалектах: **кутый** может обозначать не только блюдо, но и курицу, цыпленка (СПГ 1: 457).

Слово **тюря** также может обозначать кашу из заваренной муки: *А ишио каша-повариха была. А из чего? Из чего? А из муки. Вода закипит, её посолят, и мукусыплют, пшеничная мука, белаято не была, ложкой мешают, муку насыпают, и заварится такая тюря.* Подюково Караг.; *Заварят пшеничную муку и называют это тюря.* Ныроб Черд. (там же). Вероятно, носители говоров нередко приравнивали жидкую пищу к малопитательной, поэтому семантика ‘несытный’ могла возникнуть у любой номинации негустого, водянистого блюда.

Выводы

Большое количество в пермских говорах языковых единиц, которые обозначают невкусные и малопитательные блюда, свидетельствует о важности для носителей говоров как вкусовых качеств пищи, так и питательности блюд. В некоторых случаях трудно развести значения ‘невкусный’ и ‘малопитательный’, многие языковые единицы отличаются синкретизмом семантики.

В основном языковые единицы этой тематической микрогруппы имеют русское происхождение и прозрачную внутреннюю форму, нередко они отмечаются в других русских говорах. Появление значений ‘невкусное блюдо’, ‘малопитательное кушанье’ может быть результатом метафорического или метонимического переноса. Так, значение ‘невкусный, неприятный на вкус’ может возникать у слов, имеющих значение ‘что-то жидкое, не предназначеннное в пищу’.

человека' (отходы, корм для скота и т. п.). Нередко у номинаций жидких, негустых блюд возникает дополнительная сема 'малопитательный, несытный'. Такая трансформация семантики может быть обусловлена не только внутренними языковыми факторами, но и экстралингвистическими: распространение в период Великой Отечественной войны каши из заваренной муки как основного блюда в рационе привело к появлению нескольких номинаций этой реалии и развитию у них значения 'малопитательное блюдо'.

Языковые единицы, обозначающие невкусные и малопитательные блюда, могут быть экспрессивно окрашены. Отрицательная коннотация может подчеркиваться переносным значением слова, необычным звукокомплексом (*бурлин*, *бабулька*), использованием суффиксов субъективной оценки. В некоторых случаях синтаксическое окружение единицы – стоящее рядом с номинацией блюда неопределенное местоимение – также вносит оттенок неодобрительности.

Сокращения

Гайн. – Гайнский район; Ел. – Еловский район; Караг. – Карагайский район; Краснов. – Красновишерский район; Куед. – Куединский район; Кунг. – Кунгурский район; Нытв. – Нытвенский район; Окт. – Октябрьский район; Сол. – Соликамский район; Сукс. – Суксунский район; Чайк. – Чайковский район; Черд. – Чердынский район; Юрл. – Юрлинский район; Юсьв. – Юсьвинский район.

Список источников

Аникин – Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1 (а–яюшка). М.: Рукоп. памятники Древней Руси, 2007. 368 с.

АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь. 1984–2011. Вып. 1–6.

АЧ – Материалы этнографических экспедиций под руководством А. В. Черных (архивный фонд Института гуманитарных исследований УрО РАН).

БАС – Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. М.; СПб.: Наука, 2004–2024. Т. 1–28 (издание продолжается).

Гусева К. П. Поклонись родному дому. Пермь: ОТ и ДО, 2008. 257 с.

ДАКТИПЯ – диалектологический архив, хранящийся на кафедре теоретического и прикладного языкоznания Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ).

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. М.: Прогресс: Универс, 1994.

Дилакторский – Словарь областного вологодского наречия: по рукописи П. А. Дилакторского, 1902 г. / изд. подгот.: А. И. Левичкин и С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2006. 677 с.

КСРГСПК – Картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края», хранящаяся на кафедре теоретического и прикладного языкоznания ПГНИУ.

ОСВГ – Областной словарь вятских говоров / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров: Коннетика: Изд-во ВятГГУ: Радуга-ПРЕСС, 1996–2018. Вып. 1–12.

ОСП – Охотничий словарь Прикамья / И. А. Подюков (науч. ред.), А. М. Белавин, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Пермь: Перм. гос. гум-пед. ун-т, 2013. 215 с.

Подвысоцкий – Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1885, 198 с.

Подюков – К пиру едется, а к слову молвится. Народная паремика Пермского края / науч. ред. И. А. Подюков. СПб.: Маматов, 2014. 176 с.

ЗК – Русин В. Земля Куединская. История района от заселения до наших дней в рассказах. Книга первая. Пермь: ИП Фирстов. 368 с.

СГПЛ – Ерофеева Т. И. Социолингвистический глоссарий пермских локализмов: 60–90-е годы XX века. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2020. 238 с.

СПГ – Словарь пермских говоров Пермь: Кн. мир, 2000. Вып. 1: А–Н. 480 с. 2002. Вып. 2: О–Я. 576 с.

СРГКПО – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / науч. ред. И. А. Подюков. Пермь: ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

СРГСПК – Словарь русских говоров севера Пермского края / гл. ред. И. И. Русинова. Пермь, 2011. Вып. 1: А–В. 364 с.

СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья / И. А. Подюков (науч. ред.), С. М. Поздеева, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2010–2012. Вып. 1–3.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2021. Вып. 1–52 (издание продолжается).

Список литературы

Бакланова И. И. Названия мучных изделий в пермских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). СПб.: Наука, 2008. С. 274–279.

Батырева Л. П. Коркули, гопики, трахмалушки, сулындыши... URL: <https://sspu.ru/pages/subfaculties/tya/projekts/pitani>

e/Batureva.L.P._Korkuli.pdf?ysclid=mapqj5oy634678279 (дата обращения: 25.06.2025).

Березович Е. Л., Осипова К. В. «Что едим, так и жисть живем»: пустой суп и некрепкий чай в зеркале языка // Антропологический форум. 2014. № 20. С. 218–239.

Гапонова Ж. К. Наименования выпечных изделий в мологских (ярославских) говорах // Культура. Литература. Язык: материалы конф. «Чтения Ушинского». Ярославль: Ярослав. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2011. С. 36–43.

Гришанова В. Н. Процесс домашнего хлебопечения и его отражение в лексике говора одного села // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. 2020. № 14. С. 204–215.

Зверева Ю. В. «Корка на подпорках»: наименования неудачных хлебных изделий в русских говорах Пермского края // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, № 4. С. 37–48. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-37-48

Зверева Ю. В. Названия напитков в пермских говорах // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии. Материалы и исследования. Вып. 3 / отв. ред. И. И. Русинова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. С. 71–77.

Зверева Ю. В. Способы номинации выпечных хлебных изделий в пермских говорах // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы Всерос. науч. конф. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2013. С. 147–155.

Зверева Ю. В. Тематическая группа «Названия пищи» в «Словаре русских говоров севера Пермского края» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 3(15). С. 25–31.

Карасева Т. В. Названия непропечённого хлеба в воронежских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2017: Сборник статей. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 293–302.

Осипова К. В. О некоторых названиях браги и самогона в севернорусских говорах // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкоизнание. 2020. Т. 19, № 4. С. 29–41. doi 10.15688/jvolsu2.2020.4.3

Осипова К. В. День с колобом, да два с голодом: крестьянская пища во времена голода (на материале севернорусской диалектной лексики) // Этнографическое обозрение. 2017. № 2. С. 122–136.

Полякова Е. Н. Культура питания в Прикамье XVI–XVIII веков (по данным лексики и ономастики пермских памятников письменности). Статья первая // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009а. Вып. 1. С. 3–17.

Полякова Е. Н. Культура питания в Прикамье XVI–XVIII веков (по данным лексики и ономастики пермских памятников письменности). Статья вторая // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009б. Вып. 5. С. 5–15.

Парменова Т. В. Лексика, связанная с приготовлением выпечных изделий, в режском говоре // Народная речь Вологодского края. Между прошлым и будущим / науч. ред.: Ю. Н. Драчёва, Л. Ю. Зорина, Е. Н. Ильина. Вологда: Легия, 2015. С. 55–74.

Русинова И. И., Черных А. В. Коллективные прозвища жителей Пермского края // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20, № 1. С. 56–79. doi 10.15826/vopr_onom.2023.20.1.004

References

Baklanova I. I. *Nazvaniya muchnykh izdeliy v permskikh govorakh* [The names of flour-based products in Perm dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008, pp. 274–279. (In Russ.)

Batyreva L. P. *Korkuli, gopiki, trakhmalushki, sulyndyshi...* Available at: https://sspu.ru/pages/subfaculties/rya/projekts/pitaniye/Batureva.L.P._Korkuli.pdf?ysclid=mapqj5oy634678279 (accessed 25 June 2025). (In Russ.)

Berezovich E. L., Osipova K. V. ‘*Chto edim, tak i zhish' zhivem*’: *pustoy sup i nekrepkiy chay v zerkale yazyka* [Our life is what we eat: low-fat soup and weak tea reflected in language]. *Antropologicheskiy forum* [Forum for Anthropology and Culture], 2014, issue 20, pp. 218–239. (In Russ.)

Gaponova Zh. K. *Naimenovaniya vypechnykh izdeliy v mologskikh (yaroslavskikh) govorakh* [The names of baked products in Mologa (Yaroslavl) dialects]. *Kul'tura. Literatura. Yazyk: Materialy konferentsii 'Chteniya Ushinskogo'* [Culture. Literature. Language: Proceedings of the conference ‘Ushinsky Readings’]. Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky Press, 2011, pp. 36–43. (In Russ.)

Grishanova V. N. *Protsess domashnego khlebopecheniya i ego otrazhenie v leksike govora odnogo sela* [The process of home-made bread baking and its reflection in the vocabulary of the dialect of one village]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research)], 2020, issue 14, pp. 204–215. (In Russ.)

Zvereva Yu. V. ‘*Korka na podporkakh*’: *naimenovaniya neudachnykh khlebnykh izdeliy v russkikh govorakh Permskogo kraja* [‘A crust on supports’: The names of failed bread products in the

Russian dialects of the Perm region]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 4, pp. 37-48. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-37-48. (In Russ.)

Zvereva Yu. V. *Nazvaniya napitkov v permskikh govorakh* [The names of drinks in Perm dialects]. *Zhivaya rech' Permskogo kraя v sinkhronii i diakhronii. Materialy i issledovaniya* [Living Speech of the Perm Region in Synchrony and Diachrony. Materials and Research]. Ed. by I. I. Rusinova. Perm, Perm State University Press, 2009, issue 3, pp. 71-77. (In Russ.)

Zvereva Yu. V. *Sposoby nominatsii vypechnykh khlebnykh izdeliy v permskikh govorakh* [The ways of naming baked bread products in Perm dialects]. *Filologiya v XXI veke: metody, problemy, idei* [Philology in the 21st Century: Methods, Problems, Ideas: Proceed. of All-Russian sci. conf.]. Perm, Perm State University Press, 2013, pp. 147-155. (In Russ.)

Zvereva Yu. V. *Tematiceskaya gruppa 'Nazvaniya pishchi' v 'Slovare russkikh govorov severa Permskogo kraя'* [Thematic group 'Names of food' in 'Dictionary of Russian Dialects of the North of Perm Krai']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2011, issue 15 (3), pp. 25-31. (In Russ.)

Karaseva T. V. *Nazvaniya nepropechennogo khleba v voronezhskikh govorakh* [Names of undercooked bread in Voronezh dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* 2017 [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2017: a collection of articles]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017, pp. 293-302. (In Russ.)

Osipova K. V. *O nekotorykh nazvaniyakh bragi i samogona v severnorusskikh govorakh* [On some names of braga and moonshine in northern Russian dialects]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Series 2:

Linguistics], 2020, vol. 19, issue 4, pp. 29-41. doi 10.15688/jvolsu2.2020.4.3. (In Russ.)

Osipova K. V. *Den's kolobom, da dva s golodom: krest'yanskaya pishcha vo vremena goloda (na materiale severnorusskoy dialektnoy leksiki)* [A loaf for one day, hunger for two: Peasant food in the times of famine (A study of the north-Russian dialect vocabulary)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2017, issue 2, pp. 122-136. (In Russ.)

Polyakova E. N. *Kul'tura pitaniya v Prikam'e XVI-XVIII vekov (po dannym leksiki i onomastiki permskikh pamyatnikov pis'mennosti)* [Meals culture in Perm region in the 16th – 18th centuries (according to lexical and onomastic data of Perm written records). Article 1]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2009a, issue 1, pp. 3-17. (In Russ.)

Polyakova E. N. *Kul'tura pitaniya v Prikam'e XVI-XVIII vekov (po dannym leksiki i onomastiki permskikh pamyatnikov pis'mennosti)* [Meals culture in Perm region in the 16th – 18th centuries (according to lexical and onomastic data of Perm written records). Article 2]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2009b, issue 5, pp. 5-15. (In Russ.)

Parfenova T. V. *Leksika, svyazannaya s prigotovleniem vypechnykh izdelii, v rezhskom govore* [Vocabulary related to the preparation of baked products in Rezhsky dialect]. *Narodnaya rech' Vologodskogo kraя. Mezhdu proshlym i budushchim* [People's Speech of the Vologda Region. Between the Past and the Future]. Ed. by Yu. N. Drachev, L. Yu. Zorin, E. N. Il'in. Vologda, Legiya Publ., 2015. pp. 55-74. (In Russ.)

Rusinova I. I., Chernykh A. V. *Kollektivnye prizvishcha zhiteley Permskogo kraя* [Collective nicknames of the Perm region residents]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2023, vol. 20, issue 1, pp. 56-79. doi 10.15826/vopr_onom.2023.20.1.004. (In Russ.)

Old Rooster Fish Soup: The Names of Unpalatable and Low-Nutritious Dishes in Perm Dialects

Yuliya V. Zvereva

Senior Researcher

Perm Federal Research Center of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences

13a, Lenina st., Perm, 614000, Russia. zv.ul@mail.ru

SPIN-code: 9483-8453

ORCID: <https://orcid.org/orcid.org/0000-0002-0129-2565>

ResearcherID: D-9469-2017

Submitted 14 Jul 2025

Revised 01 Sep 2025

Accepted 06 Sep 2025

For citation

Zvereva Yu. V. *Ukha iz starogo petukha: nazvaniya nevkusnykh i malopitatel'nykh blyud v russkikh govorakh Permskogo kraja [Old Rooster Fish Soup: The Names of Unpalatable and Low-Nutritious Dishes in Perm Dialects]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]*, 2025, vol. 17, issue 4, pp. 16–25. doi 10.17072/2073-6681-2025-4-16-25. EDN BTMVTE (In Russ.)

Abstract. The article examines Perm dialectal names of unpalatable and low-nutritious dishes. In the Russian dialects of Perm Krai (Perm region), there are a large number of words naming such dishes, which indicates that such food attributes as pleasant taste and nutritional value are important for speakers of the dialects. The thematic vocabulary group ‘Names of unpalatable and low-nutritious dishes’ is characterized by syncretism of semantics: in the Russian language it is often difficult to distinguish between the meanings of the words *nevkusnyi* (unpalatable) and *malopitatel'nyi* (low-nutritious). The article analyzes this group of vocabulary in the semantic-motivational aspect, looks into its formation, and provides an etymological reconstruction of lexemes with a ‘nontransparent’ inner form. It is concluded that figurative, expressive units predominate in the studied lexical group; phraseological combinations, words with suffixes signifying subjective evaluation, and linguistic units with an unusual sound form are often used to name unpalatable and low-nutritious dishes. The paper reveals motivational models implemented in the analyzed language units. The development of the semantics ‘unpalatable, not pleasant to taste’ is observed in words denoting something that is not intended as human food, for example, waste, garbage. Often, the names of liquid, thin dishes have the additional meaning of ‘low-nutritious, not filling’. On the one hand, such a change in semantics is connected with the internal properties of these linguistic units; on the other hand, the emergence of a new meaning can be motivated by external circumstances: the spread of certain dishes (porridge made from boiled flour, soups with dried bread) during periods of hardship and famine. The linguistic units from the studied thematic group are mainly of Russian origin and have a transparent inner form; they are often noted in other Russian dialects.

Key words: Perm Krai; Russian dialects; thematic group; lexical motivation; food vocabulary; phraseology.

УДК 070.1

doi 10.17072/2073-6681-2025-4-26-40

<https://elibrary.ru/erpnfc>

EDN ERPNFC

Экотекст в современном медиапространстве на примере детского радиовещания в Европе

Зубаркина Елена Станиславовна

**к. филол. н., и. о. заведующего кафедрой журналистики и медиакоммуникаций
им. В. А. Славиной**

Московский педагогический государственный университет
119435, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1. famzub@yandex.ru

SPIN-код: 5862-0328

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-5678-1787>

Мискеевич Юлия Артуровна

студент Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования

Московский педагогический государственный университет
119435, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1. yuliya.wenell@gmail.com

SPIN-код: 4023-6804

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-0583-2554>

Статья поступила в редакцию 15.05.2025

Одобрена после рецензирования 16.06.2025

Принята к публикации 01.09.2025

Информация для цитирования

Зубаркина Е. С., Мискеевич Ю. А. Экотекст в современном медиапространстве на примере детского радиовещания в Европе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 4. С. 26–40. doi 10.17072/2073-6681-2025-4-26-40. EDN ERPNFC

Аннотация. В современном медиапространстве риск потребления аудиторией деструктивного контента особенно велик. Исследователи сходятся во мнении, что сегодня необходимо развивать теоретическую и практическую области информационной экологии. В статье изучается феномен экотекста, который рассматривается в контексте детского медиапотребления. Актуальность данной работы обусловлена тем, что на фоне стремительно распространяющихся по каналам массовой коммуникации материалов антивитального содержания, растущего уровня кибербуллинга и провокационного информационного шума одной из приоритетных задач становится защита подрастающего поколения от агрессивной медиасреды. Под экотекстом, или экоконтентом, авторы предлагают понимать своеобразный продукт медиаэкологии, отвечающий критериям информационной культуры. Уточняется, что эколингвистические подходы становятся всё более востребованы в рамках анализа уровня конфликтогенности журналистских материалов, в том числе радиодокументов. Авторы, используя методы анализа, синтеза, обобщения, приходят к выводу, что профессиональный радиотекст, как разновидность безопасного, экологичного медиатекста, обладает рядом преимуществ с точки зрения детского восприятия. В исследовании отражены критерии экологичного детского радиотекста, и с этой точки зрения изучен опыт радиостанций Франции, Великобритании и Польши, создающих просветительские программы для несовершеннолетних. Заключается, что вошедшие в эмпирическую базу радиопроекты отвечают принципам медиаэкологии – они направлены на трансляцию общечеловеческих ценностей, гуманистических идеалов, реализуют

образовательную и культуроформирующую функции, представляются эффективным средством формирования морально-нравственных ориентиров у детской и молодежной аудитории.

Ключевые слова: медиаэкология; экология медиа; радио; радиовещание Европы; детское радиовещание; медиатекст; экологичный контент.

Возрастающий в современном медиапространстве уровень агрессии, связанный со множеством геополитических и социальных аспектов, вызывает необходимость рассмотрения вопроса охраны медиасреды детей и подростков. С каждым днем количество детей, использующих средства массовой коммуникации, увеличивается, однако возраст пользователей только снижается. Такова ситуация практически во всех странах с высоким уровнем цифровизации, в том числе европейских.

В комитете Европейского парламента по культуре и образованию отмечают, что дети регулярно подвергаются воздействию вредоносного контента – в числе признаков: буллинг, сексуализация, пропаганда насилия и дезинформация¹.

Согласно исследованию Ofcom, регулирующего органа в области телекоммуникаций Соединенного Королевства, в 2022 г. почти все дети в возрасте от 3 до 17 лет (97 %) заходили в Интернет². Между тем, как уточняют авторы исследования, родители выразили обеспокоенность по поводу многих аспектов использования средств массовой коммуникации (СМК) детьми. Напомним, что СМК представляют собой совокупность каналов распространения информации (ТВ, радио, пресса, интернет) – данное понятие более обширно, нежели СМИ, так как в спектр СМК также входят кино и звуко- и видеозаписывающая индустрия, а также современные мультимедийные технологии [Абрамян, Алексян, Тадевосян 2021]; однако изучаемая нами тема (находящаяся в плоскости радиодискурса) позволяет нам использовать их в равной степени. Таким образом, защита подрастающего поколения от опасной медиасреды становится одной из приоритетных задач современного общества. Анализ Департамента исследований, прогнозирования и статистики Министерства культуры Франции показал, что с 5 лет дети активно пользуются гаджетами: 98 % детей смотрят телевизор, 54 % – пользуются планшетом или компьютером, 26 % – включают смартфон хотя бы раз в неделю³. Одна из важнейших задач использования последних – потребление контента, чаще всего, преимущественно в детском возрасте, развлекательного: от коротких видео на популярных площадках (Tik-Tok, YouTube и другие) до аудиоподкастов.

Вопрос ответственности журналистов перед детской аудиторией поднимался неоднократно. Исследователи подчеркивают, что СМИ играют значительную роль в формировании детского

поведения, наряду с семьей, религией или сверстниками [Урусова, Шигалугова 2023]. В частности, установлено, что любой просмотренный контент, провоцирующий отрицательные эмоции, непосредственно влияет на накопление агрессивного эффекта и формирование негативного опыта: вследствие этого человек проявляет агрессивность уже и в реальной жизни [Некоз, Игнатович 2022]. Ранее мы отмечали, что СМИ (и российские, в частности) нуждаются в новом своде этических рекомендаций, который бы сосредоточил в себе не только упомянутые в разрозненных документах, но и другие положения – разработанные в соответствии с актуальной информационной повесткой, социальной обстановкой, при этом направленные на гуманизацию детского сознания [Зубаркина 2024].

В этой связи нам видится особенно важной роль медиаэкологии как развивающейся области исследований современной журналистики, в том числе журналистики, обращенной к несовершеннолетним гражданам.

Понятие «медиаэкология» было предложено еще Г. М. Маклюэном в работе «Понимание медиа» [McLuhan 1994]. Однако в активный научный оборот его ввел теоретик Найл Постман. Согласно его концепции, окружающая среда представляет собой «сложную систему сообщений, которая навязывает людям определенные способы мышления, чувств и поведения» [Postman 1980]. Исследователь отмечал: «Я не вижу смысла изучать СМИ, если это не делается в моральном или этическом контексте» [Griffin 2006]. Постман, изучая экологию СМИ, задавал три основных вопроса: Каковы моральные последствия этой сделки? Являются ли последствия более гуманистическими или антигуманистическими? Получаем ли мы, как общество, больше, чем теряем, или теряем больше, чем приобретаем? Автор выделяет гуманистический принцип как основу медиаэкологии.

Исследователь В. Бабик во многом поддерживает Н. Постмана. Особенно в части, касающейся связи медиаэкологии и гуманизма. Информационная экология – это поворот к гуманистическим ценностям, пишет В. Бабик, «одно из средств гуманизации информационной среды современного человека» [Babik 2014]. Однако, по его словам, это не панацея от информационных проблем современности. Теоретик полагает, что человек не должен быть контейнером для информационного мусора, он должен «получать, хранить и

использовать ту информацию, которая ему действительно необходима, и прежде всего формировать информационную (эко)культуру, включая использование соответствующих информационных фильтров и информационной гигиены» [ibid.]. Ученый также обращает внимание на значимость информационных компетенций, которые составляют основу воспитания творческих людей, способных адаптироваться к изменениям информационной среды, вызванным бурным развитием информационно-коммуникационных технологий. Правильное отношение к информации в соответствии с принципами информационной экологии — это «сбалансированный компромисс между достижениями сегодняшнего дня и свободой человеческой личности, проявляющейся в умении фильтровать полученную информацию, использовать ее в полной мере, осознанно и оценивая качество с учетом информационных компетенций и собственных актуальных потребностей» [ibid.].

При этом остается открытым вопрос о том, каким образом можно ограничить поток нежелательной информации, если даже его катализатором выступают профессиональные СМИ, о чем пишет в том числе исследователь медиаэкологии Карол Якубович в монографии «Экология новых медиа. Конвергенция и метаморфоза». Он уточняет: «Побочным эффектом технических изменений является, среди прочего, вовлечение гораздо большего числа субъектов в медиадеятельность (поэтому мы говорим о новой “медиаэкологии”), особенно в составлении программных предложений (как правило, из купленных программ или передач, без собственно производств), в производстве программ и в телевизионной деятельности в целом» [Jakubowicz 2011: 39]. По словам К. Якубовича, экологические механизмы нужны и профессиональному журналистам ввиду «нынешнего беспорядка в средствах массовой информации в результате быстрого процесса их изменения» [ibid.].

К слову, еще раньше – в конце 1990-х – об этом рассуждал М. А. Федотов в работе «Экология информации». Он указывал, что развивающиеся информационно-коммуникационные технологии делают проблему «информационной загрязненности» еще острее, открывая пользователям не только новые возможности, но и новые угрозы. При этом автор делал акцент не на общеинформационных угрозах, а на вопросах «социальной ответственности средств массовой информации» перед обществом и отдельными гражданами – на легкомысленном отношении журналистов к выполнению своих обязанностей [Федотов 1999].

На текущем этапе в России существует несколько крупных исследований теоретиков в области журналистики и медиакоммуникаций, посвященных вопросам медиаэкологии. Автор крупнейшего из них – И. Дзялошинский – предлагает один из вариантов практического решения проблемы загрязнения медиасреды: «Очевидно, что повышение качества медиаконтента с точки зрения обогащения его значимым гуманистическим смыслом предполагает введение в практику экологического медиа-аудита. Такого понятия пока еще нет ни в каких документах. Однако если уже никто не сомневается в существовании медиаэкологии, то рано или поздно придется ставить вопрос о методах анализа состояния медиасред». По словам И. Дзялошинского, прецеденты уже есть: «Существуют такие разновидности аудита, как информационный, социальный и пр. Смысл экологического медиа-аудита должен заключаться в проверке средств массовой информации и других субъектов массовых коммуникационных процессов на соответствие их деятельности требованиям национального и международного законодательства, а также признанных мировой общественностью кодексов медийной практики. Целью экологического медиа-аудита должна быть оценка деятельности масс-медиа для обеспечения защиты национального и глобального медиапространства от ложной, дискриминирующей и иной ненадлежащей информации» [Дзялошинский 2017].

Инструментальный вариант медиаэкологии – экомедиалингвистика. Основная ее задача – определить качество информационного пространства посредством изучения лексических единиц, которые несут ярко выраженный характер (специфически разговорные сокращения, обсценизмы, заимствования и т. д.). Автор термина «эколингвистика» – американский лингвист Эйнар Хауген – в начале 70-х гг. XX в. трансформировал термин «экология», представив его в виде интегративной науки, охватывающей больший круг проблем [Haugen 2001]. Предмет эколингвистики, согласно концепции исследователя, – языковая экология, наука о взаимосвязи языка и среды. Среда здесь выступает в значении общества, использующего язык в качестве одного из своих семиотических кодов. Хауген поясняет: «Идиом существует исключительно в сознании говорящих на нем и функционирует только при взаимодействии с другими говорящими» [ibid.].

Отечественный ученый А. П. Сковородников, который стоял у истоков российской лингвоэкологии (одной из отраслей эколингвистики), понимал ее как средство изучения не только «путей и способов защиты языка от негативных влияний

среды его обитания», но и методов «обогащения и совершенствования» [Сквородников 2019].

Большой вклад в становление эколингвистики как нового научного направления сделал Алвин Филл, разработавший терминологию для разных областей эколингвистики [Fill 2001]:

- эколингвистика – общий термин для всех областей исследования, которые объединяют экологию и лингвистику;
- экология языка (языков) – рассматривает взаимодействие между языками (с целью сохранения языкового многообразия);
- экологическая лингвистика – использует методы и принципы экологии для изучения языка (например, понятие экосистемы);
- лингвистическая (языковая) экология – изучает взаимосвязь между языком и экологическими проблемами.

Сегодня эколингвистические подходы являются всё более востребованы в рамках анализа уровня конфликтогенности материалов СМИ, в том числе радиных. Итак, своеобразный продукт медиаэкологии, отвечающий критериям информационной культуры и экологии языка, сегодня мы называем экоконтентом, или *экотекстом*. Хотя, например, В. Бабик дает данному феномену иное название – «зеленая информация». Он пишет: «Несомненно необходимость развития информационной и медиаэкологии как создателей, так и получателей информации. В обилии информации зачастую теряется их истинное значение. В практическом смысле информационная экология может стать своего рода информационной клиникой, поскольку создает прекрасную возможность поразмышлять над информацией, ее качеством и ценностью. В этом контексте возникает необходимость “зеленой информации” – свободной от загрязнения. Нужно создавать антиинформационные барьеры, ограничивающие навязчивый приток нежелательной информации к ее потенциальным пользователям» [Babik 2014].

По мнению А. В. Моисеенко, экоконтент – это вся информация, совокупность текстов, изображений, символов, которая формирует экологическое сознание медиапотребителя, его объективное представление об изучаемом вопросе, влияет на выбор принимаемых решений и действий под воздействием такого контента и аффективных реакций в качестве рефлексии переживаемых эмоций после восприятия информации [Моисеенко 2019].

В целом экотекст имеет очертания, соответствующие характеристикам гуманистически ориентированного текста: он отвечает принципу человеческого любия, направлен на трансляцию общечеловеческих ценностей. Кроме того, в нем ис-

пользуются понятные для аудитории примеры и образы, которые помогают лучше усвоить информацию. Н. А. Красавский отмечает, что определить экологичность текста невозможно без обращения к эмотивным языковым средствам языка (эмотивной лексике, эмотивной фразеологии, эмотивному словообразованию и эмотивному синтаксису) [Красавский 2015]. Исследователь обращает внимание, что в лингвоэкологии разработаны параметры экологичного и неэкологичного общения – ко второму принято относить оскорблении, грубость, формирование и расширение антагонистического круга, злоупотребление снижением порога восприятия, коммуникативное преследование, излишнюю категоричность, немотивированное «ты-общение», а также давление словом [Шаховский, Солодовникова 2009]. З. А. Милославская, обращаясь к журналистскому дискурсу, полагает, что «экологичный медиатекст» должен быть освобожден от элементов агрессии, провокаций, элементов обмана и представлять возможность полноценного диалога [Милославская 2018]. К характеристикам медиатекста автор относит аргументированность, уважительность, запрет на оскорблении, анонимность и соблюдение правил языка.

Резюмируя, можно заключить, что экологичный медиатекст, или экотекст, – произведение информационного, художественно-публицистического или аналитического характера, созданное для трансляции средствами массовой коммуникации и наиболее полно реализующее функции экомедиалингвистики.

Особенное внимание, на наш взгляд, сегодня следует уделять феномену экотекста в сфере *детского медиапотребления*. Экологичный контент необходим как своеобразное «противоядие» от агрессивной и деструктивной информации, оказывающей негативное воздействие на формирование личности, психоэмоциональное состояние, систему гуманистических ценностей.

В связи с этим стоит обратить внимание на широкую полемику в области теории журналистики относительно целесообразности и эффективности медиаобразовательных стратегий и тактик. В частности, О. Б. Зеленская, Ю. В. Макаренко, В. А. Венцель считают, что медиаобразование позволяет людям критически мыслить, создавать и толковать медиатексты, а также свободно работать с медиа [Зеленская, Макаренко, Венцель 2023]. В свою очередь С. А. Ржанова, А. С. Морозова, Е. А. Сафонов отмечают, что медиаобразование – это подвижная категория, а область медиаобразования рассматривают как «динамичное развитие культуры тождественного рационально-критического познания композиционной структуры медиатекстов и собственной оценки обу-

чающимися информационной культуры» [Ржанова, Морозова, Сафонов 2023]. «Качество информации должен определить сам пользователь Интернета. Никто ему в этом не поможет, кроме библиотекаря или информационного посредника. Это очень важно, особенно для неспециалистов, потому что, например, тринадцатилетний ребенок не способен судить, создан ли тот или иной сайт сумасшедшим или экспертом», – замечает Бабик [Babik 2014]. Вместе с тем важное уточнение на основе проведенных исследований делает хорватский исследователь Е. Хадас, заключая, что восприятие материалов средств массовой информации детьми зависит от того, как их воспринимают родители [Hadaš 2018].

Таким образом, об экологичности медиатекста должны заботиться журналисты, учить несовершеннолетних пользователей определять ее степень и создавать оптимальный собственный контент – медиапедагоги и родители (например, если дети следят за ведением соцсетей старших и перенимают позитивный опыт). Выполнение данных условий позволит детям приобрести компетенции по фильтрации контента и применять в социальных практиках лишь те его единицы, которые не способны навредить психологическому и эстетическому развитию.

Детский радиотекст как разновидность экотекста

Сегодня в среде международных исследователей предпринимаются многочисленные попытки выяснить степень экологичности той или иной информации, потребляемой в семьях с детьми. Например, Консорциум по комплексной оценке воздействия семейных средств массовой информации (CAFE) – группа американских и европейских ученых в области психологии, педагогики и массовых коммуникаций – изучил влияние СМИ на микроклимат в семье, а также разработал инструменты для оценки их (медиа) экологичности [Barr 2020]. Ученые установили, что для определения эффективности результатов использования медиа недостаточно оценить только медиасреду, необходимо изучить и инструментальное использование СМИ родителями, отношение членов семьи к средствам массовой информации, а также домашние медиапрактики (например, частоту совместного просмотра контента, его выбор, сам процесс медиапотребления). На данный момент Консорциум, применяя синергетический подход, активно набирает участников для доработки инструментов CAFE в рамках своих текущих исследовательских программ, так как ни один из предложенных ранее инструментов не отражает степени экологичности использования СМИ дома.

Между тем сущности детского радиотекста как разновидности экотекста в научных исследованиях практически не уделяется внимания. Однако нам представляется, что контент детского радиовещания может стать действенным механизмом охраны медиасреды и формирования морально-нравственных ориентиров в сознании подрастающего поколения. В частности, эти идеи транслируют и сами практики – создатели детских радиостанций. Например, программный директор Детского радио (в составе ГПМ Радио входит в «Газпром-Медиа Холдинг») подчеркивает значимость такого СМИ именно на фоне современных информационных угроз: «Детское радио много лет занимается формированием благоприятной цифровой среды для подрастающего поколения, помогает распознавать главные угрозы digital-пространства и противостоять им. В эфире звучат интервью, знакомящие с правовыми нормами и киберигиеной родителей, и программы, развивающие информационную культуру детей. Только с начала 2023 г. суммарное число запусков подкастов Детского радио на цифровых платформах превысило 306 млн»⁴.

Далее мы рассмотрим критерии радиотекста, согласно которым его можно отнести к особому типу экотекста.

1. Прежде всего радиотекст, интегрированный в детское эфирное полотно, – это аудиоконтент, преимущественно воспринимаемый на слух. На фоне новейших исследований, подтверждающих негативное влияние смартфонов на зрение детей и подростков, прослушивание радио видится экологичным времяпрепровождением [Ушаков и др. 2021].

2. Экспертность – как типичная особенность детского вещания – свидетельствует о высокой степени защиты контента от вредной, агрессивной, непроверенной информации. В частности, в России, в Концепции станции «Детское радио» сделан акцент именно на экспертизы – как ключевом подходе к созданию материала. В сообщество специалистов входят педагоги-психологи, антропологи, медики и другие исследователи вопросов и проблем детского периода жизни⁵.

3. Потребление аудиоконтента, особенно оформленного в жанре художественно-публицистических программ, радиотеатра, литературных чтений, стимулирует развитие у детей и подростков образного мышления. При качественном музыкальном сопровождении, звукорежиссуре и режиссуре слушатель может задействовать потенциал воображения, которое, как утверждают специалисты [Веракса 2009], играет не вспомогательную, а ключевую роль в развитии личности ребенка, особенно дошкольного возраста.

4. Экологичность профессионального детского радиотекста обусловлена диалогичностью (о чем идет речь в упомянутом нами ранее исследовании З. Милославской) – возможностью общаться с коммуникатором в процессе эфира (если предусмотрены способы обратной связи, такие как звонки в студию, письма). Тем самым реципиенты практикуются в устной речи, гармоничном общении с окружающими, учатся деляться эмоциями вербально.

5. В некоторых случаях радио позволяет детям участвовать в создании радиоконтента под руководством обученных взрослых, что является сегодня частью ведущих медиаобразовательных практик образовательных учреждений и профессиональных СМИ.

6. Прослушивание радио, в отличие от других способов медиапотребления, сегодня чаще всего является совместной деятельностью детей и родителей, поскольку она реализуется преимущественно в автомобиле. Об этом свидетельствуют результаты опроса М. И. Давлетшиной среди учеников третьих классов четырех московских школ; чаще всего к радио дети обращаются в вечернее время в будние дни (21 %) и в дневное время в субботу и воскресенье (29 % и 22 % соответственно) [Давлетшина 2021]. Таким образом, транслируемый контент может становиться предметом диалога взрослого и ребенка, темой для размышлений, совместным досугом, что отмечается педагогами как позитивная практика воспитания.

7. Детский радиотекст как отдельный элемент эфира в виде программы или рубрики (на станции для взрослых), а также как единое полотно (детской станции) разрабатывается с учетом психологических и возрастных особенностей детей, что важно для его адекватного восприятия, позитивного влияния на формирование сознания, знаний, навыков, стабилизации психоэмоционального фона, снятия тревожности.

8. Ведущим принципом организации радиотекста в детском вещании выступает игра. И. А. Хатукаева пишет: «Игра считается неотъемлемой частью жизни каждого ребенка, посредством игры формируются качества, нужные для успешного существования детей в обществе. Игровой прием в радиопередачах используется в таких видах, как: непосредственно игра, конкурсы и викторины, домашнее задание, игровые условия» [Хатукаева 2017].

9. Радиотекст, ввиду отсутствия визуального сопровождения, требует повышенной концентрации внимания, что сегодня также трактуется педагогическим сообществом как высокий результат деятельности, направленной на развитие личности.

10. При прослушивании радио ребенок защищен от антивитального контента, кибербуллинга, а также иного провокационного и деструктивного информационного шума, так как прямой контакт от «пользователя к пользователю» отсутствует.

Безусловно, данные критерии можно возводить в ценностные категории при условии наличия качественного контента, позитивной повестики, просветительской и гуманистической основы транслируемых программ.

Далее мы рассмотрим, отвечает ли этим критериям детская аудиокультура европейских стран. В исследовании мы сосредоточили внимание на вещании в Великобритании, Франции и Польше – странах, принципиально разных по национальному составу, ментальному признаку, государственному языку, традициям и другим характеристикам, но объединенных наиболее долгой историей детского радиовещания. Для изучения использующихся нарративов мы произвели расшифровку и авторский перевод программ с английского, французского и польского языков.

Радиотекст как продукт медиаэкологии в эфире европейских станций

В эмпирическую базу нашего исследования вошли 30 выпусков радиопрограмм европейских станций. Общее время прослушивания составило 42 ч. Основными критериями для отбора материала стали: «возраст» и объем циклов (предпочтение отдавалось проектам, которые выходят на протяжении нескольких лет), рейтинг на интернет-площадках, наличие информационной поддержки со стороны мировых СМИ (например, Le Monde, BBC и других), также демонстрирующей востребованность данного контента.

По данным Института рыночных исследований OpinionWay (проводит опросы среди населения), во Франции аудиоконтент потребляют 56 % французских детей⁶. Основная часть программ для несовершеннолетней аудитории реализуется силами станций France Musique, France Inter и France Culture. Они создают не только контент для эфира, но и подкасты для стриминговых сервисов.

Нами отмечено, что большая часть проектов реализует преимущественно просветительскую функцию. Редакции активно продолжают традиции вещания XX в., используя широкий инструментарий средств выразительности в текстах, а также художественных аудиоприемов в музыкальном и шумовом оформлении.

Например, на радиостанции France Musique транслируют циклы, посвященные выдающимся музыкантам «Le journal intime de» («Дневни-

ки...»). Командой радио уже выпущены циклы «Дневник Баха»⁷, «Дневник Моцарта»⁸, «Дневник Марии Каллас»⁹ и др. В театрализованной манере автор (Дени Подалидес, резидент театра Комеди Франсез) читает дневниковые записи от лица известного деятеля в формате монолога. Повествование дополняет звуковое оформление. Так, цикл о жизни и творчестве Марии Каллас поделен на семь эпизодов и построен на документальных источниках. Выпуск начинается сразу с указания времени и места, где разворачиваются события. После следует музыкальная композиция и автобиографический рассказ. В эпизоде “Mon enfance à New York” («Мое детство в Нью-Йорке») повествуется о первых годах жизни Марии Каллас: звучит гудок корабля, знаменующий переход, звуки фортепиано в моменты, когда речь идет о занятиях будущей певицы вокалом. В одном 11-минутном выпуске слушатель может познакомиться с произведениями великих классиков: Жоржа Бизе, Джузеппе Верди и мн. др. Цикл решает важные задачи в развитии гармоничной личности, способствует развитию эстетических предпочтений юной аудитории, музыкального вкуса, получению знаний из области мировой культуры и т. д. При этом проект находит положительные отклики у слушателей, которые отмечают позитивное настроение выпусков. В частности, сервис Diplomeo включил проект в подборку пяти искусствоведческих подкастов, на которые стоит обратить внимание студентам¹⁰.

В этой связи мы можем утверждать, что продукт является хорошим примером экологичного медиатекста, лишенного оценочных авторских суждений, агрессивных интонаций. Сериал может стать стимулом для детского самовыражения в творчестве, создавать атмосферу спокойствия, снимать напряжение.

Подчеркнем, что в эфире рассматриваемой France Musique нет рекламы, что довольно типично для современного детского европейского радиовещания. Отсутствие рекламных роликов, на наш взгляд, также выступает важным признаком экологичности медиапространства для детей.

Обратимся к другому примеру – циклу “Les Odyssées” («Одиссеи»)¹¹ радиостанции France Inter. На момент завершения работы над данным исследованием записано 124 эпизода, их целевая аудитория – слушатели от 7 до 12 лет. Создатели повествуют о великих путешественниках и учених в формате радиоспектакля (выпуски об открытии пещеры Коскер, истории Анри Гийоме и др.). Средний хронометраж – 15 мин. Некоторые исторические темы, как, например, “Cléopâtre, reine et pharaonne d’Egypte” («Клеопатра, царица и фараон Египта»), поделены на несколько се-

рий. В каждом выпуске задействованы 4–6 актеров. Слушателя погружают в атмосферу посредством музыкального и шумового сопровождения. Так, например, выпуск про Алана Тьюринга начинается со слов юноши: «Лондон, февраль 1939 г., Вестминстерский мост, темной ночью сквозь туман виднеется Биг-Бен. Два секретных агента работают на британские спецслужбы. Война с Германией теперь неизбежна, и когда наступит этот день, мы должны быть готовы. Соберите лучших математиков этой страны – найдите сумасшедших, понимающих магию чисел. Малыши, нам предстоит разгадать загадку».

На стриминговом сервисе Apple Music (рейтинг – 4,6) опубликованы в том числе следующие отзывы: «Мне очень приятно слушать про прошлое. Чарльз, 6 лет», «Мне 14 лет, и я использую этот подкаст для изучения французского языка»¹². Кроме того, пользователи в разделе «отзывы» предлагают авторам собственные темы для последующих серий. В “Les Odyssées” («Одиссеи») особенно подчеркивается эколингвистический компонент (что отмечается и в отзывах слушателей). Сценарии программ написаны с применением большого количества литературных тропов и фигур для формирования более четкого представления ребенка о месте и времени действия, обстановке, характерах героев.

Еще одним интересным примером радиотекста, но уже для более взрослой аудитории, можно назвать программу “Le dico des ados” («Подростковый словарь») станции France Bleu. Согласно концепции, дети и подростки объясняют значение слов, которые используют миллениалы¹³. Средняя продолжительность выпусков – 2 мин. На данный момент записано 59 эпизодов. Так, в выпуске от 3 января 2024 г. ученицы 4-го класса Гастингс-колледжа в Кане Леа, Лилу и Кира рассказали о значении понятия «трикшот». В каждой рубрике присутствует элемент стрит-тока – девушки выходят на улицу и спрашивают значения слова у прохожих. После слушателю сообщается верный вариант лексического значения, а затем следует музыкальная композиция. Проект создается при поддержке департамента CLEMI Министерства образования Франции, отвечающего в том числе за медиаобразование. Сопричастность органа власти к реализации познавательного контента выступает своего рода гарантом безопасности его содержания и полезного воздействия на аудиторию.

Заместитель директора по организации утренних шоу France Bleu Эрик Сорэк отмечает: «Наши [радиокорпорации Radio France] радиостанции – это точки сплочения»¹⁴. «У нас есть позитивные ценности, и мы также можем в определенной степени быть убежищем в тревожном

контексте. Но мы не в стране Заботливых Медведей и Телепузиков! Мы также говорим о том, что не так, мы здесь, чтобы сообщать о реальности, объяснять ее, расшифровывать... Мы не можем просто обнадеживать!» – заметил он. Данное заявление характеризует миссию журналистов радиостанции: разговаривать с молодежью – честно и на понятном для нее языке.

Таким образом, авторы приведенных проектов стремятся привнести в радиотекст игровой элемент, сделать радио не только (и не столько) развлекательным, но и просветительским и образовательным, сформировать здоровое эстетическое восприятие действительности, развить творческие способности, в том числе за счет элементов интерактива, расширить кругозор с помощью полезных и непопулярных сведений из гуманитарной, технической, естественно-научной областей.

В Британии, по данным опроса Ofcom, восемь из десяти детей (от 7 до 15 лет) слушают радио ежедневно¹⁵. Отмечается, что выбор радиопрограмм зависит от предпочтений родителей. Наиболее часто дети слушают радио в автомобиле (52 %), особенно эта статистика характерна для аудитории детей 7–9 лет. С каждым годом всё большее количество слушателей отдает предпочтение онлайн-форматам.

Для исследования опыта британского радиовещания для детей нами был выбран в том числе проект «Homeschool History» («История домашнего обучения»), выходящий на BBC Radio 4 каждый понедельник в 9:30. Радиопередача появилась во время пандемии COVID-19, когда на фоне карантина возникла необходимость организовать образовательный и просветительский досуг для детей, лишенных возможности посещать школу и факультативные мероприятия. Ведущий программы – британский историк Грег Дженнер – проводит эти обучающие занятия в неформальной манере. Например, в выпуске от 22 марта 2021 г. повествуется о ямайской медсестре Мэри Сикол, которая стала известна из-за участия в Крымской войне¹⁶. Автор начинает радиопередачу фразой: «Я здесь, чтобы провести краткий урок истории, который обучит всю семью». В finale Дженнер сообщает, что эпизод был подготовлен сценаристом, которого консультировал тот или иной ученый (в рассматриваемом выпуске – профессор Гретхен Герцина). По словам Дженнера, идея проекта – веселые уроки истории для всей семьи с множеством фактов, а также шутки на самые разные темы: «Мы думали, что детям и некоторым родителям это понравится, и это так, но, кроме того, людям старше 80 лет это тоже нравится, и это меня очень взволновало». Программа сразу была положительно воспринята

публикой. В одном из отзывов говорится: «Если вы заметили, как ваш восьмилетний ребенок с несвойственной ему эрудицией рассуждает о таких вопросах, как Бредская декларация и театральные достижения конца 17-го века, скорее всего, он или она смотрели передачу “История домашнего обучения” на BBC Radio 4»¹⁷. Подчеркнем, что в цикле пропагандируется идея самообразования; аудиоконтент направлен на повышение культурного уровня слушателей, причем, что важно, программы созданы в игровой развлекательной форме. Сценарии радиопроекта написаны грамотным языком (над его созданием работает профессорско-преподавательский состав ведущих вузов), а автор Грег Дженнер, являясь специалистом-практиком, выступает не только в роли рассказчика, но и редактором, который обладает компетенциями, позволяющими не допустить ложных фактов, некорректной интерпретации и т. д.

Еще один цикл британского радиовещания, ставший основой нашей эмпирической базы, – радиопроект «Let it Grow» («Давай это вырастим»). Он создан BBC Radio 2 совместно с BBC Children's and Education¹⁸. Программы повествуют о том, как правильно ухаживать за растениями и выращивать их. Директор подразделения BBC по вопросам детей и образования Патрисия Идалго отметила важность экологических инициатив в сфере детского радиовещания: «Нам не терпится увидеть, как дети со всей страны изучают удивительный мир природы вокруг нас». Миссия команды радиостанции – научить детей созиданию, сформировать правильное отношение к потребляемым природным ресурсам. Автор программы подчеркивает великолепие мира природы и обсуждает с детьми варианты помощи человека – планете. В гости к ведущей Лизе Тарбак приходят эксперты, с которыми ведется дискуссия: в частности, в выпуске «Grow Your Own» («Вырастите свой собственный») популярный фермер Александро Витале (псевдоним – Spicy Moustache) рассказал, что можно вырастить в саду, как обращаться с отходами и т. д., а доктор Лориан Чалмин-Пуи сосредоточилась на частностях садоводства: специалист в том числе объяснила сезонность выращивания капусты, важность компостных удобрений, поделилась тонкостями посадки цинний. «Let It Grow» – продолжение инициативы Radio 2 Go Green 2022 г., когда сеть начала организовывать тематическую неделю статей о том, как вести экологичный образ жизни. Принимая во внимание концепцию, согласно которой экологическая лингвистика использует методы и принципы экологии для изучения языка, можно сделать вывод, что программы, соответствующие «зеленой повестке», в

свою очередь, также являются ярким примером экологичного медиаконтента, так как призваны сохранять естественную среду обитания человека – экологическую.

Кроме того, в эфире BBC Radio 2 транслируются и литературные проекты для детей, например The Radio 2 Book Club. Так, в выпуске от 3 октября 2023 г. сотрудник отдела детского фонда в библиотеке Вуд-Грин Шон Эдвардс помогает выбрать детям книги для чтения¹⁹. Любовь к чтению транслируется через истории экспертов. В частности, в рассматриваемом выпуске Эдвард в ответе на вопрос о работе в своей библиотеке подчеркивает: «Детская секция в моей библиотеке – фантастическая. В библиотеках я работаю очень долго <...> в публичной библиотеке проработал 33 года». Шон неоднократно отмечает: «Любовь к чтению – это очень важно для детей». В выпуске от 13 февраля 2024 г. ведущая обсудила с писательницей-дебютанткой Эмили Хоуз ее роман «Дочери художника»²⁰. А 6 февраля 2024 г. вышла программа, в которой писательница Дженни Годфри рассказала слушателям о дебютном романе «Список подозрительных вещей»²¹. Как сообщила ведущая Зоя Болл, The Radio 2 Book Club «имеет первоклассную репутацию в области рекомендаций лучших книг для чтения, и мы хотели бы, чтобы наши слушатели делились с нами своими мыслями и открытиями, будь то от любимого или нового интересного автора»²². В радиовыпусках ведущая также обращается к детской аудитории с призывом к чтению, повышению культурного уровня, развитию эрудиции, что также отвечает ключевым выделенным нами критериям экологичного радиоконтента.

По данным исследования Radio Track за 2023 г., в Польше аудитория в возрасте 15–24 лет слушает радио в среднем 3 ч 7 мин каждый день, что на 4 мин больше по сравнению с данными годичной давности²³. По информации исследования Kantar Polska, среди школьников и студентов радио прослушивают 78 % граждан²⁴.

Современное детское радиовещание в Польше можно охарактеризовать как довольно развитое. Программы для детей и родителей выходят не только на специализированных станциях, но и на общественно-политических. Однако мы остановимся на проектах самой крупной радиостанции – «Польское радио детям». Оно вещает в круглосуточном формате. Детская секция работает с 7 до 21.00, взрослая – посвященная воспитанию, психологии детства, семейным вопросам – в остальные часы. В детском сегменте наиболее интересны образовательные, научные и развивающие программы, развивающие детское воображение и творческие способности. Как сказа-

но в концепции станции, благодаря эфиру, наполненному звуками, поддерживается образовательный процесс детей напрямую и косвенно, «поскольку программы касаются учебной программы, за счет чего расширяется объем получаемых знаний»²⁵.

Подчеркнутое стремление создавать экологичный контент зафиксировано в документах радиостанции. «Польское радио для детей», что следует из его миссии, заботится о культурном развитии личности: «Учитывая тот факт, что радио сопровождает нас на каждом шагу (машина / детский сад / работа), оно имеет огромный потенциал для формирования мировоззрений и передачи ценностей, которые бесценны, особенно для детей», отмечают представители детской редакции <...> Все передачи Польского радио для детей являются источником всесторонних знаний, развивают детскую чувствительность к звукам и безопасны – они защищают самых маленьких от нежелательных раздражителей и информации, поскольку станция не транслирует никакой рекламы!».

Среди прочих довольно стандартных для детской радиостанции проектов о литературе и живописи, сказках и музыке, выделим специфичный, отличающий эфир данной станции от многих европейских. Данный проект может проиллюстрировать эффективную модель медиаобразовательной практики и экотекст одновременно. Цикл «Как стать репортером» представляет собой серию коротких инструкций о профессии и работе радиожурналиста²⁶. В выпусках, которые относятся к образовательному сегменту, детей обучают основам радиожурналистики: как записывать и редактировать собственные интервью и репортажи. Например, в выпуске «Вы видите звук» ведущий объясняет, что при монтаже аудио «помимо речи стоит добавить звуковые эффекты, которые позволяют перенести слушателя в то место, куда мы хотим его перенести». Появляющиеся в записи шумы от предметов или явлений природы погружают слушателя в обстановку, предписанную сценарием. В другом выпуске – «Записываем наружный материал» – детей обучают мастерству записи естественных шумов, которые очень ценны для радиоискусства. Ведущий отмечает: «Записывая шаги, мы направляем микрофон в сторону земли и стараемся, чтобы ничто другое, например, наша одежда, не шуршало». Автор программы, репортер PRD, рекомендует всем будущим репортерам записывать шаги в парах: «Для записи шума ветра лучше всего поднести рекордер ближе к дереву, полному листвьев. Звук шелеста листвьев на ветру определенно более излучающий звук, чем звук ветра, дующего прямо в наш микрофон».

Данный проект как самостоятельная единица эфира помогает слушателю приобрести навыки создания художественно-драматургического радиопроизведения, развивает слух, музыкальные способности, эстетическое восприятие. Приобретенные знания аудитория может использовать как в самостоятельной радиодеятельности, так и в рамках медиазанятий в учебном заведении.

За всю историю детского вещания польские радиорежиссеры накопили внушительный опыт создания радиоспектаклей, которые сегодня всё чаще называют аудиосериалами. Эти традиции активно поддерживаются сотрудниками радиостанций. В эфире станции «Польское радио детям» звучат старые и новые спектакли. В научном фонде польских исследований по детскому вещанию заметно наиболее частое обращение именно к изучению радиодраматургии. Так, например, теоретик Александра Павлик в своей работе отмечает, что необходимо – в соответствии со старыми постулатами – воспитывать слушателей эстетически слушать радиопередачи, учить культуре слушания [Pawlik 2011]. Такое образование, считает автор, создало бы основу для эффективного восприятия художественной и эмоциональной ценности радиопроизведения. Изучая радиодрамы для подростков, Павлик отмечает: «Радиоадаптация – это гораздо более сложный и серьезный процесс, чем можно было бы предположить из традиционно принятых представлений, – он включает не только специфический перевод литературного произведения в аудиотекст, но и транспонирование детерминант, взятых из исследований литературоведов. Это, однако, не приводит к нежелательным упрощениям в создании радиоспектаклей, а выражается в более эффективном приспособлении адаптированного произведения к потребностям юной аудитории» [Pawlik 2011].

Мы считаем данный тезис важным в контексте современного медиапотребления детей, в том числе и в России, где сложились традиции уникальной режиссуры спектаклей и программ (об этом писали Т. А. Марченко, Е. А. Шевелева, Л. Д. Болотова) [Марченко 1970; Шевелева 2017; Болотова, Шевелева 2018]. Эти радиоспектакли, в свою очередь, можно рассматривать как многоцелевые кейсы в рамках медиадискурса о современном экотексте.

На основании изученных радиопроектов, созданных в трех странах Европы, мы делаем вывод, что контент рассмотренных детских радиостанций и сегментов для детей непрофильных СМИ сегодня реализует функции медиаэкологии и имеет потенциал для дальнейшего развития. О втором свидетельствует динамика появления новых проектов на упомянутых выше площадках. К примеру, к концу 2024 г. Radio France, помимо

новых радиопрограмм и подкастов (таких как “Sindbad le marin” («Синдбад-мореход»)²⁷, “Le labo musical de Nico” («Музыкальная лаборатория Нико»)²⁸ и т. д.), запустило информационный бюллетень, где собраны лучшие новейшие выпуски об истории, музыке и открытиях из флагманских детских подкастов радиостанций холдинга²⁹. Кроме того, в ходе исследования мы установили, что экологичный радиотекст отличается экспертьстью, диалогичностью, соответствует представлениям о гуманизме (направлен на человеколюбие, трансляцию общечеловеческих ценностей), а также лишен элементов агрессии, провокаций, обмана и т. п. Рассмотренные радиоспектакли, циклы и иные художественно-публицистические, а также аналитические программы во французском, британском и польском радиодискурсе соответствуют принципам медиаэкологии, реализуют просветительскую и культуроформирующую функции и представляются эффективным средством для формирования морально-нравственных ценностей у аудитории детей и молодежи.

Развитие детского аудиопотребления за счет генерирования новых форм контента и его поддержка со стороны государства и бизнеса может стать важным вкладом в медиабезопасность подрастающего поколения. Прослушивание аудиоконтента радиостанций видится альтернативным способом «отдыха от экрана» и профилактики заболеваний, связанных с использованием смартфонов в раннем возрасте, чрезмерным потреблением интернет-контента, о чем на международном уровне непрерывно ведется дискуссия в сфере здравоохранения [Cao et al. 2024; Zhang, Ku, Wu 2024]. Помимо этого, накопленный на данный момент опыт создания радиотекстов, обращенных к детям, может быть транслирован в сообществе медиапедагогов, других сотрудников школьных учебных заведений и успешно применяться в качестве кейсов для работы с несовершеннолетними в рамках медиаобразовательной деятельности. Данное исследование можно считать лишь отправной точкой в изучении феномена экологичного радиотекста; его характеристики, преобразования на фоне цифровизации, воздействие на аудиторию, потенциал развития в зарубежном вещании требуют комплексного подхода и дальнейшего подробного изучения.

Примечания

¹ The influence of social media on the development of children and young people // European Parliament. 2023. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2023/733109/IPOL_STU\(2023\)733109\(SUM01\)_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2023/733109/IPOL_STU(2023)733109(SUM01)_EN.pdf) (дата обращения: 14.01.2024).

² Children and Parents: Media Use and Attitudes // Ofcom. 2023. URL: <https://www.ofcom.org.uk/research-and-data/media-literacy-research/childrens/children-and-parents-media-use-and-attitudes-report-2023> (дата обращения: 12.01.2024).

³ Enfants et écrans durant les six premières années de la vie à travers le suivi de la cohorte Elfe // Ministère de la Culture. 2022. URL: <https://www.calameo.com/read/0053751144c0c467a9ef6> (дата обращения: 14.01.2024).

⁴ Цифровой контент и безопасность: опыт Детского радио // ADPASS. 2023. URL: <https://adpass.ru/tsifrovoj-kontent-i-bezopasnost-opytdetskogo-radio/> (дата обращения: 01.03.2024).

⁵ Концепция Детского радио. Национальная сеть детского вещания. Газпром-медиа, 2007 г.

⁶ Les Français et les contenus audio – Chiffres clés Audible 2022 Infographie // OpinionWay. 2022. URL: <https://www.idboox.com/etudes/les-francais-et-les-contenus-audio-chiffres-cles-audible-2022-infographie/> (дата обращения: 27.01.2024).

⁷ Le journal intime de Bach // France Musique. 2022. URL: <https://www.radiofrance.fr/francemusique/podcasts/serie-le-journal-intime-de-bach> (дата обращения: 22.10.2023).

⁸ Le journal intime de Mozart // France Musique. 2022. URL: <https://www.radiofrance.fr/francemusique/podcasts/serie-le-journal-intime-de-mozart> (дата обращения: 22.10.2023).

⁹ Le journal intime de Maria Callas // France Musique. 2022. URL: <https://www.radiofrance.fr/francemusique/podcasts/seerie-le-journal-intime-de-mozart> (дата обращения: 22.10.2023).

¹⁰ 5 podcasts à écouter quand on fait des études d'art // Diplomeo. 2024. URL: https://diplomeo.com/actualite-podcasts_etudes_art (дата обращения: 27.04.2025).

¹¹ Les Odyssées // France Inter. 2024. URL: <https://www.radiofrance.fr/franceinter/podcasts/les-odyssees> (дата обращения: 22.01.2024).

¹² Les Odyssées // Apple Music. 2025. URL: <https://podcasts.apple.com/us/podcast/les-odyss%C3%A9es/id1469858852> (дата обращения: 27.04.2025).

¹³ Le dico des ados — France Bleu. 2024. URL: <https://www.radiofrance.fr/francebleu/podcasts/le-dico-des-ados-5845077?p=2> (дата обращения: 22.01.2024).

¹⁴ La Lettre.Pro radio le mag // France Bleu. URL: <https://www.lalettre.pro/file/146867/> (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁵ Children and parents: media use and attitudes report 2022 // Ofcom. 2022. URL:

https://www.ofcom.org.uk/__data/assets/pdf_file/0024/234609/childrens-media-use-and-attitudes-report-2022.pdf (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁶ Homeschool History // BBC Sounds. 2021. URL: <https://www.bbc.co.uk/sounds/play/m000tcpd> (дата обращения: 25.01.2024).

¹⁷ Homeschool History // Greg Jenner. 2022. URL: <https://www.gregjenner.com/podcasts-radio/homeschool-history/?cn-reloaded=1> (дата обращения: 27.01.2024).

¹⁸ Let It Grow this summer with BBC Children's and Education and BBC Radio 2 // BBC. 2023. URL: <https://www.bbc.com/mediacentre/2023/let-it-grow-childrens-and-education-bbc-radio-2> (дата обращения: 25.01.2024).

¹⁹ The Radio 2 Book Club // BBC. 2023. URL: <https://www.bbc.co.uk/sounds/play/p0gj2kts> (дата обращения: 27.01.2024).

²⁰ Debut author, Emily Howes, discusses her novel 'The Painter's Daughters' // BBC. 2024. URL: <https://www.bbc.co.uk/sounds/play/p0hblzhq> (дата обращения: 14.02.2024).

²¹ Jennie Godfrey joins Zoe to talk about her debut novel, 'The List Of Suspicious Things' // BBC. 2024. URL: <https://www.bbc.co.uk/sounds/play/p0h97227> (дата обращения: 14.02.2024).

²² The Radio 2 Book Club on the Zoe Ball Breakfast Show // Reading Group for everyone. 2023. URL: <https://readinggroups.org/news/the-radio-2-book-club-on-the-zoe-ball-breakfast-show> (дата обращения: 28.02.2024).

²³ Młodzi Polacy dłużej słuchają radia // Komitet Badań Radiowych 2023. URL: <https://badaniaradiowe.pl/mlodzi-polacy-dluzej-słuchaja-radia/> (дата обращения: 01.03.2024).

²⁴ Słuchalność radia w 2022 roku: blisko 20 mln słuchaczy dziennie i 26 mln tygodniowo // I Love Radio. 2022. URL: <https://iloveradio.pl/sluchalosc-radia-w-2022-roku-blisko-20-mln-słuchaczy-dziennie-i-26-mln-tygodniowo/> (дата обращения: 01.03.2024).

²⁵ Polskie Radio Dzieciom // Polskie Radio Dzieciom. 2025. URL: <https://www.polskieradio.pl/18/8354/> (дата обращения: 27.04.2025).

²⁶ Jak zostać reporterem // Polskie Radio. 2025. URL: <https://www.polskieradio.pl/jak-zostac-reporterem/tag184401> (дата обращения: 27.04.2025).

²⁷ Sindbad le marin // Radio France. 2024. URL: <https://www.radiofrance.fr/franceculture/podcasts/serie-sindbad-le-marin> (дата обращения: 20.01.2025).

²⁸ Le labo musical de Nico // Radio France. 2025. URL: <https://www.radiofrance.fr/francemusique/podcasts/le-labo-musical-de-nico?p=2> (дата обращения: 20.01.2025).

²⁹ Zéro écran: la sélection mensuelle // Radio France. 2025. URL: <https://www.radiofrance.fr/radiofrance/podcasts/selection-zero-ecran-la-selection-mensuelle> (дата обращения: 20.01.2025).

Список литературы

- Абрамян Н. Л., Алексян М. В., Тадевосян М. Р. К вопросу об уточнении некоторых медиапонятий // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2021. Т. 20, № 6. С. 96–108. doi 10.25205/1818-7919-2021-20-6-96-108
- Болотова Л. Д., Шевелева Е. А. Современное литературно-драматическое радиовещание: тенденции, жанры и формы // Меди@льманах. 2018. № 1 (84). С. 80–88.
- Веракса А. Н. Воображение дошкольника // Современное дошкольное образование. 2009. № 2. С. 58–63.
- Давлетшина М. И. Медиапрактики современных детей младшего школьного возраста // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2021. № 5. С. 3–26. doi 10.30547/vestnik.journ.5.2021.326
- Дзялошинский И. М. Экология медиасреды: технологии манипулирования в интернете. М.: АПК и ППРО, 2017. 258 с.
- Зеленская О. Ю., Макаренко Ю. В., Венцель В. А. Медиаобразование как ресурс профессиональной ориентации современной молодежи // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 78-2. С. 107–110.
- Зубаркина Е. С. Этические аспекты подготовки журналистских материалов о детях и для детской аудитории: гуманистический подход // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, № 2. С. 220–227. doi 10.18500/1817-7115-2024-24-2-220-227.
- Красавский Н. А. Экологичность текстов Германа Гессе // Russian Journal of Linguistics. 2015. № 1. С. 42–51.
- Марченко Т. М. Радиотеатр. Страницы истории и некоторые проблемы. М.: Искусство, 1970. 221 с.
- Милюсавская З. А. «Экотекст» как тип глобального медиатекста // Журналистика – вызовы времени: сб. науч. ст. кафедры журналистики и медиакоммуникаций / под ред. Т. Н. Владимировой, В. А. Славиной, Н. В. Кодола. М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2018. С. 44–48.
- Моисеенко А. В. Лингвистическая характеристика текста экологической тематики // Научный диалог. 2019. № 10. С. 204–214. doi 10.24224/2227-1295-2019-10-204-214
- Некоз Я. О., Игнатович С. С. Влияние социальных сетей на агрессивное поведение подростков // Педагогика: история, перспективы. 2022. Т. 5, № 2. С. 77–100. doi 10.17748/2686-9969-2022-5-2-77-100
- Ржанова С. А., Морозова А. С., Сафонов Е. А. Медиаобразование как способ достижения студентами творческой самоэффективности // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 5 (109). С. 122–127.
- Сквородников А. П. О некоторых нерешенных вопросах теории лингвоэкологии // Политическая лингвистика. 2019. № 5. С. 12–25. doi 10.26170/pl19-05-01
- Урусова Л. Х., Шигалугова М. Х. Роль сми как агента социализации в формировании поведения современной молодежи // Право и управление. 2023. № 9. С. 30–33. doi 10.24412/2224-9133-2023-9-30-33
- Ушаков И. Б. и др. Длительность использования мобильных электронных устройств как современный фактор риска здоровью детей, подростков и молодежи // Экология человека. 2021. № 7. С. 43–50. doi 10.33396/1728-0869-2021-7-43-50
- Федотов М. Экология информации // Российская юстиция. 1999. № 12. С. 9–30.
- Хатукаева И. А. Особенности детского радиовещания // Достижения науки и образования. 2017. № 6 (19). С. 105–106.
- Шаховский В. И., Соловникова Н. Г. Экологическая функция языка // Экология русского языка: материалы 2-й Всерос. науч. конф. (Пенза, 24 апреля 2009 г.). Пенза: ПГПУ, 2009. С. 5–16.
- Шевелева Е. А. Опыт литературно-драматического радиовещания в контексте создания материалов для современных информационно-разговорных радиостанций // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2017. Т. 22, № 1. С. 167–176.
- Babik W. Ekologia informacji. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2014. 202 s.
- Barr R. et al. Beyond screen time: a synergistic approach to a more comprehensive assessment of family media exposure during early childhood // Frontiers in Psychology. 2020. V. 11. 1283 p.
- Cao H. et al. From childhood real-life peer victimization to subsequent cyberbullying victimization during adolescence: A process model involving social anxiety symptoms, problematic smartphone use, and internet gaming disorder // Psychology of Violence. 2024. V. 15(1). P. 106–120.
- Fill A. Ecolinguistics. State of the Art 1988 // The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment / ed. by A. Fill, P. Mühlhäusler. London; New York: Continuum, 2001. P. 43–54.
- Griffin E. M. A first look at communication theory. New York: McGraw-hill, 2006. 486 p.

Hadaš E. Medijska ekologija djece rane i predškolske dobi na području grada Svetog Ivana Zeline: disertacija. Zagreb: University of Zagreb, 2018. 68 s.

Haugen E. The ecology of language // The eco-linguistics reader: Language, ecology and environment. London, New York, 2006. P. 57-66.

Jakubowicz K. "Nowa ekologia mediów". Konwergencja a metamorfoza. Warszawa: Wydawnictwo Poltex, 2011. 326 s.

McLuhan M. Understanding media: The extensions of man. London and New York: MIT Press, 1994. 389 p.

Pawlak A. Słuchowisko dla młodzieży. Tajemnicza wyspa Juliusza Verne'a // Acta Universitatis Lodzienensis. Folia Litteraria Polonica. 2011. Vol. 1. P. 105–114.

Postman N. The reformed English curriculum // High School 1980: The Shape of the Future in American Secondary Education. Ed. by A. C. Eurich. New York: Pittman, 1970. P. 160–168.

Zhang M. X., Ku L., Wu A. M. S. Childhood risks and problematic smartphone use: Dual processes of life history strategy and psychological distress // Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace. 2024. Vol. 18, №. 4. Article 1. doi 10.5817/CP2024-4-1

References

Abramyan N. L., Alekyan M. V., Tadevosyan M. R. To the question of clarification of some media concepts. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija. Filologija* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 2021, vol. 20, issue 6, pp. 96-108. doi 10.25205/1818-7919-2021-20-6-96-108. (In Russ.)

Bolotova L. D., Sheveleva E. A. Sovremennoe literaturno-dramaticeskoe radioveshchanie: tendentsii, zhanry i formy [Modern literary-dramatic radio broadcasting: Tendencies, genres and forms]. *Medi@l'manakh* [Medi@l'manakh], 2018, issue 1 (84), pp. 80-88. (In Russ.)

Veraksa A. N. Voobrazhenie doshkol'nika [Imagination of a preschooler]. *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie* [Preschool Education Today], 2009, issue 2, pp. 58-63. (In Russ.)

Davletshina M. I. Mediapraktiki sovremennykh detey mладшего школьного возраста [Media practices of modern primary school-aged children]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 2021, issue 5, pp. 3-26. doi 10.30547/vestnik.journ.5.2021.326. (In Russ.)

Dzyaloshinsky I. M. *Ekologiya mediasredy: tekhnologii manipulirovaniya v internete* [The Ecology of Media Environment: Technologies of Manipulation on the Internet]. Moscow, Academy of Ad-

vanced Training and Professional Retraining of Educational Employees Publ., 2017. 258 p. (In Russ.)

Zelenskaya O. Yu., Makarenko Yu. V., Venzel V. A. Mediaobrazovanie kak resurs professional'noy orientatsii sovremennoy molodezhi [Media education as a resource of professional guidance of modern youth]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Issues of Modern Pedagogical Education], 2023, issue 78-2, pp. 107-110. (In Russ.)

Zubarkina E. S. Eticheskie aspekty podgotovki zhurnalistskikh materialov o detyakh i dlya detskoj auditorii: gumanisticheskiy podkhod [Ethical aspects of preparing journalistic materials about children and for children's audience: A humanistic approach]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaia seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika* [News of Saratov University. Philology. Journalism], 2024, vol. 24, issue 2, pp. 220-227. doi 10.18500/1817-7115-2024-24-2-220-227. (In Russ.)

Krasavsky N. A. Ekologichnost' tekstov Germana Gesse [Ecologicity of Hermann Hesse's texts]. *Russian Journal of Linguistics*, 2015, issue 1, pp. 42-51. (In Russ.)

Marchenko T. M. *Radioteatr. Stranitsy istorii i nekotorye problemy* [Radiotheatre. The Pages of History and Some Issues]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1970. 221 p. (In Russ.)

Miloslavskaya Z. A. 'Ekotekst' kak tip global'nogo mediateksta ['Ecotext' as a type of global media text]. *Zhurnalistika – vyzovy vremeni* [Journalism — Challenges of the Time: a collection of scientific articles of the Department of Journalism and Media Communication]. Ed. by T. N. Vladimirova, V. A. Slavina, N. V. Kodola. Moscow, Moscow State Pedagogical University Press, 2018, pp. 44-48. (In Russ.)

Moiseenko A.V. Lingvisticheskaya kharakteristika teksta ekologicheskoy tematiki [Linguistic characteristics of the text on environmental topics]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2019, issue 10, pp. 204-214. doi 10.24224/2227-1295-2019-10-204-214. (In Russ.)

Nekoz Ya. O., Ignatovich S. S. Vliyanie sotsial'nykh setey na aggressivnoe povedenie podrostkov [Impact of social networks on aggressive behavior of adolescents]. *Pedagogika: istoriya, perspektivy* [Pedagogy: History, Prospects], 2022, vol. 5, issue 2, pp. 77-100. doi 10.17748/2686-9969-2022-5-2-77-100. (In Russ.)

Rzhanova S. A., Morozova A. S., Safonov E. A. Mediaobrazovanie kak sposob dostizheniya studen-tami tvorcheskoy samoeffektivnosti [Media education as a way for students to achieve creative self-efficacy]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psichologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogy], 2023, issue 5 (109), pp. 122-127. (In Russ.)

Skovorodnikov A. P. O nekotorykh nereshennykh voprosakh teorii lingvoekologii [On some unresolved issues in the theory of linguoecology]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2019, issue 5, pp. 12-25. doi 10.26170/pl19-05-01. (In Russ.)

Urusova L. Kh., Shigalugova M. Kh. Rol' smi-kak agenta sotsializatsii v formirovani povedeniya sovremennoy molodezhi [The role of the media as an agent of socialization in shaping the behavior of modern youth]. *Pravo i upravlenie* [Law and Management], 2023, issue 9, pp. 30-33. doi 10.24412/2224-9133-2023-9-30-33. (In Russ.)

Ushakov I. B. et al. Dlitel'nost' ispol'zovaniya mobil'nykh elektronnykh ustroystv kak sovremenyy faktor riska zdorov'yu detey, podrostkov i molodezhi [Duration of the use of mobile electronic devices as a modern risk factor for the health of children, adolescents and youth]. *Ekologiya cheloveka* [Human Ecology], 2021, issue 7, pp. 43-50. doi 1033396/1728-0869-2021-7-43-50. (In Russ.)

Fedotov M. Ekologiya informatsii [Ecology of information]. *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian Justice], 1999, issue 12, pp. 9-30. (In Russ.)

Khatukaeva I. A. Osobennosti detskogo radioveshchaniya [Features of children's radio broadcasting]. *Dostizheniya nauki i obrazovaniya* [Achievements of Science and Education], 2017, issue 6 (19), pp. 105-106. (In Russ.)

Shakhovskiy V. I., Solodovnikova N. G. Ekologicheskaya funktsiya yazyka [The ecological function of language]. Ekologiya russkogo yazyka ['Ecology of the Russian language']: Proceedings of the 2nd all-Russian scientific conference (Penza, April 24, 2009)]. Penza, Penza State Pedagogical University Press, 2009, pp. 5-16. (In Russ.)

Sheveleva E. A. Opyt literaturno-dramaticheskogo radioveshchaniya v kontekste sozdaniya materialov dlya sovremennykh informatsionno-razgovornykh radiostantsiy [The experience of literary-dramatic radio broadcasting in the context of creation of materials for modern information and colloquial radio stations]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism], 2017, vol. 22, issue 1, pp. 167-176. (In Russ.)

Babik W. *Ekologia informacji* [Information Ecology]. Kraków, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2014. 202 p. (In Pol.)

Barr R. et al. Beyond screen time: a synergistic approach to a more comprehensive assessment of family media exposure during early childhood. *Frontiers in Psychology*, 2020, vol. 11. 1283 p. (In Eng.)

Cao H. et al. From childhood real-life peer victimization to subsequent cyberbullying victimization during adolescence: A process model involving social anxiety symptoms, problematic smartphone use, and internet gaming disorder. *Psychology of Violence*, 2024, vol. 15 (1), pp. 106-120. (In Eng.)

Fill A. Ecolinguistics. State of the Art 1988. *The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment*. Ed. by A. Fill, P. Mühlhäusler. L., N. Y., Continuum, 2001, pp. 43-54. (In Eng.)

Griffin E. M. *A First Look at Communication Theory*. New York, McGraw-hill, 2006. 486 p. (In Eng.)

Hadaš E. *Medijska ekologija djece rane i predškolske dobi na području grada Svetog Ivana Zeline*: disertacij. University of Zagreb, Faculty of Teacher Education, 2018. 68 p. (In Croat.)

Haugen E. The ecology of language. *The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment*. London, New York, 2006, pp. 57-66. (In Eng.)

Jakubowicz K. 'Nowa ekologia mediów'. *Konwergencja a metamorfoza* ['New Media Ecology'. Convergence and Metamorphosis]. Warsaw, Wydawnictwo Poltex, 2011. 326 p. (In Pol.)

McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. London, New York, MIT press, 1994. 389 p. (In Eng.)

Pawlik A. Słuchowisko dla młodzieży. Tajemnicza wyspa Juliusza Verne'a [Listening to youth. The mysterious island of Julius Verne]. *Acta Universitatis Lodzienensis. Folia Litteraria Polonica*, 2011, vol. 1, pp. 105-114. (In Pol.)

Postman N. The reformed English curriculum. *High School 1980: The Shape of the Future in American Secondary Education*. Ed. by A. C. Eurich. New York: Pittman, 1970. pp. 160-168. (In Eng.)

Zhang M. X., Ku L., Wu A. M. S. Childhood risks and problematic smartphone use: Dual processes of life history strategy and psychological distress. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 2024, vol. 18, issue 4, article 1. doi 10.5817/CP2024-4-1. (In Eng.)

Ecotext in the Modern Media Space Through the Example of Children's Radio Broadcasting in Europe

Elena S. Zubarkina

Acting Head of the Department of Journalism and Media Communication named after V. A. Slavina

Moscow Pedagogical State University

1, Malaya Pirogovskaya st., Moscow, 119435, Russia. famzub@yandex.ru

SPIN-code: 5862-0328

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-5678-1787>

Yuliya A. Miskevich

Student at the Institute of Journalism, Communication, and Media Education

Moscow Pedagogical State University

1, Malaya Pirogovskaya st., Moscow, 119435, Russia. yuliya.wenell@gmail.com

SPIN-code: 4023-6804

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-0583-2554>

Submitted 15 May 2025

Revised 16 Jun 2025

Accepted 01 Sep 2025

For citation

Zubarkina E. S., Miskevich Yu. A. Ekotekst v sovremennom mediaprostranstve na primere detskogo radioveshchaniya v Evrope [Ecotext in the Modern Media Space Through the Example of Children's Radio Broadcasting in Europe]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 4, pp. 26–40. doi 10.17072/2073-6681-2025-4-26-40. EDN ERPNFC (In Russ.)

Abstract. In the modern media space, the risk of destructive content consumption is especially high. Researchers agree that today it is necessary to develop the theoretical and practical areas of information ecology. The article studies the phenomenon of ecotext, considered in the context of children's media consumption. Given the rapid spread of anti-vital content via mass communication channels and the growing levels of cyberbullying and provocative information noise, one of the priority tasks is to protect the younger generation from the aggressive media environment, this making the chosen research topic relevant.

In the paper, ecotext, or ecocontent, is understood to mean a media ecology product that meets the criteria of information culture. Ecolinguistic approaches are becoming more and more in demand in the analysis of the conflictogenicity level of journalistic materials, including radio ones. Using the methods of analysis, synthesis, generalization, the authors come to the conclusion that professional radio text, as a type of safe, ecological media text, has a number of advantages from the point of view of children's perception. The study presents the criteria of an ecological children's radio text and from this perspective explores the experience of radio stations in France, Great Britain, and Poland in creating educational programs for minors. It is concluded that the radio projects included in the empirical base meet the principles of media ecology — they are aimed at communicating universal human values, humanistic ideals, implement educational and culture-forming functions, and are an effective means of forming moral and ethical guidelines in children's and youth audiences.

Key words: media ecology; radio; European radio broadcasting; children's radio broadcasting; media text; ecological content.

УДК 81'38; 81'42

doi 10.17072/2073-6681-2025-4-41-54

<https://elibrary.ru/fepkqv>

EDN FEPKQV

К столетию со дня рождения М. Н. Кожиной

**Аргументы в защиту номинации
«дискурсивные основания речеведения»
(к уточнению понятия «дискурсивные основания»)**

Котюрова Мария Павловна

д. филол. н., профессор кафедры русского языка и стилистики

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. kotyurova@yandex.ru

SPIN-код: 1625-0504

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5418-726X>

ResearcherID: N-9344-2017

Соловьева Наталья Васильевна

к. филол. н., доцент кафедры русского языка и стилистики

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. biserova@bk.ru

SPIN-код: 4265-7910

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8401-9942>

ResearcherID: GWC-5042-2022

Тихомирова Лариса Сергеевна

к. филол. н., доцент кафедры русского языка и стилистики

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. tikhomirova.lar@yandex.ru

SPIN-код: 7333-3508

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3068-2770>

Статья поступила в редакцию 11.07.2025

Одобрена после рецензирования 08.08.2025

Принята к публикации 01.09.2025

Информация для цитирования

Котюрова М. П., Соловьева Н. В., Тихомирова Л. С. Аргументы в защиту номинации «дискурсивные основания речеведения» (к уточнению понятия «дискурсивные основания») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 4. С. 41–54. doi 10.17072/2073-6681-2025-4-41-54. EDN FEPKQV

Аннотация. В современной лингвистике в связи с формированием нового научного направления – речеведения, которое постепенно отделилось от функциональной стилистики, возникла необходимость обосновать его самостоятельность и правомерность дифференциации этих направлений. В статье приводятся аргументы в защиту номинации, имеющей дискуссионный характер, – «дискур-

сивные основания речеведения». Вслед за М. Н. Кожиной, создателем широко известной научному сообществу теории функциональных стилей, методологическим основанием дифференциации которых послужила обусловленность формирования стилей совокупностью экстралингвистических факторов, авторы развивают понятие, тесно связанное с экстралингвистической основой функциональной стилистики, – «дискурсивные основания речеведения».

Цель статьи – акцентировать актуальность поиска аргументов в защиту предложенной номинации. Утверждается иерархия экстралингвистических факторов: дискурсивные (при широком понимании дискурса) сильнодействующие стилеобразующие и сильнодействующие, но не стилеобразующие, собственно дискурсивные (при узком понимании дискурса). Такой подход к экстралингвистической основе, не противореча теории М. Н. Кожиной, дает возможность дифференцировать два смежных лингвистических направления и предложить интерпретацию дискурсивных оснований речеведения. Описываются свойства и роль субъектных экстралингвистических факторов в интерпретации смысловой структуры текста. Подчеркивается, что именно комплекс факторов, связанных прежде всего с психологическими характеристиками субъекта познания или этапом его познавательной деятельности, формирует методологическую сетку изучения научного текста – дискурсивные основания речеведения. Предложенный подход иллюстрируется речеведческим анализом фрагмента научного текста. Формулируется вывод о потенциале уточняемого понятия «дискурсивные основания» и возможностях использования номинации «дискурсивные основания речеведения».

Ключевые слова: функциональная стилистика; речеведение; дискурсивные основания речеведения; экстралингвистические факторы; дискурсивные факторы.

*Если человек знает, «как думать»,
то он намного опережает людей,
которые знают, «что думать».*

Нил Деграс Тайсон, популяризатор науки

Введение

Знали, «как думать», многие ученые из поколения второй половины XX в.: Лидия Ивановна Баранникова, Ольга Борисовна Сиротинина, Валентин Евсеевич Гольдин (Саратов), Александр Петрович Сковородников (Красноярск), Мария Карповна Мильых (Ростов-на-Дону) и др. «Знала, как думать», **Маргарита Николаевна Кожина** (1925–2012), доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, создатель Пермской научной школы функциональной стилистики.

«Чтобы изучить всё задуманное, мне нужен целый институт, одной-то не справиться» – неслучайная реплика Маргариты Николаевны еще до открытия аспирантуры в Пермском университете. Профессор Кожина сформировала в лингвистике незримый стилистический колледж, объединивший последователей в России и за ее пределами. Благодаря глубоко методологическому мышлению ей, наверное, подвластны были различные явления действительности в любимых областях: литературы, музыки, архитектуры и др. Разработанная М. Н. Кожиной концепция функциональных стилей речи давно достигла уровня теории. Как всякая теория, она устойчива в ядерной позиции, но экстенсивно и динамично развивается на периферии познавательного пространства. Эта статья, подготовленная в год 100-летия со дня рождения ученого, призвана подтвердить это положение. Оставаясь

в рамках функциональной стилистики, авторы обосновывают «отпочкование» от нее речеведческого направления, инструментарий которого позволяет, с одной стороны, углубить функционально-стилистический подход к тексту, с другой – расширить возможности его применения.

Функциональная стилистика и речеведение. Метод интерпретации

Функционально-стилистический подход к научному тексту не исчерпал своей значимости для цикла не только лингвистических, но и – шире – гуманитарных дисциплин, поскольку предполагает и описание, и объяснение сущности текста – его смысловой структуры как продукта научно-познавательной деятельности автора. Эта стратегическая цель обуславливает не только обращение к языковому оформлению содержания мысли, но и рассмотрение экстралингвистических факторов, условий, причин порождения текста. Сам подход к тексту входит в круг важнейших эпистемических факторов (методологических – наряду с онтологическими и аксиологическими), действующих и на порождение, и на восприятие (особенно при изучении текста). Несомненно, смысловая структура научного текста обусловлена, с одной стороны, содержанием, созданным адресантом, с другой – восприятием, пониманием, интерпретацией этого содержания адресатом.

Ознакомление с научным текстом начинается с названия статьи, монографии, учебника, диссертации или автореферата. Рассмотрим название коллективной монографии «Дискурсивные основания речеведения: научный текст – новое знание – перевод» (Пермь, 2023; М.: Флинта,

2024), чтобы дать ориентир мысли адресата в соответствии с трактовкой авторами основного понятия изложенной концепции «дискурсивные основания речеведения».

Цель статьи соотносится не только с пояснением номинации «дискурсивные основания речеведения» посредством раскрытия «интриги» – скрытой тавтологии как речевой игры, но и с аргументацией правомерности употребления номинации в свернутом и развернутом контекстах (заглавии и целом произведении).

В качестве пояснения заметим, что смысл названия монографии при чтении развернутого текста претерпевает, можно сказать, благотворное изменение в результате расширения, углубления, уточнения понятий «дискурсивные основания» и «речеведение».

Задача данной статьи ограничена пределами этих терминов и сконцентрирована на поиске аргументов в пользу употребления вышеназванного словосочетания. А. И. Ефимов писал в свое время о том, что «постепенно изучение каждого из функциональных стилей составит особое направление (ветвь) стилистики (1969)» [Кожина 2003: 19]. В современной стилистике так и есть, поэтому мы сочли возможным ограничить аргументы дифференциации функциональной стилистики и речеведения **материалом** только из стилистики научных текстов [Которова 2012]. Ярким примером может служить любая номинация типа *Общее языкознание, Функциональная грамматика, Функциональная стилистика, Функциональная стилистика русского языка, Стилистика научного текста* и др.

Наша интерпретативная установка зиждется на возможности семантического смещения, а также формального изменения (в сторону свертывания/сужения либо развертывания/расширения) содержания и формы номинации соответственно в узком или широком речевом контексте. Мы исходим из функционально-стилистической теории, основным положением которой является взаимосвязь и даже единство лингвистической и экстралингвистической сторон функционирующего языка. Обращение к этому принципу не исключает различий между стилистикой и речеведением, о которых ярко и четко пишет О. Б. Сиротинина: «Стилистика – это наука об эталоне использования литературного языка, о том, как **должно быть**, а не о том, что реально есть. Вместе с тем, изучать реальное функционирование литературного языка не менее важно, но это уже предмет *другой науки – речеведения* (курсив наш. – М. К.)» [Сиротинина 2005: 214]. Для современного состояния стилистики справедливо и актуально также мнение М. Н. Кожиной о том, что «функциональная стилистика

на современном этапе отнюдь не угасает и не находится в кризисе. Напротив, она плодотворно развивается... современное языкознание представлено в большой степени работами речеведческого плана» [Кожина 2003: 20, 21]. Очевидна необходимость методологического обоснования дифференциации двух смежных дисциплин. Это оказалось не только целесообразным, но и возможным и, на наш взгляд, эффективным благодаря применению функционально-стилистического принципа к анализу текста.

Дискуссионный характер названия монографии

Интерес к методологической стороне коммуникативно-познавательной деятельности в сфере науки вызывает вопрос: как понимать название «Дискурсивные основания речеведения»? Предваряя ответ, заметим, что здесь понимание граничит с неизбежным непониманием, о котором можно смело сказать, что это шестое чувство человека. Действительно, восприятие любого явления может сопровождаться непониманием, нередко вызывающим сначала неадекватную оценку, а вслед за ним интерпретацию на основе «старого», то есть полученного ранее знания. Для понимания текста необходим «скакок» через возможное непонимание предъявляемого фрагмента, выражющееся в субъективной интерпретации (на основе знания, известного данному субъекту).

Название «Дискурсивные основания речеведения...» не скрывает дискуссионного вопроса о том, корректно ли «столкновение» номинаций семантически близких сущностей – *дискурса* и *речи*. На каком основании авторы допускают употребление словосочетания *дискурсивные основания + речеведения*? Ясно, что читатель оказался в ситуации непонимания. Представляется общезвестным, но целесообразным снова сослаться на мнение саратовского ученого О. Б. Сиротининой, более 70 лет наблюдавшей и анализировавшей изменения в научных текстах XX и XXI вв. в отношении их эффективности и того, что ей препятствует. См.: «Специфика любого научного текста в том, что неадекватность понимания полностью исключает его коммуникативную ценность... Адресант рассчитывает именно на внимательное ознакомление с выстранным им текстом, что, увы, бывает не всегда» [Сиротинина 2018: 23]. В качестве дискурсивной подсказки отметим, что вопросу об основаниях и статусе речеведения посвящена глава 2 монографии, в частности, пункты 2.5 «Влияние экстралингвистических факторов на формирование научного текста» и 2.6 «Трактовка речеведения в широком и узком смысле». Однако никогда «не

вредно» уточнение использованных авторами терминированных понятий, если иметь в виду, что «возможность неадекватного понимания адресатом авторских терминов больше всего мешает эффективности научной коммуникации» [там же: 24].

Основные положения дифференциации двух смежных научных направлений

Обратимся к интерпретации представленных в монографии аргументов и акцентируем формулировки трех положений, на наш взгляд, важных для ответа на поставленный выше вопрос.

1. Фундаментализация функциональной стилистики, осуществленная М. Н. Кожиной в теоретическом исследовании и представленная в монографии «Основания функциональной стилистики» (Пермь, 1968). Акцентируем вопросы, актуальные в контексте нашей статьи (см. оглавление «Оснований...»): *Речеведение как самостоятельное направление языкоznания со своим предметом и своими методами исследования; О центральном месте в речеведении функциональной стилистики; Об иерархии стилеобразующих факторов и классификация последних.*

Отсюда видно, что М. Н. Кожина трактует речеведение в широком смысле, то есть как лингвистическое направление, охватывающее изучение языковой системы в функциональном аспекте. В таком случае функциональная стилистика, безусловно, занимает центральное место в широком круге речеведения.

2. Концепция экстралингвистических – сильнодействующих и несильнодействующих – факторов, действующих на порождение речи [Кожина 1968]; сильнодействующие факторы понимаются как **базовые** условия формирования функциональных стилей. В развитие этой концепции подчеркнем, что в качестве основания речеведения (в узком смысле – применительно лишь к письменному научному тексту) мы предлагаем считать комплекс экстралингвистических, причем также сильнодействующих (но **не стилеобразующих**) факторов, сугубо дискурсивных, с учетом их *функциональной силы* (см. ниже). В контексте нашей статьи важно лишь то, что с учетом цели функционирования нестиеобразующие (подчеркнем: не значит не важные!) факторы могут быть интерпретированы в целом как дискурсивные.

3. Роль понятия *дискурс* в интерпретации соотношения двух смежных научных направлений. Понятие *научный дискурс* в широком смысле условно объединяет все тексты, относящиеся к эпистемической сфере деятельности. Узкая трактовка этого понятия дает возможность учитывать влияние частных экстралингвистических факто-

ров (см., например, общий стилеобразующий фактор «эпистемическая деятельность» в связке с частными, собственно дискурсивными «субъект познавательной деятельности», «психологические особенности субъекта» и др.). Надо сказать, что узкая трактовка понятия *научный дискурс* соотносится отнюдь не с упрощением познавательных задач. Выдвижение на первый познавательный план не только базовых факторов обуславливает особую значимость исследовательской установки интерпретатора. Познавательная установка соотносится с целью определить «горизонт» контекста исследования, то есть либо дать полное феноменологическое описание текста, либо хотя бы контурно локализовать, ограничить, сузить задачу. Такая установка определяет характер дискурса вместе с присущими последнему отвлеченно-обобщенными/абстрактными либо частными дискурсивными факторами, которые неизбежно осознанно или неосознанно, подспудно «вмешиваются» в выбор и употребление тех или иных языковых единиц и, в конце концов, воздействуют на формирование текста. Так, дискурс познавательной деятельности условно можно расположить в виде следующей цепочки частных дискурсов (и соответствующих им доминирующих факторов): дискурс научной деятельности, дискурс педагогической деятельности, дискурс научного семинара, дискурс полемики/дискуссии; медицинский дискурс, дискурс конкурса медсестер, консультации врача и др. Объединяющим предметом таких дискурсов является текст.

Понятие функциональная сила как условие формирования экстралингвистического фактора

Совокупность экстралингвистических факторов представлена как сильнодействующими, так и несильнодействующими факторами. Естественно, что сильнодействующие факторы доминируют, оказывая наиболее сильное влияние на отбор и целесообразное употребление языковых единиц, стиль изложения содержания и формирование смысловой структуры текста в целом. Несомненно, что сильнодействующие факторы подчиняют восприятие содержания текста читателем, а также влияют на интерпретацию исследователем в области функциональной стилистики.

Доминантность действующего фактора обуславливается степенью силы, ее мерой (не количественной, а качественной). Обратимся к толкованию концептуального понятия *сила*, данному Н. К. Рябцевой в главе 2 фундаментального труда «Язык и естественный интеллект» [Рябцева 2005: 89–124]. Процитируем: «Сила – это особое

содержание, которое проявляется и становится явным, явлением, “содержательное явление”, организующее и изменяющее мир и потому подлежащее оценке, способное само выступать основанием оценки, задавать способы оценки проходящего и выражать аксиологическое отношение к нему... Проявление силы, изменения в мире происходят потому, что сила способна *действовать, воздействовать, взаимодействовать, содействовать* с другой силой (Выделено нами. – М. К.)» [там же: 90, 91]. Значит, комбинация факторов порождает силу, меру, степень их действия на формирование того или иного текста, оказывается решающим качественным (повторим: не количественным!) условием объяснения тех или иных особенностей текста. Бесспорно, важнейшую позицию займут стилеобразующие (формирующие научный функциональный стиль) факторы, что представляет собой дисциплинарное знание, относящееся к области функциональной стилистики.

Рассматривая сильнодействующие факторы (выявленные в комплексе оказывающих влияние на порождение конкретного текста), мы придаём особое значение возможности интерпретировать их функцию в качестве либо стилеобразующей, способствующей формированию научного стиля речи, либо нестилеобразующей, но важной в целом тексте. Именно последнюю контекстуальную функцию мы именуем *сугубо дискурсивной*, в отличие от дискурсивной же, но стилеобразующей. По существу, различие проявляется в *степени функциональной силы* того или иного экстралингвистического фактора, многогранного по природе. Разнообразие факторов обуславливает многоаспектность подходов к их изучению и интерпретации: прежде всего учитываем их экстралингвистичность, дискурсивность (речь в действительной жизни), интерпретативность. Под интерпретативностью понимаем открытую перед субъектом-исследователем возможность соотносить речевые явления с теорией функциональной стилистики, в частности, устанавливать воздействие базовых факторов/причин/условий на формирование научного функционального стиля речи; кроме того, возможность не только дифференцировать рассматриваемый фактор от других, но и с учетом его функциональной силы устанавливать его действие в комплексе с подобными. Всё сказанное позволяет считать такое свойство экстралингвистического фактора, как его *функциональная сила*, основанием разграничения стилеобразующих и сугубо дискурсивных факторов (в дальнейшем лишь для краткости опускаем определение *сугубо*).

В названии монографии использована номинация *дискурсивные основания*, что в подтексте и

методологическом контексте согласуется с номинациями *сугубо дискурсивные факторы*. Влияние дискурсивных факторов речевой деятельности требует расширения контекстуального поля исследования – вплоть до целого текста. Концепция экстралингвистических факторов является плодотворной при объяснении функционирования языка в сфере науки. В частности, применение этой концепции оказывается необходимым и достаточным интерпретативным методологическим условием и аргументом в плане дифференциации (осуществляемой пока лишь на материале научных текстов) таких смежных научных направлений, как функциональная стилистика и речеведение.

Роль субъектных факторов в интерпретации смысла текста

Текст как «гуманистическая структура» (Ст. Гайда) в качестве материала исследования именно по существу объединяет функциональную стилистику и речеведение. Стремление определить различия между ними привело нас к пристальному рассмотрению причинного основания функциональной стилистики, разработанного М. Н. Кожиной в виде концепции экстралингвистических факторов. Фактор понимается как смысловая сущность, обладающая такими особенностями, как объективная ирреальность, облигаторность (неизбежность) и имплицитная полифункциональность, а также неопределенность как причина/условие его возможной субъективной интерпретации.

Речеведческий анализ научного текста, чуткий к сигналам о движении познающей мысли, стремится к объяснению причин и условий динамики, неожиданности поворотов, зигзагов, скачков и других отклонений от плавного логического течения мысли. По нашему мнению, именно речеведческий анализ научного текста предполагает учет влияния на его порождение таких экстралингвистических факторов, которые лежат *ниже* стилеобразующих, то есть ближе к субъекту мысли, но также являются сильнодействующими, текстообразующими, обуславливающими употребление тех или иных языковых единиц и смысловую структуру текста в целом. Эти функционально частные экстралингвистические факторы можно считать собственно дискурсивными – в отличие от стилеобразующих. Представляется, что именно комплекс факторов, связанных прежде всего с психологическими характеристиками субъекта познания или этапом его познавательной деятельности, формирует методологическую сетку изучения научного текста – дискурсивные основания речеведения.

В методологической сетке акцентируем *объяснительную* функцию представленной в моно-

графии интерпретации. Объяснительная функция интерпретации соотносится с выявлением и квалификацией экстралингвистических факторов. Так, все экстралингвистические факторы, как объектные, так и субъектные, включены в единый познавательный процесс, значит, ориентированы на формирование единого дискурса. При этом нельзя обойти вниманием появление такого дискурсивного фактора, как искусственный интеллект (ИИ), точнее, робот, наделенный/оснащенный искусственным интеллектом. К каким факторам следует отнести влияние искусственного интеллекта при создании «большой лингвистической модели» (LLM) – субъектным или объектным?

Трактовка представляется преждевременной, поскольку новое поколение ИИ, представленное ChatGPT (генеративным предварительно обученным трансформером), запущенным 30 ноября 2022 г., выводит инновационное развитие интеллектуальных технологий на новый исторический этап [Захихина 2023; Yu 2023]. Большая языковая модель, представленная ChatGPT, демонстрирует способность думать и отвечать на вопросы так же, как человек, проявляя творческие способности, которые ранее были недоступны профессиональному интеллекту. Вместе с тем Хао Ю считает «повородом для беспокойства» случаи академического мошенничества, которые могут привести к репутационному кризису в академической среде. Ясно, что для речеведения становится актуальной проблема использования ChatGPT (не случайно Хао Ю приводит ссылку на аннотацию коллективного исследования [Косоин et al. 2023]) и изучение того, как большая лингвистическая модель может сочетаться с человеческим мышлением и суждениями для достижения оптимальных результатов.

Так, наше сопоставление способов ввода цитат и оценочных комментариев к ним в научных текстах, подготовленных учеными, и текстах, подготовленных роботами, подтверждает гипотезу о том, что пока ChatGPT овладел не всеми функциями и возможностями человеческого мышления и интеллекта. Установлена ограниченность состава стереотипных языковых средств и структуры языковых формул, используемых чат-ботом GPT для выражения несогласия. В частности, для обозначения критической оценки цитаты зафиксирован лишь один способ – речевая тактика «возражение под видом согласия», реализованная по схеме *Да (+)*. Однако *(–)*. Схема презентирована вариантами, в которых в левой части расположена «зона согласия», в правой (после противительного союза) – «зона несогласия»: *Как подчеркивает N: «Цитата»* (ссылка). Это утверждение справедливо, однако критики

отмечают, что... / «Цитата» (ссылка). Однако критики утверждают, что... / *N утверждает: «Цитата»* (ссылка). Это создает пространство для..., однако... / «Цитата» (ссылка). Это создает пространство для... Однако...

Анализ примеров убеждает в автоматизации создания текста и, соответственно, отсутствии реального субъекта познавательной деятельности.

Таким образом, именно речеведческий подход к тексту, учитывающий влияние нового экстралингвистического (нестилеобразующего, но сильно действующего) фактора – наличие ИИ, позволяет квалифицировать статус автора научного текста как носителя естественного или искусственного интеллекта.

Влияние медиапространства на смысловую структуру научного текста

Многообразие экстралингвистических факторов обуславливает актуальность отбора для изучения их функции управления формированием смысловой структуры текста. Так, очевидно, что под влиянием ИИ в современном медиапространстве имеет место диффузия жанровых форм научного текста. Интеграция осуществляется не только в пределах научного текста, но и на стыке разных явлений: научного текста и программирования, научного текста и медиасферы.

Об особом статусе **современных** научных текстов в медиапространстве свидетельствует использование способности GPT создавать текст (или хотя бы фрагмент текста). Эта способность робота все шире используется человеком (обладателем естественного интеллекта). В свою очередь, «роботизация» как усиление воздействия искусственного интеллекта на читателя ослабляет (если не сказать *вытесняет*) текстообразующую функцию человека. При порождении научного текста в медиапространстве ИИ как сильно действующий дискурсивный фактор становится доминирующим. В современных научных текстах, подобно «клиповому алгоритмизации», можно встретить *дробление научного знания*. Это проявляется в тексте через многочисленные, нередко не связанные друг с другом информационные сообщения, которые выстраиваются в цитатную «очередь»: *Мозговым субстратом представлений о количестве считается область внутритеменной борозды <...>. Сейчас в литературе имеется большое количество данных о том, что внутритеменная борозда отвечает за представления о количественном значении (величине) числового символа <...>*. Это доказывается активацией зоны внутритеменной борозды во время обработки информации о количестве объектов в наборе <...>. Более того, когда функционирование внутритемен-

ной борозды нарушено магнитной стимуляцией, затрагивается способность оценивать дискретные величины... [Глиник 2022: 19]. Текстовая неоднородность, создаваемая за счет взаимодействия различных ссылочных отрезков внутри одного произведения, имеет «навигационный» характер. В таком случае цитата приобретает еще и функцию «подмены ответственности автора» цитируемого фрагмента: *как сообщает N*, значит, научный журнал Y реализует смысловую интенцию «я не отвечаю за истинность информации, вся ответственность лежит на субъекте цитации». В настоящее время в разных областях науки наблюдается тенденция к чрезмерному цитированию/отсылке к разным источникам, что, безусловно, снимает ответственность с субъекта речи. При этом формируется закономерность: чем больше «чужих голосов» включается в текст, тем меньшее значение имеет его непосредственный автор. Такое замещение в тексте позиции автора можно назвать «имитацией присутствия автора». Нельзя не разделить озабоченность исследователей, получивших неутешительный результат: в научных медицинских и естественно-научных текстах статей в разделе «Обоснование проблемы», «Актуальность», «Обсуждение основных результатов исследования» демонстрируются ссылки (цитирование) в 95–100-процентном объеме без переходов на собственный текст (см. примеры статей: [Дубинская и др. 2022]).

Такой способ презентации знания можно считать реализацией коммуникативной стратегии «уход от ответственности» / «теневое присутствие»: хотя автор обозначен персонально, он выступает не активным транслятором идей, а в качестве пассивного представителя «научной корпорации». Авторы могут сократить или расширить цитату своим комментарием, интерпретировать и пересказать ее в соответствии со своим коммуникативным намерением, в результате чего цитата становится мощным средством манипуляции сознанием адресата. Современная цитата приобретает функцию «пароля», становясь «фоновой», теряющей концептуальную значимость в контексте. Она маркирует лишь отношения «свой/ чужой» между автором и адресатом: если адресат опознает цитату, он включается в «свой круг». Очень ярко именно эта функция реализуется в современном научном тексте.

Функция манипуляции читательским сознанием презентирована в ситуации с искажением цитат, «выдергиванием» цитат из контекста: так, смысл конфуцианского изречения «Твой текст – это не твой текст...» становится понятен, если продолжить его: «как текст своего

времени» [Булыгина, Шмелев 1997]. Особенno беспристрастными и неопровергими цитаты выглядят в малых жанрах современного научного текста или в блогерских текстах, в которых автор нередко «как произносит, так и пишет». В этом случае между вербальным текстом и его восприятием и возникает «зазор», позволяющий подобную квазицитату интерпретировать в соответствии с заданной целью. Ограниченнное пространство (сегодня уже и время) не позволяет автору приводить высказывание в целом, поэтому в «кадре текста» он использует оригинальную цитату в переосмыщенном виде/состоянии.

Не представляется возможным перечислить все или хотя бы большинство языковых средств манипуляции, корректнее было бы говорить о манипулятивном потенциале многих единиц, средств и речевых приемов, которые эксплицитно представлены в современных научных текстах. Важно акцентировать наличие особой функции медиапространства и необходимость соблюдать в нем этический кодекс научного речевого общения.

Исследования в области научной коммуникации свидетельствуют о том, что с возникновением и развитием информационных технологий сформировался «новый вид текста», уникальный по синтезу в нем звучащей и видимой речи, «текст высшей семиотической сложности» [Володина 2008: 14], в котором вербальная информация передается адресату-потребителю с установкой на pragматичность, экономность во времени и пространстве и, как следствие, уплотнение и концентрацию научного знания. Таким образом, при переносе научного знания в онлайн-формат оно получает новые смысловые оттенки и «медиевые добавки» [Добросклонская 2008]. По существу, медиасфера – «новый коммуникационный орган влияния», особенность которого заключается в том, что он может быть включен в разные структуры (невербального, визуального, речевого) текста и в разные «медиевые обстоятельства» (от научной заметки – тезисов – статьи – до поста-блога) [Засурский 2007: 10].

Специфика научного текста как особого «медиапродукта», связанная с изменением статуса классического произведения, определяется внешними условиями его существования, к которым можно отнести следующие.

Особый тип и характер научной информации в контексте медиапространства – «без жесткого определения содержания такой информации – лишь бы она рассматривалась отправителем и получателем как существенная, важная или даже необходимая обществу как массовому ее потребителю» [Кубрякова, Цурикова 2008: 185].

Медиапространство и научный текст (как часть его) конструируют собственную реальность (Н. Луман), в которой живет современный человек; моделируют идеологизированную картину мира (Т. ван Дейк, У. Эко); создают «информационные построения действительности», которые определяются стремлением не только к научной документальности и реальности, но и вымыслам и «даже имеют виртуальный характер» [Володина 2008: 46]. Именно сегодня важна грань между интуитивным/факторологическим и иллюзорным знанием, а также взаимосвязь всех типов научного знания в современном медиапространстве.

Современные научные тексты в аспекте медиапространства отличаются от других видов текстов тем, что в них используются, систематизируются и сокращаются, перерабатываются и особым образом оформляются разные виды текстов, которые считаются «первичными» [Богуславская 2017: 166]. Научные тексты сегодня существуют как гипертексты или интертексты, «в перекличке с другими текстами, даже если последние явно не цитируются» [Петренко 2008: 170].

Речеведческий анализ текстов

Развитие стилистики обусловлено спецификой интерпретации – «субъективным мнением об объективной действительности» (Н. К. Рябцева), причем в отношении не только информации, но и оценки «в зависимости от задач коммуникации – индивидуальными, жанровыми, ситуативными и другими частными задачами конкретного высказывания» [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 88]. Важно, что создается особый характер речи, проявляющийся как в функциональном стиле, так и в индивидуальном, или идиостиле. Установка неизбежно, облигаторно вызывает к употреблению различные, в каждом случае свои языковые единицы, придающие дискурсивную особинку (на ум приходит прежде всего обиходная ситуация) отнюдь не только разговорной речи, но и научной, публицистической и др., а также медицинской, спортивной, юбилейной и др. разновидностям речи. Подчеркивая значение терминированных понятий *дискурсный* (через отношение к дискурсу в отвлеченно-обобщенном значении) и *дискурсивный* (как имеющий особую окраску, именно дискурсивную), можно определить эти понятия, установив тем самым отношения «абстрактное – конкретное», «общее – частное» между терминами *дискурс*, *дискурсный* и *дискурсивный*. Весьма важное в методологическом отношении обобщение относительно значимости понятия дискурса находим в учебном пособии М. Р. Львова, отметившего, что «теория дискурса (речи – франц.) позволяет связать речь, текст с

pragmaticическими, социокультурными, психологическими факторами, с ментальностью, традициями, философскими, мировоззренческими позициями общающихся», на этом основании логично заключая, что «изучение языка и речи требует широкой общекультурной и общенаучной основы» [Львов 2002: 21]. Иначе говоря, трактовка дискурса как продуктивного понятия функциональной лингвистики, несомненно, обуславливает применение трансдисциплинарного подхода.

Изучение текста предполагает как описание формирования нового знания, так и объяснение этого процесса. Действительно эффективное получение нового гуманитарного научного знания может быть обеспечено посредством трансдисциплинарного подхода [Котюрова 2020: 73–79], то есть усилиями ученых в разных областях науки – науковедения, эпистемологии, психологии научного творчества, психолингвистики, социопсихолингвистики и др.

К аргументам отпочкования речеведческого анализа текстов от функционально-стилистического мы относим наличие экстралингвистических факторов, связанных с субъектом деятельности – главным атрибутом гуманистической сущности изучаемого объекта. Так, ярким примером субъектного экстралингвистического фактора может послужить *интуиция* как свойство творческой (креативной) познавательной деятельности ученого [Дискурсивные... 2024]. Как подчеркивает Л. С. Тихомирова, в речеведческом отношении существенно то, что в научном, особенно теоретическом, тексте «всплески» интуитивного знания, вернее, прорыва к знанию, появляются не только в случаях эвристического (мгновенного, непредсказуемого) получения знания, но и в других случаях, имеющих место на всех этапах познавательной деятельности, в силу линейности текста рассыпанных по его поверхности.

Интуитивное понимание – один из необходимых компонентов интуитивного мышления, неизбежно требующий от автора поиска средств для верbalного выражения в тексте. Вместе с тем предварительное изучение интуитивного понимания научного текста [Котюрова 2024] позволило получить следующие наблюдения: а) интуитивное мышление может быть вербализовано в тексте лишь косвенно, а не специальными языковыми единицами (важно, что при анализе текстов они не зафиксированы); б) в результате контекстуального, функционально-семантического, анализа установлено, что интуиция может проявляться (а может и не проявляться, если автор раскрывает ее рациональными логико-семантическими средствами) на

любом этапе познавательной деятельности; в) речеведческий анализ включает интерпретацию научного текста, его фрагментов и речевых единиц, употребление которых обусловлено интуитивным пониманием как экстралингвистическим *дискурсивным* фактором.

Другим примером «субъектного» экстралингвистического фактора, оказывающего сильное влияние на создание научного полемического текста, является *коммуникативная установка автора*. Научные полемические тексты представляют собой текстовые варианты, формирующиеся под воздействием не базовых (стилеобразующих), а прежде всего дискурсивных, но сильнодействующих экстралингвистических факторов, связанных с реализацией авторского замысла. Научно-познавательная деятельность выступает общим фактором стилеобразования, а дискурсивным сильнодействующим фактором являются компоненты коммуникативно-прагматической ситуации – установки, интенции, цели (опровержение и утверждение) субъектов научно-познавательной деятельности и сами субъекты. Безусловно, обращение к конкретной коммуникативной ситуации и дискурсивным факторам научной речи, «приближенным» к субъекту научно-познавательной деятельности, свидетельствует о том, что этот подход **речеведческий**. Коммуникативная установка автора на кооперативность или конфронтативность детерминирует особенности построения научного полемического текста, его функциональную окраску, закономерности отбора и употребления языковых единиц. Влияние доминирующей установки на реализацию коммуникативных целей субъекта полемики в коммуникативно-прагматическом и стилистическом плане превращает научный полемический текст в неоднородное явление.

Приведем примеры реализации тактики «возражение под видом согласия», которая является одной из центральных в научном полемическом тексте («зона согласия» выделена полужирным курсивом, «зона несогласия» – подчеркнутым). Анализ материала свидетельствует о том, что эта тактика, с одной стороны, может выражать готовность к сотрудничеству: **Несомненно, положение, при котором два явления четко отграничены друг от друга и исследователь имеет в своем распоряжении четко определенное пороговое значение, является удобным и желательным. Однако мне не известен ни один случай... Поэтому брать на себя ответственность за установление и обоснование порогового значения для отделения регулярности от нерегулярности я бы не решилась**, хотя могу предложить пару соображений [Горбова 2017: 35]. Приводимый контраргумент и некатегорич-

ное предложение решить спорный вопрос в виде альтернативы соотносятся с установкой на кооперативное общение. С другой стороны, тактика «возражение под видом согласия» может становиться манипулятивной, когда автор показывает превосходство своего мнения над мнением оппонента, о чем свидетельствует используемая далее ирония, реализующая намерение автора дискредитировать оппонента в глазах читателя как компетентного ученого: **В. И. Столяров упрекает меня в нескромности, которая проявляется, по его мнению, уже в названии моей книги. Может, в некоторой степени он и прав. Однако в названии всё же сказано лишь – «к корректировке базовых представлений», к корректировке – и не более, а в Предисловии к книге специально подчеркивается, что свою задачу автор видит не в создании новой концепции и даже не в «наведении мостов» между философской антропологией и теорией физической культуры – дисциплинами, которые сегодня неестественно разобщены, а в том, «чтобы по возможности более четко обозначить те берега, между которыми должны быть указанные мосты проложены» [3, 6–7]. И если уж говорить об амбициях авторов и отражении этих амбиций в названиях публикаций, то куда мне до В. И. Столярова, который одну из своих работ прямо так и называет «новая концепция» [6] – куда уж больше (тем более что концепции-то у него нет – ни новой, ни старой, о чем ниже [Визитей 2011: 51].**

Таким образом, речеведческий анализ языковых единиц позволяет квалифицировать данную тактику и как кооперативную, и как манипулятивную – в зависимости от целеустановки автора.

Заключение

Итоги речеведческого подхода к тексту мы соносим с тем, что такой углубленный анализ расширяет наши представления о функционировании языка в научной сфере коммуникации.

Предпринятый авторами поиск аргументов в защиту названия коллективной монографии «Дискурсивные основания речеведения» обусловлен явной тавтологией компонентов *дискурс* и *речь*. Несомненно, что дискуссионный характер номинации «дискурсивные основания речеведения» предполагает необходимость аргументировать ее введение в научный оборот. Несмотря на то что лингвистикой приняты понятия *речь* и *дискурс*, для дальнейшего осмысления потребовалось уточнение весьма широкого понятия *экстралингвистические факторы*, дифференциация *сильнодействующих* факторов на *стилеобразующие* и *нестилеобразующие* (которые также могут быть важными), доминирующую

щими), то есть собственно дискурсивные. Тем самым вводится теоретически существенное ограничение: совокупность именно дискурсивных факторов (собственно для краткости опущено) выступает в качестве методологического основания нового научного направления – речеведения. Такой подход к экстраглавионтическим факторам не противоречит стилистической теории М. Н. Кожиной.

В данной статье для аргументации защищаемой номинации «дискурсивные основания речеведения» рассмотрены такие вопросы, как дискурсивный характер названия, роль экстраглавионтических факторов в интерпретации (при разграничении) смежных научных направлений – функциональной стилистики и речеведения, «градуальное» понятие *функциональная сила* как условие установления экстраглавионтического фактора, значение субъектных факторов в формировании смысловой структуры научного текста, влияние медиапространства на смысловую структуру научного текста. Представленный речеведческий анализ текста учитывает влияние субъекта коммуникативно-познавательной деятельности, обладающего естественным интеллектом (ЕИ), или субъекта, наделенного искусственным интеллектом (ИИ).

Таким образом, осуществлено применение разработанного М. Н. Кожиной подхода к функционально-смысловой основе научного текста как совокупности *экстраглавионтических факторов*, в частности, установлено воздействие на построение научного текста *собственно дискурсивных факторов*, интерпретируемых как основание лингвистического направления – речеведения. Приведенные аргументы вкупе с анализом текста свидетельствуют о большой объяснительной силе понятия *собственно дискурсивные факторы* и его продуктивности для речеведения.

Аргументом перспективности речеведческого изучения текстов можно считать исследование дискурса исполнительной власти, осуществленное М. А. Ширинкиной. Представляется весьма ценной для утверждения речеведения как самостоятельного лингвистического направления мысль о «выдвижении дискурсивного фактора на роль классифицирующего основания» [Ширинкина 2022: 121]. «Этот дискурс охватывает все создаваемые исполнительной властью тексты, как принадлежащие официально-деловому стилю, так и относящиеся к межстилевым зонам на пересечении с публицистическим и научным макростилями. Весь этот текстовой континуум отражает деятельность данной ветви власти и служит реализации функции управления» [там же]. В контексте нашей статьи особенно важным является уточнение относительно понятий *текст* и *дискурс*: «...их противопоставленность

существенна в области глобальных функционально-языковых явлений. Сами же феномены неотрывны друг от друга, так что любая дискурсивная практика может интерпретироваться и на общих речедеятельностных основаниях (с преобладанием научного внимания к области процессов речевой деятельности)» [там же: 43]. Подчеркнем, что мы аналогично рассматриваем номинации смежных понятий *функциональная стилистика* и *речеведение*.

Кроме того, в поддержку речеведения как самостоятельного направления функциональной лингвистики можно назвать идею антропоцентризма, о важной роли которого пишет Л. М. Алексеева: «Антропоцентризм не просто является принципом развития современной науки, но и определяет предметы отдельных наук, в частности научного перевода» [Алексеева 2013: 9]. В обобщении к главе 4 «Дискурсивный фактор *переводчик* и его презентация в тексте» нашей монографии Л. В. Кушнина обоснованно и потому убедительно заключает: «Мы приходим к выводу о том, что диалог переводчика с автором и/или читателем строится на речеведческих принципах, соотносимых с его принадлежностью к **экстраверсивному** или **интроверсивному психотипу**, что обуславливает необходимость дальнейшего изучения речевой индивидуальности переводчика в свете идей антропоцентризма и речеведения» [Дискурсивные... 2024: 265].

Представленные аргументы в защиту номинации *дискурсивные основания речеведения* призваны убедить читателя названной монографии принять эту номинацию как вполне возможную с учетом узкого, можно сказать, контекстуального, толкования терминированного словосочетания *дискурсивные основания*.

Список литературы

Алексеева Л. М. Специфика научного перевода (антропоцентрический аспект). Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2013. 189 с.

Богуславская В. В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов. М.: URSS, 2017. 280 с.

Булыгина Т. А., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 556 с.

Визитей Н. Н. О методах и формах научной дискуссии: без претензии на полное освещение вопроса (иронические заметки) // Теория и практика физической культуры. 2011. № 3. С. 50–54.

Володина М. Н. Язык массовой коммуникации – особый язык социального взаимодействия // Язык средств массовой информации / отв. ред. М. Н. Володина. М.: Академический проект, 2008. С. 27–47.

Глиник О. А. Нарушения счетных навыков: обзор причин и нейропсихологических механизмов дискалькулии // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27, № 1. С. 17–26. doi 10.17759/pse.2022270102

Горбова Е. В. Русское видеообразование: словоизменение, словоклассификация или набор квазиграмм? (еще раз о болевых точках русской аспектологии) // Вопросы языкоznания. 2017. № 1. С. 24–52.

Дискурсивные основания речеведения: научный текст – новое знание – перевод: коллективная монография / М. П. Котюрова, Е. А. Баженова, Л. В. Кушнина, Н. В. Соловьева, Л. С. Тихомирова; под общ. ред. М. П. Котюровой. М.: Флинта: Наука, 2024. 300 с.

Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2008. 264 с.

Дубинская Е. Д. и др. Прогнозирование изменений овариального резерва после цистэктомии-при эндометриомах с помощью балльной диагностической шкалы / Е. Д. Дубинская, А. С. Гаспаров, А. А. Дутов, М. Р. Оразов, М. А. Союнов // Вестник РАМН. 2022. Т. 77, № 1. С. 5–12.

Засурский Я. Н. Медиатекст в контексте конвергенции // Язык современной публицистики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. С. 7–12.

Зашихина И. М. Подготовка научной статьи: справится ли ChatGPT? // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 8. С. 24–47.

Кожина М. Н. К основаниям функциональной стилистики. Пермь: Перм. ун-т, 1968. 251 с.

Кожина М. Н. Стилистика и речеведение на современном этапе // Стил. 2003. С. 11–27.

Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка: учебник. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

Котюрова М. П. Стилистика научной речи: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. 2-е изд., испр. М.: Академия, 2012. 240 с.

Котюрова М. П. Дискурсивно-стилистический аспект научного текста // Русская речевая культура и текст: материалы XI Междунар. науч. конф. (г. Томск, 22–23 октября 2020 г.); под общ. ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во Томск. ЦНТИ, 2020. 294 с.

Котюрова М. П. Интуитивное понимание как дискурсивный фактор (к речеведческому анализу научного текста) // Современная речевая коммуникация в разных сферах жизни общества: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию профессора О. Б. Сиротининой (г. Саратов, 20–21 октября 2023 г.) / под ред. А. Н. Байкуловой и

А. В. Дегальцевой. Саратов: Техно-Декор, 2024. С. 123–136.

Кубрякова Е. С., Цурикова Л. В. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности // Язык средств массовой информации / отв. ред. М. Н. Володина. М.: Академический проект, 2008. С. 183–209.

Львов М. Р. Основы теории речи: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2002. 248 с.

Петренко В. Ф. Психосемантика массовых коммуникаций // Язык средств массовой информации. М., 2008. С. 170–182.

Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект: монография. М.: Academia, 2005. 639 с.

Сиротинина О. Б. Стилистика и речеведение // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 9 (по материалам Междунар. науч. конф.) / отв. ред. М. П. Котюрова; Перм. ун-т. Пермь, 2005. С. 213–215.

Сиротинина О. Б. Что обеспечивает эффективность современного научного текста? // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: сб. науч. тр. Вып. 15 / отв. ред. А. Г. Пастухов; Орлов. гос. ин-т культуры. Орел: Горизонт, 2018. С. 21–30.

Ширинкина М. А. Дискурс исполнительной власти: теоретические основы. Пермь, 2022. 146 с.

Kocoń J. et al. ChatGPT: Jack of all trades, master of none / J. Kocoń, I. Cichecki, O. Kaszyca, M. Kochanek, D. Szydło, J. Baran // Information Fusion. 2023. Vol. 99. 101861. URL: https://www.researchgate.net/publication/368688549_ChatGPT_Jack_of_all_trades_master_of_none (дата обращения: 11.03.2025). doi 10.48550/arXiv.2302.10724

Yu H. Reflection on whether Chat GPT should be banned by academia from the perspective of education and teaching // Front. Psychol. 2023. Vol. 14. 1181712. doi 10.3389/fpsyg.2023.118171

References

Alekseeva L. M. *Spetsifika nauchnogo perevoda (antropotsentrcheskiy aspekt)* [The Specificity of Scientific Translation (Anthropocentric Aspect)]. Perm, Perm State University Press, 2013. 189 p. (In Russ.)

Boguslavskaya V. V. *Modelirovanie teksta: lingvosotsiokul'turnaya kontsepsiya. Analiz zhurnalistskikh tekstov* [Text Modelling: A Linguosociocultural Concept. The Analysis of Journalistic Texts]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2017. 280 p. (In Russ.)

Bulygina T. A., Shmelev A. D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira* [Language Conceptualization of the World]. Moscow, Languages of the Russian Culture Publ., 1997. 556 p. (In Russ.)

Vizitey N. N. *O metodakh i formakh nauchnoy diskussii: bez pretenzii na polnoe osveshchenie voprosa (ironicheskie zamekty)* [On the methods and forms of scientific discussion: without claiming to fully cover the issue (ironic notes)]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury* [Theory and Practice of Physical Culture], 2011, issue 3, pp. 50-54. (In Russ.)

Volodina M. N. Yazyk massovoy kommunikatsii – osobyy yazyk sotsial'nogo vzaimodeystviya [The language of mass communication – a special language of social interaction]. *Yazyk sredstv massovoy informatsii* [The Language of Mass Media]. Ed. by M. N. Volodina. Moscow, Akademicheskiy proekt Publ., 2008, pp. 27-47. (In Russ.)

Glinik O. A. *Narusheniya schetnykh navykov: obzor prichin i neyropsikhologicheskikh mekhanizmov diskal'kulii* [Numeracy skills disorders: review of causes and neuropsychological mechanisms of dyscalculia]. *Psichologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2022, vol. 27, issue 1, pp. 17-26. doi 10.17759/pse.2022270102. (In Russ.)

Gorbova E. V. *Russkoe videoobrazovanie: slovoizmenenie, slovoklassifikatsiya ili nabor kvazigrammem? (eshche raz o bolevykh tochkakh russkoy aspektologii)* [Aspectual formation of Russian verbs: Inflection, derivation, or a set of quasigrammemes? ('sore points' of Russian aspectology revisited)]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 2017, issue 1, pp. 24-52. (In Russ.)

Diskursivnye osnovaniya rechevedeniya: nauchnyy tekst – novoe znanie – perevod [Discursive Foundations of Speech Studies: Scientific Text – New Knowledge – Translation]. Kotyurova M. P., Bazhenova E. A., Kushnina L. V., Solov'eva N. V., Tikhomirova L. S. Ed. by M. P. Kotyurova. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2024. 300 p. (In Russ.)

Dobrosklonskaya T. G. *Medialingvistika: sistemyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI: sovremennoy angliyskaya mediarech'* [Media Linguistics: A Systematic Approach to the Study of Media Language: Contemporary English Media Discourse]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2008. 264 p. (In Russ.)

Dubinskaya E. D. et al. Prognozirovaniye izmeneniy ovarial'nogo rezerva posle tsistektomii pri endometriomakh s pomoshch'yu ball'noy diagnosticheskoy shkaly [The prediction of ovarian reserve changes after cystectomy in patients with endometrioma using the point scale system]. *Vestnik RAMN* [Annals of the Russian Academy of Medical Sciences], 2022, vol. 77, issue 1, pp. 5-12. (In Russ.)

Zasurskiy Ya. N. *Mediatekst v kontekste konvergentsii* [Media text in the context of convergence]. *Yazyk sovremennoy publitsistiki* [The Language of Contemporary Journalism]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 2007, pp. 7-12. (In Russ.)

Zashikhina I. M. *Podgotovka nauchnoy stat'i: spravitsya li ChatGPT?* [Scientific Article Writing: Will ChatGPT Help?]. *Vysshhee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2023, vol. 32, issue 8, pp. 24-47. (In Russ.)

Kozhina M. N. *K osnovaniyam funktsional'noy stilistiki* [The Foundations of Functional Stylistic]. Perm, Perm State University Press, 1968. 251 p. (In Russ.)

Kozhina M. N. *Stilistika i rechevedenie na sovremennom etape* [Stylistics and speech studies at the modern stage]. *Stil* [Style], 2003, pp. 11-27. (In Russ.)

Kozhina M. N., Duskaeva L. R., Salimovskiy V. A. *Stilistika russkogo yazyka: uchebnik* [The Stylistics of the Russian Language: A textbook]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2008. 464 p. (In Russ.)

Kotyurova M. P. *Stilistika nauchnoy rechi* [The Stylistics of Scientific Speech]. Moscow, Akademiya Publ., 2012. 240 p. (In Russ.)

Kotyurova M. P. *Diskursivno-stilisticheskiy aspekt nauchnogo teksta* [Discursive-stylistic aspect of scientific text]. *Russkaya rechevaya kul'tura i tekst* [Russian Speech Culture and Text: Proceedings of the XI International Scientific Conference (October 22–23, 2020)]. Ed. by Prof. N. S. Bolotnova. Tomsk, Tomsk Scientific and Technical Information Center Publ., 2020. 294 p. (In Russ.)

Kotyurova M. P. *Intuitivnoe ponimanie kak diskursivnyy faktor (k rechevedcheskomu analizu nauchnogo teksta)* [Intuitive understanding as a discursive factor (toward speech analysis of scientific text)]. *Sovremennaya rechevaya kommunikatsiya v raznykh sferyakh zhizni obshchestva* [Contemporary Speech Communication in Different Areas of the Life of Society: a collection of scientific articles based on the Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of birth of Professor O. B. Sirotina (Saratov, October 20–21, 2023)]. Ed. by A. N. Baykulova and A. V. Degal'tseva. Saratov, Techno-Dekor Publ., 2024, pp. 123-136. (In Russ.)

Kubryakova E. S., Tsurikova L. V. *Verbal'naya deyatel'nost' SMI kak osobyy vid diskursivnoy deyatel'nosti* [Verbal activity of the media as a special type of discursive activity]. *Yazyk sredstv massovoy informatsii* [The Language of Mass Media]. Ed. by M. N. Volodina. Moscow, Akademicheskiy proekt Publ., 2008, pp. 183-209. (In Russ.)

L'vov M. R. *Osnovy teorii rechi: uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh pedagogicheskikh uchebnykh zavedeniy* [The Fundamentals of Speech Theory: A textbook for students of higher pedagogical institutions]. Moscow, Akademiya Publ., 2002. 248 p. (In Russ.)

Petrenko V. F. *Psikhosemantika massovykh kommunikatsiy* [The psychosemantics of mass communications]. *Yazyk sredstv massovoy infor-*

matsii [The Language of Mass Media]. Ed. by M. N. Volodina. Moscow, Academiccheskiy proekt Publ., 2008, pp. 170-182. (In Russ.)

Ryabtseva N. K. *Yazyk i estestvennyy intellekt: monografiya* [Language and Natural Intelligence]. Moscow, Academia Publ., 2005. 639 p. (In Russ.)

Sirotinina O. B. *Stilistika i rechevedenie* [Stylistics and Speech Studies]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste* [Stereotypicality and Creativity in Text: an interuniversity collection of scientific works (based on the proceedings of the International Scientific Conference)]. Ed. by M. P. Kotyurova. Perm, Perm State University Press, 2005, issue 9, pp. 213-215. (In Russ.)

Sirotinina O. B. Chto obespechivaet effektivnost' sovremennoogo nauchnogo teksta? [What ensures the effectiveness of a contemporary scientific text?]. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediynom diskurse* [Genres and Types of a Text in Scientific

and Media Discourse: a collection of scientific works]. Ed. by A. G. Pastukhov, Oryol State Institute of Culture. Oryol, Horizont Publ., 2018, issue 15, pp. 21-30. (In Russ.)

Shirinkina M. A. *Diskurs ispolnitel'noy vlasti: teoreticheskie osnovy* [The Discourse of Executive Power: Theoretical Foundations]. Perm, 2022. 146 p. (In Russ.)

Kocoń J., Cichecki I., Kaszyca O. et al. ChatGPT: Jack of all trades, master of none. *Information Fusion*, 2023, vol. 99, 101861. Available at: https://www.researchgate.net/publication/368688549_ChatGPT_Jack_of_all_trades_master_of_none (accessed 11 Mar 2025). doi 10.48550/arXiv.2302.10724 (In Eng.)

Yu H. Reflection on whether Chat GPT should be banned by academia from the perspective of education and teaching. *Frontiers in Psychology*, 2023, vol. 14, 1181712. doi 10.3389/fpsyg.2023.118171. (In Eng.)

Arguments in Defense of the Nomination ‘Discursive Foundations of Speech Studies’ (Clarifying the Concept of ‘Discursive Foundations’)

Maria P. Kotyurova

Professor in the Department of Russian Language and Stylistics
Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia. kotyurova@yandex.ru

SPIN-code: 1625-0504
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5418-726X>
ResearcherID: N-9344-2017

Natalya V. Solovyova

Associate Professor in the Department of Russian Language and Stylistics
Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia. biserova@bk.ru

SPIN-code: 4265-7910
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8401-9942>
ResearcherID: GWC-5042-2022

Larisa S. Tikhomirova

Associate Professor in the Department of Russian Language and Stylistics
Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia. tikhomirova.lar@yandex.ru

SPIN-code: 7333-3508
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3068-2770>

Submitted 11 Jul 2025

Revised 08 Aug 2025

Accepted 01 Sep 2025

For citation

Kotyurova M. P., Solovyova N. V., Tikhomirova L. S. Argumenty v zashchitu nominatsii «diskursivnye osnovaniya rechevedeniya» (k utochneniyu ponyatiya «diskursivnye osnovaniya») [Arguments in Defense of the Nomination ‘Discursive Foundations of Speech Studies’ (Clarifying the Concept of ‘Discursive Foundations’)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 4, pp. 41–54. doi 10.17072/2073-6681-2025-4-41-54. EDN FEPKQV (In Russ.)

Abstract. In contemporary linguistics, with the emergence of a new scientific field – speech studies, which has gradually separated from functional stylistics, the need has arisen to substantiate its independence and the legitimacy of differentiating these fields. The article presents arguments in defense of a contentious nomination – ‘discursive foundations of speech studies’. Following M. N. Kozhina, the creator of the well-known theory of functional styles, according to which the methodological basis for the differentiation of styles lies in their being conditioned by a set of extralinguistic factors, the authors of the article develop a concept closely related to the extralinguistic foundation of functional stylistics – ‘discursive foundations of speech studies’.

The article aims to emphasize the relevance of searching for arguments in support of the proposed nomination. The authors offer the following hierarchy of extralinguistic factors: discursive (in a broad understanding of discourse) strongly influential style-forming factors and strongly influential but not style-forming, specifically discursive, factors (in a narrow understanding of discourse). This approach to the extralinguistic foundation, without contradicting M. N. Kozhina’s theory, makes it possible to differentiate the two related linguistic fields and offers an interpretation of the discursive foundations of speech studies. The article describes the properties and role of subject-related extralinguistic factors in the interpretation of the semantic structure of texts. It is the complex of factors primarily related to the psychological characteristics of the cognizing subject or to the stage of the subject’s cognitive activity that forms the methodological framework for studying scientific texts – the discursive foundations of speech studies. The proposed approach is illustrated through a speech analysis of a fragment of a scientific text. A conclusion is drawn regarding the potential of the clarified concept of ‘discursive foundations’ and the possibilities of using the nomination ‘discursive foundations of speech studies’.

Key words: functional stylistics; speech studies; discursive foundations of speech studies; extralinguistic factors; discursive factors.

УДК 81'25

doi 10.17072/2073-6681-2025-4-55-63

<https://elibrary.ru/ikczno>

EDN IKCZNO

Переводчик и реципиент как субъекты дискурса: аксиологический аспект

Кушнина Людмила Вениаминовна

д. филол. н., профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

614000, Россия, г. Пермь, Комсомольский пр., 29. lkushnina@yandex.ru

SPIN-код: 5273-8845

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4360-7243>

Статья поступила в редакцию 21.10.2025

Одобрена после рецензирования 23.10.2025

Принята к публикации 27.10.2025

Информация для цитирования

Кушнина Л. В. Переводчик и реципиент как субъекты дискурса: аксиологический аспект // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 4. С. 55–63. doi 10.17072/2073-6681-2025-4-55-63. EDN IKCZNO

Аннотация. Статья посвящена дискурсивному анализу переводческой деятельности как неотъемлемому компоненту современного речеведения, основы которого были заложены М. Н. Кожиной. Будучи общелингвистическим направлением, речеведение определяет развитие смежных гуманитарных наук, включая переводоведение, где в качестве речеведческих факторов рассматриваются субъекты переводческой коммуникации: переводчик и иноязычный реципиент. В основу исследования положено понятие эпистемической ситуации (ЭС), разрабатываемое М. П. Котюровой и Е. А. Баженовой в русле идей основателя пермской школы. Опираясь на триединую сущность понятия ЭС (единство онтологического, методологического и аксиологического планов научной коммуникации), автор статьи акцентирует внимание на аксиологической составляющей процесса перевода и выдвигает гипотезу о значимости оценки качества переводного текста не только со стороны переводчика, но и со стороны реципиента. В статье показано, что дифференциация оценки качества перевода становится возможной при условии интеграции российских и китайских концепций в аспекте современного экопереводоведения. Речь идет о результатах исследований китайского ученого Ху Гэншэня, основателя экотранслатологии, и об авторской концепции переводческого пространства как синергетической модели перевода. Если в переводческом пространстве в качестве аксиологической категории выдвигается гармоничность, то есть соразмерность смыслов текстов оригинала и перевода, к которой стремится переводчик, то в рамках экотранслатологии аксиологической категорией является экологичность, определяемая как понятность текста перевода иноязычным и инокультурным реципиентом. Делается вывод о том, что с позиций переводчика выявляется соразмерность экосмыслов, что находит отражение в культурообразности, природообразности и антропообразности экоконцептов оригинала и перевода, а с позиций реципиента – экологичность, что соответствует понятности текста, его естественному вхождению в целевую лингвокультуру.

Ключевые слова: речеведение; переводческое пространство; экология перевода; экотранслатология; аксиология перевода; переводчик; реципиент, дискурс.

Исследуя труды основателя пермской школы функциональной стилистики Маргариты Николаевны Кожиной, заложившей основы речеведения как целостной теории речи, а также исследования ее единомышленников, соратников, учеников, мы приходим к выводу о том, что ключевые положения, сформулированные этими исследователями, обладают мощным эвристическим потенциалом.

На первый взгляд, наши работы, находящиеся в русле переводоведения, не вписываются в проблематику функциональной стилистики. Между тем более пристальный взгляд на современные исследования показывает, что многие идеи, принципы, положения теории перевода восходят к функционально-стилистическим разысканиям пермской школы функциональной стилистики, развивая и обогащая их. В наших работах мы опираемся на понятие эпистемической ситуации, введенное М. П. Котюровой и получившее расширенную трактовку в исследованиях Е. А. Баженовой, что позволило нам проанализировать эпистему перевода в ее онтологическом, методологическом, аксиологическом освещении. В поисках критериев гармоничного перевода мы опирались на формулу измерения плотности текста, предложенную Л. С. Тихомировой, и другие исследования в сфере речеведения [Котюрова 2012; Котюрова, Соловьева 2019; Котюрова, Тихомирова, Соловьева 2011]. Цель проводимого нами исследования заключается в поиске и аргументации речеведческих факторов, определяющих динамику взаимоотношений переводчика и реципиента, которые, в свою очередь, влияют на оценку качества перевода. Данная исследовательская цель возникла в результате переосмыслиния общепринятой тенденции *переводчикацентризма*, которую мы намерены сфокусировать на тенденции *читателецентризма* [Бушев 2010; Кушнина, Фоменко 2024б: 426–433]. Действительно, перевод выполняется ради читателя как конечного реципиента. Но ему отводится роль пассивного субъекта, которому суждено воспринимать готовый текст перевода вне зависимости от того, насколько он понят и принят.

В основе наших размышлений лежит авторская концепция переводческого пространства, согласно которой переводчик анализирует и гармонизирует смыслы гетерогенных, текстовых и субъектных полей. Среди субъектных смысловых полей мы вычленяем поле автора, поле переводчика, поле реципиента, то есть изначально признаем нетождественность смыслов субъектов переводческой коммуникации. В поле автора формируется интенциональный смысл, в поле переводчика – индивидуально-образный смысл,

в поле реципиента – рефлективный смысл. В результате синergии смыслов порождается гармоничный текст перевода, обладающий культуро-сообразностью относительно целевого реципиента. Таким образом, вершиной процесса перевода является гармоничность. Такова наша исходная позиция.

В настоящее время мы предположили, что недостаточно оценивать качество перевода лишь с позиций гармоничности, так как этот критерий принадлежит переводчику. Необходимо обозначение критерия со стороны реципиента. С этой целью мы опирались, с одной стороны, на идею природообразности смыслов текстов оригинала и перевода, что нашло отражение в исследованиях Н. В. Дрожащих, посвященных экологии языка и культуры, и в работах Е. М. Пылаевой, посвященных изучению экоконцептов в переводном художественном дискурсе; с другой стороны, на идеи экотранслатологии, разрабатываемые китайским ученым Ху Гэншэнем. Интеграция данных концепций, которую мы предприняли совместно с Е. А. Фоменко, позволила выдвинуть предложение о наличии критерия экологичности, определяющего качество перевода со стороны реципиента [Дрожащих 2011: 29–35; Пылаева 2014; Кушнина, Фоменко 2024а: 59–68].

Данные положения мы намерены развивать в аспекте речеведения, разрабатываемого отечественными лингвистами.

Современное отечественное речеведение берет начало в сформулированных М. Н. Кожиной понятиях речевой системности, структуры, функционального стиля. В 1972 г. М. Н. Кожина обосновала понятие речевой системности следующим образом: «... *речевая системность* функционального стиля – это взаимосвязь и взаимозависимость используемых в данной сфере языковых средств разных уровней – по горизонтали и по вертикали – на основе выполнения этими средствами единого коммуникативного задания, обусловленного назначением экстралингвистической основы соответствующей речевой разновидности, и связанных между собой по определенному функциональному значению, выражющему специфику стиля» [Кожина 1972: 105–106]. Ученый поясняет, что в каждой конкретной речевой разновидности, на разных уровнях активизируются разные языковые единицы, которые вызывают употребление других языковых единиц, образуя в совокупности одинаковые функционально-стилевые значения. При этом различают не только специфичные для каждого стиля языковые единицы, но их семантически и грамматически целенаправленную связь, их функционально-стилистическое значение, обладающее продуктивностью и частотностью.

Введение и обоснование понятия речевой системности является началом эпохи речеведения, которая в настоящее время переживает период становления, так как многие аспекты до сих пор не исследованы.

Как показывают современные исследования, идет поиск аргументов, нацеленных на преодоление «методологической диффузности» (термин М. П. Котюровой) между функциональной стилистикой и речеведением. Согласно предположениям М. П. Котюровой, необходима дифференциация смежных научных направлений стилистики и речеведения: «...именно дифференциация экстралингвистических факторов на стилеобразующие и дискурсивные с учетом разной степени их абстрагирования, “удаления” от субъекта познавательно-коммуникативной деятельности может быть положена в основу условного разграничения стилистики научного текста и речеведения» [Котюрова 2024: 31]. Этот процесс только начался: выдвигаются задачи, формулируются принципы, описываются факторы, проводится анализ.

Вполне очевидно, что речеведение развивается, и его развитие происходит в рамках когнитивной парадигмы, где в фокусе внимания – субъект, его сознание и мышление, его речевая деятельность.

Возникает закономерный вопрос: как становление и развитие речеведения в русле когнитивного подхода влияет на наши представления о процессе перевода, изучаемого в сфере когнитивного переводоведения?

С целью решения обозначенного вопроса мы выбрали экокогнитивную парадигму, которая, с одной стороны, опирается на общетеоретические основания функциональной стилистики, речеведения, дискурсологии, с другой – интегрирует результаты исследований в сфере российской экологии перевода и китайской экотранслатологии.

В связи с этим одним из теоретических источников нашего исследования стали работы, выполненные представителями пермской школы функциональной стилистики, где речевая системность воплощена в понятии эпистемической ситуации как смысловой структуры научного текста, представленной в единстве ее компонентов: онтологическом, методологическом, аксиологическом. Экстраполируя данное понятие на процесс перевода, а также на авторскую концепцию переводческого пространства, мы выстроили *эпистему перевода* как его системное видение [Кушнина 2024: 229–267]. В качестве онтологического компонента мы рассматриваем когницию (когнитивные качества субъектов переводческой коммуникации), методологический

компонент отражен в синергии (синергетическое приращение культурно значимых смыслов в фактическом поле переводческого пространства), аксиологический компонент выражен гармонией (высший критерий оценки качества перевода).

В рамках данной статьи мы фокусируем внимание на *аксиологии перевода* и выдвигаем предположение о необходимости вычленения двух разнонаправленных векторов оценки качества перевода: вектор переводчика и вектор реципиента.

Следующим теоретическим источником обоснования роли реципиента в оценке качества перевода стали наши работы по экологии перевода, которые мы проводили совместно с Е. М. Пылаевой и которые нашли отражение в диссертационном исследовании «Актуализация ключевых концептов текста перевода: эколингвистический подход» [Пылаева 2015]. В этой работе были введены понятия: экоконцепт, экосмысл, природно-биологическое поле (экополе), отражающие общую тенденцию к экологизации человеческого сознания.

Разработка метаязыка экологии перевода в рамках концепции переводческого пространства позволила представить текст как открытую, саморазвивающуюся синергетическую систему смыслов. В качестве операционных единиц анализа были использованы эколингвистические составляющие (ЭЛС) концепта: эмоционально-личностные, природные, культурные. При этом установлено, что природосообразность текста перевода достигается при передаче природной ЭЛС, культуросообразность – при передаче культурной ЭЛС, антропосообразность – при передаче эмоционально-личностной ЭЛС. Согласно положениям экологии перевода, путь постижения основной идеи текста проходит через декодирование экосмыслов, в которых выражены ЭЛС ключевых экоконцептов, формирующих в совокупности экосистему текста.

Особую роль в разработке аксиологических компонентов эпистемы перевода сыграли труды по экотранслатологии Ху Гэншэня и других китайских коллег, изученные и фрагментарно переведенные на русский язык Е. А. Фоменко в процессе нашей совместной деятельности при подготовке ее диссертационного исследования.

Согласно результатам исследований Ху, перевод трактуется как многомерное преобразование, охватывающее материальную и духовную экосреду, которая приравнивается к социуму. Тексты оригинала и перевода образуют единую экосистему, поддерживающую экологический баланс. В связи с этим качественным признается экологически приемлемый перевод [Hu Gengshen 2020]. Эта идея послужила для нас импульсом

для выдвижения категории экологичности как аксиологического параметра перевода. При этом если первоначально качественным мы признавали гармоничный перевод, то изучение понятий *экологического баланса* и *экологически приемлемого перевода* показало, что приемлемость и качество перевода определяет реципиент. Следовательно, выявляя характер экологичности, мы можем определить уровень понятности текста перевода.

Мы осознаем, что понятность перевода выступает субъективной категорией, что требует проведения тщательного лингвопереводческого эксперимента. На данном этапе исследований нам важно дифференцировать критерии оценки качества перевода, показать, что оценка переводчика или даже переводческого сообщества может не совпадать с оценкой реципиента и читательского сообщества. В связи с этим нами была выдвинута гипотеза о необходимости разграничения оценки качества перевода: качественным мы признаем перевод, являющийся и гармоничным, и экологичным.

Для подтверждения выдвинутой гипотезы рассмотрим конкретные примеры, иллюстрирующие соотношение гармоничности (эквивалентности, адекватности) и экологичности/неэкологичности. Как показали наши исследования, между этими категориями не возникают однозначные отношения. Иными словами, качественный с точки зрения переводчика перевод, признанный гармоничным, не обязательно является качественным с точки зрения реципиента. Вместе с тем наблюдается тенденция к их взаимообусловленности и взаимозависимости.

В качестве примера приведем фрагменты «Краткого русско-французского словаря библейских изразцов» в оригинале и переводе [Сахадзе, Хильброннер 2007].

Пример № 1

Оригинал: Златой телец, поклоняться Златому тельцу. *Символ золота и власти.*

Перевод: Le veau d'or, adorer le veau d'or. Symbole de l'argent et de son pouvoir

Комментарий: Текст перевода не является эквивалентным, так как переводчик заменил лексему *золото* на лексему *деньги*, семантические пространства которых неравноценны. Вместе с тем можно предположить, что экологический баланс не нарушен, то есть текст перевода можно признать экологичным, понятным франкоязычному реципиенту.

Пример № 2

Оригинал: Не иметь, где главу преклонить. Не иметь приюта, своего кровя.

Перевод: Ne pas avoir où poser la tête. Ne pas avoir de maison, d'abris, de protection.

Комментарий: Признаем перевод эквивалентным и экологичным, так как переводчик выполнил все необходимые межъязыковые преобразования, чтобы текст был понятен реципиенту.

Пример № 3

Оригинал: Агнец божий. Символ кротости, смиренности, беззащитности.

Перевод: L'agneau de Dieu. Symbole de l'innocence sacrifié, de la victime consentante: le Christ.

Комментарий: Признаем перевод гармоничным, так как имеет место приращение смыслов (le Christ – Христос), то есть переводчик выполнил межкультурные преобразования, способствующие экологичному восприятию текста перевода реципиентом.

Таким образом, мы убеждаемся в значимости двустороннего подхода к оценке качества перевода как со стороны переводчика, так и со стороны реципиента.

Далее мы намерены рассмотреть взаимосвязанные функции субъектов переводческой коммуникации: переводчика и реципиента.

Как мы убедились на представленных выше примерах, а также на совокупности изученных ранее примеров, однозначного соответствия между гармоничностью и экологичностью не существует, прослеживается лишь тенденция. Но самое главное – это соотношение ранее специально не рассматривалось. Качественно переведенный текст перевода a priori признавался понятным для реципиента (в наших терминах – экологичным). Между тем с позиций экокогнитивного подхода к переводу качественным будет такой перевод, который можно охарактеризовать как взаимодействие, взаимоналожение, взаимопресечение когнитивных пространств переводчика и реципиента. Следовательно, создать качественный текст перевода позволяют не только интеллектуальные и когнитивные ресурсы переводчика, но и когнитивный багаж реципиента – его интеллектуально-эмоциональная и психологическая готовность к восприятию и пониманию текста также влияют на результат. Это означает, что один и тот же текст перевода вызывает различный отклик у различных реципиентов.

Таким образом, оценивая качество перевода, мы наблюдаем возникновение экологического баланса: а) между автором, переводчиком и реципиентом; б) между текстами оригинала и перевода; в) между реципиентом и текстом перевода.

Ясно, что текст оригинала продолжает свое существование в родной культуре, независимо от того, был ли он переведен на другие языки. При этом текст перевода становится фактом других культур в случае, если он оказывается приемлемым для их носителей. Перевод выполняется ради ре-

ципиента, следовательно, оценивая качество перевода, роль реципиента трудно переоценить.

В одной из предыдущих работ по речеведению и дискурсологии мы рассмотрели дискурсивный фактор *переводчик* и его презентацию в тексте. Суть наших рассуждений сводится к тому, насколько важно понимание индивидуальности переводчика, в частности, такие экстралингвистические предпосылки его профессиональной деятельности, как интеллектуальные и когнитивные качества, а в целом – языковое сознание переводчика. Иными словами, изучение функционирования языка в текстах оригинала и перевода, то есть в речи, позволяет реконструировать ментальные и психологические процессы, которые влияют на выбор того или иного переводческого решения. Одним из проявлений речевой индивидуальности переводчика является его природная принадлежность к экстравертам или интровертам. На основании лингвопереводческого эксперимента нами были выявлены параметры, относящие переводчика к определенному психотипу личности.

До сих пор неисследованным остается дискурсивный фактор *реципиент перевода*. В силу естественной межъязыковой и межкультурной асимметрии восприятие и понимание текста перевода иноязычным реципиентом существенно отличается от восприятия текста оригинала первичным реципиентом, которому автор адресовал свой текст. В связи с этим необходимо изучать не только языковое сознание переводчика, определяющее способы вербализации культурно специфической информации, но и языковое сознание реципиента перевода. Ученые различают когнитивное (смысловое) и языковое сознание, в связи с тем что в процессе психического отражения действительности не все результаты познавательной деятельности представлены в виде языковых знаков. Это могут быть пресуппозиции, импликации, экстралингвистические фоновые знания, которые являются естественными для носителей языка оригинала, но оказываются труднодоступными как для переводчика, так и для реципиента.

Дискурсивно-стилистический аспект этой проблемы исследует М. П. Котюрова, которая выдвинула идею о том, что в качестве дискурсивного фактора следует рассматривать переводчика. Развивая эту идею, мы пришли к выводу, что реципиент также является дискурсивным фактором. Сложность восприятия текста перевода состоит в том, что реципиент (собственно, как и переводчик) имеет дело с лингвистическими единицами, в то время как экстралингвистические единицы остаются вне его непосредственного восприятия: он может их прогнозировать,

предполагать, верно или ошибочно, в соответствии со своей интуицией, эрудицией, компетенциями, что обуславливает «веер» возможностей. Подобно переводчику, каждый реципиент имеет право на собственное понимание текста перевода.

Напомним в этой связи, что О. А. Корнилов писал о картинообразующей функции языка, а именно: не только каждый индивид, но и каждый народ формирует некую уникальную точку зрения на мир. При этом переводчик обладает особой переводческой картиной мира, которая совмещает в себе родную и приобретенную картины мира, в то время как реципиент может быть не осведомлен о многочисленных импликациях, заложенных в текст автором и частично транслируемых переводчиком, так как в его сознании существует картина мира родного языка и родной культуры.

Мы солидаризуемся с мнением Т. Г. Пшенкиной о том, что «...означенное словом “тянет” за собой намного его превышающий груз “невобранныго в речь”... это особый мир, он представляет реальность, но преобразованную сознанием с учетом деятельности, в которую вовлечен человек» [Пшенкина 2005: 123]. Далее автор поясняет, что речь идет о психической реальности, которая преобразуется в знаковую, то есть языковую. Ученый пишет: «Переводческая обработка столь сложной гетерогенной информации, где слово оказывается ассоциированным не с реалией, а с ее пониманием, сложившимся в акте языкового сознания народа, является когнитивным процессом» [там же: 124].

В рамках нашего исследования, в котором мы смещаем акцент с переводчика на реципиента, важно не то, что этот процесс является когнитивным, что уже не оспаривается, а то, что процесс понимания переводного текста реципиентом оказывается еще более сложным и непредсказуемым, так как он опирается и на понимание автора, и на понимание переводчика, то есть является «*опосредованным дважды*». Равносильно тому, что каждый переводчик имеет право на индивидуальное воплощение смыслов текста оригинала, так и каждый реципиент по-своему воспринимает эти смыслы. Иными словами, тот перевод, который мы признаем гармоничным, может не оказаться таковым для разных реципиентов. Текст воспринимается, но не до конца понимается всеми реципиентами, ментальная деятельность которых отличается разнообразием, а их вербальная презентация столь же разнообразна, вариативна, динамична.

Приведем в качестве иллюстрации строку из поэтического текста Саши Черного «На базаре» и перевод на французский язык, выполненный А. Абриль:

Пример № 4

Оригинал: Барыня-сударыня...

Перевод: Mesdames-mesdemoiselles...

Комментарий: Обращение, принятое в светском обществе России в дореволюционное время, отражает специфические реалии определенной эпохи. Переводчик находит обращение, принятое во Франции. Мы признаем перевод гармоничным. Но можно предположить, что для франкоязычного читателя оно окажется нейтральным, лишенным специфической окраски, той «русскости», которую передал поэт. Реципиент даже не догадывается о том, какая специфика отражена в этом обращении, он не поймет тот иронический смысл, который вложил автор в это обращение. Для реципиента перевода это выражение отражает обыденную ситуацию, в то время как в оригинале речь идет о покупателях на игрушечном базаре, что создает атмосферу шутки, доброй иронии, веселья.

Приведем фрагмент этого текста в оригинале и переводе, опубликованный в билингвальном издании “Anthologie de la poésie russe pour enfants” («Антология русской поэзии для детей»):

— К нам, к нам!
Вот свежий модеполам,
Соска для медвежонка,
Бритва для вашего ребенка,
Самые модные сосиски
И кукольные зубочистки...
Барыня-сударыня!....

Approchez, approchez!
Voici un petit chat perché,
une tétine pour apprendre à mordre
des saucisses à la mode,
un rasoir pour votre bébé
Mesdames-mesdemoiselles!
[Anthologie... 2000: 28–29].

Оценивая восприятие предполагаемого франкоязычного реципиента, несмотря на межкультурные преобразования, которые выполнил переводчик, и достижение им гармоничности, мы не можем однозначно утверждать, что перевод является качественным и полностью понятным реципиенту, так как смыслы текста гораздо глубже и их языковая презентация лишь частично отражает стоящие за ней когнитивные структуры.

Таким образом, оценивая качество перевода, мы должны учитывать позиции двух субъектов переводческой коммуникации: переводчика и реципиента. Приступая к выполнению перевода, переводчик прогнозирует потенциального читателя, что определяет выбор его переводческих решений. Так и реципиент, приступая к чтению

переводного текста, осознает, что за текстом стоят два субъекта: автор и переводчик. Между ними могут сложиться разные отношения в плане понимания, выражения и перевыражения смысла, которые в определенной степени влияют на понимание реципиента. Но нельзя не учитывать, что понимание реципиента «многослойно», то есть его индивидуальность также определяет уровень восприятия и осмысливания текста, как это происходит со стороны автора и переводчика, что обусловлено субъективным характером смыслопорождения и смысловосприятия.

Возникает вопрос: насколько динамичны эти процессы, насколько они приближены друг к другу или отдалены друг от друга? Как сделать так, чтобы понимание переводчика сближалось с пониманием реципиента? В чем причина взаимодействия/отсутствия взаимодействия?

Как писал Л. Н. Мурzin, «...текст не существует вне нашего сознания, вне процессов порождения или восприятия» [Мурзин, Штерн 1991: 23]. Если текст не востребован, он утрачивает свою текстуальность, превращаясь в мертвую цепочку графем. Эта идея актуальна и для текста перевода. В процессе чтения переводного текста именно иноязычный реципиент воссоздает текст, непосредственно взаимодействуя не с автором, а с переводчиком. Автор переходит в импликативную категорию, являясь своего рода вдохновителем переводчика, инициируя тем самым создание переводного текста. Можно сказать, что если переводчик выявляет авторские пресуппозиции, то реципиент создает на основе текста собственные постсуппозиции.

Именно эта особенность позволяет нам говорить о том, что и переводчик, и реципиент обладают особой *дискурсивной силой*.

Наши наблюдения и рассуждения касаются преимущественно письменного перевода, то есть мы не намерены экстраполировать его результаты на перевод в целом, так как природа разных видов перевода существенно различается, соответственно, функции реципиента также различны. Прежде всего, это связано с самой процедурой как устного последовательного перевода, так и синхронного перевода. Реципиент сохраняет непосредственную (пусть не вербальную, но эмоциональную, визуальную, аудиальную) связь с автором. Речь переводчика помогает реципиенту понять смысл, но ни в коей мере не устраниет и не заменяет речь автора.

Другое дело при письменном переводе. Автор присутствует имплицитно, и это усиливает контакт переводчика с реципиентом, именно на их взаимосвязи держится переводческий дискурс, именно их взаимодействие определяет финальный результат.

В рамках данной статьи мы попытались показать, что с позиций современного экопереводоведения, включающего в себя и экологию перевода, и экотранслатологию, для оценки качества перевода возможно выявление двух аксиологических доминант. С позиций переводчика определяется соразмерность экосмыслов, что находит отражение в культурообразности, природообразности и антропообразности экоконцептов. С позиций реципиента возможно выявление экологичности, что соответствует понятности текста, его естественному вхождению в целевую лингвокультуру.

Таким образом, в данной статье мы пытались сфокусировать внимание исследователей на дискурсивной роли двух субъектов перевода: переводчика и реципиента. И если языковая личность переводчика изучается активно и плодотворно, то языковая личность реципиента относительно недавно попала в поле зрения исследователей. Но без реципиента дискурсивное пространство перевода является неполноценным. Во избежание этой содержательной лакуны мы обращаем взоры к реципиенту как полноправному субъекту дискурса наряду с автором и переводчиком.

Подводя итог нашим размышлениям с позиций экокогнитивного переводоведения, не будем забывать, что успешное решение актуальных проблем обусловлено преемственностью действующей научной парадигмы с постулатами классической лингвистики, сформулированными отечественными учеными, среди которых особое место занимают идеи М. Н. Кожиной.

Список литературы

Бушев А. Б. Русская языковая личность профессионального переводчика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 21 с.

Дрожащих Н. В. Экология языка и культуры: рекуррентность смысла // Экология языка на перекрестке наук: материалы междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч. I. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2011. С. 29–35.

Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972. 396 с.

Котюрова М. П. Стилистика научной речи. М.: Академия, 2012. 236 с.

Котюрова М. П., Соловьева Н. В. Современный научный текст сквозь призму дискурсивных изменений. М.: Флинта, 2019. 264 с.

Котюрова М. П., Тихомирова Л. С., Соловьева Н. В. Идиостилистика научной речи. Пермь: Ред.-изд. отд. Зап.-Урал. ин-та экономики и права, 2011. 394 с.

Котюрова М. П. О дифференциации функциональной стилистики и речеведения // Дискурсивные основания речеведения. Научный текст –

новое знание – перевод: кол. монография / под общ. ред. М. П. Котюровой. М.: Флинта, 2024. С. 16–39.

Кушина Л. В. Дискурсивный фактор переводчика и его презентация в тексте // Дискурсивные основания речеведения. Научный текст – новое знание – перевод: кол. монография / под общ. ред. М. П. Котюровой. М.: Флинта, 2024. С. 229–267.

Кушина Л. В., Фоменко Е. А. Переводчик как субъект экотранслатологии // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024а. Т. 16, вып. 1. С. 59–68. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-59-68

Кушина Л. В., Фоменко Е. А. Портрет речевой личности переводчика как фактор трансляционной экологической среды // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы XII Междунар. науч. конф. (Челябинск, 11–12 апреля 2024 г.). Челябинск: ЧелГУ, 2024б. С. 426–433.

Мурzin Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991. 172 с.

Пиленко Т. Г. Психолингвистические основания верbalной посреднической деятельности переводчика. Барнаул, 2005. 240 с.

Пылаева Е. М. Актуализация ключевых концептов текста перевода: эколингвистический подход (на материале романа А. В. Иванова «Географ глобус пропил» и его перевода на французский язык): дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2015. 215 с.

Пылаева Е. М. О синергетическом подходе при изучении экологии перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 5 (35): в 2 ч. Ч. II. С. 165–168.

Сахадзе С. Г., Хильброннер В. И. Краткий русско-французский словарь библейских. М.: РУДН, 2007. 81с.

Anthologie de la poésie russe pour enfants. Traduction et choix de Henri Abril. Circé. 2000. 185 p.

Hu Gengshen. Eco-Translatology, Towards an Eco-paradigm of Translation Studies. Singapore: Springer, 2020. 312 p.

References

Bushev A. B. Russkaya yazykovaya lichnost' professional'nogo perevodchika. Avtoreferat diss. d-ra filol. nauk [Russian linguistic personality of a professional translator. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2010. 21 p. (In Russ.)

Drozhashchikh N. V. Ekologiya yazyka i kul'tury: rekurrentnost' smysla [The ecology of language and culture: Recurrence of meaning]. Ekologiya yazyka na perekrestke nauk [The Ecology of Language at the Crossroads of Sciences: Proceedings of the International Scientific Conference in 2

pts.]. Tyumen, Tyumen State University Press, 2011, pt. 1, pp. 29-35. (In Russ.)

Kozhina M. N. *O rechevoy sistemnosti nauchnogo stilya sravnitel'no s nekotoryimi drugimi* [On the Speech Systematicity of a Scientific Style Compared to Some Others]. Perm, 1972. 396 p. (In Russ.)

Kotyurova M. P. *Stilistika nauchnoy rechi* [The Stylistics of Scientific Speech]. Moscow, Akademia Publ., 2012. 236 p. (In Russ.)

Kotyurova M. P., Solov'eva N. V. *Sovremenny nauchny tekst skvoz' prizmu diskursivnykh izmeneniy* [The Modern Scientific Text Through the Prism of Discursive Changes]. Moscow, Flinta Publ., 2019. 264 p. (In Russ.)

Kotyurova M. P., Tikhomirova L. S., Solov'eva N. V. *Idiostilistika nauchnoy rechi* [Idiostylistics of Scientific Speech]. Perm, West-Ural Institute of Economics and Law Press, 2011. 394 p. (In Russ.)

Kotyurova M. P. O differentsiatsii funktsional'noy stilistiki i rechevedeniya [On the differentiation of Functional Stylistics and Speech Studies]. *Diskursivnye osnovaniya rechevedeniya. Nauchny tekst – novoe znanie – perevod* [The Discursive Foundations of Speech Studies. Scientific Text – New Knowledge – Translation]. Ed. by M. P. Kotyurova. Moscow, Flinta Publ., 2024, pp. 16-39. (In Russ.)

Kushnina L. V. Diskursivny faktor perevodchika i ego reprezentatsiya v tekste [The discursive factor translator and its representation in the text]. *Diskursivnye osnovaniya rechevedeniya. Nauchny tekst – novoe znanie – perevod* [Discursive Foundations of Speech Studies. Scientific Text – New Knowledge – Translation]. Ed. by M. P. Kotyurova. Moscow, Flinta Publ., 2024, pp. 229-267. (In Russ.)

Kushnina L. V., Fomenko E. A. Perevodchik kak sub"ekt ekotranslatologii [A translator as a subject of ecotranslatology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024a, vol. 16, issue 1, pp. 59-68. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-59-68. (In Russ.)

Kushnina L. V., Fomenko E. A. Portret rechevoy lichnosti perevodchika kak faktor translatsionnoy

ekologicheskoy sredy [Portrait of the speech personality of the translator as a factor of the translational ecological environment]. *Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmatischeskom i kul'turologicheskem aspektakh* [Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects: Proceedings of the XII International Scientific Conference. Chelyabinsk, April 11–12, 2024]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University Press, 2024b, pp. 426-433. (In Russ.)

Murzin L. N., Shtern A. S. *Tekst i ego vospriyatiye* [Text and Its Perception]. Sverdlovsk, 1991. 172 p. (In Russ.)

Pshenkina T. G. *Psikholingvisticheskie osnovaniya verbal'noy posredнической деятельности переводчика* [Psycholinguistic Foundations of the Verbal Mediatory Activity of the Translator]. Barnaul, 2005. 240 p. (In Russ.)

Pylaeva E. M. *Aktualizatsiya klyuchevykh kontseptov teksta perevoda: ekolinguisticheskiy podkhod (na materiale romana A. V. Ivanova 'Geograf globus propil' i ego perevoda na frantsuzskiy yazyk)*. Diss. kand. filol. nauk [Updating the key concepts of the translated text: An ecolinguistic approach (based on A. V. Ivanov's novel 'The Geographer Drank His Globe Away' and its translation into French). Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 2015. 215 p. (In Russ.)

Pylaeva E. M. O sinergeticheskem podkhode pri izuchenii ekologii perevoda [On the synergetic approach in studying the ecology of translation]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2014, issue 5 (35): In 2 pts., pt. II, pp. 165-168. (In Russ.)

Sakhadze S. G., Khil'tbrunner V. I. *Kratkiy russko-frantsuzskiy slovar' bibleizmov* [Concise Russian-French Dictionary of Biblical Phrases]. Moscow, RUDN University Press, 2007. 81 p. (In Russ.)

Anthologie de la poésie russe pour enfants [The Anthology of Russian Children's Poetry]. Transl. by Henri Abril. Circé, 2000. 185 p. (In Fr.)

Hu Gengshen. *Eco-Translatology, Towards an Eco-paradigm of Translation Studies*. Singapore, Springer, 2020. 312 p. (In Eng.)

A Translator and a Recipient as Discourse Agents: The Axiological Aspect

Lyudmila V. Kushnina

Professor in the Department of Foreign Languages, Linguistics, and Translation

Perm National Research Polytechnic University

29, Komsomolsky prospekt, Perm, 614000, Russia. lkushnina@yandex.ru

SPIN- code: 5273-8845

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4360-7243>

Submitted 21 Oct 2025

Revised 23 Oct 2025

Accepted 27 Oct 2025

For citation

Kushnina L. V. Perevodchik i retsipient kak sub”ekty diskursa: aksiologicheskiy aspekt [A Translator and a Recipient as Discourse Agents: The Axiological Aspect]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 4, pp. 55–63. doi 10.17072/2073-6681-2025-4-55-63. EDN IKCZNO (In Russ.)

Abstract. The article focuses on the discourse analysis of translation activity as an integral component of modern speech studies, the foundations of which were laid by M. N. Kozhina. As a general linguistic discipline, speech studies determine the development of related fields, including translation studies, where the translator and the foreign-language recipient are regarded as critical communication factors.

The research is based on the concept of the epistemic situation, developed by M. P. Kotyurova and E. A. Bazhenova, which encompasses the ontological, methodological, and axiological aspects of scientific communication taken in their unity. The author of the article emphasizes the axiological component of the translation process, proposing that translation quality should be assessed from both the translator's and the recipient's perspectives.

The article shows that differentiation of the translation quality assessment is possible on the condition of the integration of Russian and Chinese concepts within modern eco-translation studies, including Hu Gengshen's eco-translatology and the author's synergetic model of translation space. The axiological category proposed by the translation space concept is harmony, i.e. the proportionality of meanings of the source and target texts, while eco-translatology introduces the category of ecological compatibility, defined as the comprehensibility of the translation to foreign-language recipients belonging to a different culture.

It is concluded that, from the translator's perspective, the proportionality of eco-concepts is revealed, which is reflected in the cultural, natural, and anthropological conformity of the eco-concepts of the source and target texts, while, from the recipient's perspective, ecological compatibility is revealed, which corresponds to the comprehensibility of the text and its natural integration into the target linguocultural environment.

Key words: speech studies; translation space; translation ecology; eco-translatology; axiology of translation; translator; recipient, discourse.

УДК [81'28:39.01:94](470,53)
doi 10.17072/2073-6681-2025-4-64-80
<https://elibrary.ru/jjjybj>

EDN JJYBJ

Тексты клинических рекомендаций в аспекте категории информативности

Романова Наталия Анатольевна

к. филол. н., доцент кафедры русской филологии и журналистики

Волгоградский государственный университет

400062, Россия, г. Волгоград, пр. Университетский, 100. romava_na@volsu.ru

SPIN-код: 9943-6228

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0783-3238>

ResearcherID: НП-4194-2022

Джелалова Лариса Анатольевна

д. филол. н., профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

Поволжский казачий институт управления и пищевых технологий (филиал)

Московского государственного университета технологии и управления им. К. Г. Разумовского
(Первый казачий университет)

433511, Россия, г. Димитровград, ул. Гвардейская, 30. dshelar@mail.ru

SPIN-код: 1088-3939

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6184-9639>

ResearcherID: AAC-1838-2019

Статья поступила в редакцию 23.04.2025

Одобрена после рецензирования 09.08.2025

Принята к публикации 01.09.2025

Информация для цитирования

Романова Н. А., Джелалова Л. А. Тексты клинических рекомендаций в аспекте категории информативности // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 4. С. 64–80.
doi 10.17072/2073-6681-2025-4-64-80. EDN JJYBJ

Аннотация. В статье рассмотрены тексты клинических рекомендаций (руководств, гайдлайнов) в аспекте категории информативности. Целью работы является изучение категории информативности применительно к target-группам клинических рекомендаций (клинических руководств, гайдлайнов): для врачей; парамедиков, врачей и фельдшеров медицины катастроф; медсестер; пациентов и лиц, осуществляющих уход за ними. В задачи исследования входило определение компонентов информации (когнитивного, модального и текстуального), типов информации (в соответствии с концепцией И. Р. Гальперина), свойств информации, приемов создания напряженного и ненапряженного текста, разграничение «документной» и «лингвистической» информативности, а также выявление языковых средств репрезентации этой категории в текстах гайдлайнов. Категория информативности, являясь ключевой для данного рода текстов, взаимодействует с другими текстовыми категориями: в рамках интердискурсивного взаимодействия (количество информации увеличивается за счет включения интертекстуальных ссылок – связь с категорией интертекстуальности), противопоставления специалистов и неспециалистов, столкновения научного и бытового представления об объекте речи (связь с категорией адресации). Индивидуализированные и гармонизированные руководства характеризуются развертыванием информации; клинические руководства для паци-

ентов, оперативные версии руководств, сокращенные версии гайдлайнов – процессами свертывания; пациентоориентированные и распределенные компьютерно-интерпретируемые руководства, нарративные руководства, «живые» руководства в связи с функциональными изменениями – усложнением информационной составляющей. Свойства достоверности, полноты и объективности обеспечиваются за счет использования подходов к оценке достоверности доказательств; понятности и доступности информации способствуют денотатная экспликация, амплификация и включение иллюстративного материала; плотность и эргономичность рекомендаций связаны с включением невербальных компонентов (таблиц, схем и т. д.); актуальность информации в текстах обусловлена регулярным их просмотром в соответствии с действующим законодательством той или иной страны, локальными нормативными актами.

Ключевые слова: клинические рекомендации; гайдлайн; категория информативности; первичная информативность; вторичная информативность.

Ключевым вопросом теории текста выступает проблема текстовых категорий, которой посвящено большое количество работ [Матвеева 1990; Гальперин 1977; Кожина 1997; Бочковская 2011; Гончарова 2019 и др.]. Ведущей категорией текста, в частности научного и научно-популярного, считается категория информативности, которая реализует основную коммуникативную установку текста (передачу информации читателю) и которая, выступая одной из основополагающих стилеобразующих черт, определяется как свойство текста фиксировать отражающие авторское мировосприятие знания о мире, выраженные в конкретной речевой форме [Болотнова 2009: 144]. Информативность заключена в теме и авторской концепции, системе авторских оценок предмета мысли [Валгина 2003: 231], включает степень смыслосодержательной новизны для читателя и связана с умением адресата распознавать коммуникативное намерение автора: «оценкой информативности текста служит мера адекватности интерпретации реципиентом замысла, цели, основной идеи сообщения, коммуникативного намерения его автора» [Дридзе 1984: 85].

Важно отметить, что категория информативности, являясь ключевой для всех типов текста, характеризуется различиями механизмов межтекстового (интердискурсивного) взаимодействия, авторизации или деавторизации, адресации (в части противопоставления специалистов и неспециалистов, переключенной субъектной референции, столкновения научного и бытового представления об объекте речи), создания информационной насыщенности, презентации категории в тексте посредством языковых средств.

Целью работы является изучение категории информативности применительно к target-группам клинических рекомендаций (клинических руководств, гайдлайнов): 1) для врачей; 2) парамедиков, врачей и фельдшеров медицины катастроф; 3) медсестер; 4) пациентов и лиц, осуществляющих уход за ними. В задачи исследования входит определение компонентов информации (когнитивного, модального и текстуального), типов информации (в

соответствии с концепцией И. Р. Гальперина), разграничение «документной» и «лингвистической» информативности, выявление свойств информации, приемов создания напряженного и ненапряженного текста, а также языковых средств representation этой категории в текстах гайдлайнов.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью детального анализа отдельных видов научных и научно-популярных текстов в аспекте категории информативности, важностью переосмыслиния категории информативности текстов клинических рекомендаций с позиции коммуникативно-прагматического подхода, недостаточной изученностью данной категории применительно к тексту-дериванту и тексту-деривату (первичному и вторичному текстам), которым relevантны процессы свертывания, развертывания, упрощения и усложнения информации.

Научной гипотезой исследования является положение о том, что тематически связанные и представляющие собой синергетическую целостность тексты клинических рекомендаций для врачей, медсестер, парамедиков, пациентов и лиц, осуществляющих уход за ними, включенные в гнездо текстов и находящиеся в отношениях текстовой производности, характеризуются большим многообразием типов представленной в них информации, вариабельностью презентирующих данную категорию лингвистических средств.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили 37 полнотекстовых гайдлайнов из РФ, Казахстана, Канады, Ирландии, Бельгии, Франции, США, Швейцарии, Австралии, Уганды за период с 2011 по 2024 г.

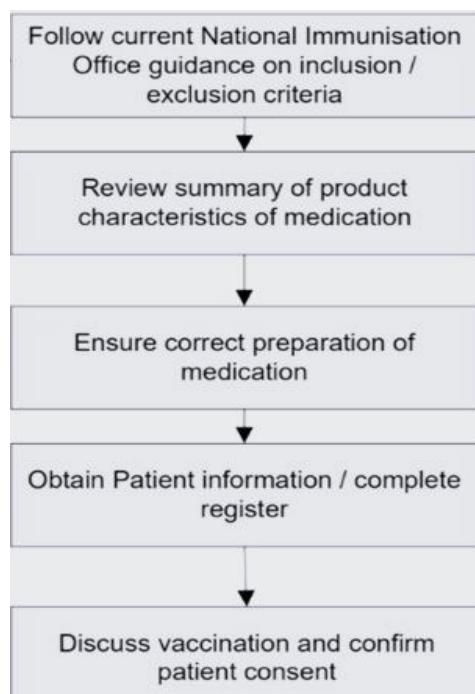
Методы исследования. С помощью структурно-функционального, описательного, контекстуального методов и методов документо-ведческого и сегментного анализа исследуются тексты клинических рекомендаций с позиции представленности в них одной из ведущих текстообразующих категорий – категории информативности.

Результаты

Классификация текстов клинических руководств по типу представленной в нем информации. В соответствии с доминирующим видом информации и выполняемой функцией все тексты клинических рекомендаций можно классифицировать на примарно-когнитивные (клинические руководства для врачей и сестринского персонала, основная коммуникативная установка которых – информирование в форме обучения и обоснования), примарно-оперативные (клинические руководства для парамедиков и медицины катастроф, основная коммуникативная установка которых – информирование в форме сообщения оперативных данных), примарно-регулятивные (для пациентов и лиц, осуществляющих уход за ними, основная коммуникативная установка – информирование в форме разъяснения). Приведем примеры.

Информирование в форме обучения и обоснования: *В каждом из случаев острой ДПКР следует определиться, какую тактику лечения предпочтеть: оперативные или консервативные методы. Экстренное хирургическое лечение рекомендуется только в случае наличия абсолютных показаний (см. раздел хирургическое лечение). Во всех остальных случаях следует оценить динамику изменений в период от 6 до 12 недель заболевания, и только потом решать вопрос о целесообразности оперативного вмешательства* (Клинические рекомендации «Дискогенная пояснично-крестцовая радикулопатия», 2023).

Информирование в форме сообщения оперативных данных в форме алгоритма (пример взят из: Covid-19. Pre-Hospital Emergency Care Council. Clinical Practice Guidelines, 2021):

Информирование в форме разъяснения: *COVID-19 is a notifiable disease in all states and territories. Pathology providers who process the SARS-CoV-2 nasopharyngeal testing are responsible for notifying the local public health unit (or relevant authority) of a positive result. The methods of notification of a positive result to a patient and their GP vary significantly across states and local services* («Home-care guidelines for patients with COVID-19», 2020).

Компоненты категории информативности. Информационное пространство любого текста может включать когнитивный, модальный и текстуальный компоненты.

Когнитивный компонент текста клинических рекомендаций «отражает фрагмент действительного или / и возможного мира в его преломлении в сознании субъектов текстовой деятельности, соотнесенный с конкретной социокультурной средой и замыслом автора» [Баранов 1993: 87], реализуется через детальное, всестороннее (т. е. с учетом мнений всего научного медицинского сообщества) описание заболевания (состояния), на основании которого строится лечение пациента.

Модальный компонент (в аспекте текстоцентрической концепции модальности), репрезентирующий отношение автора и адресата, автора и текста, а также текста и действительности и «определяемый воздействием экстралингвистических прагматических факторов, обусловливающих коммуникативно-целевую специфику дискурса» [Шашкова 2019], реализуется по-разному в текстах рассматриваемых нами гайдлайнов (интерсубъективная модальность представлена только в клинических рекомендациях для пациентов; субъективная и субъективно-оценочная модальность не выявлены в анализируемых текстах, референтивная модальность полностью элиминирована).

Текстуальный компонент «репрезентирует текстооформительный потенциал, при помощи которого автор придает тексту структуру» [Баранов 1993: 87]. Он предопределяет собственно лингвистическое своеобразие текста, связан с принадлежностью к тому или иному функциональному стилю. В аспекте реализации текстуального компонента клинические руководства для специалистов (врачей, медсестер, фельдшеров, парамедиков и т. д.) можно классифицировать как тексты, находящиеся на границе научного и официально-делового стилей, в той связи, что клинические рекомендации – это медицинские документы, имеющие формуляр со всеми необходимыми реквизитами и обладающие юридической силой, реквизит «текст документа», как правило, представляет собой большой фрагмент, полностью выдержаный в научном стиле. Что касается клинических рекомендаций для неспециалистов (некоторых катего-

рий лиц, выполняющих реанимационные мероприятия и оказывающих первую доврачебную помощь – Emergency First Responders; пациентов и лиц, осуществляющих внебольничный уход за ними), то их предлагаем рассматривать как тексты научно-популярного подстиля научного стиля.

Информативность с точки зрения категориально-стилевого подхода. В рамках базирующейся на анализе функциональных стилей категориально-стилевой концепции возможно рассмотрение текстов клинических рекомендаций сквозь призму текстовых категорий и с точки зрения понятия «информационная программа» [Матвеева 1990: 15], отражающего в тексте три составляющих акта коммуникации.

1. Оценочная программа – эксплицирует точку зрения пишущего/говорящего (в данной ситуации авторство текста приписывается консенсусу медработников) через рекомендуемые к выполнению действия:

Рекомендуется всем пациентам с макроцитарной анемией умеренной-тяжелой степени тяжести, а также при развитии двух- или трехростковых цитопений проведение цитологического исследования мазка костного мозга (миелограмма) с целью выявления характерных для дефицита фолатов нарушений гемопоэза и исключения других заболеваний системы крови [2, 3, 12–14]. Уровень убедительности рекомендаций С (уровень достоверности доказательств – 5) (Клинические рекомендации «Фолиеводефицитная анемия», 2024).

2. Прагматическая программа – препрезентирует авторский расчет на восприятие текста адресатом и реализуется включением в текст оценочной лексики (*трудно, особый, полезный*):

It can be hard to live with the idea that the cancer can come back. Based on what is known today, no specific way of decreasing the risk of recurrence after completion of the treatment can be recommended. ... Discussing these questions with relatives, friends, other patients or doctors may be helpful (ESMO/ACF Patient Guide Series. Acute Myeloblastic Leukemia, 2011)

3. Рациональная программа – содержит информацию о предмете речи и эксплицируется, например, в дефинициях терминов.

Acute Coronary Syndrome (ACS) refers to the spectrum of conditions resulting from myocardial ischemia. It encompasses stable and unstable angina, non-ST elevation myocardial infarction (NSTEMI) and ST elevation myocardial infarction (STEMI) (Clinical practice guidelines. Acute Coronary Syndrome (ACS), 2013)

Таким образом, в анализируемых текстах клинических рекомендаций представлены все три вида программ. Очевидно, что ведущей явля-

ется рациональная программа, но применительно к отдельным видам руководств не менее актуальна и прагматическая программа, цель которой – предписать ключевые аспекты поведения врача или пациента.

Первичная и вторичная информативность.

Говоря о первичных и вторичных текстах руководств, важно понимать, что для них не существует прямой корреляции с первичной и вторичной информативностью. В ситуации, когда адресат смог полностью декодировать информацию и интерпретировать замысел автора, можно говорить о первичной информативности. В том случае, если интерпретация авторского замысла не удалась, – о вторичной информативности текста. Последняя характеризуется получением «побочной» информации, новой для адресата. Клинические руководства относятся к тому виду текстов, которые, бесспорно, обладают первичной информативностью, поскольку авторская интенция в нем препрезентирована максимально эксплицитно. Отдельные фрагменты руководств четко формулируют авторскую позицию, заключающуюся в предписывании адресату текста модуса поведения, побуждении следовать указанным рекомендациям в разных ситуациях (профилактика, лечение, диагностика, экстренное оказание медицинской помощи, стационарный и домашний уход за больными).

Виды информации в текстах клинических рекомендаций. Анализ текстов клинических рекомендаций на предмет выявления в них содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации [Гальперин 1981; Голубева, Кудряшова 2019; Воронова 2021 и др.] показал следующее.

1. Содержательно-фактуальная информация в тексте клинических рекомендаций включает: темпоральный конкретизатор – реквизит «дата документа»; локальный конкретизатор – данные об организации-составителе; возрастной конкретизатор – группа пациентов по возрасту; цифровой конкретизатор – кодирование заболеваний, состояний по МКБ, суть события – диагностика и лечение заболевания или состояния.

Например, темпоральный конкретизатор – 2024, локальный конкретизатор – Ассоциация содействия развитию гематологии и трансплантологии костного мозга «Национальное гематологическое общество», возрастной конкретизатор – Взрослые, цифровой конкретизатор – C 88.0 (Клинические рекомендации «Макроглобулинемия Вальденстрема», 2024).

2. Содержательно-концептуальная информация содержится исключительно в клинических рекомендациях для пациентов и реализуется через использование языковых единиц с оценочным компонентом, например:

Вы будете испытывать болевые ощущения после операции, это нормально (Рекомендации пациентам после хирургической операции на сайте «Санкт-Петербургского научно-исследовательского института фтизиопульмонологии», б/д); Прием курса противовирусных препаратов полностью удаляет вирус гепатита С из организма человека («Методические рекомендации для населения по профилактике вирусного гепатита С», б/д).

3. Содержательно-подтекстовая информация не представлена в анализируемом материале, так как служит для передачи имплицитной составляющей, предполагает декодирование скрытых смыслов, что не характерно для текстов научного стиля и научно-популярного подстиля в целом и для клинических руководств в частности.

«Документная» и «лингвистическая» информативность. Поскольку клинические рекомендации находятся в пограничном (с точки зрения стилевой принадлежности) статусе и являются медицинским документом (включают элементы официально-делового и научного стилей), им присуща и так называемая «документная» информативность.

Информативность, как известно, обусловлена влиянием семантических и pragматических факторов. Первые влияют на содержательность текста и реализуются в двух составляющих – «документной» (связана с реализацией сигнальной функции, заключена в реквизитах, включает информацию об авторе, времени и месте создания текста, лицах, утвердивших и согласовавших документ и отчасти соотносится с конкретизаторами содержательно-фактуальной информации, описанной выше) и текстовой, или «лингвистической» (обусловлена языковой семантикой, заключена в реквизите «текст документа», сопряжена с реализацией собственно информативной функции – сообщением информации о профилактике, диагностике и лечении пациентов).

«Документная» информативность в текстах клинических руководств реализуется через реквизитный состав.

На территориальную принадлежность указывает герб страны, эмблема организации, наименование организации – автора документа (иногда и структурного подразделения) и ее реквизиты:

Дата документа соответствует дате подписания (утверждения) документа или дате события, зафиксированного в документе. С датой документа в клинических рекомендациях нередко отождествляется дата утверждения документа, являющаяся составной частью другого реквизита – грифа утверждения. Он проставляется на документе в случае его утверждения долж-

ностным лицом, распорядительным документом (постановлением, решением, приказом, распоряжением) или решением коллегиального органа. Гриф согласования документа в клинических рекомендациях также выполняет сигнальную функцию в рамках реализации «документной» информативности. Ниже представлены примеры оформления грифов утверждения и согласования.

Version 2.3 June 2013

Год утверждения 2017 год (пересмотр каждые 3 года)

УТВЕРЖДАЮ
Заместитель Министра здравоохранения
Российской Федерации
Е.Г. Камкин

Утверждены на профильной
комиссии при главном специалисте
сердечно-сосудистом хирурге
Минздрава РФ совместно с
Ассоциацией сердечно-сосудистых
хирургов 25 ноября 2014 года

Утверждены
Ассоциация сердечно-сосудистых хирургов
России.
— 202 г.

Согласованы

Научным советом Министерства
здравоохранения Российской Федерации

— 201 г.

Свойства информации. Информация обладает некоторыми свойствами: достоверность, объективность, полнота, актуальность, понятность, доступность, плотность, эргономичность [Шабанов 2017: 50–51]. Рассмотрим каждое свойство применительно к текстам клинических руководств.

Для определения степени **достоверности и полноты** рекомендаций по диагностике и лечению в разных странах авторами разработаны и успешно применяются несколько подходов к оценке достоверности доказательств.

Достоверность всегда носит градуальный характер и может быть измерена по шкале. В РФ оценка достоверности доказательств осуществляется: 1) по шкале оценки уровней достоверности доказательств (УДД) для методов диагности-

ки (диагностических вмешательств; 2) шкале оценки уровней достоверности доказательств (УДД) для методов профилактики, лечения, медицинской реабилитации, в том числе основанных на использовании природных лечебных факторов (профилактических, лечебных, реабилитационных вмешательств); 3) шкале оценки уровней убедительности рекомендаций (УУР) для методов профилактики, диагностики, лечения, медицинской реабилитации, в том числе основанных на использовании природных лечебных факторов (профилактических, диагностических, лечебных, реабилитационных вмешательств).

Систематизированная информация о других основных подходах к оценке достоверности рекомендаций представлена в таблице.

Подходы к оценке достоверности клинических рекомендаций (мировой опыт)

Approaches to assessing the reliability of clinical guidelines (global experience)

Автор	Описание
Centre for Evidence-Based Medicine (CEBM) (2009)	Включает 6 уровней доказательности, которые обозначаются римскими цифрами от I (доказательства получены в результате мета-анализа с низким уровнем погрешности) до VI (доказательства, основанные на обширном клиническом опыте) и буквами от A (сильные доказательства) до D (слабые доказательства)
Grading of Recommendations Assessment, Development, and Evaluation (GRADE) Working Group (2009)	Включают 4 уровня: сильные (high), средние (moderate), низкие (low), очень низкие (very low) доказательства
Scottish Intercollegiate Guidelines Network (SIGN) (2009)	Включает развернутую шкалу оценки: A I ++ (высококачественный мета-анализ), A I + (мета-анализы с невысокой вероятностью ошибки), A I – (метаанализы с высокой вероятностью ошибки), B II ++ (высококачественный метаанализ исследований типа «случай-контроль» или когортных исследований с очень низкой вероятностью ошибок), C II + (хорошо организованные исследования типа «случай-контроль» с невысокой вероятностью ошибок); C II – (исследования типа «случай-контроль» с высокой вероятностью ошибок), D III (неконтролируемые исследования, описание отдельных случаев либо серии случаев), D IV (мнение экспертов)
The Canadian Hypertension Education Program (2007)	Включает 4 элемента, которые обозначаются буквами от A до D: A – рандомизированное контролируемое исследование со слепой оценкой исходов; B – анализ, выполненный в рамках адекватного рандомизированного клинического исследования, с достаточным объемом выборки; C – систематический обзор или метаанализ, сравнение в рамках одного и того же рандомизированного клинического исследования; D – систематический обзор, в котором сравнительный анализ строится на основе плацебо-контролируемых рандомизированных исследований
Institute for Clinical Systems Improvement (ICSI) (2003)	Включает 4 элемента, которые обозначаются буквами от A до D: A – рандомизированное контролируемое исследование; B – когортное исследование; C – неслучайное контролируемое исследование, популяционное описательное исследование; D – кросс-секционные исследования серии случаев или одного клинического случая)

Продолжение таблицы

Автор	Описание
Strength of Recommendation Taxonomy (SORT) (2004)	Состоит из 3 уровней оценки достоверности результатов: Уровень 1 (A): качественные, ориентированные на пациента доказательства. Уровень 2 (B): ограниченные по качеству, ориентированные на пациента доказательства. Уровень 3 (C): другие доказательства – консенсусные заключения, экспериментации из других исследований, обычная практика, мнения или анализ серии случаев в области диагностики, лечения, профилактики
U.S. Preventive Services Task Force (USPSTF) (2008)	Состоит из 3 уровней оценки достоверности: Высокий уровень: включает результаты качественно проведенных исследований в репрезентативных группах населения. Средний уровень: имеющиеся данные достаточны для оценки результатов. Низкий уровень: имеющиеся фактические данные недостаточны для оценки результатов
American College of Cardiology Foundation/American Heart Association (ACCF/AHA) (2009)	Включает 3 уровня оценки достоверности клинической информации: A – данные, полученные в результате многочисленных рандомизированных клинических исследований, или мета-анализов; B – данные, полученные в результате одного рандомизированного исследования); C – консенсусное мнение экспертов
American Academy of Pediatrics (AAP) (2004)	Включает 5 элементов и обозначается буквами от A до E: A – хорошо продуманные, рандомизированные контролируемые исследования в популяциях; B – рандомизированные контролируемые исследования или диагностические исследования с незначительными ограничениями; C – обзорные исследования (кейс-контроль и когортное проектирование); D – экспертные заключения, отчеты; E – исключительные ситуации, когда валидация не может быть выполнена и существует явный перевес пользы или вреда
American Academy of Neurology (AAN) (2004)	Класс I: Проспективное рандомизированное клиническое исследование в репрезентативной популяции. Класс II: Проспективное сопоставимое групповое когортное исследование в репрезентативной популяции. Класс III: Все другие контролируемые исследования (в том числе в четко определенных естественных контрольных группах) в репрезентативной популяции, где исход выводится путем объективного измерения. Класс IV: Доказательства из неконтролируемых исследований, серий отчетов или экспертных заключений
National Comprehensive Cancer Network (NCCN) (2008)	Высокая: рандомизированные клинические исследования или мета-анализ. Низкая: весь спектр исследований от фазы II до крупных когортных исследований, от серии случаев до индивидуального опыта практикующего врача. 1A: сильная рекомендация. Высокий уровень доказательств. Выгоды превышают риски. 1B: сильная рекомендация. Умеренные доказательства. Выгоды превышают риски или риски превышают выгоды. 1C: сильная рекомендация. Низкие или очень низкие доказательства. Выгоды превышают риски или риски превышают выгоды. 2A: слабая рекомендация. Высокие доказательства, риски равномерно сбалансированы с выгодами. 2B: слабая рекомендация. Умеренные доказательства, риски равномерно сбалансированы с выгодами. 2C: слабая рекомендация. Низкие или очень низкие доказательства, риски равномерно сбалансированы с выгодами или баланс выгод с рисками не определен.

Окончание таблицы

Автор	Описание
Infectious Diseases Society of America (2001)	I: опыт >1 правильно проведенного рандомизированного контролируемого исследования. II: доказательства из > 1 хорошо проведенного клинического исследования без рандомизации; из когортных или контролируемых случайных аналитических исследований (предпочтительно из >1 центра) или из результатов неконтролируемых экспериментов. III: мнения авторитетных источников, основанные на клиническом опыте, описательных исследованиях или докладах экспертных комиссий

Актуальность информации в текстах руководств обусловлена регулярным их пересмотром в соответствии с действующим законодательством той или иной страны, локальными нормативными актами. В Российской Федерации порядок и сроки разработки клинических рекомендаций и их пересмотра обоснованы Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 28 февраля 2019 г. № 103н «Об утверждении порядка и сроков разработки клинических рекомендаций, их пересмотра, типовой формы клинических рекомендаций и требований к их структуре, составу и научной обоснованности включаемой в клинические рекомендации информации».

Понятность и доступность – смежные понятия, называющие стороны информативности, которые применимы в большей степени для клинических рекомендаций для пациентов и лиц, осуществляющих уход за ними (то есть неспециалистов). Понятность достигается использованием приемов денотатной экспликации (объяснения терминологии, в том числе терминов, образованных способом аббревиации, через пояснение в скобках) и амплификации – модели, в которой объясняется не термин, а сама ситуация, представленная в тексте.

Денотатная экспликация: Анемией называют состояние, при котором в организме вырабатывается недостаточно количество здоровых клеток крови (NCCN (NCCN Guidelines) «Миелодиспластические синдромы», 2021).

Амплификация: При сердечной недостаточности сердечная мышца должна работать ускоренному сердцебиению, из-за чего может

возникать опасно учащенный или нерегулярный сердечный ритм. Такие нарушения сердечного ритма могут привести к состоянию, которое называется «внезапной остановкой сердца» (ВОС) (Жизнь с устройством для сердечной ресинхронизирующей терапии. Клинические рекомендации для пациентов, б/д).

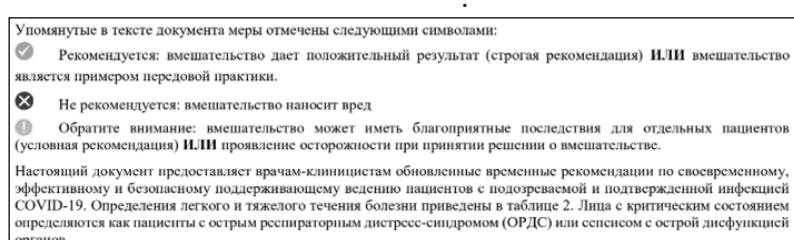
Понятности и доступности информации способствует также использование рисунков, фотографий, графических средств (цвет фона, цвет текста, изменение размеров шрифта, регистр, выделение слов курсивом, полужирным шрифтом, подчеркивание, использование рамок, векторов, иконок, мокапов и спич-бабблов).

Подчеркивание: Вирус гепатита С не передается при рукопожатиях, обятиях, поцелуях, совместном использовании посуды и столовых приборов, общего постельного белья («Методические рекомендации для населения по профилактике вирусного гепатита С», б/д).

Цвет фона и цвет текста (использование контрастных цветов, например белый текст на красном фоне) (Методические рекомендации «Особенности клинических проявлений илечения заболевания, вызванного новой коронавирусной инфекцией (COVID-19) у детей», 2020):

Критическая форма – мультисистемный воспалительный синдром
(цитокиновый штурм, Кавасаки-подобный синдром)

Использование иконок («Клиническое ведение тяжелой острой респираторной инфекции при подозрении на коронавирусную инфекцию COVID-19», Временные рекомендации, 2020):

Иногда графические средства сопровождают иллюстративные (рис. 1).

В клинических рекомендациях для пациентов и лиц, осуществляющих уход за ними, большое количество фотографий, выступающих как универсальное средство передачи информации, способно вместить огромный и разнообразный по характеру объем информации в доступной и лег-

ко воспринимаемой визуальной форме [Вольская 2018: 111], их включение обусловлено созданием визуальных ассоциаций, например, с атрибутами процесса диагностики и лечения (томограф), процедурами и манипуляциями, людьми, находящимися с аналогичной ситуацией, возможностями спокойной и комфортной жизни в диагнозе и т. д. (рис. 2).

Рис. 1. Выделение цветом, спич-баббл и фотография в ESMO Рекомендации для пациентов «Немелкоклеточный рак легкого», 2019

Fig. 1. Highlighting, a speech-bubble, and a photograph in ESMO Patient Guidelines ‘Non-Small-Cell Lung Cancer’, 2019

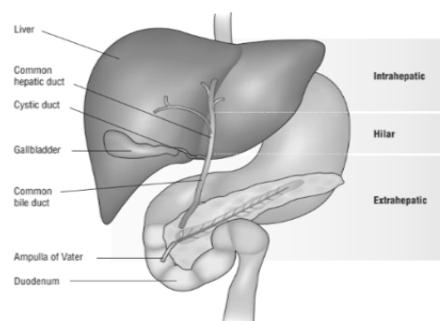
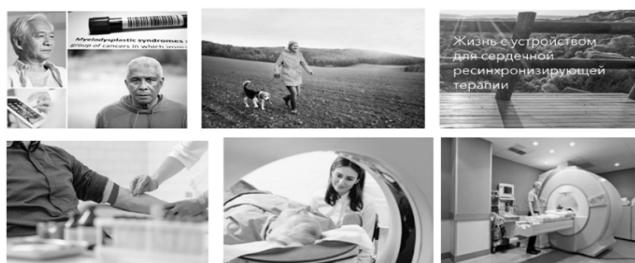

Рис. 2. Примеры фотографий и рисунков, включенных в тексты клинических рекомендаций для пациентов

Fig. 2. Examples of photographs and drawings included in clinical guidelines for patients

Плотность текста – это «отношение содержания к объему текста, то есть содержание большого количества информации» [Зимина 2020: 164].

Эргономичность – свойство информации, связанное с удобством ее представления для пользователя. Чаще всего в клинических рекомендациях плотность текста увеличивается за счет включения невербальных компонентов (таблиц, схем и т. д.), они же становятся инструментом структурирования и упорядочения информации, достижения ее эргономичности (рис. 3). Говоря о плотности и эргономичности текстов клинических руководств, целесообразно указать приемы создания напряженного и ненапряженного текста. К основным способам создания ненапряженного текста относят:

- лексические повторы: *Инсульт – одно из основных осложнений СКБ, сопровождающее значительной инвалидизацией пациентов.* У пациентов, перенесших инсульт, страдает когнитивная функция и нарушается социальная адаптация (Клинические рекомендации «Серповидно-клеточные нарушения», 2024);

- детализацию: *К нарушению всасывания витамина В12 могут приводить следующие патологические процессы:*

- снижение продукции или отсутствие «внутреннего фактора Кастла» вследствие наличия аутоантител к нему или к париетальным клеткам желудка, другие атрофические гастриты, резекция желудка;

– заболевания тонкой кишки (хронические энтериты с синдромом нарушенного всасывания, опухоли, в том числе лимфомы)… (Клинические рекомендации «Витамин-B12-дефицитная анемия», 2024);

- использование терминов с дефинициями:

Этот анализ показывает число ретикулоцитов в крови. Ретикулоциты – это незрелые эритроциты. Их уровень показывает, способен ли костный мозг производить эритроциты в ответ на развитие анемии (NCCN GUIDELINES FOR PATIENTS. Миелодиспластические синдромы, 2021).

Справочная таблица 5 Симптоматическая анемия	
Nет del(5q), доля кольцевых сiderобластов менее 15 %	<p>При уровне сывороточного ЭПО не выше 500 мЕд/мл возможны следующие варианты:</p> <ul style="list-style-type: none"> • риЭПО • Дарбапоэтин альфа <p>При уровне сывороточного ЭПО выше 500 мЕд/мл — см. справочную таблицу 6</p>
Nет del(5q), доля кольцевых сiderобластов 15 % или больше	<p>При уровне сывороточного ЭПО не выше 500 мЕд/мл возможны следующие варианты:</p> <ul style="list-style-type: none"> • риЭПО плюс Г-КСФ • Дарбапоэтин альфа плюс Г-КСФ <p>При уровне сывороточного ЭПО выше 500 мЕд/мл:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Луспательцепт (<i>luspatcercept-aamt</i>)
	<p>Варианты в случае ответа на терапию:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Продолжать прием ЭПО • Продолжать прием дарбапоэтина <p>Варианты при отсутствии ответа:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Продолжать прием ЭПО или дарбапоэтина • Рассмотреть возможность добавления к терапии ленапидомида или Г-КСФ

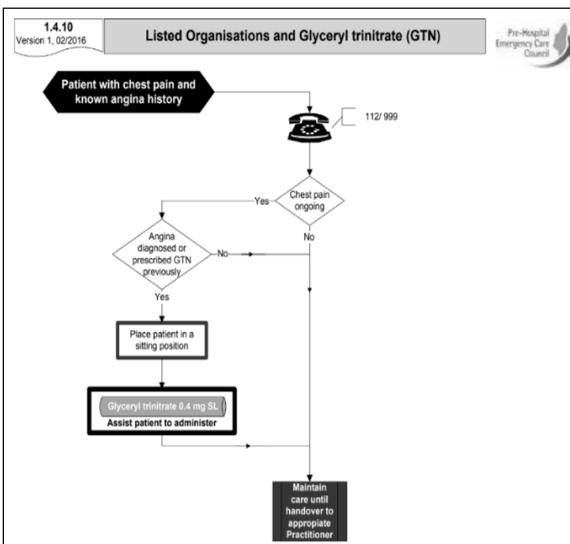

Рис. 3. Таблица из клинических рекомендаций NCCN (NCCN Guidelines) «Миелодиспластические синдромы», 2020, алгоритм из Clinical Practice Guidelines “Medications for Listed Organisations”, 2017

Fig. 3. Table from NCCN Guidelines ‘Myelodysplastic Syndromes’, 2020, algorithm from Clinical Practice Guidelines ‘Medications for Listed Organisations’, 2017

К приемам, направленным на повышение напряженности текста, относят:

- усеченную повторную номинацию, которая часто применяется для сокращения названия заболевания/состояния:

У всех пациентов со злокачественным новообразованием почки необходим сбор жалоб, выявление длительности симптомов. Всем пациентам с новообразованием, исходящей из верхнегорлого полюса почки, с целью дифференциальной диагностики между нефроластомой инейробластомой при наличии технических возможностей рекомендовано исследование уровня метаболитов катехоламинов мочи (Клинические рекомендации «Злокачественные новообразования почек, почечных лоханок, мочеточника, других и неуточненных мочевых органов», 2024);

- сжатие нескольких предложений в одно (простое) предложение, для чего используются конструкции с вторичным предикатом, который может быть выражен как отглагольным существительным, так и причастием, деепричастием, а также другими частями речи: ЕОК/РКО I С (УУР 5, УДД С) рекомендуется всем пациентам с тетрадой Фалло, поступающим в стационар для оперативного лечения (Клинические рекомендации

«Тетрада Фалло», 2024); Важно определить типы мышечного тонуса, присутствующие у детей с ЦП, так как это поможет в проведении оценки, определения цели и составления плана вмешательств (Адаптированное клиническое сестринское руководство по ведению детей с церебральным параличом, 2019);

• аббревиацию терминов и номенклатурной лексики: Апластическая анемия – заболевание системы крови, характеризующееся панцитопенией, обусловленной аплазией костного мозга, связанной с нарушением иммунных механизмов регуляции кроветворения, количественным дефицитом и функциональными дефектами стволовых кроветворных клеток. Костномозговая недостаточность при АА развивается в результате подавления пролиферации гемопоэтических клеток-предшественниц активированными Т-лимфоцитами и естественными киллерами (Клинические рекомендации «Апластическая анемия», 2024);

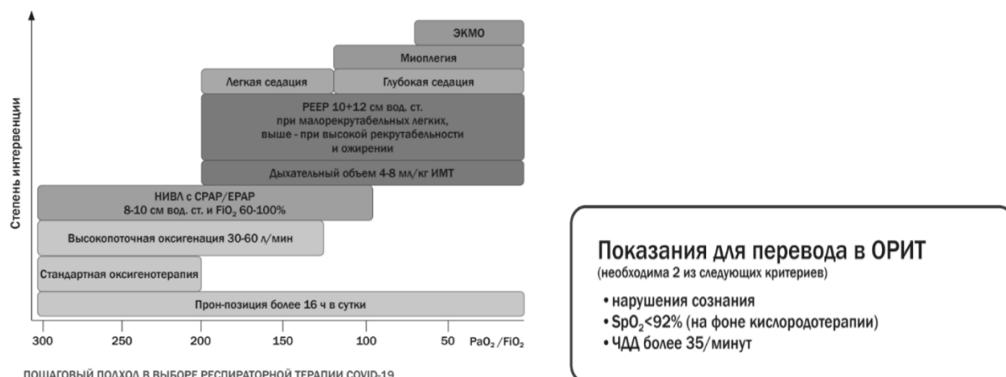
• использование терминов без их определений: В формировании эмфиземы участвуют различные клеточные и молекулярные механизмы, ключевую роль среди которых играет протеазно-антипротеазный дисбаланс, вызывающий

деструкцию эластического легочного каркаса. (Клинические рекомендации «Эмфизема легких», 2024);

- структуры неполного грамматического состава: *Спектр клинических проявлений очень широкий: на одном конце – «бессимптомные» пациенты (10–25%), на другом – больные с тяжелым*

течением: массивной гепато- и спленомегалией, глубокой анемией и тромбоцитопенией, выраженным истощением и тяжелыми, угрожающими жизни осложнениями (геморрагии, инфаркты селезенки, деструкция костей) (Клинические рекомендации «Болезнь Гоше», 2024);

- введение в текст схем, формул и символов:

(Временные методические рекомендации «Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», 2022

- использование сносок, ссылок, системы указателей: *Риск травмы наиболее высок при разгибании шеи [7, 8]. Внутренние травмы гортани у детей встречаются чаще, чем внешние, и вызыва-*

ны длительной или посттравматической интубацией, ларингоскопией, бронхоскопией, инородным телом или ожогом (Клинические рекомендации «Травма гортани», 2024);

Description of Decision Options / Interventions and the Level of Recommendation: PEDIATRICS						
	RECTAL	ORAL	TYMPANIC	TEMPORAL ARTERY	CHEMICAL DOT	AXILLARY
0-3 months	A	NR	NR	NR	NR	NR
3 months – 3 years	A	NR	I/E	I/E	N/E	I/E
3 years – 18 years	A	A	NR	A	NR	B
Febrile	A	A	NR	A ¹	NR	NR
Hypothermic	A	N/E	N/E	N/E	N/E	N/E
Critically ill/Intubated	A	NR	I/E	I/E	N/E	I/E

A	I level A (High)	Based on consistent and good quality of evidence; has relevance and applicability to emergency nursing practice.
B	Level II (Moderate)	There are some minor inconsistencies in quality evidence; has relevance and applicability to emergency nursing practice.
C	Level C (Weak)	There is limited or low-quality patient-oriented evidence; has relevance and applicability to emergency nursing practice.
NR	Not Recommended	Based upon current evidence.
I/E	Inadequate Evidence	Inadequate evidence upon which to make a recommendation.
N/E	No Evidence	No evidence upon which to make a recommendation.

(Emergency Nurses Association (ENA) Clinical Practice Guideline: Non-invasive Temperature Measurement, 2015)

1	Состояние раневого ложа	Грануляции Гипергрануляции «Вялые» грануляции Эпителий Струп Некроз
2	Характер раневого экссудата	Тип Объем Консистенция
3	Состояние кожи вокруг раны	Как правило оценивается площадь простирающаяся на 4 см от краев раны
4	Боль	Характер боли: постоянная или прерывающаяся, возникает при смене перевязочного средства или нет Динамика интенсивности боли: усиливается, остается неизменной, уменьшается
5	Размеры раны	Длина Ширина Глубина

(Уход за ранами в практике медицинской сестры. Руководство для медицинских сестер, 2020)

- выделение значимых частей текста курсивом, полужирным шрифтом, прописными буквами, подчеркиванием:

A nurse can complete all phases of the screening, assessment, intervention, and evaluation algorithm or involve other health-care providers as required. Pathway 1 – encompassing screening of all clients to determine whether they use substances – is applicable to all nurses and other health-care providers across all practice settings, to initiate discussion regarding substance use (Clinical Best Practice Guidelines. Engaging Clients Who Use Substances, 2015);

ТИП I – без неврологических проявлений, наиболее частый вариант заболевания, наблюдается у 94 % пациентов с БГ (Клинические рекомендации «Болезнь Гоше», 2024);

Шкала оценки больших моторных функций (GMFCS): Предоставляет информацию о тяжести функциональных ограничений на основа-

нии двигательных способностей ребенка и его потребности в инвалидной коляске, ходунках и других устройствах для ходьбы (Адаптированное клиническое сестринское руководство по ведению детей с церебральным параличом, 2019).

Процессы свертывания, развертывания, усложнения и упрощения информации в текстах клинических руководств. Клинические рекомендации – это тексты, которым релевантны следующие процессы.

1. Разворачивание информации (при котором первичный текст изменяется за счет формально-семантических прибавлений) – индивидуализированные и гармонизированные руководства. Разворачивание информации также может осуществляться посредством включения интертекстуальных ссылок на другие источники (рис. 4, 5).

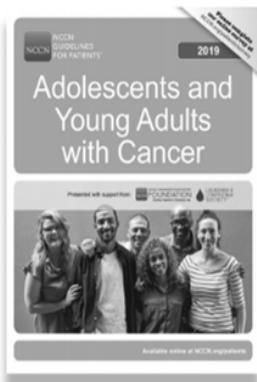
Способность к деторождению и контрацепция

У детей, прошедших лечение по поводу ОЛП, есть риск репродуктивных проблем, то есть проблем со способностью иметь детей. Чтобы сохранить эту способность, может потребоваться принятие мер до начала противоопухолевого лечения. Однако это не всегда возможно.

Тех, кто впоследствии хочет иметь детей, следует направлять к врачу-репродуктологу для обсуждения возможных вариантов. Более подробная информация содержится в руководстве для пациентов NCCN Guidelines for Patients «Подростки и молодые взрослые со злокачественными заболеваниями», доступном по адресу NCCN.org/patientguidelines.

Для девочек

Пациенткам, способным к деторождению, следует перед началом лечения пройти тест на беременность. Если девушка беремена или забеременеет в ходе лечения, противоопухолевая терапия может повредить ее ребенку. Поэтому рекомендуется контрацепция, чтобы избежать беременности во время и некоторое время после лечения. Бывает, что гормональные противозачаточные таблетки не рекомендуются, поэтому надо спросить врача о возможных вариантах.

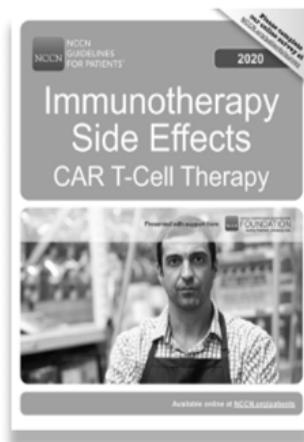

CAR-T-клеточная терапия, нацеленная на CD19

Иммунотерапия на основе генетически модифицированных аутологичных Т-лимфоцитов, нацеленных на белок CD19, – это терапия, основой для которой служат собственные Т-лимфоциты пациента. Их извлекают из организма и в лаборатории добавляют к ним так называемый химерный антигенный рецептор (chimeric antigen receptor, CAR); благодаря этой процедуре Т-лимфоциты программируются на поиск лейкозных клеток. Перепрограммированные Т-лимфоциты затем вновь вводятся в организм, чтобы они искали и уничтожали опухолевые клетки. Это лечение подходит не всем. Возможны серьезные и даже жизнеугрожающие реакции.

Tисагенпликейсл (Kymriah™) – разновидность такой CAR-T-клеточной терапии, нацеленной на CD19.

Более подробная информация о CAR-T-клеточной терапии приведена в руководстве для пациентов NCCN Guidelines for Patients «Побочные эффекты иммунотерапии», доступном по адресу NCCN.org/patientguidelines.

Инфекции

Врачи будут контролировать, нет ли у ребенка признаков инфекции. Таким признаком может быть, например, повышенная температура. Дело в том, что люди в состоянии нейтропении (которая может развиться в ходе лечения ОЛП) сильнее подвержены инфекциям, чем остальные. Нейтропения означает аномально низкое число нейтрофилов – одного из видов лейкоцитов крови. При возникновении инфекции для ее лечения могут быть назначены антибиотики. Так же при подозрении на инфекцию часто проводят анализ крови или мочи.

Лейкаферез

Для проведения лейкафереза пациента подключают к аппарату, который называется центрифугой. С помощью центрифуги лейкоциты отделяются от других клеток крови. После удаления лишних лейкоцитов остальные компоненты крови возвращают в кровоток. Эту процедуру называют также лейкоцитраферезом.

Тошнота и рвота

Тошнота и рвота – обычные побочные эффекты противоопухолевого лечения. Ребенок будет получать лекарственные средства для их профилактики.

Более подробная информация содержится в руководстве для пациентов NCCN Guidelines for Patients «Тошнота и рвота», см. NCCN.org/patientguidelines.

Рис. 4. Способы развертывания текста за счет включения ссылок на другие источники в NCCN Guidelines for Patients: Острый лимфобластный лейкоз у детей, 2021

Fig. 4. Ways to expand text by including links to other sources in the NCCN Guidelines for Patients: Pediatric acute lymphoblastic leukemia, 2021

Иммунотерапия

Частые побочные эффекты у пациентов, получающих иммунотерапию, включают изменения кожи (например, сыпь, зуд) и пищеварительной системы (например, диарея, тошнота). Многие побочные эффекты иммунотерапии могут быть эффективно предотвращены или устранены. Всегда говорите своему врачу или медсестре как можно скорее, если вы заметили какие-либо побочные эффекты от приема иммунотерапии.

Для получения дополнительной информации и рекомендаций по побочным эффектам иммунотерапии см. Руководство ESMO для пациентов по побочным эффектам, связанным с иммунотерапией, и их лечению (<https://www.esmo.org/for-patients/patient-guides/immunotherapy-side-effects>).

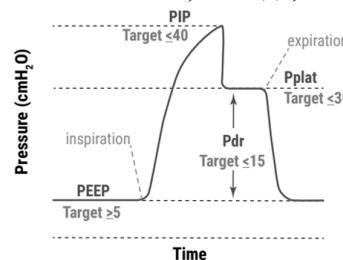
Рис. 5. Способы развертывания текста за счет включения ссылок на другие источники в ESMO Рекомендации для пациентов «Немелкоклеточный рак легкого», 2019

Fig. 5. Ways to expand text by including links to other sources in ESMO Patient Guidelines ‘Non-Small-Cell Lung Cancer’, 2019

2. Свертывание информации (при котором исходный текст получает формально-семантические опущения) – клинические руководства для пациентов, оперативные версии руководств, сокращенные версии гайдлайнсов – quickguides / rapid guidelines / pocket guidelines; например, в Pocket Anesthesia Reference Card (UCSF, Center for Health Equity in Surgery & Anesthesia, 2018) вся информация собрана в содержащей разделы табличной форме, имеются многочисленные сокращения (Est blood volume, ml, mg, kg, hr) и аббревиатуры (ETT / LMA, ABL, ABV), слова заменяют символы (&, >, +).

Для свертывания информации также могут использоваться графики и схемы (Respiratory Care Pocket Reference, Уганда, 2022).

Кроме того, процессы свертывания информации могут проявляться на уровне содержания и состава микротекстов (ниже представлен пример из: Неспецифический аортоартериит. Клинические рекомендации, РФ, 2022):

Неспецифический аортоартериит (полная версия):

Ключевые слова

Список сокращений

Термины и определения

1. Краткая информация

2. Диагностика

3. Лечение

4. Реабилитация

5. Профилактика

6. Дополнительная информация, влияющая на исход заболевания / синдрома

Критерии качества оказания медицинской помощи

Список литературы

Приложения

Неспецифический аортоартериит (сокращенная версия):

1. Краткая информация

2. Диагностика

3. Лечение

4. Реабилитация

5. Профилактика

6. Дополнительная информация, влияющая на течение и исход заболевания

3. Упрощение информации (при котором первичный текст адаптируется к новому адресату) – клинические руководства для пациентов и лиц, осуществляющих внебольничный уход за ними; адаптированные гайдлайны.

Целям упрощения и адаптации соответствует использование нумерованных и маркированных списков (*Lymphoedema. Guide for diagnosis and management in general practice*, 2024):

Secondary lymphoedema may develop many months or even years after damage to the lymphatic system.

– surgery:

- cancer related.

- venous stripping

- orthopaedic

- skin grafting

- DVT / venous disease

- radiotherapy

- trauma/burns

- infection:

- cellulitis

- flariasis

- prolonged dependency oedema:

- immobility

- chronic neurological disorders

- obesity related

- can occur in combination with lipoedema.

4. Усложнение информации (при котором базовый текст не затрагивает формально-семантические изменения, трансформация связана с расширением или переакцентуацией выполняемых им функций) – пациентоориентированные и распределенные компьютерно-интерпретируемые руководства, нарративные руководства, «живые» руководства (*Living Guidelines*).

Иллюстрацией усложнения информации может быть дополняющий дефиницию этимологический комментарий: *Миелопролиферативные новообразования (МПН)* – это группа редких видов злокачественных новообразований крови с особым названием. Что означает это название? Первая часть первого слова, миело-, обозначает костный мозг. Почти во всех костях есть мягкая сердцевина, называемая костным мозгом, где формируется большинство клеток крови. Вторая часть первого слова, пролиферативные, говорит о быстром росте клеток. Термин новообразование означает аномальный рост клеток.

(NCCN Guidelines for Patients. Миелопролиферативные новообразования, 2024).

Выводы

Анализ категории информативности текстов клинических рекомендаций показал, что она, являясь ключевой для данного рода текстов, может

рассматриваться в соотношении с другими текстовыми категориями: в рамках интердискурсивного взаимодействия (количество информации увеличивается за счет включения интертекстуальных ссылок, связь с категорией интертекстуальности), противопоставления специалистов и неспециалистов, столкновения научного и бытового представления об объекте речи (связь с категорией адресации). Индивидуализированные и гармонизированные руководства характеризуются развертыванием информации; клинические руководства для пациентов, оперативные версии руководств, сокращенные версии гайдлайнов – процессами свертывания; пациентоориентированные и распределенные компьютерно-интерпретируемые руководства, нарративные руководства, «живые» руководства в связи с функциональными изменениями – усложнением информационной составляющей. Свойства достоверности, полноты и объективности обеспечиваются за счет использования подходов к оценке достоверности доказательств, понятности и доступности информации способствуют денотатная экспликация, амплификация и включение иллюстративного материала, плотность и эргономичность рекомендаций связаны с включением невербальных компонентов (таблиц, схем и т. д.), актуальность информации в текстах информации обусловлена регулярным их пересмотром в соответствии с действующим законодательством той или иной страны, локальными нормативными актами.

Список источников

- Clinical Best Practice Guidelines. Engaging Clients Who Use Substances, Канада, 2015.
- Clinical Practice Guidelines «Medications for Listed Organisations», Ирландия, 2017.
- Clinical practice guidelines. Acute Coronary Syndrome (ACS), Бельгия, Франция, 2013.
- Covid-19. Pre-Hospital Emergency Care Council. Clinical Practice Guidelines, Ирландия, 2021.
- Emergency Nurses Association (ENA) Clinical Practice Guideline: Non-invasive Temperature Measurement, США, 2015.
- ESMO Non-Small Cell Lung Cancer Patient Guidelines, Швейцария, 2019.
- ESMO/ACF Patient Guide Series. Acute Myeloblastic Leukemia, Швейцария, 2011.
- Home-care guidelines for patients with COVID-19, Австралия, 2021.
- Lymphoedema. Guide for diagnosis and management in general practice, Австралия, 2024.
- NCCN GUIDELINES FOR PATIENTS. Миелодиспластические синдромы, США, 2021.
- NCCN Guidelines for Patients. Миелопролиферативные новообразования, США, 2024.

NCCN Guidelines for Patients: Pediatric Acute Lymphoblastic Leukemia, США, 2021.

Pocket Anesthesia Reference Card, UCSF, Center for Health Equity in Surgery & Anesthesia, Уганда, 2018.

Respiratory Care Pocket Reference, Уганда, 2022.

Адаптированное клиническое сестринское руководство по ведению детей с церебральным параличом, Казахстан, 2019

Временные методические рекомендации «Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», РФ, 2022.

Жизнь с устройством для сердечной ресинхронизирующей терапии. Клинические рекомендации для пациентов, РФ, б/д.

Клинические рекомендации «Апластическая анемия», РФ, 2024.

Клинические рекомендации «Болезнь Гоше», РФ, 2024.

Клинические рекомендации «Витамин-В12-дефицитная анемия», РФ, 2024.

Клинические рекомендации «Дискогенная пояснично-крестцовая радикулопатия», РФ, 2023

Клинические рекомендации «Злокачественные новообразования почек, почечных лоханок, мочеточника, других и неуточненных мочевых органов», РФ, 2024.

Клинические рекомендации «Макроглобулинемия Вальденстрема», РФ, 2024.

Клинические рекомендации «Серповидноклеточные нарушения», РФ, 2024.

Клинические рекомендации «Тетрада Фалло», РФ, 2024 Методические рекомендации «Особенности клинических проявлений и лечения заболевания, вызванного новой коронавирусной инфекцией (COVID-19) у детей», РФ, 2020.

Методические рекомендации для населения по профилактике вирусного гепатита С», РФ, б/д

Неспецифический аортоартериит. Клинические рекомендации, РФ, 2022.

Рекомендации пациентам после хирургической операции на сайте «Санкт-Петербургского научно-исследовательского института фтизиопульмонологии», РФ, б\д.

Уход за ранами в практике медицинской сестры. Руководство для медицинских сестер, РФ, 2020.

Клинические рекомендации «Травма горла», РФ, 2024.

Клинические рекомендации «Фолиеводефицитная анемия», РФ, 2024.

Клинические рекомендации «Эмфизема легких», РФ, 2024.

Клиническое ведение тяжелой острой респираторной инфекции при подозрении на коронавирусную инфекцию COVID-19», Временные рекомендации, РФ, 2020

Список литературы

Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста: дис. ... канд. филол. наук. Ростов на/Д, 1993. 182 с.

Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 520 с.

Бочковская Н. В. К проблеме изучения текста и текстовых категорий // Вестник Приднестровского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 1 (37). С. 13–16.

Валгина Н. С. Теория текста: учеб. пособие. М.: Логос, 2003. 173 с.

Вольская Н. Н. Иллюстративный материал как инструмент реализации категории информативности в политическом дискурсе // Наука сегодня: вызовы, перспективы и возможности: материалы междунар. науч.-практ. конф. Вологда, 2018. С. 110–112.

Воронова Н. Г. Виды информации в тексте и способы их восприятия // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 11-4 (113). С. 145–148 doi 10.23670/IRJ.2021.113.11.148

Гальперин И. Р. Грамматические категории текста: (Опыт обобщения) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1977. Т. 36, № 6. С. 522–532.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.

Голубева Т. И., Кудряшова Н. В. Виды информации и их соотношение в разных типах автобиографических произведений // Современное педагогическое образование. 2019. № 4. С. 82–88.

Гончарова Е. А. Текстовые категории и стиль // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2019. № 194. С. 89–97.

Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семио-социопсихологии / АН СССР, Ин-т социол. исслед. М.: Наука, 1984. 232 с.

Зимина А. В. Речевая организация документа в аспекте текстовых категорий // Гуманитарные исследования молодых ученых Южного Урала: сб. ст.: науч. электрон. изд. / гл. ред. И. М. Нохрин. Вып. 3. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2020. С. 161–168.

Кожина М. Н. О функциональных семантико-стилистических категориях текста // Филологические науки. 1987. № 2. С. 35–41.

Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: монография. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1990. 172 с.

Рыбакова Л. В. Категория информативности в прагматическом аспекте (на материале англоязычных информационно-рекламных текстов): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1998. 192 с.

Шабанов И. И. Общие и специальные свойства информации, как объекты административных правоотношений // Законность и правопорядок. 2017. № 3-4 (17). С. 47–53.

Шаикова В. Н. Фундаментальные вопросы анализа модального компонента текста // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. № 1 (январь). URL: <http://e-koncept.ru/2019/195002.htm> (дата обращения: 11.12.2024). doi 10.24411/2304-120X-2019-15002

References

Baranov A. G. *Funktional'no-pragmatischeeskaya kontseptsiya teksta*. Diss. kand. filol. nauk [Functional and pragmatic concept of the text. Cand. philol. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 1993. 182 p. (In Russ.)

Bolotnova N. S. *Filologicheskiy analiz teksta* [Philological Analysis of the Text]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2009. 520 p. (In Russ.)

Bochkovskaya N. V. K probleme izucheniya teksta i tekstovykh kategoriy [On the issue of studying the text and text categories]. *Vestnik Pridnestrovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Pridnestrovian University. Series: Humanities], 2011, issue 1 (37), pp. 13-16. (In Russ.)

Valgina N. S. *Teoriya teksta* [The Theory of Text]. Moscow, Logos Publ., 2003. 173 p. (In Russ.)

Vol'skaya N. N. Illyustrativnyy material kak instrument realizatsii kategorii informativnosti v politicheskem diskurse [Illustrative material as a tool for implementing the category of informativeness in political discourse]. *Nauka segodnya: vyzovy, perspektivy i vozmozhnosti* [Science Today: Challenges, Prospects and Opportunities. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Vologda, 2018, pp. 110-112. (In Russ.)

Voronova N. G. Vidy informatsii v tekste i sposoby ikh vospriyatiya [Types of information in the text and ways of their perception]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal], 2021, issue 11-4 (113), pp. 145-148. doi 10.23670/IRJ.2021.113.11.148. (In Russ.)

Gal'perin I. R. Grammaticheskie kategorii teksta: (Opyt obobshcheniya) [Grammatical categories of text: (The experience of generalization)]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury iazyka* [Izvestia of the USSR Academy of Sciences. Literature and Language Series], 1977, vol. 36, issue 6, pp. 522-532. (In Russ.)

Gal'perin I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 140 p. (In Russ.)

Golubeva T. I., Kudryashova N. V. Vidy informatsii i ikh sootnoshenie v raznykh tipakh avtobi-

graficheskikh proizvedeniy [Types of information and their correlation in different types of autobiographical works]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie* [Modern Pedagogical Education], 2019, issue 4, pp. 82-88. (In Russ.)

Goncharova E. A. Tekstovye kategorii i stil' [Text categories and style]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertseva* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2019, issue 194, pp. 89-97. (In Russ.)

Dridze T. M. *Tekstovaya deyatel'nost' v strukture sotsial'noy kommunikatsii. Problemy semiosotsiopsikhologii* [Textual Activity in the Structure of Social Communication. The Problems of Semio-sociopsychology]. Institute of Social Sciences of the Academy of Sciences of the USSR. Moscow, Nauka Publ., 1984. 232 p. (In Russ.)

Zimina A. V. Rechevaya organizatsiya dokumenta v aspekte tekstovykh kategoriy [The speech organization of the document in the aspect of textual categories]. *Gumanitarnye issledovaniya molodykh uchenykh Yuzhnogo Urala* [Humanities Studies of Young Scientists of the Southern Urals. A collection of articles]. Ed. by I. M. Nokhrin. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University Press, 2020, issue 3, pp. 161-168. (In Russ.)

Kozhina M. N. O funktsional'nykh semantiko-stilisticheskikh kategoriakh teksta [On the functional semantic-stylistic categories of text]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 1987, issue 2, pp. 35-41. (In Russ.)

Matveeva T. V. *Funktsional'nye stili v aspekte tekstovykh kategoriy* [Functional Styles in the Aspect of Text Categories]. Sverdlovsk, Ural State University Press, 1990. 172 p. (In Russ.)

Rybakova L. V. *Kategoriya informativnosti v pragmaticschem aspekte (na materiale angloyazychnykh informatsionno-reklamnykh tekstov)*. Diss. kand. filol. nauk [The category of informativeness in the pragmatic aspect (based on the material of English-language information and advertising texts). Cand. philol. sci. diss.]. Voronezh, 1998. 192 p. (In Russ.)

Shabanov I. I. *Obshchie i spetsial'nye svoystva informatsii, kak ob'ekty administrativnykh pravootnosheniy* [General and special properties of information as objects of administrative legal relations]. *Zakonnost' i pravoporyadok* [Legality and Legal Order], 2017, issue 3-4 (17), pp. 47-53. (In Russ.)

Shashkova V. N. *Fundamental'nye voprosy analiza modal'nogo komponenta teksta* [Fundamental issues of the analysis of the modal component of the text]. *Kontsept* [Concept], 2019, issue 1 (January). Available at: <http://e-koncept.ru/2019/195002.htm> (accessed 11 Dec 2024). doi 10.24411/2304-120X-2019-15002. (In Russ.)

Texts of Clinical Recommendations in the Aspect of the Category of Informativeness

Natalia A. Romanova

Associate Professor in the Department of Russian Philology and Journalism

Volgograd State University

100, prospekt Universitetskiy, Volgograd, 400062, Russia. romanova_na@volstu.ru

SPIN-code: 9943-6228

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0783-3238>

ResearcherID: HII-4194-2022

Larisa A. Dzhelalova

Professor in the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines

Volga Cossack Institute of Management and Food Technology (branch) of the K. G. Razumovsky

Moscow State University of Technology and Management (First Cossack University)

30, Gvardeyskaya st., Dimitrovgrad, 433511, Russia. dshelar@mail.ru

SPIN-code: 1088-3939

ORCID: <https://0000-0001-6184-9639>

ResearcherID: AAC-1838-2019

Submitted 23 Apr 2025

Revised 09 Aug 2025

Accepted 01 Sep 2025

For citation

Romanova N. A., Dzhelalova L. A. Teksty klinicheskikh rekomendatsiy v aspekte kategorii informativnosti [Texts of Clinical Recommendations in the Aspect of the Category of Informativeness]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 4, pp. 64–80. doi 10.17072/2073-6681-2025-4-64-80. EDN JJYBJ (In Russ.)

Abstract. The article examines texts of clinical recommendations (clinical practice guidelines) in the aspect of the category of informativeness. The purpose of this article is to study the category of informativeness in relation to target groups of clinical recommendations: doctors; paramedics, doctors and paramedics of disaster medicine; nurses; patients and caregivers. The objectives of the study were as follows: to determine information components (cognitive, modal, and textual), types of information (in accordance with I. R. Galperin's concept); to identify information properties, techniques for creating 'dense' and 'non-dense' text as well as linguistic means of representing informativeness; to differentiate 'documentary' and 'linguistic' informativeness in the texts of the guidelines. The category of informativeness, being the key one for this kind of texts, interacts with other textual categories: within the framework of interdiscourse interaction (the amount of information increases due to the inclusion of intertextual links – a connection with the category of intertextuality), within the juxtapositions of specialists and non-specialists, scientific and commonplace ideas about the object of speech (connection with the category of addressing). Individualized and harmonized guidelines are characterized by expanded information; clinical manuals for patients, operational versions of manuals, abridged versions of guidelines – by compressed presentation of information; patient-oriented and distributed computer-interpreted manuals, narrative manuals, 'live' manuals, due to functional changes, – by the complication of the information component. The properties of reliability, completeness, and objectivity are ensured through the use of approaches to assessing reliability of evidence; clarity and accessibility of information are facilitated by denotational explication, amplification, and inclusion of illustrative material; the density and ergonomics of recommendations are associated with the inclusion of non-verbal components (tables, diagrams, etc.); the relevance of information in the texts is ensured by their regular revision in accordance with the current legislation of a particular country, local regulations.

Key words: clinical recommendations; guidelines; clinical practice guidelines; category of informativeness; primary informativeness; secondary informativeness.

УДК 81'38

doi 10.17072/2073-6681-2025-4-81-90

<https://elibrary.ru/lqzslv>

EDN LQZSLV

Функциональная стилистика научного текста М. Н. Кожиной и современные корпусные исследования по идентификации искусственно сгенерированного контента

Рябцева Надежда Константиновна

д. филол. н., ведущий научный сотрудник отдела прикладной лингвистики

Институт языкоznания Российской академии наук

125009, Россия, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1. nadia_riabceva@mail.ru

SPIN-код: 8966-9640

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2042-4615>

ResearcherID: S-7138-2016

Scopus Author ID: 55218430500

Статья поступила в редакцию 26.09.2025

Одобрена после рецензирования 29.09.2025

Принята к публикации 01.10.2025

Информация для цитирования

Рябцева Н. К. Функциональная стилистика научного текста М. Н. Кожиной и современные корпусные исследования по идентификации искусственно сгенерированного контента // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 4. С. 81–90. doi 10.17072/2073-6681-2025-4-81-90. EDN LQZSLV

Аннотация. В статье подчеркивается значимость научной деятельности выдающегося отечественного ученого, профессора Пермского государственного университета М. Н. Кожиной и ее особый вклад в лингвистику в целом и в современную стилистику в особенности. Показана взаимосвязь современных компьютерных и корпусных статистических исследований с направлениями работы пермской стилистической школы, основанной М. Н. Кожиной. На материале последних развернутых статистических исследований в области идентификации искусственно сгенерированных текстов продемонстрирована преемственность и эффективность квантитативного анализа языка, речи и коммуникации, а также его значимость для развития науки в целом. Так, данные последних развернутых исследований в этой области свидетельствуют об устойчивом росте использования общедоступного инструмента класса «Искусственный интеллект» ChatGPT-4 в научных публикациях почти сразу после его выпуска (30 ноября 2022 г.). Причем самый большой и быстрый рост искусственно сгенерированного контента отмечается в публикациях по компьютерным наукам – до 17,5 %. Основным принципом установления данного факта являлось системное масштабное статистическое сравнение свыше 950 900 научных статей, опубликованных на английском языке с января 2020 г. по февраль 2024 г. в ведущих мировых научных журналах по различным академическим дисциплинам – написанных до выпуска ChatGPT-4 и после него. При этом частотность слов в аннотациях по компьютерным наукам за последние 14 лет (2010–2024 гг.) оказалась непропорционально большой у четырех слов – *realm, intricate, showcasing, pivotal*. Причем именно после поступления ChatGPT-4 в свободный доступ они показали внезапный всплеск употребления. Таким образом, использование ChatGPT-4, особенно в области научной коммуникации, создает принципиально новые проблемы, в том числе лингвистические и стилистические, по идентификации искусственно сгенерированного контента.

Ключевые слова: функциональная стилистика; научный текст; корпусные исследования; частотность; ChatGPT-4; искусственно сгенерированный контент.

М. Н. Кожина и современная лингвистика

Маргарита Николаевна Кожина как выдающийся ученый и заслуженный деятель науки РФ, как создатель пермской школы функциональной стилистики, известной в России и за рубежом, а также как выдающийся специалист в области изучения родного языка и его истории, социолингвистики, риторики и прагматики, внесла своими трудами неоценимый вклад в развитие лингвистики в целом. Этот выдающийся вклад был по достоинству оценен многочисленными коллегами, соратниками и учениками М. Н. Кожиной, которые в своих публикациях с большой благодарностью и уважением выражают ей признательность как своему учителю, наставнику и соратнику. Так, опубликованный в 1966 г. фундаментальный и новаторский труд М. Н. Кожиной «О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики» [Кожина 1966], по сути, предвосхитил дальнейшее развитие лингвистической науки в изучении речи, дискурса и коммуникации, особенно научной. В книге, в частности, особо отмечается, что познавательная оценка, выраженная в научном тексте, – это его когнитивный стержень, объединяющий все варианты компонентов знания и подчиняющий их взаимодействие цели научного текста – фиксировать получение нового научного знания. Эти и многие другие положения данного исследования, а также всех последующих нашли позитивный отклик в большом количестве публикаций, рецензий, отзывов и комментариев как отечественных, так и зарубежных лингвистов (см., например: [Гайда 2010; Данилевская 2005] и мн. др.).

В фундаментальном труде «Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв.» в своих статьях М. Н. Кожина [Кожина 1996, 1998] указывает на особенности стилевой дифференциации разных литературных языков с учетом своеобразия их истории, а также на перспективы развития и важность сопоставительной стилистики, учета стилевой дифференциации разных литературных языков, взаимодействия функциональных стилей, стилистической организации целого речевого произведения и мн. др., что стало объектом особого содержательного рассмотрения в статье [Салимовский 2013: 20–22]. В ходе глубокого и тонкого лингвистического анализа классических произведений русской литературы М. Н. Кожина «предложила новое понимание конструктивного принципа речевой организации художественного текста, назвав эту стилевую черту художественно-образной речевой конкретизацией», что также отмечается в статье [там же: 14], в которой подчеркивается, что особый вклад М. Н. Кожиной в

стилистику текста заключается также в раскрытии междисциплинарности стилистики и в ее функционально-коммуникативной интерпретации текста [там же: 10], в характеризации текста как явления культуры, в выделении стилистически значимых средств коммуникации, в идентификации «функциональных семантико-стилистических категорий» (ФССК) текста, в определении коммуникативной организации научного текста и мн. др. (см.: [Кожина 1996; 1998]).

М. Н. Кожиной принадлежат также такие программные для пермской школы стилистики исследовательские положения, как «разработка методики применения статистики для изучения воздействия на характер речи того или иного конкретного из ряда действующих экстралингвистических факторов – так называемый метод срезов, на основе использования которого можно решать вопросы стилевой дифференциации речи на уровне более частных факторов и различные задачи социальной и коммуникативной лингвистики» [Штайн 2004: 34].

В целом «функционально-стилистическая теория текста М. Н. Кожиной знаменовала качественный скачок отечественного языкоznания в понимании коммуникативной природы текста и закономерностей его лингвостилистической организации» [Баженова 2013: 80]. М. Н. Кожина также особо подчеркивала, что развернутые вариативные повторы в научном тексте поддерживают его динамику, задают его организацию и воплощают введение нового научного знания: «в создании стиля участвует фактор частоты употребления языковых средств» (см.: [Кожина 2003; 2004; 2020]). Так, «деятельностная концепция,ложенная в основание теории интерпретации научного текста» позволила М. Н. Кожиной, ее ученикам и соратникам-коллегам «прийти к выводу об огромной организующей роли развернутых вариативных повторов (РВП) в научном тексте» [Штайн 2004: 21].

Следует подчеркнуть, что проблеме языковой и речевой частотности вообще и повторяемости в частности, как особо актуальной и значимой в лингвистике, постоянно посвящается значительное количество разнообразных лингвистических исследований (а также разного рода словарей; см., например, [Засорина 1977; Шайкевич, Андрющенко, Ребецкая 2016; Divjak 2019; Беляева 2021] и мн. др.). Так, частотность как лексикографически значимое явление «имеет большую прагматическую и научную значимость в синхронном и диахронном языковом описании. Употребительность слов учитывается при составлении словарей-минимумов, используемых для обучения иностранному и родному языку; в сфере стилистики она считается показателем

идиостиля автора и его эволюции» (см., например: [Арутюнова 1996]); частотность в аспекте исторической лексикографии «позволяет судить о динамике лексики, о формировании узульной нормативности в прошлом и о глубинных истоках современного словарного состава языка» и мн. др. [Глинкина 2011, с. 7].

Поэтому неудивительно, что с развитием цифровых технологий частотность становится всё более актуальной и информативной лингвистической категорией. Одним из таких, можно сказать, неожиданных эффектов в области изучения языковой частотности современными компьютерными и корпусными методами оказалось сравнение «естественных» научных текстов с текстами, в генерировании которых был использован принципиально новый цифровой работающий общедоступный инструмент класса «Искусственный интеллект» (ИИ), основанный на больших языковых моделях (Large Language Models, LLM) – ChatGPT-4: LLM-modified texts. «GPT – Generative Pretrained Transformer – трансформер, обученный для генерации текста» [Козловская 2023: 71]).

ChatGPT-4 и особенности научной коммуникации

С момента появления нового общедоступного ИИ-инструмента ChatGPT-4, 30 ноября 2022 г., в научной литературе всё более активно обсуждается проблема его использования в порождении всех типов текстов, особенно в образовании, науке и средствах массовой информации (см., например: [Кашук 2024; Liang et al. 2023a; Poel, Gasiorek 2024; Yang et al. 2025] и мн. др.). Главная проблема заключается в том, что порожденные этим инструментом тексты с большим трудом можно отличить от текстов, написанных человеком. Так, например, в научных текстах по медицине большинство аннотаций, сгенерированных при помощи ChatGPT-4 – LLM-modified, не поддаются распознаванию как «искусственные». В средствах массовой информации, в свою очередь, было обнаружено свыше 700 новостных сайтов на 15 языках, информационные сообщения которых вызывают сомнение в их достоверности и соответствии действительности [NewsGuard 2023; Cantor 2023; Liang et al. 2024a].

К настоящему времени разработан целый ряд методов класса «GPT-Detector» для различия «естественного» текста и текста, сгенерированного искусственно (LLM-modified). Однако их эффективность и надежность подвергаются сомнению [Kelly 2023 и мн. др.]. Особо актуальной данная задача является в области научной коммуникации, поскольку здесь использование искусственного инструмента порождения текста

угрожает «экологичности» научной коммуникации. Так, в работе W. Liang с соавторами отмечается, что «стремительное освоение генеративных языковых моделей принесло значительный прогресс в цифровой коммуникации, но, в то же время, породило подозрения в возможном сомнительном использовании ИИ-сгенерированного контента» (“The rapid adoption of generative language models has brought about substantial advancements in digital communication, while simultaneously raising concerns regarding the potential misuse of AI-generated content”) [Liang et al. 2023a, с. 1]. В связи с этим подчеркивается, что результаты исследования, проведенного W. Liang и соавторами, «свидетельствуют о наличии определенных этических проблем в данной области и о необходимости предостережения авторов относительно использования ChatGPT в образовательном и квалификационном контексте» (“Our results call for a broader conversation about the ethical implications of deploying ChatGPT and caution against their use in evaluative or educational settings”) [ibid.: 1], а также о важности дальнейшего исследования способов идентификации ИИ-сгенерированного текста.

На этом основании было проведено одно из наиболее развернутых и фундаментальных исследований в данной области. Оно заключалось в последовательном масштабном статистико-стилистическом сравнении научных текстов, написанных до и после выпуска ChatGPT-4, и состояло из трех этапов [Liang et al. 2023b; 2024a; 2024b]. На первом из них, под названием “Can Large Language Models provide useful feedback on research papers? A large-scale empirical analysis” («Могут ли большие языковые модели дать полезную обратную связь по исследовательским работам? Масштабный эмпирический анализ») [Liang et al. 2023b: 1–39], изучался вопрос о том, насколько полезным может быть использование аппарата ChatGPT-4 в научной коммуникации, в первую очередь в процессе порождения рецензий на тексты научных докладов, представляемые на конференции по компьютерным наукам. При этом сравнивались рецензии, написанные специалистами (до выпуска ChatGPT-4) и предположительно сгенерированные при помощи ChatGPT-4. В ходе исследования был установлен целый ряд их отличий, а также положительные свойства созданных с помощью ChatGPT-4 рецензий. В частности, было высказано мнение, что «естественно» созданные рецензии на тексты научных докладов и искусственно сгенерированные – LLM feedback – в некотором смысле дополняют друг друга, особенно на предварительном этапе подготовки рукописи к печати, тем более что в некоторых об-

ластях, в первую очередь в компьютерных науках, наблюдается «лавинообразный» рост публикаций, и не всегда нужный специалист-рецензент находится в зоне доступа автора. Но это ни в коем случае не отменяет строгого подхода «живого» рецензента (human reviewer / expert) – специалиста и авторитета в данной области – и его участия в издательском процессе (“Our results suggest that LLM and human feedback can complement each other. While human expert review is and should continue to be the foundation of rigorous scientific process, LLM feedback could benefit researchers, especially in earlier stages of manuscript preparation before peer-review”) [Liang et al. 2023b: 2]. «Автоматическое рецензирование ни в коем случае не отменяет рецензирование, выполненное специалистом, и которое составляет неотъемлемое звено в продвижении научного знания» (“Automatically generating reviews without thoroughly reading the manuscript would undermine the rigorous evaluation process that forms the bedrock of scientific progress”) [Liang et al. 2023b: 7]. Следовательно, необходимо различать написанные специалистами и ИИ-сгенерированные рецензии.

На втором этапе – “Monitoring AI-Modified Content at Scale: A Case Study on the Impact of ChatGPT on AI Conference Peer Reviews” («Масштабный мониторинг ИИ-модифицированного контента: Изучение влияния ChatGPT на экспертные заключения на конференциях по ИИ») [Liang et al. 2024a: 1–46] – была разработана специальная компьютерная дистрибутивная методика количественной оценки частотности лексики (distributional GPT quantification framework for estimating the fraction of AI-modified content in a corpus), которая позволяет наблюдать в LLM-сгенерированном тексте тенденции на уровне корпуса, слишком тонкие для обнаружения на индивидуальном текстовом уровне (“We thus can observe corpus-level trends in LLM-generated text which may be too subtle to detect at the individual level”) [ibid.: 1].

Данная методика, разработанная на материале рецензий на тексты докладов, представленных на ведущие конференции по искусственному интеллекту (ИИ; Artificial Intelligence, AI) и машинному обучению (Machine Learning, ML): ICLR (International Conference on Learning Representations), NeurIPS (Neural Information Processing Systems), EMNLP (Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing) и CoRL (Conference on Robot Learning), позволяет продемонстрировать, что хотя и небольшая, но вполне значимая их часть, представленная на соответствующие конференции после выпуска инструмента ChatGPT-4 в свободный доступ, является ИИ-модифицированной (AI-modified).

Так, на основе специально полученных эмпирических статистических данных о том, что частотность употребления таких специфических прилагательных, как *commendable* («достойный похвалы»), *meticulous* («тщательный») и *intricate* («усложненный»), неожиданно увеличивается в ICLR-рецензиях, опубликованных после появления ChatGPT-4 в свободном доступе, то есть после 30 ноября 2022 г., было принято решение разработать соответствующие системные дистрибутивные принципы установления растущего использования LLM в корпусе научных рецензий и оценки в нем доли ИИ-модифицированного контента.

Указанные прилагательные при их более подробном статистическом изучении показали ощутимый рост в их использовании в рецензиях на материалы конференции ICLR именно после выпуска ChatGPT-4, в 2024 г., соответственно в 9,8, 34,7 и 11,2 раз (“We find a significant shift in the frequency of certain tokens in ICLR-2024, with adjectives such as “commendable”, “meticulous”, and “intricate” showing 9.8, 34.7, and 11.2-fold increases in probability of occurring in a sentence”) [ibid.: 2]. Подчеркивается, что аналогичные результаты можно получить на материале других частей речи.

В качестве исходной посылки в указанном исследовании, как уже отмечалось, послужило положение о том, что современные предполагаемые ИИ-модифицированные тексты (рецензий) можно сравнивать с текстами, написанными до появления ChatGPT-4 (“We assume that we have access to a collection of reviews which are known to contain only human-authored text”) [Liang et al. 2024a: 4]. В качестве одного из исходных предположений было принято также отмеченное в литературе наблюдение о том, что в ИИ-сгенерированном тексте вряд ли будут цитаты из других публикаций и, соответственно, цепочки вида “et al.”, отражающие их присутствие (“LLMs are less likely to include scholarly citations, as highlighted by recent studies [Walters, Wilder 2023]; we thus hypothesize that reviews containing scholarly citations might indicate lower LLM usage. To test this, we use the occurrence of the string “et al.” as a proxy for scholarly citations in reviews”) [Liang et al. 2024a: 8].

С использованием соответствующих соображений при сравнении текстов рецензий, написанных до и после выпуска инструмента ChatGPT-4, было установлено, что примерно от 7 до 15 % предложений из текстов рецензий, представленных на конференции по машинному обучению в 2024 г. (Machine Learning, ML), являются существенно ИИ-модифицированными (“Applying this method to conference reviews written before and after the release of ChatGPT shows evi-

dence that roughly 7–15% of sentences in ML conference reviews were substantially modified by AI” [ibid.: 9]. В целом полученные данные свидетельствуют, что в ИИ-модифицированных текстах существенно снижается разнообразие используемых лингвистических средств выражения, а также их «эпистемическое разнообразие» (“AI-generated texts... appear to compress the linguistic variation and epistemic diversity that would be expected in unpolluted corpora”) [ibid.: 9].

На третьем этапе исследования – “Mapping the Increasing Use of LLMs in Scientific Papers” («Отображение растущего использования LLM в научных публикациях») [Liang et al. 2024b: 1–27] – проводился анализ больших корпусных данных, включавших 950 965 научных статей, опубликованных на английском языке с января 2020 г. по февраль 2024 г. в ведущих мировых научных журналах – от вычислительной техники до медицины. Он опирался на разработанную ранее компьютерную дистрибутивную методику количественной оценки частотности лексики (distributional GPT quantification framework for estimating the fraction of AI-modified content in a corpus), которая, как уже упоминалось, позволяет наблюдать в LLM-сгенерированном тексте тенденции на уровне корпуса [Liang et al. 2024a: 1]. Сначала анализировались аннотации и введения к соответствующим статьям, поскольку они представляют собой наиболее показательные элементы научных публикаций. Устанавливалось при этом, не является ли данный (вероятно, LLM-модифицированный) текст публикации «развертыванием» ранее опубликованного текста или генерацией текста на основе заданного инструменту ChatGPT-4 плана [Liang et al. 2024b: 3].

При обучении модели была установлена частотность слов в научных текстах, написанных до выпуска ChatGPT-4 и после его выпуска. Для проверки точности модели использовались 3000 статей, вышедших из печати с 1 января 2022 года по 29 ноября 2022 года, т.е. непосредственно перед выпуском ChatGPT-4. Полученные статистические данные свидетельствуют об устойчивом росте использования LLM в научных публикациях после выпуска инструмента ChatGPT-4. Причем самый большой и быстрый рост наблюдался в публикациях по компьютерным наукам – до 17,5% (тогда как публикации по математическим наукам показали наименьшую LLM-модификацию – менее 6,3%) (подробнее см.: [Рябцева 2025]).

Полученные таким образом данные говорят о резком увеличении LLM-модифицированного (искусственно сгенерированного) контента в научных текстах публикаций уже спустя примерно пять месяцев с момента выпуска ChatGPT-4. При этом частотность слов в аннотациях по компью-

терным наукам за последние 14 лет (2010–2024 гг.) оказалась непропорционально большой у четырех слов: *realm* («область, сфера»), *intricate* («сложный, запутанный»), *showcasing* («демонстрация»), *pivotal* («решающий, основной»). И если в период с 2010 по 2022 г. эти понятия использовались в аннотациях статей по данному направлению с незначительной частотой, то с 2023 г., спустя примерно пять месяцев после поступления ChatGPT-4 в свободный доступ, они показали внезапный всплеск употребления [Liang et al. 2024b: 3]. Результаты статистического исследования к тому же свидетельствуют о более тесной связи между разными публикациями, содержащими LLM-модификации. Она проявляется в том, что «LLM-сгенерированный текст сглаживает стилистическое разнообразие лингвистических средств выражения в научной коммуникации» [ibid.: 4].

Таким образом, статистические исследования повторов и частотности лексики в научных текстах, написанных как «естественным» образом, так и предположительно ИИ-модифицированных, в разных научных направлениях и разного времени издания позволяют определить уровень «искусственности» – «модифицированности» современных научных публикаций. При этом дальнейшие попытки «измерить» степень использования LLM в порождении научных публикаций должны помочь выявить риски для «экосистемы» научных публикаций в целом. Специалисты также подчеркивают, что исследования по идентификации компьютерно-модифицированных научных текстов должны способствовать повышению прозрачности, эпистемичности и независимости научной коммуникации [Liang et al. 2024b: 9].

Заключение

В заключении следует особо отметить, что с выпуском нового общедоступного ИИ-инструмента ChatGPT-4 появился принципиально новый типа дискурса – «компьютерно-модифицированный», в результате чего наступила новая эра когнитивных, коммуникативных, стилистических, статистических и всех аналогичных исследований языка и речи, особенно в сфере научной коммуникации. В результате в настоящее время, с развитием цифровых технологий вообще, в том числе компьютерной и корпусной лингвистики в особенности, появляются разнообразные возможности взглянуть на различные коммуникативные и стилистические явления языка и речи с новой точки зрения, в том числе на особенности повторов и их частотность в различных типах текстов и на причины их появления. Как свидетельствуют соответствующие

современные цифровые статистические исследования, которые вполне правомерно назвать «компьютерной стилистикой», частотность способна выступать в качестве важнейшего критерия в установлении «естественности» или «искусственности» текстов научных рецензий и научных публикаций. Причем «искусственный» тип текста характеризуется повышенной частотностью некоторых типов, в первую очередь оценочной лексики, а также меньшей эпистемической вариативностью.

Таким образом, «компьютерная стилистика» в целом позволяет установить новые, не отмечаемые ранее и «невидимые» ранее стилистические особенности научных текстов и рецензий на них, которые проявляются при их «компьютерном» сравнении с ИИ-сгенерированными текстами, а также проследить способы их модификации, заложенные в инструментах автоматического порождения речи. И тем самым продемонстрировать преемственность и последовательность в развитии лингвистических стилистических знаний, важный вклад в которое внесла выдающийся лингвист-стилист М. Н. Кожина и вся созданная ею пермская школа стилистических исследований.

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Стиль Достоевского в рамке русской картины мира // Пoэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур / отв. ред. Н. Н. Розанова. М.: Наука, 1996. С. 61–90.

Баженова Е. А. Стилистика текста М. Н. Кожиной // Векторы развития современной стилистики. Стилистика и речеведение / отв. ред. Е. П. Кучина. Пермский гос. ун-т, 2013. С. 74–81.

Беляева Т. Р. Частотность и дистрибуция единиц общенаучной (академической) лексики как маркеры дисциплинарной принадлежности дискурса // Litera. 2021. № 6. С. 164–175. doi 10.25136/2409-8698.2021.6.35902

Гайда Ст. В честь Маргариты Николаевны Кожиной. Панегирик // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз сб. науч. тр. / под ред. М. П. Котюровой. Пермь, 2010. Вып. 14. С. 6–11.

Глинкина Л. А. Частотность как значимый регистр лексикографии и фразеографии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 3 (33). С. 7–11.

Данилевская Н. В. Динамика формирования знания в научном дискурсе (Функционально-стилистический аспект) // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (Филология). 2005. Вып. 3(47). С. 14–17.

Засорина Л. Н. Частотный словарь русского языка / под ред. Л. Н. Засорина. М.: Рус. яз., 1977. 936 с.

Кащук С. М. Теория и практика интеграции GPT-подобных языковых моделей в систему иноязычного образования // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В. Г. Гака: сб. ст. по итогам IX междунар. конф. (Москва, 25–29 марта 2024 г.). Т. 9. М.: Спутник +, 2024. С. 382–386.

Кожина М. Н. Дискурсный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст – Дискурс – Стиль: сб. науч. ст. СПб., 2004. С. 9–33.

Кожина М. Н. Общая характеристика текстовых категорий в функционально-стилевом аспекте // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Т. II. Ч. 2: Категории научного текста: Функционально-стилистический аспект. / отв. ред. Н. М. Кожина. Пермь, 1998. С. 3–15.

Кожина М. Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь, 1966. 213 с.

Кожина М. Н. Речеведение. Теория функциональной стилистики. Избранные труды. 3-е изд., стер. М.: Флинта, 2020. 623 с.

Кожина М. Н. Соотношение стилистики текста со смежными дисциплинами // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Т. II. Ч. 1: Стилистика научного текста (общие параметры) / отв. ред. Н. М. Кожина. Пермь, 1996. С. 11–29.

Кожина М. Н. (отв. ред.) Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта, 2003. 696 с.

Козловская Н. В. GPT и CHAT-GPT: как это по-русски? (об электронных словарных статьях в неологическом ресурсе neolex.ilinc.spb.ru) // Terra Linguistica. 2023. Т. 14, № 4. С. 67–78. doi 10.18721/JHSS.14405.

Рябцева Н. К. Когнитивные исследования дискурса и современная «компьютерная стилистика» // Когнитивные исследования языка и дискурса: материалы Всерос. науч. конф. (Москва, 30–31 октября 2025 г.). Вып. № 3(64): Ч. I / гл. ред. вып. О. К. Ирисханова. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2025. С. 112–119.

Салимовский В. А. Вклад М. Н. Кожиной в развитие лингвистической стилистики и становление речеведения // Векторы развития современной стилистики. Стилистика и речеведение. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2013. С. 7–32.

Шайкевич А. Я., Андрющенко В. М., Ребецкая Н. А. Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850–1870-х гг. М.: Языки славянской культуры». 2016. 849 с.

Штайн К. Э. Культурное достояние России: Пермская научная школа функциональной стилистики // Стереотипность и творчество в тексте:

Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 7 / отв. ред. М. П. Котюрова. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2004. С. 6–57.

Cantor M. Nearly 50 news websites are ‘AI-generated’, a study says. Would I be able to tell? 2023. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2023/may/08/ai-generated-news-websites-study> (дата обращения: 27.06.2025).

Diyjak D. Frequency in Language: Memory, Attention and Learning. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 328 p. doi 10.1017/9781316084410

Kelly S. M. ChatGPT creator pulls AI detection tool due to ‘low rate of accuracy’ // CNN Business. 2023. 25 July. URL: <https://www.cnn.com/2023/07/25/tech/openai-ai-detection-tool/index.html>. (дата обращения: 28.06.2025).

Liang W. et al. GPT Detectors Are Biased Against Non-native English Writers / W. Liang, M. Yuksekgonul, Y. Mao, E. Wu, J. Y. Zou // arXiv:2304.02819v3 [cs.CL]. 2023a 10 Jul. doi 10.48550/arXiv.2304.02819

Liang W. et al. Can Large Language Models Provide Useful Feedback on Research Papers? A Large-scale Empirical Analysis / W. Liang, Y. Zhang, H. Cao, B. Wang, D. Ding, X. Yang, K. Vodrahalli, S. He, D. Smith, Y. Yin, D. McFarland, J. Zou // arXiv:2310.01783. 2023b. doi 10.48550/arXiv.2310.01783

Liang W. et al. Monitoring AI-modified Content at Scale: A Case Study on the Impact of ChatGPT on AI Conference Peer Reviews / W. Liang, Z. Izzo, Y. Zhang, H. Lepp, H. Cao, X. Zhao, L. Chen, H. Ye, Sh. Liu, Z. Huang, D. A. McFarland, J. Y. Zou. // International Conference on Machine Learning (ICML). 2024a. doi 10.48550/arXiv.2403.07183

Liang W. et al. Mapping the Increasing Use of LLMs in Scientific Papers / W. Liang, Y. Zhang, Z. Wu, H. Lepp, W. Ji, Z. Zhao, H. Cao, S. Liu, S. He, Z. Huang, D. Yang, C. Potts, C. D. Manning, J. Y. Zou. // First Conference on Language Modeling COLM-2024. (Published as a conference paper at COLM-2024). 2024b. P. 1–27 doi 10.48550/arXiv.2404.01268

NewsGuard. Tracking AI-enabled Misinformation: 713 ‘Unreliable AI-Generated News’ Websites (and Counting), Plus the Top False Narratives Generated by Artificial Intelligence Tools. 2023. URL: <https://www.newsguardtech.com/special-reports/ai-tracking-center/> (дата обращения: 28.06.2025).

Van de Poel K., Gasiorek J. Using AI to Expand the “Toolbox” for EAP Writing Instruction: Student Experiences and Perceptions of ChatGPT’s Instructional Potential // AILA Review. 2024. doi 10.1075/aila.24029.van

Walters W. H., Wilder E. I. Fabrication and Errors in the Bibliographic Citations Generated by ChatGPT // Scientific Reports. 2023. Vol. 13. Iss. 14045. doi 10.1038/s41598-023-41032-5

Yang W., Chen J., Lin Y., Wen J. DeepCritic: Deliberate Critique with Large Language Models // arXiv:2505.00662v1 [cs.CL]. May 2025. URL: <https://arxiv.org/pdf/2505.00662.pdf> (дата обращения: 28.06.2025).

References

Arutyunova N. D. Stil' Dostoevskogo v ramke russkoy kartiny mira [Dostoevsky's style within Russian worldview]. *Poetika. Stilistika. Yazyk i kul'tura. Pamyati Tat'yany Grigor'evny Vinokur* [Poetics. Stylistics. Language and Culture. In Memory of Tatiana Grigorievna Vinokur]. Ed. by N. N. Rozanova. Moscow, Nauka Publ., 1996, pp. 61–90. (In Russ.)

Bazhenova E. A. *Stilistika teksta M. N. Kozhinoj* [Text stylistics of M. N. Kozhina]. *Vektory razvitiya sovremennoy stilistiki. Stilistika i rechevedenie* [Vectors of Development of Modern Stylistics. Stylistics and Speech Studies]. Ed. by E. P. Kuchina. Perm State University Press, 2013, pp. 74–81. (In Russ.)

Belyaeva T. R. Chastotnost' i distributsiya edinits obshchenauchnoy (akademicheskoy) leksiki kak markery distsiplinarnoy prinadlezhnosti diskursa [Frequency and distribution of the units of general scientific (academic) lexicon as the markers of disciplinary affiliation of a discourse], *Litera*, 2021, issue 6, pp. 164–175. doi 10.25136/2409-8698.2021.6.35902. (In Russ.)

Gayda St. V chest' Margarity Nikolaevny Kozhinoj. Panegirik [In honor of Margarita Nikolaevna Kozhina. Encomium]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v texte* [Stereotypes and Creativity in Text: an interuniversity collection of scientific papers]. Ed. by M. P. Kotyurova. Perm, 2010, issue 14, pp. 6–11. (In Russ.)

Glinkina L. A. Chastotnost' kak znachimyy registr leksikografii i frazeografii [Frequency as an important characteristic of lexicography and phraseography]. *Problemy istorii, filologii, cultura* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2011, issue 3 (33), pp. 7–11. (In Russ.)

Danilevskaya N. V. Dinamika formirovaniya znaniya v nauchnom diskurse (Funktional'no-stilisticheskiy aspekt) [Dynamics of knowledge formation in scientific discourse (Functional and stylistic aspect)]. *Vestnik TGPU. Seriya: Gumanitarnye nauki (Filologiya)* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin. Series: Humanities (Philology)], 2005, issue 3 (47), pp. 14–17. (In Russ.)

Zasorina L. N. *Chastotnyy slovar' russkogo yazyka* [Frequency Dictionary of the Russian Language]. Ed. L. N. Zasorin. Moscow, Russian Language Publ., 1977. 936 p. (In Russ.)

Kashchuk S. M. Teoriya i praktika integratsii GPT-podobnykh yazykovykh modeley v sistemuyu inoyazychnogo obrazovaniya [Theory and practice of integrating GPT-like language models into the foreign language education system]. *Yazyk i deystvitel'nost'*. Nauchnye chteniya na kafedre romanskikh yazykov im. V.G. Gaka [Language and Reality. Scientific Readings at the Department of Romance Languages named after V. G. Gak: Proceedings of the IX International Conference (Moscow, March 25–29, 2024)]. Moscow, Sputnik + Publ., 2024, vol. 9, pp. 382–386. (In Russ.)

Kozhina M. N. Diskursnyy analiz i funktsional'naya stilistika s rechevedcheskikh pozitsiy [Discourse analysis and functional stylistics from a speech studies perspective]. *Tekst – Diskurs – Stil'* [Text – Discourse – Style: a collection of scientific articles]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, pp. 9–33. (In Russ.)

Kozhina M. N. Obshchaya kharakteristika tekstovykh kategoriy v funktsional'no-stilevom aspekte [General characteristics of text categories in the functional-stylistic aspect]. *Ocherki istorii nauchnogo stilya russkogo literaturnogo yazyka XVIII–XX vv.* [Essays on the History of Scientific Style of the Russian Literary Language in the 18th–20th Centuries]. Ed. by M. N. Kozhina. Perm, Perm State University Press, 1998, vol. II, pt. 2. Kategorii nauchnogo teksta: Funktsional'no-stilisticheskiy aspekt [Categories of scientific text: Functional and stylistic aspects], pp. 3–15. (In Russ.)

Kozhina M. N. *O spetsifike khudozhestvennoy nauchnoy rechi v aspekte funktsional'noy stilistiki* [On the specifics of artistic and scientific speech in the aspect of functional stylistics]. Perm, Perm State University Press, 1966. 213 p. (In Russ.)

Kozhina M. N. *Rechevedenie. Teoriya funktsional'noy stilistiki: Izbrannye trudy* [Speech Studies. Theory of Functional Stylistics: Selected works]. 3rd stereot. ed. Moscow, Flinta Publ., 2020. 623 p. (In Russ.)

Kozhina M. N. Sootnoshenie stilistiki teksta so smezhnymi distsiplinami [Correlation of text stylistics with related disciplines]. *Ocherki istorii nauchnogo stilya russkogo literaturnogo yazyka XVIII–XX* [Essays on the History of Scientific Style in the Russian Literary Language of the 18th–20th Centuries]. Ed. by M. N. Kozhina. Perm, Perm State University Press, 1996, vol. II, pt. 1. Stilistika nauchnogo teksta (obshchie parametry) [Stylistics of scientific texts (general parameters)], pp. 11–29. (In Russ.)

Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Ed. by M. N. Kozhina. Moscow, Flinta Publ., 2003. 696 p. (In Russ.)

Kozlovskaya N. V. GPT i CHAT-GPT: kak eto po-russki? (Ob elektronnykh slovarnykh stat'yakh v neologicheskem resurse neolex.iling.spb.ru) [GPT and

CHATGPT: How is it in Russian? (on electronic dictionary entries in the neological database neolex.iling.spb.ru)]. *Terra Linguistica*, 2023, vol. 14, issue 4, pp. 67–78. doi 10.18721/JHSS.14405. (In Russ.)

Riabtseva N. K. Kognitivnye issledovaniya diskursa i sovremennoy 'komp'yuternoy stilistiki' [Cognitive discourse studies and contemporary 'computer stylistics']. *Kognitivnye issledovaniya yazyka i diskursa* [Cognitive Studies of Language and Discourse: Proceedings of the All-Russian scientific conference. Moscow, 30–31 October 2025]. Issue 3(64): Pt. 1. Ed. by O. K. Iris Khanova. Moscow, Tambov, 2025, pp. 112–119. (In Russ.)

Salimovskiy V. A. Vklad M. N. Kozhinoi v razvitiye lingvisticheskoy stilistiki i stanovlenie rechevedeniya [The contribution of M. N. Kozhina to the development of linguistic stylistics and the formation of speech studies]. *Vektory razvitiya sovremennoy stilistiki. Stilistika i rechevedenie* [Vectors of Development of Modern Stylistics. Stylistics and Speech Studies]. Perm, Perm State University Press, 2013, pp. 7–32. (In Russ.)

Shaykevich A. Ya., Andryushchenko V. M., Rebetskaya N. A. *Distributivno-statisticheskiy analiz yazyka russkoy prozy 1850–1870-kh gg.* [Distributional and Statistical Analysis of the Language of Russian Prose of the 1850s–1870s]. Moscow, LRC Publishing House Publ., 2016. 849 p. (In Russ.)

Shtayn K. E. Kul'turnoe dostoyanie Rossii: Permskaya nauchnaya shkola funktsional'noy stilistiki [Cultural heritage of Russia: Perm Scientific School of Functional Stylistics]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste* [Stereotypes and Creativity in Text: an interuniversity collection of scientific papers]. Ed. by M. P. Kotyurova. Perm, Perm State University Press, 2004, issue 7, pp. 6–57. (In Russ.)

Cantor M. *Nearly 50 news websites are 'AI-generated', a study says. Would I be able to tell?* 2023. Available at: <https://www.theguardian.com/technology/2023/may/08/ai-generated-news-websites-study> (accessed 27 June 2025). (In Eng.)

Diyjak D. *Frequency in Language: Memory, Attention and Learning*. Cambridge, Cambridge University Press, 2019. 328 p. doi 10.1017/9781316084410. (In Eng.)

Kelly S. M. ChatGPT creator pulls AI detection tool due to 'low rate of accuracy'. *CNN Business*. 2023, 25 July. Available at: <https://www.cnn.com/2023/07/25/tech/openai-ai-detection-tool/index.html>. (accessed 28 June 2025). (In Eng.)

Liang W. et al. GPT detectors are biased against non-native English writers. *arXiv:2304.02819v3* [cs.CL]. 2023a, 10 Jul. doi 10.48550/arXiv.2304.02819. (In Eng.)

Liang W. et al. Can large language models provide useful feedback on research papers? A large-

- scale empirical analysis. *arXiv*:2310.01783, 2023b. doi 10.48550/arXiv.2310.01783. (In Eng.)
- Liang W. et al. Monitoring AI-modified content at scale: A case study on the impact of ChatGPT on AI conference peer reviews. *International Conference on Machine Learning (ICML)*, 2024a. doi 10.48550/arXiv.2403.07183. (In Eng.)
- Liang W. et al. Mapping the increasing use of LLMs in scientific papers. *First Conference on Language Modeling COLM-2024*. (Published as a conference paper at COLM-2024), 2024b, pp. 1-27. doi 10.48550/arXiv.2404.01268. (In Eng.)
- Tracking AI-enabled misinformation: 713 ‘Unreliable AI-generated news’ websites (and counting), plus the top false narratives generated by artificial intelligence tools. *NewsGuard*, 2023. Available at: <https://www.newsguardtech.com/special-reports/ai-tracking-center/> (accessed 28 June 2025). (In Eng.)
- van de Poel K., Gasiorek J. Using AI to expand the ‘Toolbox’ for EAP writing instruction: Student experiences and perceptions of ChatGPT’s instructional potential. *AILA Review*, 2024. doi 10.1075/aila.24029.van. (In Eng.)
- Walters W. H., Wilder E. I. Fabrication and errors in the bibliographic citations generated by ChatGPT. *Scientific Reports*, 2023, vol. 13, issue 14045. doi 10.1038/s41598-023-41032-5. (In Eng.)
- Yang W., Chen J., Lin Y., Wen J. DeepCritic: Deliberate critique with large language models. *arXiv*:2505.00662v1 [cs.CL]. May 2025. Available at: <https://arxiv.org/pdf/2505.00662.pdf> (accessed 28 June 2025). (In Eng.)

M. N. Kozhina's Functional Stylistics of Scientific Text and Current Corpus-Based Studies in Detecting Artificially Generated Content

Nadezhda K. Riabtseva

Leading Researcher in the Department of Applied Linguistics

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

1, bld. 1, Bolshoy Kislovskiy pereulok, Moscow, 125009, Russia. nadia_riabceva@mail.ru

SPIN-code: 8966-9640

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2042-4615>

ResearcherID: S-7138-2016

Scopus Author ID: 55218430500

Submitted 26 Sep 2025

Revised 29 Sep 2025

Accepted 01 Oct 2025

For citation

Riabtseva N. K. Funktsional'naya stilistika nauchnogo teksta M. N. Kozhinoj i sovremennye korpusnye issledovaniya po identifikatsii iskusstvenno sgenerirovannogo kontenta [M. N. Kozhina's Functional Stylistics of Scientific Text and Current Corpus-Based Studies in Detecting Artificially Generated Content]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 4, pp. 81–90. doi 10.17072/2073-6681-2025-4-81-90. EDN LQZSLV (In Russ.)

Abstract. The paper emphasizes the significance of scientific works by the outstanding Russian scientist, Professor at Perm State University M. N. Kozhina, as well as her contribution to linguistics in general and contemporary stylistics in particular. The paper shows the connections between current computer- and corpus-based statistical studies and those of Perm stylistics school of thought, founded by M. N. Kozhina. It also presents the latest corpus-based statistical research results in detecting artificially generated texts and demonstrates the continuity and effectiveness of quantitative studies in language, speech, and communication, as well as their significance for the development of science in general. Statistical data show a steady increase in the use of the open-source Artificial Intelligence tool ChatGPT-4 in scientific publications that started almost immediately after its release on November 30, 2022. The largest and fastest growth in artificially generated content has been noted in publications on computer sciences – up to 17.5%. This fact was established as a result of a systemic large-scale statistical comparison across more than 950,900 papers published in English in leading scientific journals from various academic fields between January 2020 and Feb-

ruary 2024, i.e. before and after the release of ChatGPT-4. In abstracts published in computer science journals over the last 14 years (2010-2024), four words demonstrate disproportionately high frequency of use – *realm*, *intricate*, *showcasing*, *pivotal*. Indicatively, a sudden surge in the use of these words occurred in 2023, about five months after ChatGPT-4 became freely available, while in the period from 2010 to 2022 their use was consistently low. The paper highlights the challenges posed by the use of ChatGPT-4, especially in scientific communication, and the principles to be used for addressing them.

Key words: functional stylistics; scientific text; corpus-based studies; frequency; ChatGPT-4; artificially generated content.

УДК 81'42

doi 10.17072/2073-6681-2025-4-91-99

<https://elibrary.ru/mqvebp>

EDN MQVEBP

Языковые средства оформления текстов-воспоминаний о детстве (на материале устных рассказов коми-пермяков)

*Исследование выполнено в рамках реализации гранта РНФ 24-18-20015
«Коми-пермяки в языковом и этнокультурном пространстве Прикамья»*

Свалова Екатерина Николаевна

к. филол. н., старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований

Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН

614000, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, д. 13А. svalova87@mail.ru

SPIN-код: 6094-4184

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8181-808X>

Статья поступила в редакцию 25.03.2025

Одобрена после рецензирования 22.04.2025

Принята к публикации 12.08.2025

Информация для цитирования

Свалова Е. Н. Языковые средства оформления текстов-воспоминаний о детстве (на материале устных рассказов коми-пермяков) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 4. С. 91–99. doi 10.17072/2073-6681-2025-4-91-99. EDN MQVEBP

Аннотация. В статье рассматриваются способы представления темы детских игр в текстах-воспоминаниях коми-пермяков. Показывается, как в качестве лингвистических маркеров таких рассказов информанты используют традиционные для жанра средства (авторизацию, установку на достоверность сказанного, противопоставление временных пластов, визуализацию). Игровая деятельность является доминирующей в детском возрасте, формирует личность, поэтому тексты-воспоминания о ней отличаются развернутостью, семантической глубиной, особой экспрессивно-стилистической оформленностью, смысловой и психологической нагруженностью слов и конструкций. Такие тексты не просто содержат яркие картинки из прошлого – в них отражается эмоциональное погружение рассказчика в свой внутренний мир. Описывается набор средств, направленных на выражение чувств и на побуждение собеседника к эмпатии (повторы, риторические вопросы, контактные слова, эмфатические выделения фрагментов высказывания, образные средства, фразеология). Воспоминания об играх в детстве раскрывают особый чувственный мир детей, знакомят нас с тем, как через игру постепенно и ребенок включается в мир взрослых. Стремление рассказчика передать в деталях давно прожитые острые ощущения проявляется в активном привлечении форм глаголов настоящего времени, создающих эффект присутствия, в использовании восклицательных предложений, междометий, звукоизобразительных слов. Воспоминания о детстве коми-пермяков отличает выраженное разными способами качество: они неразрывно связаны с восприятием природы, ее энергии. Так отражается одна из основных мировоззренческих особенностей коми народа – принцип природной сообразности, естественности (именно в общении с природой они наивны и максимально откровенны). Особое отношение к природе, натуральность эмоций и поведения являются важными элементами национального коми характера, ярко раскрывающегося в воспоминаниях о детстве.

Ключевые слова: жанр «воспоминание»; лингвистические маркеры жанра; смысловая доминанта; средства визуализации.

Введение

Жанр «воспоминание» активно изучается специалистами в разных аспектах (в том числе на материале живой разговорной речи). Так, Я. В. Мызникова изучила коммуникативные особенности жанра в диалектной сфере и отметила, что он «представляет собой вербализацию прошлого опыта, является важнейшим компонентом диалектного речевого общения, средством сохранения и передачи наиболее значимой в когнитивном, культурном, эстетическом и социальном отношении информации» [Мызникова 2014: 67]. С. В. Волошина рассмотрела воспоминания о родителях [Волошина 2020] и в соавторстве с Т. А. Демешкиной – воспоминания о дедушках и бабушках в структуре автобиографических рассказов сибиряков (авторы делают вывод о том, что «воспоминания о бабушках и дедушках – один из элементов речевого жанра автобиографического рассказа, выполняющий различные функции: самопрезентации, самоидентификации, дидактическую» [Волошина, Демешкина 2021: 19]). О. П. Кормазина, анализируя тексты воспоминаний в функциональном аспекте, представляет набор традиционно выделяемых жанрообразующих признаков: 1) особый метакомпонент («имя жанра») – в первую очередь глаголы *помнить, вспоминать, запомниться*; 2) различные средства репрезентации прошлого; 3) средства пространственной локализации воспроизведенных событий; 4) противопоставление двух временных планов – прошлого и настоящего; 5) позиционирование рассказчиком себя как части определенного коллектива (использование форм множественного числа глаголов, а также личного местоимения «мы») [Кормазина 2016]. Исследуются функции отдельных жанрообразующих форм. Я. В. Мызникова отмечает, что «маркером переключения к временному пласту “раньше, прежде” является лексикализованная глагольная форма *бывало*, вводящая сообщение о многократном действии или состоянии в прошлом» [Мызникова 2014: 68].

Для анализа в нашей статье были привлечены тексты, зафиксированные в ходе непринужденных бесед с носителями коми-пермяцкого языка, лейтмотивом которых можно обозначить вопрос «Что из своего детства ты запомнил(а) лучше всего?». Исследовался набор жанрообразующих средств в рассказах о играх и забавах – как на русском (3 текста), так и на коми-пермяцком (21 текст) языке¹. Была предпринята попытка дать общую характеристику жанра воспоминаний о детстве у коми-пермяков (годы рождения информантов – 1955, 1958–1959, 1960, 1971, 1983) и проанализировать языковые способы оформления воспоминаний о детских играх и

забавах. По замечанию А. Черной, «соприкасаясь с явлениями и предметами природы, играя, мифологизируя и практически используя природу, человек как существо историческое и онтологическое приближается к постижению ее сущности» [Черная 2011: 133]. При описании материала мы исходили из известного положения о том, что жанр есть способ отражения действительности и связан с особенностями национального мировосприятия.

Общая характеристика жанра воспоминаний

Остановимся на характеристике некоторых устойчивых элементов жанра воспоминания в коми-пермяцком общении. Для описываемого жанра особое значение имеет маркер переключения на прошлое. В анализируемом материале частотен глагол *помнить* ‘помню’, фиксируемый обычно в начале рассказа (‘помнита’): *Ачымбс ме помнита, кыдз яслиын ме олі* ‘Себя я помню, как я в яслях жила’ (ПМ: с. Кочёво Пермского края). Глаголы памяти могут использоваться также в форме «русского» инфинитива, оформляя экспрессивное высказывание: *Этő вспомнить вот зиласő! Гортô пыран, вёвлісö сэтишом шаровары, чёвтан, и нія миян сувависö!* ‘Это вспомнить вот зиму! Домой зайдёшь, были такие шаровары, снимешь, и они у нас было, стояли!’ (ПМ: с. Архангельское Юсьвинского района).

Отсутствие в глагольной форме конкретизирующих указаний (на лицо, число, время) выдвигает на первый план в чистом виде саму идею памяти. Средством перевода в прошлое также могут быть лексемы, реализующие оппозицию прошлое/настоящее, тогда/сейчас – обычно с позитивной оценкой прошлого: *Вот сяс сэтишом лыммес абу, а миян вот эта йöрыс вёлі бровень лымён, даже йöрыс эз и тёдчылы ‘Вот сейчас таких снегов нет, а у нас вот это забор был бровень со снегом <...>*’ (ПМ: с. Архангельское Юсьвинского района). Т. В. Самойленко и Н. В. Лагута замечают, что в речи диалектной языковой личности «повествование может сопровождаться выражением оценки в адрес предмета речи, часто сквозь призму антиномии “раньше – сейчас”, “хорошо – плохо”, либо представлением о нравственно-этических нормах» [Самойленко, Лагута 2011].

Жанр воспоминаний отличается еще некоторым рядом особенностей. Разными языковыми средствами в текстах выражается указание на рассказчика (*ме ‘я’, менам ‘мой’, глаголы 1-го лица *помнить* ‘помню’*), с их помощью (как и с помощью глаголов в реальных наклонениях) презентируется установка на достоверность.

Требованиям жанра соответствует активное использование визуально-образных форм. К ним относятся прежде всего фразеологизмы: *Кöр вёлісь совсем пондам кынмыны да оча пинь вартны*, *вёлісь жагёнкön инъдётчам горттээö* ‘Когда совсем уже начнём мёрзнуть и зуб об зуб стучать, только тогда тихонько отправляемся по домам); гёrbam пуктис мамö (в горб мама добавила) – ‘мама наказала, побив’). (ПМ: с. Архангельское Юсьвинского района). Визуализация (представление в сознании так, как если бы это было в действительности) создается использованием слуховых образов – звукоизобразительных сочетаний: *шуля-боля* только шорас пырамö ‘*шуля-боля* только в воду заедем’ (ПМ: д. Чинагорт Юсьвинского района); *Вёлывлі сізд, что ежели кинлёнкö кузь юрсия кукла вёлі, решитамö мийö сылö керны виль причёска, куклыслісш швыч-швач юрсисö орётамö* ‘Бывало так, что если у кого-то кукла длинноволосая была, решим мы ей сделать новую прическу, у куклы швыч-швач волосы отрежем’ (ПМ: д. Чинагорт Юсьвинского района).

Желание рассказчика оживить воспоминания, визуализировать их, восстановить в памяти образы и детали прошлого проявляется в самом построении повествования. В одном из рассказов говорящий вспоминает о школьной поделке, которую сделал папа: *Папö, помнита, что первой классын тиёктисö подделка керны. Сія меным мыйкö домашней животной, и сія меным вёл керліс. Сія настоящой вёл пластилинісь. Ме вот первой, третьей класс велётчи, сія сё на выставке супаліс. Менам эта подделкаыс папёлён...* **Вот сейчас сё син одзын...** ‘Мой папа, помню, что в первом классе попросили поделку сделать. Он мне что-то домашнее животное, и он мне лошадь сделал. Он настоящую лошадь из пластилина. Я вот в первом, третьем классе училась, она всё на выставке стояла. Моя эта поделка моего папы ... **Вот сейчас всё перед глазами**’ (ПМ: д. Уржа Кочёвского района). Рассказ передает процесс погружения в воспоминания: сначала приближение к ним – описание через неопределенное местоимение (он мне что-то...) и тройственная вырисовывающая образ конструкция *Он мне что-то, / домашнее животное, / и он мне лошадь сделал.* Следующее предложение – своеобразное приближение к финалу, содержащее в основе своей противопоставление (Она настоящая лошадь была из пластилина), которое усиливает эффект достоверности сказанного. Сама фраза о *настоящей* лошади – не оценка из настоящего, а голос удивленного и восхищенного ребенка. Завершает фрагмент вывод *Менам эта подделкаыс папёлён...* ‘Моя эта поделка моего папы’. Вероятно, устойчивый в

традиционной культуре образ лошади (коня), известного у коми народов солярного символа, и в данном контексте получает символическое воплощение: «Фигуры коня и коровы в народной культуре коми-пермяков присутствовали в качестве игрушек в детской игровой среде, в традициях святочного народного театра» [Голева 2009: 210].

В приведенном выше тексте о лошадке, как и во многих других, отражена важная черта мировосприятия коми-пермяков – особая связь с миром природы: «Фольклор и накопленные знания показывают, что природный мир осознавался коми-пермяками как источник хозяйства, продуктов питания и как эстетическая ценность» [Чагин 1995]. Наглядно восторг деревенского ребенка от общения с природой передает текст о зимних забавах: *Тёлён, конечно, этö миян вёлісö крепосттез лымись. Оддьён керёс миян вёлі отк вылын, эта керёс уватас миян вёлісö крепосттез, а керёс вывсян мийö кыдз вермим ысласимö: ваннаэзён, пуовой даддэзён, клеонкаэзён, кин мыйён адззис ‘Зимой, конечно, это у нас были крепости из снега. Очень гора у нас высокая одна была, под этой горой были крепости наши, а с горы мы как могли катались: в ваннах, на деревянных санках, на клеёнках, кто на чём нашёл’* (ПМ: с. Архангельское Юсьвинского района). Во фрагменте повторами (*у нас крепости, гора у нас, крепости наши*) представлена радость детей от обладания «богатствами» зимы, их погруженность в стихию природы. Уточнение фразы *как могли катались – в ваннах, на деревянных санках, на клеёнках* подчеркивает главную ценность катания – ощущение скорости, свободы, полета.

Воспоминания отражают еще одну характерную культурную черту коми-пермяков – их тесную связь с родом, родителями. В воспоминаниях многочисленны рассказы об отце и матери, о своем положении в семье: *Семья менам, талуння кылён шунытö, многодетной вёлі. Ме вёлі семьян витётт кагабён, а эшö, комиён шунытö, курмыши-кармыши, то есть, поздний ребёнок ‘Моя семья, современным языком сказать-то, многодетной была. Я была в семье пятым ребёнком, а ещё, по коми сказать-то, курмыши-кармыши, то есть, поздний ребёнок’* (ПМ: с. Архангельское Юсьвинского района). Контекст строится на контрасте: называя себя пятым ребенком, рассказчик, возможно, опирается на народный символический смысл числа пять, известный знак ненужности, исключенности (этот смысл очевиден в выражении *пятое колесо в возу / в телеге*, см.: в Большом словаре русских поговорок с пометами «разг. ирон. или неодобр.» в значениях: 1. О малозначительном, лишнем, ненужном в

каком-л. деле человеке и 2. О мешающем кому-л. человеке (БСРП 2007). В русских говорах Прикамья ребенок пяти лет получает специфическое шутливое обозначение – *Пятый – по ж..не лопатой* (*Маленькие мы как говорили: «Пятый – по ж..не лопатой. Это поговорка такая. Нам по пятому году было, я запомнила.* Лицино Окт.) (СРГЮП 2, 2012: 501). Ироническая самооценка рассказчика указывает на то, что ребенок осознает свое положение не вполне полноценного члена семьи («*курмыша*»). Экспрессивность слова иллюстрирует пояснение к слову *курмыши* в следующем контексте: «*Если буквально перевести на русский язык – это уже все остатки собранные. Меня вот так и называла мама, потому что я последняя в семье и поздний ребенок*» (зап. с. Архангельское) (Юсьва – лебединая река 2015: 47). Изначально слово имело иной смысл; частое в топонимии тюркского происхождения, оно обозначало ‘отдаленный район, захолустье, небольшое селение’ (ср. в русских говорах ‘часть, одна сторона улицы’ (Даль)). Э. Мурзаев, ссылаясь на Е. Шилову и Н. Баскакова, указывает на происхождение слова от тюркского глагола (Мурзаев 1984: 319). Известна также версия о финно-угорской природе слова: Л. Трубе выводил происхождение слова «*курмыш*» от мордовского «*курмозь*» ‘горсть’ (Трубе 2001: 34–35)). По справедливому замечанию А. С. Лобановой, «*курмыш-кармыш* – это любой последний ребенок (хоть третий, хоть десятый)» [из личного общения].

Еще один текст фиксирует воспоминание из детства, где рассказчик от лица ребенка говорит о значении прочных связей с кровным, родным, несмотря на недостаток родительской любви, занятость родителей: *До седьмого класса я родителей не видела. Я просыпаюсь, они на работе. Мы стоим, они всё ещё не дома. Так что только в первый класс пошла. Вот утром разбудят, в школу идти, два километра пешком до школы. Мама будет. Вот, мамино лицо вижу с утра. Они целый день на работе, нас закроют на засов вот такой, деревянный, и мы сидим дома, чтобы никуда не убегать* (ПМ: с. Кочёво Пермского края). Метонимический образ маминого лица – это пронесенный через время, хранящий облик матери, с которой рассказчица находится в диалоге без слов.

Воспоминания о играх девочек

Ю. Н. Драчева и Т. Г. Комиссарова в описании «мира детства» по записям устной речи жителей Вологодского края отметили, что «*физическое, интеллектуальное, социальное и культурное развитие ребенка в значительной мере формирует игровая деятельность*» [Драчева, Комис-

сарова 2017: 256], в которой дети «имитируют жизнь и работу взрослых» [там же: 257]. В целом смысл игровой деятельности, в том числе в анализируемых нами контекстах, сводится к способам постижения мира – мира природы и мира человеческих и социальных отношений. Вспоминая себя ребенком, информанты осознают гендерную идентичность и потому охотно окунаются в родной и понятный мир детства, в котором маленький человек явно чувствует принадлежность к мужскому или женскому полу. С. А. Ганичева констатирует, что «в “женских” текстах презентируется более “камерный” мир, рамки которого в основном ограничиваются ближайшим социальным окружением: семьей, подругами, соседями, “мужские” тексты с точки зрения субъектной составляющей фреймов значительно более детальны и обстоятельны» [Ганичева 2019: 73]. Е. И. Спицына, рассматривая игровые традиции русского детства, отмечает, что «бытовые игры девочек отличались разменностью, спокойным течением <...> Всякий раз в игре происходило воспроизведение тех реальных событий и ритуальных действий, которые дети подметили у взрослых» [Спицына 2018: 40]. Играя, девочка примеряет на себя роль матери: *А гожумнас бёра (строитчывисё, тырвойтёс) сыйдзжё керимё керкуэз (шалашиэз), гётрасям бытьтё эшё ‘А летом опять (раньше строились, много было досок) также делали дома (шалашики), ещё поженимся как будто’* (ПМ: д. Захарова Кудымкарского района). Игры девочек с куклами в разных культурах подробно рассмотрела А. Чёрная, указав, что «социальная презентация куклы как одного из древнейших иконических знаков человека занимает важное место в овладении культурными формами поведения» [Чёрная 2014: 139]. Информанты рассказывают о том, как, по сути, превращали куклу в такое же социальное существо, как они сами, обустраивали для нее жилище, наряжали: *Мийё куклаэзлё расас прямо строитамё керкуэз, сэтчин съёраным ваям быдкодь материаллэз, сэтчин жё вурамё нылё виль платтёэз, бытьтё ня эта ательеын заказывайтёны, а мийё швеяэзён уджаламё. Сэтён жё мёдётам куклаэсё. Вёвлывлі сідз, что ежели кинлонкё кузь юрсия кукла вёлі, решитамё мийё сылё керны виль причёска, куклыслісь швыч-швач юрсисё орётамё, мый понда гортын павкавліс ‘Мы куклам в роще прямо построим дома, туда с собой принесём всякие материалы (ткани), там же сошьём им новые платья, словно они это в ателье заказывают, а мы швеями работаем. Тут же нарядим кукол. Бывало так, что если у кого-то кукла длинноволосая была, решим мы ей сделать новую причёску, у куклы швыч-швач волосы отре-*

жем, за что дома попадало' (ПМ: с. Архангельское Юсьвинского района). Жизнь, приносящая радость и удовольствия, связывается в сознании детей с возможностью действовать – придумывать, творить (*новые* платья, *новая* прическа), подражать взрослыми (отсюда явно «не детское» слово *ателье*, упоминание специальности *шивеи*). Подражание поведению и образу жизни взрослых представлено в контексте, описывающем популярную для детей во все времена игру в магазины: *Орсімө ми магазиннээён, ёктаам этö, сякёй консервной банкаэсö, сякёйесö чашкаэз, кёдö чапкёмась, кёда оз ков, и вот ми строитам магазин быттыö. Миян магазин, ну орсам. Ну, миян вот игрушкаэз вёлісö больше консервной банкаэз, кёдö вот чапкалёны. Кёда некинlö оз колё.* *Ёктаам сякёй турунсö, сякёйесö керамö, сякёй цветтэсö придумываешь, сякёй торттэз глинаись стряпайтан, пирожоккез. Быдöс кёркö вёлі сэтишом играэзыс, что мый эм, мый ётёрас валяйтчö, сийён и орсімө 'Играли мы в магазин, соберём это, всякие консервные банки, всякие чаши, которые выкинули, которые не нужны, и вот мы строим магазин как будто. Наши магазин, ну играем. Ну, у нас вот игрушки были большие консервные банки, которые вот бросают. Которые никому не нужны. Соберём всякую траву, всякое сделаем, всякие цветы придумываешь, всякие торты из глины стряпаешь, пирожки. Всё когда-то было такие игры, что есть, что на улице валяется, этим и играли'* (ПМ: д. Уржа Кочевского района).

Приведенный текст изобилует формами, указывающими на потребность ребенка создавать воображаемый мир: частица *словно* они это в ателье *заказывают*, модальная лексема *как будто бы* *накрутим так, строим магазин как будто*; глаголы придумывать ‘создавать что-либо в мыслях, воображении’ (*всякие цветы придумываешь*). Подчеркивается ‘выдуманность’ мира фразой *Наши магазин, ну играем*, в которой местоимение *наши* свидетельствует об обособленности их игровой общности от взрослых.

Рассказы о летних/зимних забавах

В большинстве рассматриваемых нами рассказов развернуто и ярко представлена зима как чудесное время года с безграничными возможностями для игр. Контексты живой речи иллюстрируют мысль о том, что именно зима (мороз и снег) пробуждает в человеке природное, внутренний потенциал, детское желание рисковать и испытывать себя. Д. А. Несанелис, говоря о смысле детской игр, отметил, что «<...> именно в игровых ситуациях ребенок может испытать ощущение свободы, раскрепощенности. Только в

игре невозможное в земной жизни делается возможным...» [Несанелис 2004: 341]. Материалы воспоминаний показывают, что коми-пермяки особенно бережно хранят в памяти то, с чем связана беззаботная пора жизни. Бесценными, яркими и запечатленными в подробностях являются развернутые воспоминания о зимних играх. Погружение в прошлое превращает рассказчиков в детей, готовых искренне проявлять свои чувства – удивляться и восхищаться (этую мысль подтверждает обилие в текстах восклицательных конструкций): *Вот сяс сэтишом лыммес абу, а миян вот эта йёрыс вёлі бровень лымён, даже йёрыс эз и тёдчывлы <...> <...> Знаешь, мийё кыдз орсыввлі!?* *Керасö нія этö вот снежной ходдэсö, окопнесö. Axx! Мийё сідз орсыввлі, слушай!* *Этö вообщее!!!* *Этö вспомнить вот зимасö!* *Гортö пыран, вёвлісö сэтишом шаровары, чёттан, и нія миян суваввисö!* *Вот этадз сувёттан, и нія сувайды от мороза!* [9] (*Вот сейчас таких снегов нет, а у нас вот это забор был бровень снегом, даже изгородь не был и виден <...> Знаешь, мы как играли?* Сделают они это вот снежные ходы, окопы. *Axx! Мы так играли, слушай!* *Это вообщее!!!* *Этö вспомнить вот зиму!* *Домой зайдёшь, были такие шаровары, снимешь, и они у нас бывало, стояли!* *Вот так поставишь, и они стоят от мороза!*). В тексте-оригинале отмечены, кроме того, эмфатические формы (*Этö вообщее!!!*), междометия (*Axx!*), усиительные частицы (*Мийё сідз орсыввлі, слушай!* – *Мы так играли, слушай!*).

Иногда на первый план выступает не описание игры, а осмысление связанной с ней ситуации: *Мый лоас. Лыжасö чеглалি. Логгэзёт ыскёвтам, дальше петан, опеть логёттис мунан вёрё, вёрдттис мунан, лыжня миян вёвлі. А кёр лыжса нырсö чегёттан, дак гортын печкаын пизьёттан ва, сюйыштан лыжасö, ёсътан этадз да и кёстан. Ремонтируттим. Мый нё, лыжасö абу да, ысласямё бы. Векнитёс вёлісö, а кытишомёсь нё вёлісö?* Сэк только вёлісö сэтишомёсь да. Этадз сюйыштан, кёстан лыжасö, кипятокас видзан, да и опеть нырыс лоас этö, вептисяс ‘Что будет. Лыжу сломала. По логам катимся, дальше выйдёшь, опять по логу *пойдёшь* в лес, по лесу *пойдёшь*, там лыжня у нас была. А когда нос лыжи *сломаешь*, дак дома воду в печке *вскипятишь*, *засунешь* нос лыжи, *заостришь* так и *согнёшь*. Ремонтировали. Как же, лыж не было потому что, а хотели кататься. Узкие были, а какие ино были? Тогда только были такие да. Так *засунешь*, *согнёшь* лыжу, в кипятке подержишь, да и опять нос лыжи поднимется’ (ПМ: д. Чингорт Юсьвинского района). Реакция попавшего в сложную ситуацию подростка начинается с осознания

проблемы (*что будет*), далее следует последовательно изложенная программа действий (*пойдёшь по логу, по лесу, дома воду в печке вскипятишь...*). В оформление этой части фрагмента (от *по логам <...>* до *согнёшь*) включены глаголы второго лица будущего времени в значении первого, которые привносят в высказывание оттенок обобщенности (как в русском, так и в коми-пермяцком языке). Благодаря использованию этих форм активным участником беседы становится слушатель.

Память о лете как времени беззаботном, мечтательном, гармоничном иллюстрируется чаще всего рассказами о купании. Воспоминание о купании возвращает говорящему ощущения, позволяющие вновь испытать чувственный опыт контакта со стихией: *Речка вылын купайтыны – это вообще! Вот мой, мой, но, в первую очередь, ме велалі купайтыны. Миян папо ведчётас миянёс Лёнякёт, а эстён раньше этёыс вёвлі пыдын, вот оні сія быдёс заросло, а раньше вёвлі ѡдьён бур Иньваыс! Шёрёдззас мунас, спина вылас пуксьётас. Ачыс этё керё, сынё. Потом, раз! Миянёс ведзас! И тэ, кыд хочешь, тэ сідз и сэтчин выплытай. Но мийё, ме шула, мийё ѡдьён одз пондімё купайтыны, кужны уявны ‘Купаться на речке – это вообще! Вот что, но в первую очередь я научилась купаться. Наши папа приведёт нас с Лёней, а здесь раньше было глубоко, это теперь всё заросло, а раньше была очень хорошая Иньва! До середины дойдет, на спину (нас). Сам это делает, гребёт. Потом, раз! Нас отпустит! И ты, как хочешь, ты так и там выплытай. Но мы, я говорю, мы очень рано начали купаться, уметь плавать’* (ПМ: с. Архангельское Юсьвинского района). Первое предложение показывает, как в начале рассказа говорящего захлестывают эмоции: фраза *это вообще* выражает весь спектр чувств пробующего плавать. Финал, напротив, демонстрирует сдержанность рассказчика, овладевшего навыками плавания: *Но мийё, ме шула, мийё ѡдьён одз пондімё купайтыны, кужны уявны ‘Но мы, я говорю, мы очень рано начали купаться, уметь плавать’*.

Связан с летним временем следующий рассказ, в котором представлен феномен детского созерцания – желание наблюдать за внешним миром: *Сьюн валятыны. Вот сій ми любитімё. Любітімё орсны дзебсисьёмён, этё, мунаш шогдіё или зёрё, дзебсисян, а сесся не то что кинёскё коишан, и ачыт ёшан. Думайтан, кыдз бы петны эта збрись, потому что збрыйс да мый да вёлісё вылынёсь. Ну миян понда эд кажитчёс вылынёсь, что учётикёс вёлімё ‘На складах в зерне валяться. Вот это мы любили. Любили играть в прятки. Это, идёшь на пие-*

ничное или овсяное поле, спрячешься, а потом не то что кого-то ищешь, и сам потеряешься. Думаешь, как бы выйти из овса, потому что овёс да что да были высокие. Ну для нас ведь казались высокие, что маленькие мы были’ (ПМ: д. Уржа Кочевского района). Повтор глагола *любитімё* усиливает мысль о том, что действие для его участников было не просто развлечением, а наслаждением от необычных ощущений. В повествовании рассказчик как бы переносит собеседника в прошлое или переносит прошлое в настоящее, когда использует глаголы второго лица (*мунаш, дзебсисян, коишан, ёшан, думайтан*). Выраженная в последнем предложении идея о том, что в детстве окружающий мир кажется огромным, подчеркивает суперспособность детского сердца и мышления ощущать мир, познавать его в деталях, которые недоступны взрослым. Об этом же следующий рассказ: *Зэрас кёр, дак эши специально эши зэрикас котрасвим нятьёттас. Котёртан, дак нятыыс юр вевдёрить резьсьё ‘Когда пройдёт дождь, дак ешё специально во время дождя бегали по грязи. Бежишь, дак грязь выше головы летит’* (ПМ: д. Уржа Кочевского района). Любимое у всех детей бегание по лужам и по грязи – простейший способ познания природы, возможность пережить новые ощущения, удивление и радость свободы.

Е. С. Данилко, рассуждая об исторической памяти коми-пермяков (зюдинских и язвинских), отмечает: «Глубина реальной исторической памяти <...> распространяется на времена жизни нескольких поколений и передается устным путем в рамках отдельной семьи или общины», и «чем более ранний слой локальной истории представлен в нарративах, тем больше оснований говорить скорее о ее символической реконструкции, а не хронологической последовательности» [Данилко 2007].

Заключение

Воспоминания о детстве, эмоционально наполненных событиях начала жизни строятся не как сюжетный, линейно построенный рассказ, а воспроизводят калейдоскоп запомнившихся с детства картин. В них выражена потребность в «выговаривании», в привлечении «другого» в свою мыслительную деятельность и сферу ощущений, эмоциональная и вербальная связь с собеседником. Этой цели в живой устной речи служат восклицания в повествовании, репрезентация удивления и восторга в речи, экспрессивный синтаксис, образные средства языка. Часто встречающееся в воспоминаниях противопоставление временных пластов подчеркивает невозратимость прошлого, щемящую ностальгию и

вместе с тем осознание себя в прошлом счастливым, что позволяет вернуть позитивные эмоции в нынешнюю жизнь.

Примечание

¹ В статье представлены фрагменты буквального перевода коми-пермяцкой речи и нескольких контекстов, записанных от коми-пермячки на русском языке. Автор благодарит студентов коми-пермяцко-русского отделения Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (Е. С. Бочкареву, О. А. Караваеву, С. А. Крохалеву, В. В. Никонова, Е. А. Пикулеву, К. О. Савельеву, А. Е. Салтанову, А. М. Мужикову) за сбор и расшифровку языкового материала, а также доцента кафедры общего языкознания, русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков А. С. Лобанову за помочь в оформлении текстов (оригиналов и переводов).

Источники

БСРП – Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. 2007. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/25955/Пятое> (дата обращения: 11.01.25).

Даль – Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://gufo.me/dict/dal/курмыш> (дата обращения: 16.01.25).

Мурзаев – Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. 653 с.

ПМ – полевые материалы, записанные в Кудымкарском, Кочевском, Юсьвинском районах Коми-Пермяцкого округа).

СПГ – Словарь пермских говоров. Вып.1 (А–Н). Пермь, 2000; Словарь пермских говоров. Вып. 2 (О–Я). Пермь, 2002. 576 с.

СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. 1. Пермь: ПГГПУ, 2010. 456 с.

Трубе – Трубе Л. Л. Достопримечательные географические названия земли Нижегородской. М., 2001. 87 с.

Юсьва – лебединая река: сб. тр. и материалов по традиционной обрядности Юсьвинского района. Усолье, 2015. 450 с.

Список литературы

Волошина С. В. Воспоминания о родителях в структуре автобиографических рассказов сибиряков // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Орёл, 2020. С. 223–228.

Волошина С. В., Демешкина Т. А. Воспоминания о дедушках и бабушках в структуре автобиографического рассказа (на материале речи жите-

лей сибирских сёл) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 13–22. doi 10.17223/15617793/464/2

Ганичева С. А. Воспоминания брата и сестры о деревенском детстве: лингвогендерологический аспект // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 5. С. 67–78. doi 10.23859/1994-0637-2019-5-92-5

Голева Т. Г. Образы коня, быка и коровы в представлениях коми-пермяков // Труды Камской археологической экспедиции. Вып. 5. Пермь, 2009. С. 204–210.

Данилко Е. С. Историческая память в устных преданиях зюздинских и язьвинских коми-пермяков // Этнографическое обозрение. 2007. № 2. С. 1–13. URL: <https://samstar-biblio.ucoz.ru/Statji/Danilko.pdf> (дата обращения: 12.01.25).

Драчева Ю. Н., Комиссарова Т. Г. «Мир детства» в записях устной речи жителей Вологодского края (на материале электронного корпуса региональных текстов «Жизненный круг») // Севернорусские говоры. 2017. Вып. 16. С. 247–261.

Кормазина О. П. Воспоминание как жанр разговорной речи (на материале речи дальневосточников): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2016. 26 с.

Мызникова Я. В. Коммуникативные особенности диалектного речевого жанра рассказ-воспоминание // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 4(28). С. 66–72.

Несанелис Д. А. Детские игры коми // Зырянский мир. Очерки о традиционной культуре коми народа. 2-е изд., испр. и доп. Сыктывкар: Коми книж. изд-во, 2004. С. 341–348.

Самойленко Т. В., Лагута Н. В. Жанр «воспоминание» в речи диалектной личности // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 54. С. 126–132.

Спицына Е. И. Игровые традиции русского детства // Культурная жизнь Юга России. 2018. № 1(68). С. 38–41.

Чагин Г. Н. Экологические традиции коми-пермяков в XIX – начале XX вв. // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Сыктывкар, 1995. С. 85–87.

Черная А. Игры девочек с куклами и кукольными домиками в разных культурах // Развитие личности. 2014. № 3. С. 121–142.

Черная А. Феноменология традиций игровой культуры: опыт историко-генетического исследования // Развитие личности. 2011. № 3. С. 132–154.

References

Voloshina S. V. Vospominaniya o roditelyakh v strukture avtobiograficheskikh rasskazov sibirjakov [Memories about parents in the structure of Siberian

autobiographic stories]. *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya: Izuchenie i Obuchenie* [Language. Culture. Communication: Study and Education: Proceedings of IV International Scientific and Practical Conference]. Oryol, 2020, pp. 223-228. (In Russ.)

Voloshina S. V., Demeshkina T. A. Vospominaniya o dedushkakh i babushkakh v strukture avtobiograficheskogo rasskaza (na materiale rechi zhiteley sibirskikh sel) [Memories about grandparents in the structure of an autobiographical story (on the material of Siberian villagers' speech)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2021, issue 464, pp. 13-22. doi 10.17223/15617793/464/2. (In Russ.)

Ganicheva S. A. Vospominaniya brata i sestry o derevenskom detstve: lingvogenderologicheskiy aspect [Brother and sister's memories about village childhood: The linguogenderological aspect]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 2019, issue 5, pp. 67-78. doi 10.23859/1994-0637-2019-5-92-5. (In Russ.)

Goleva T. G. Obrazy konya, byka i korovy v predstavleniyakh komi-permyakov [The images of the horse, ox and cow in Komi-Permyak worldview]. *Trudy Kamskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [The Works of the Kama Archaeological Expedition]. Perm, 2009, issue 5, pp. 204-210. (In Russ.)

Danilko E. S. Istoricheskaya pamiat' v ustnykh predaniyakh zyuzdinskikh i yaz'vinskikh komi-permyakov [Historical memory in oral tales of Zyuzda and Yazva Komi-Permyaks]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2007, issue 2, pp. 1-13. Available at: <https://samstar-biblio.ucoz.ru/Statji/Danilko.pdf> (accessed 12 Jan 2025). (In Russ.)

Dracheva Yu. N., Komissarova T. G. 'Mir detstva' v zapisyakh ustnoy rechi zhiteley Vologodskogo kraya (na materiale elektronnogo korpusa regional'nykh tekstov 'Zhiznennyj krug') ['The world of childhood' in the records of oral speech of the residents of Volgograd Krai (based on the materials of the electronic corpus of regional texts 'The life circle')]. *Severnorusskie govory* [Subdialects of the Russian North], 2017, issue 16, pp. 247-261. (In Russ.)

Kormazina O. P. *Vospominanie kak zhanr razgovornoj rechi (na materiale rechi dal'nevostochnikov)* [Reminiscence as a genre of colloquial speech (on the materials of speech of the Far East residents). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Tomsk, 2016. 26 p. (In Russ.)

Myznikova Ya. V. *Kommunikativnye osobennosti dialektnogo rechevogo zhanra 'rasskaz-vospominanie'* [Communicative specificities of dialect speech genre of reminiscence story]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2014, issue 4 (28), pp. 66-72. (In Russ.)

Nesanelis D. A. *Detskie igry komi* [Komi children games]. *Zyryanskiy mir. Ocherki o traditsionnoy kul'ture komi naroda* [The Zyryan World. Essays on the Traditional Culture of the Komi people]. 2nd ed. Syktyvkar, Komi Publ., 2004, pp. 341-348. (In Russ.)

Samoylenko T. V., Laguta N. V. *Zhanr 'vospominanie' v rechi dialektnoy lichnosti* [The genre of 'recollections' in the speech of a dialect personality]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Amur State University Herald. Humanities], 2011, issue 54, pp. 126-132. (In Russ.)

Spitsyna E. I. *Igrovye traditsii russkogo detstva* [Game traditions of Russian childhood]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* [Cultural Studies of Russian South], 2018, issue 1 (68), pp. 38-41. (In Russ.)

Chagin G. N. *Ekologicheskie traditsii komi-permyakov v XIX – nachale XX vv.* [Ecological traditions of Komi-Permyaks in the 19th – at the beginning of the 20th century]. *Komi-permyaki i finno-ugorskiy mir* [Komi-Permyaks and Finno-Ugric World]. Syktyvkar, 1995, pp. 85-87. (In Russ.)

Chernaya A. *Igry devochek s kuklami i kolknymi domikami v raznykh kul'turakh* [Girls' games with dolls and dollhouses in different cultures]. *Razvitiye lichnosti* [Development of Personality], 2014, issue 3, pp. 121-142. (In Russ.)

Chernaya A. *Fenomenologiya traditsiy igrovoy kul'tury: opyt istoriko-geneticheskogo issledovaniya* [Phenomenology of traditions of game culture: The experience of historical and genetic research]. *Razvitiye lichnosti* [Development of Personality], 2011, issue 3, pp. 132-154. (In Russ.)

Linguistic Means Used in Recollections of Childhood (the Case of Oral Narratives Told by Komi-Permyaks)

The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation,
project No. SF 24-18-20015 'The Komi-Permyaks in the Language and Ethnocultural Context'

Ekaterina N. Svalova

Senior Researcher at the Institute for Humanities Research

Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

13a, Lenina st., Perm, 614000, Russia. svalova87@mail.ru

SPIN-code: 6094-4184

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8181-808X>

Submitted 25 Mar 2025

Revised 22 Apr 2025

Accepted 12 Aug 2025

For citation

Svalova E. N. Yazykovye sredstva oformleniya tekstov-vospominaniy o detstve (na materiale ustnykh rasskazov komi-permyakov) [Linguistic Means Used in Recollections of Childhood (the Case of Oral Narratives Told by Komi-Permyaks)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 4, pp. 91–99. doi 10.17072/2073-6681-2025-4-91-99. EDN MQVEBP (In Russ.)

Abstract. The article explores how the theme of children's games is presented in recollections of Komi-Permyaks. It shows how the informants use the traditional means of the genre (authorization, orientation toward authenticity of what is told, the juxtaposition of time layers, visualization) as linguistic markers of such stories. Game activities dominate in childhood, they form our personality, that is why recollections of them are extended, semantically deep, their style is expressive, the words and structures are semantically and psychologically loaded. Such narratives not only contain vivid pictures of the past but also reflect the narrator's emotional immersion into his/her own inner world. The paper describes the means used to express feelings and make an interlocutor empathize (repetitions, rhetoric questions, contact words, emphasis on certain fragments, stylistic means, and phraseology). Recollections of childhood games reveal a specific sensual world of children and show us how a child gradually becomes involved into the adult world through games. The narrator's desire to convey in details the excitement experienced in his/her distant past is manifested in the active use of verbs in the present tense, these producing the effect of presence, in the use of exclamations, interjections, and onomatopoeic words. Komi-Permyaks' recollections of their childhood are characterized by a specific quality, expressed by different means: they are closely connected with the perception of nature and its energy. This is the reflection of one of the main features characterizing the Komi people's worldview – the principle of nature conformity and naturalness (they are naïve and most sincere in communication with nature). Special attitude to nature, the naturalness of emotions and behavior are important elements of the Komi-Permyak national character, vividly manifested in recollections of childhood.

Key words: genre of recollections; linguistic markers of the genre; semantic dominant; means of visualization.

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.111
doi 10.17072/2073-6681-2025-4-100-109
<https://elibrary.ru/mtixbk>

EDN MTIXBK

Чудаки и безумцы в романах Г. К. Честертона

Васильева Екатерина Владимировна
к. филол. н., доцент кафедры русского языка, современной русской
и зарубежной литературы

Воронежский государственный педагогический университет
394043, Россия, г. Воронеж, ул. Ленина, 86. vevvrn@mail.ru

SPIN-код: 8859-5329
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5455-7910>
ResearcherID: Y-7542-2018

*Статья поступила в редакцию 22.04.2025
Одобрена после рецензирования 22.08.2025
Принята к публикации 01.09.2025*

Информация для цитирования

Васильева Е. В. Чудаки и безумцы в романах Г. К. Честертона // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 4. С. 100–109. doi 10.17072/2073-6681-2025-4-100-109. EDN MTIXBK

Аннотация. Статья посвящена анализу образов чудаков в романах знаменитого английского писателя Г. К. Честертона. Целью исследования является рассмотрение специфики художественного воплощения образов героев-чудаков и героев-безумцев, а также особенностей их функционирования в романах английского писателя. Методологической базой выступают работы Р. Бажановой, М. Бахтина, Г. Гачева, В. Карасика и Е. Ярмаховой, И. Стернина. Анализ показал, что типологически честертоновские чудаки близки шутам Средневековья, героям-чудакам Ч. Диккенса. Для них характерен определенный набор черт, таких как неординарность и странность, особый взгляд на мир, близкий к детскому мироощущению, способность к творческому воображению и игре. Необычность этих героев выражается в странных, эксцентричных поступках, игровом поведении, в нарушении общепринятых условностей. Показывается, что эксцентричность героев Честертона – особый условный прием, создающий эффект остранения, помогающий разрушить автоматизм восприятия и условности поведения в обществе, характерные для рубежа XIX–XX вв. В ходе исследования установлено, что в произведениях Честертона различается мнимое и подлинное безумие. Герои-безумцы выступают художественным воплощением восприятия Честертоном отрицательных проявлений общественного сознания рубежа XIX–XX вв., олицетворяют приверженность одной идее и ограниченный взгляд на мир. Чудаки и безумцы являются героями-антагонистами. Вступая в борьбу с безумцами, герои-чудаки защищают основные ценности человечества, духовные традиции, помогают увидеть чудесную сторону бытия.

Ключевые слова: Г. К. Честертон; герой-чудак; безумец; игра; национальная идентичность; парадокс; эксцентричность.

Введение

Отечественные [Гачев 1998; Карасик, Ярмахова 2006; Стернин, Ларина, Стернина 2003] и зарубежные [Оруэлл 1992; Пристли 1988; Фокс

2011] исследователи национального образа Англии как особые определяющие характеристики национальной идентичности выделяют прежде всего практичность, следование традициям и

установленным правилам, приверженность здравому смыслу, а в качестве доминирующих черт поведенческих проявлений называются умеренность, сдержанность, вежливость (см.: [Стернин, Ларина, Стернина 2003]). При этом такие ценностные ориентиры англичан, как индивидуальность и личностная свобода, предполагают «плюрализм и терпимость к осуществлению многообразия» [Гачев 1998: 401], допустимость странного, эксцентричного поведения человека, увлеченность игрой [Оруэлл 1992: 197]. В работе В. Карасика и Е. Ярмаховой утверждается, что эксцентричность является важной особенностью английского национального характера, при этом она рассматривается как «реакция на традиционные нормы поведения, которые воспитывались школой, моралью, социальными институтами» [Карасик, Ярмахова 2006: 78]. «Пройдя жестокие испытания, связанные с социализацией, англичанин резервирует за собой право эксцентрически выражать свою индивидуальность» [там же: 79].

Эксцентричность как особенность национальной ментальности получает художественное воплощение в образах героев-чудаков, так часто встречающихся в английской литературе. «Наша страна всегда была страной чудаков, ими кишмя кишит английская литература прошлого, где они служат источником неистощимого веселья, которое нам облегчает душу» [Пристли 1988: 52]. Особенности художественного воплощения героев-чудаков в произведениях английских писателей достаточно хорошо изучены в работах отечественных литературоведов и культурологов. Динамика эволюции образа чудака прослеживается в работе К. Разумахиной: в контексте комической традиции английской литературы характеризуется специфика образов чудаков, литературная родословная которых ведется от героев шекспировских произведений (шуты комедий, Фальстаф), включает экстравагантных героев романов XVIII–XIX вв. Г. Филдинга, Т. Смоллетта, Л. Стерна, Ч. Диккенса [Разумахина 2017]. Р. Бажанова, исследуя эксцентричность как культурно-эстетический феномен, утверждает, что эксцентрическое поведение соединяет «в себе такие способы действий, как нестандартность, необычность, доходящие до странности; нарушение логики и даже нелепость, заведомо ломающая, искажающая очевидный порядок вещей» [Бажанова 2012: 188]. Лингвокультурологический подход характерен для исследования В. Карасика и Е. Ярмаховой, где рассматривается типаж «английского чудака» как значимый концепт английской ментальности. В качестве материала для анализа привлекаются и произведения английской литературы, где герой-чудак стано-

вится знаковой фигурой. В работе формулируется и определение эксцентричности как странного, выходящего за рамки общепринятых, привычных норм общественного поведения: «Эксцентриком можно назвать человека, чье поведение, взгляды и/или хобби отличаются в значительной мере от принятых норм в обществе, однако во всем остальном такой человек вполне нормален. Он (или она) воспринимается как личность странная, необычная, нетрадиционная, сумасбродная» [Карасик, Ярмахова 2006: 109–110]. Именно это исследование часто используется в качестве теоретической базы в отечественных работах для анализа содержания и функционирования образа героя-чудака в английской литературе на примере творчества отдельных писателей.

В трудах К. Разумахиной, О. Королевой, М. Козыревой и др. в качестве литературного материала предлагаются произведения П. Вудхауса, Т. Фишера, Г. Честертона, О. Хаксли. Стоит обратить внимание, что английские писатели в своих научно-критических трудах также уделяли большое внимание героям-чудакам как традиционным персонажам национальной литературы. Достаточно вспомнить биографию «Чарльз Диккенс» Г. К. Честертона или статью Дж. Б. Пристли «Комические персонажи английской литературы». Дж. Пристли замечает: «Среди писателей у нас немало было чудаков, и вся литература Англии, не знавшая академии, росла и развивалась с неподрезанными крыльями и потому полна чудачеств, прихотей, своеобразия и духа самоутверждения» [Пристли 1988: 52].

Обобщая основные положения вышеизложенных исследований, можно сделать следующие выводы: образ героя-чудака в английской литературе имеет богатую традицию, сформировались устойчивые характерные черты подобного типа героя. Несмотря на всё разнообразие чудаков английской литературы, выявляются устойчивые типологические черты. Можно утверждать, что собирательный образ чудака отличается такими качествами, как странность поведения, которое может нарушать общепринятые нормы, пристрастие к какому-либо необычному занятию, хобби в частной жизни, схожесть с ребенком, при этом окружающие чаще всего воспринимают подобное проявление чудачества как неопасное, с веселым недоумением, что придает образам юмористическую тональность. В образе чудака получают художественное воплощение особенности английского юмора, приверженность англичан к парадоксу и нонсенсу.

В отечественном литературоведении не уделялось пристального внимания анализу образов чудаков в романах Г. К. Честертона, что и опре-

деляет актуальность данного исследования. В нашей статье предлагается рассмотрение специфики художественного воплощения образов героев-чудаков, а также особенностей их функционирования в романах английского писателя. В данной работе мы будем придерживаться традиции, сложившейся в отечественном литературоведении [Бажанова 2012; Карасик, Ярмахова 2006; Козырева 2016], и использовать слова «чудак» и «эксцентрик» как синонимы, соответствующие английским *eccentric, weirdo*.

Г. К. Честертон (1874–1936) известен как оригинальный христианский мыслитель, знаменитый публицист и полемист в Англии начала XX в., а также автор детективных рассказов и нескольких романов. Основным содержанием его творчества стали осмысление и критический анализ состояния западноевропейского общественного сознания конца XIX – начала XX в., полемика с теориями и концепциями, утверждающими хаос и распад мира, изжитость и исчерпанность бытия, а также утверждение собственной концепции гармоничного существования человека и мира («философии радости») (см. подробнее: [Boyd 1975; Coats 1984]).

В честертоновских романах представлена галерея чудаков: Оберон Квин и Адам Уэйн («Наполеон Ноттингхилльский», 1904), Воскресенье («Человек, который был Четвергом», 1908), Тернбулл и Макиэн («Шар и крест», 1910), Инносент Смит («Жив-человек», 1913), Патрик Дэлрой («Перелетный кабак», 1914), Майкл Херн («Возвращение Дон Кихота», 1928). Чудачество честертоновских героев выражается в странных, эксцентричных поступках, игровом поведении, в нарушении общепринятых условностей, что сближает отдельных персонажей с фигурой карнавального шута. Прежде всего это относится к образам Оберона Квина и Инносента Смита.

В романе «Наполеон Ноттингхилльский» изображается Англия далекого для современников Честертона будущего (действие происходит в 1984 г.), имеющего черты тоталитарно-бюрократической утопии. Мир, с которым знакомится читатель, устойчив и неизменен благодаря своей упорядоченности, подчинению интересам «общественной пользы», прагматичен и скучен. Люди, разуверившись в возможности революционных преобразований, полностью утратили интерес к политическим и социальным проблемам, демократия выродилась в бюрократическую деспотию. Избранный правитель попадает во власть административной рутины и подчиняется установленным порядкам. По мнению исследователя Дж. Коутса, в романе Честертона воплощается идея о том, что бюрократическая система становится маскировкой для захватнических политических и экономиче-

ских интересов представителей капиталистического мира (“Its routines of administration in which ‘efficiency’ and ‘public order’ mask the reality of control by business interests...” [Coats 1984: 104]).

Мир однообразия и скуки кардинально меняется по воле Оберона Квина, нового короля, избранного по жребию: он пытается расшевелить равнодушных сограждан, положить конец «немому безразличию», «сонному эгоизму, немоте и одиночеству миллионов» [Честертон 1992: I, 84–85] с помощью шуток и эксцентричных выходок. Делая ставку на творческое воображение и юмор, король Оберон преобразует общественную жизнь в грандиозное театральное представление в духе Средневековья.

С первого появления Квина в характеристику героя включается постоянное упоминание его глупости и странного, чудаковатого поведения. Все терялись «перед таинственным ужасом бредового скудоумия, которое явственно являл малышок-замухрышка» [Честертон 1992: I, 320]. Портрет героя с намеренно гиперболизированными чертами напоминает шутовскую физиономию клоуна. Его приятели, Джеймс Баркер и Уилфрид Ламберт, добродорядочные и солидные джентльмены, не стесняются в выражениях, браня Квина за шутовство и дурацкие проделки. Они никак не могут решить: Квин глуп от природы или дурачит их. Их рациональное, утилитарное представление о мире не может принять своеобразный юмор героя и его игровое поведение.

Оберон Квин – эстет, избравший своей единственной «верой» юмор, – своим эпатажем и буффонадой намеренно старается разрушить устоявшиеся условности и штампы общественного поведения. Действия Квина сближают его со средневековым шутом. Он как бы находится на грани жизни и искусства: шутовство для Квина является жизнью. Обращая внимание на это качество средневекового шута, М. Бахтин замечает: «Такие шуты и дураки <...> вовсе не были актерами, разыгрывающими на сценической площадке роль шута и дурака... Они оставались шутами и дураками всегда и повсюду, где бы они ни появлялись в жизни» [Бахтин 1990: 13].

Эксцентричные поступки и действия Оберона Квина, странные с точки зрения норм бытового или общественного поведения, приобретают символическое значение, если их рассматривать в контексте карнавальной эстетики. Используя мотив избрания карнавального короля, Честертон воплощает на сюжетном уровне главную идею праздника дураков, да и всего средневекового карнавала, – инверсию общественного положения. Чудак Квин избирается по жребию королем Англии, и изданным им законам, а также

его прихотям должны подчиняться государственные деятели (Баркер), чиновники (Ламберт) и промышленники (Бак). Все события, связанные с избранием и провозглашением Квина королем, изображаются автором как карнавальные, с элементами буффонады, пародии, эксцентрики. Для народно-смеховой культуры было характерно травестирование официальных религиозных праздников, где шут мог выступать смеховым дублером персонажей священной истории. В главе «Нагорный юмор» (*The Hill of Humour*) читатель сталкивается с травестийной аллюзией Нагорной проповеди Христа. На холме в Кенсингтон-Гарденз Квин провозглашает новую религию: «Да, юмор, друзья мои, это последняя святыня человечества... чувство юмора, причудливое и тонкое, – оно и есть новая религия человечества!» [Честертон 1992: I, 43]. Свою речь Квин сопровождает стоянием на голове вверх ногами и прыжанием на одной ножке под возмущенную бранью зрителей этого действия – Баркера и Ламбера. Сам герой воспринимает свою речь как эпатаж окружающих и пародию на религиозные святыни: «А мы стоим на возвышении под открытым небом, на фантасмагорическом плато, на Синае, воздвигнутом юмором» [там же: 44]. Именно в этот момент к зрителям импровизированного спектакля присоединились «двою чинных мужчин в строгих униформах» [там же: 45], но не для того, чтобы задержать Квина как нарушителя общественного порядка и спокойствия, а чтобы оповестить об избрании Его Величества Короля – Оберона Квина. Дальнейшие события изображаются автором как пародия на официальные церемонии, как карнавальное «наоборот», «непрестанное перемещение верха и низа» [Бахтин 1990: 16]. Комический эффект происходящего усиливается за счет контраста несообразных действий Оберона и того поста, роли, которая ему уготована и которую окружающие воспринимают с полной серьезностью. Квин встречает неожиданное известие шутовской жестикуляцией: «Мистер Квин с головою между колен скромно ответствовал: – Я недостоин избрания. ...Единственное, на что уповаю – это что впервые в истории Англии монарх изливает душу народу в такой позиции» [там же: 46]. Для Квина избрание королем становится возможностью сыграть короля дураков, и он старается вовсю: «Ох, и потружусь я для тебя, мой добный народ! Ну, ты у меня посмеешься!» [Честертон 1992: I, 46].

Коронация новых королей чаще всего у Честертона, согласно карнавальной традиции, сопровождается «смертью», развенчанием старого. В «Наполеоне Ноттингхилльском» свою власть над подданными король-эксцентрик закрепляет в

комическом действии: совершая своеобразный ритуал, садится на шляпу Баркера и сминает ее.

«– Диковатый старинный обычай, – пояснил он, как ни в чем не бывало. – ...Таким образом как бы увековечивается акт почтительного снятия шляпы. Это символический намек: доколе оная шляпа не появится снова на вашей голове (а я твердо убежден, что это маловероятно), дотоле Дом Баркеров пребудет верен нашей английской короне» [там же: 48]. Избитый театральный и цирковой штамп (клун садится на шляпу) наполняется карнавальным смыслом – снижением общепринятого и официального (Баркер, «молодой государственный муж», принадлежит миру официальному). Это карнавальное событие сигнализирует о смене власти, о том, что начинает действовать «логика обратности», перемещение верха и низа: чиновник Баркер, предприниматель Бак и другие должны подчиняться чудаку Оберону и жить по законам, которые он выдумал.

Сам Квин осознает и отстаивает свою шутовскую роль. На просьбу Баркера не дурачиться на людях, а «валять дурака взаперти» [там же: 49] он отвечает: «Не взаперти, потому что смешнее на людях. ...Чувство юмора подсказывает мне, что надо быть шутом на людях и степенным на дому. Я хочу превратить все государственные занятия, все парламенты, коронации и т. п. в дурацкое старомодное представленьице» [там же: 49].

«Глупость», чудачество, шутовство Квина сродни амбивалентной карнавальной глупости Средневековья, которая определяется М. Бахтиным следующим образом: «Глупость – обратная мудрость, обратная правда. Это изнанка и низ официальной, господствующей правды; глупость прежде всего проявляется в непонимании законов и условности официального мира и в уклонении от них» [Бахтин 1990: 287].

Таким образом, эксцентрик Квин бросает вызов буржуазному pragmatizmu и пресловутым «интересам общественности», его поступки станут антитезой «зеленою тоске» действительности Лондона 1984 г. Король-чудак утверждает «мир наоборот», «Страну Дураков» (слова Квина) (в оригинале *Paradise of Fools* [Chesterton 1996: 27]), где больше серьезничать не придется. Роль чудака Квина заключается в разрушении устоявшегося порядка вещей в бюрократическом мире собственных рациональных интересов. По мнению Дж. Коутса, этот герой предоставляет возможность проявления творчества, освобождает инстинкты игры, свободу воображения [Coats 1984: 104]. Игра в Средневековые сподвижни Адама Уэйна бросить вызов воротилам капиталистического мира и встать на защиту родной улицы.

Чудачество и эксцентричность ярко выражены также в образе Инносента Смита, главного героя романа «Жив-человек». Появление этого персонажа на страницах романа – это описание серии ошеломляющих акробатических трюков. Погоня Смита за улетающей шляпой исполнена динамики и производит на зрителей, жителей пансиона «Маяк», неизгладимое впечатление: «Безумец встал на руки, вскинул ноги кверху, заболтал ими в воздухе, как символическими знаменами <...>, и на виду у всех поймал шляпу ногами» [Честертон 1992: II, 14]. Розамунда, Диана, Мун, Инглвуд и доктор Уорнер, затаив дыхание, наблюдают за всем происходящим, как дети в театре или цирке. Появление Смита в пансионе «Маяк» полностью меняет образ жизни его постоянных: исчезают скука и уныние, безразличие и равнодушие, потому что Инносент Смит создает настроение легкой, увлекательной игры и побуждает молодых людей к активному участию в ней: «Он заразил всех своей полубезумной активностью, но не в разрушении старого проявлялась она, а скорее в созидании нового, в головокружительном и неустойчивом творчестве» [там же: 28]. Герой Честертона, чудак и эксцентрик, не только играет сам, он заражает этой способностью и остальных.

Честертоновские чудаки ведут свою родословную не только от средневекового шута, но и от героев-чудаков Ч. Диккенса: имеются в виду прежде всего члены Пиквикского клуба, а также Гrimming («Оливер Твист»), миссис Никльби («Николас Никльби») и др. «Они отличаются эксцентричностью поведения, наивностью, добродушем и доверчивостью, что в ряде случаев отнюдь не исключает известной проницательности, основанной на умении “видеть сердцем”. Эти герои кажутся окружающим шутами и вследствие собственной наивности способны выполнять в сюжете функцию шекспировского шута, которому дозволено говорить неприятную правду» [Потанина 1998: 176]. В биографии «Чарльз Диккенс» Г. К. Честертон замечает, что почти всегда герой Диккенса «еще и дурак» [Честертон 1982: 159]. «Ключ к великим героям Диккенса в том, что все они – великие дураки. <...> Великий дурак не ниже, а выше мудрости» [там же] (“The key of the great characters of Dickens is that they are all great fools. ...The great fool is a being who is above wisdom rather than below it” [Chesterton 1911: 159]). Большим сердцем и особой мудростью наделяются и герои Честертона.

Радостное удивление перед миром и способность к игровому поведению сближают чудаков Честертона с ребенком, что становится их особой характеристикой. Писатель наделяет Уэйна, Квина, Смита, Дэлроя мироощущением детства,

которое является важной составляющей честертоновского идеала. Автор обращает внимание на особенность детского восприятия окружающей действительности как чудесной. Устоявшиеся понятия, штампы и социальные условности, которые подчиняют поведение взрослого, еще не властны над детским воображением. Сравнения с ребенком могут присутствовать в портретной характеристике, в оценке действий, в особом восприятии мира.

Более полно идеал детского мироощущения воплощен Честертоном в образе Инносента Смита – в этом персонаже реализуются непредвзятость, непосредственность, невинность (англ. “innocent” – «невинный»). Сравнение Смита с ребенком возникает при первом же его появлении и постоянно сопровождает героя в процессе повествования. На суде «в течение всего процесса он с большим удовольствием мастерил из <...> бумаги бумажные кораблики, бумажные стрелы и бумажные куклы. Он ни разу не сказал ни слова и даже не поднял глаз; казалось, он чувствовал себя на суде так же беззаботно, как ребенок на полу в своей детской, где нет ни одного человека» [Честертон 1992: II, 66]. Описание комнаты Смита становится очередным доказательством принадлежности героя к миру детства. Честертон отмечает особую черту детской психологии – условное, игровое использование предметов, открывающее их новое качество: «Все вещи здесь служили не тем надобностям, для которых были предназначены» [там же: 21]. После посещения этой комнаты Мун «с каким-то жутким чувством начал понимать, что перед ним воистину ребенок. Смит действительно был младенцем – насколько это возможно в пределах человеческой психики, и все чувства его были детские ...» [там же: 22].

Являясь символом детства, герой и для других персонажей несет воспоминание о детстве, ставшем забытым, утраченным светлым началом, истиной, которую они потеряли. Майкл Мун говорит о Смите как о символе детства и юности: «Он – астральный младенец, рожденный нами, нашими мечтами. Он – наша возродившаяся юность» [там же: 46]. Инносент Смит ставит перед собой задачу развеять скуку и однообразие, царящие в «Маяке», показать прелесть и чудо простых обыденных вещей, помочь ощутить радость бытия.

Но свое намерение Смит претворяет в жизнь особым способом: «Он шутил от всей души – не словами, а делами» [там же: 104]. Честертон делает акцент на особом поведении героя: он не говорит, а действует. Сам автор называет Смита арлекином и эксцентриком [там же: 13], указывая на его сходство со знаменитым карнаваль-

ным персонажем, впоследствии персонажем-маской комедии дель арте. Жесты, движения, действия Смита подобны участнику пантомимы, имеют символический ритуальный характер: они должны быть поняты, разгаданы остальными персонажами романа. В работе М. Молодцовой так определяется сценическое поведение Арлекина, одного из главных действующих персонажей комедии дель арте: «Арлекин все время что-то измышляет и дает это понять публике. Но не словами, а телодвижениями. Его прыжки, кульбиты, падения, пробежки, потасовки, прятки и палочные колотушки <...> – все это его сценический язык, средства изъяснения своего мирочувствования, притом – главные средства» [Молодцова 1990: 59]. О символическом подтексте эксцентричных поступков Смита догадывается Майкл Мун: «Этот человек молчал целыми часами; и все же он говорил беспрерывно. <...> Иппонсент Смит не безумец – он ритуалист. Он желает изъясняться не словами, а с помощью рук и ног» [Честертон 1992: II, 64]. В своей статье английский критик Д. Лодж называет Смита «практическим аллегорическим шутником» [Lodge 1987: 331].

Непонятное, странное поведение и эксцентричные поступки этого героя становятся загадками для остальных, и они должны быть разгаданы. Совершая мнимые «преступления» (а Смита обвиняют в покушении на убийство, воровстве и многоженстве), герой своими парадоксальными поступками побуждает персонажей (Диану Дьюк, Розамунду, Майкла Муна, Артура Инглвуда) к активному действию – поиску ответов на свои «загадки». Это приводит молодых людей «Маяка» к постижению чудесной стороны бытия, приобщению к подлинным человеческим ценностям. Смит соответствует своей родословной, то есть выполняет функции Арлекина. «Заним [Арлекином] закреплена главенствующая сценическая функция: организовать игру. <...> Арлекин все запутает, чтобы прояснить, и, развязав все узлы, снова поставит нас перед какой-нибудь загадкой...» [Молодцова 1990: 56].

Странное, эксцентричное поведение героев-чудаков не соответствуют общепринятым условиям, поэтому они воспринимаются разумными и благонамеренными обывателями, и прежде всего буржуазным миром, как глупцы или сумасшедшие. Приятели Оберона Квина, Джеймс Баркер и Уилфред Ламберт, не жалеют ругательств по поводу поведения своего чудаковатого знакомого: «Он ведь рта не разинет, чтобы не ляпнуть такую несусветицу, которой постыдится последний идиот...» [Честертон 1992: I, 31]. Предприниматель Бак и его сторонники не понимают и поведения Адама Уэйна, его героиче-

ского стремления защитить от разрушения родную улицу. По их мнению, не может быть нормальным тот, кто мешает получению огромной прибыли (поведение Уэйна в оценке Бака – “It's midsummer madness” [Chesterton 1996: 38]). Они видят единственный выход из создавшейся ситуации – заточить Уэйна в сумасшедший дом как досадное недоразумение. Угроза сумасшедшего дома нависла и над другими героями: Иппонсентом Смитом и доктором Хэндри («Возвращение Дон Кихота»), создателем уникальной краски. В романе «Шар и крест» любое человеческое проявление, угрожающее системе, объявляется безумием. Постоянно повторяющийся мотив безумия, видимо, свидетельствует о том, что Честертона очень беспокоило, что неординарное поведение, уникальные знания или своя точка зрения в обществе, не терпящем индивидуальности, могут быть оценены как сумасшествие.

В произведениях Честертона мнимое безумие героев (чудачество, эксцентрика, игра, героическое безрассудство) противостоит безумию истинному: духовной узости, помноженной на приверженность одной идеи, которая ограничивает и обесцвечивает многообразие мира и человека. Оберон Квин обращается к политику Джеймсу Баркеру: «...все серьезные люди – маньяки. Вы – маньяк, потому что вы свихнулись на политике – это все равно, что собирать трамвайные билеты. Бак – маньяк, потому что он свихнулся на деньгах – это все равно, что курить опиум. Уилсон – маньяк, потому что он свихнулся на своей правоте – это все равно, что мнить себя Господом Богом» [Честертон 1992: I, 67].

Честертон в своих философских, художественных и публицистических произведениях формулирует концепцию безумия, которая характеризует состояние современного автору общественного сознания. Безумие, по Честертону, – это приверженность одной идеи и взгляд на мир только с одной точки зрения, единственно верной, по мнению автора идеи. «Ущербная мысль так же логична, как здравая, но не так велика. <...> Бывает узкая всемирность, маленькая, ущербная вечность – как во многих современных религиях. Наиболее явный признак безумия – сочетание исчерпывающей логики с духовной узостью» [Честертон 1991: 367]. В своем знаменитом трактате «Ортодоксия» философов и мыслителей рубежа XIX–XX вв. английский писатель сравнивает с сумасшедшими (одна из глав называется “The Maniac”). И дело совсем не в том, что в их теориях не хватает логики, как раз наоборот. Однобокий взгляд и возведение в абсолют какого-то одного принципа восприятия действительности, что характерно, по мнению Честертона, для позитивистов, социалистов,

скептиков и нигилистов, и приводят к идеям и теориям, которые английский писатель называет объяснениями «безумцев»: «Сумасшедший заключен в чистую, хорошо освещенную тюрьму одной идеи, у него нет здорового сомнения, здоровой сложности» [Честертон 1991: 369].

Подлинное, в честертоновском понимании, безумие воплощено в таких героях, как чиновник Баркер и промышленник Бак («Наполеон Ноттингхилльский»), профессор Л. («Шар и крест»), доктор Уорнер («Жив-человек») и лорд Айвивуд («Перелетный кабак»).

Роман «Шар и крест» открывается дискуссией между монахом Михаилом и профессором Л., приверженцем логики и практической целесообразности, отрицающим христианскую веру. Аргументы, приводимые в споре отцом Михаилом, во многом совпадают с рассуждениями Честертона, которые высказываются в защиту христианства в «Ортодоксии»: одной из главных заслуг христианства, в отличие от философии позитивизма и детерминизма, является объяснение мира не как четко упорядоченной системы, которую можно изложить с помощью логики, а как мира, включающего в себя и закон, и чудо. «В нашем мире сложно не то, что он не разумен, и даже не то, что он разумен. Чаще всего беда в том, что он разумен – но не совсем. Жизнь – не бессмыслица, и все же логике не по зубам. На вид она чуть-чуть логичней и правильней, чем на самом деле; разумность ее – видна, бессвязность скрыта» [Честертон 1991: 416]. С точки зрения Честертона, христианство предугадывает «этую потаенную неправильность» [там же: 417] при объяснении жизни: «Оно не просто вывело логические истины – оно становится нелогичным там, где истина неразумна. Оно не только правильно – оно неправильно там, где неправильна жизнь» [там же: 417]. Честертонским безумцам недоступна «потаенная неправильность» жизни и самого человека, поэтому их логика в конечном итоге приводит к отрицанию самой жизни. Отец Михаил рассказывает притчу о безумцах профессору Л., заключая ее словами: «Сперва вы ненавидите все, что не сведешь к логике, потом – просто все, ибо ничто в мире не сводится к логике без остатка» [Честертон 1994: 265].

В романе «Перелетный кабак» (1914) основой сюжетного действия становятся авантюрные приключения капитана Патрика Дэлроя, ирландского бунтовщика, и его друга Хэмфри Пэмпа, владельца кабака «Старый корабль». Вопреки закону, запрещающему продажу и распитие спиртного, они продвигаются по стране с кабачкой вывеской и запасом рома. Закон издается лордом Айвивудом, членом парламента и основным идеологом государственной политики,

увлеченного идеями ницшеанства и ислама. Запрет кабаков объясняется Айвивудом заботой государства о здоровье и благосостоянии простого народа, спасением его от ненужных трат. Но в романе Честертона показывается, что государство таким образом посягает на сложившийся уклад жизни человека, освященный многовековыми традициями. Непомерная гордыня и фанатизм этого героя, одержимого идеей сверхчеловека и верящего в свою избранность и особое предназначение, позволяют ему рассматривать человека настоящего как материал для будущего. Честертон смог уловить характерную особенность ницшеанской философии: неприятие и недоверие к современному человеку, ценность которого трактуется лишь как залог будущего. В соответствии со своими абсурдными идеями лорд Айвивуд мыслит и дальнейшее переустройство мира.

Попав под влияние проповедей Мисисры Аммана, «пророка Луны», лорд Айвивуд проводит диспуты, на которых обсуждаются основные мусульманские догматы и традиции (запрет на употребление спиртного и свинины, многоженство и др.). Мисисра Аммон не только пытается доказать, что Европа обязана Востоку всеми культурными и научными достижениями, но и производит подмену, переименование реалий английской действительности, топонимов, перетолковывает исторические события и легенды. Так, «пророк Луны» утверждает, что можно найти следы азиатских слов в названиях английских кабаков: “It is obvious, let us say, that the ‘Saracen’s Head’ is a corruption of the historic truth ‘The Saracen is Ahead’ – I am far from saying it is equally obvious that the ‘Green Dragon’ was originally ‘the Agreeing Dragoman’; though I hope to prove in my book that it is so” [Chesterton 1928]. Увлеченное новыми модными идеями (ницшеанство и ислам), английское общество не замечает, что осмысление истории и культуры Англии с точки зрения чуждых ей религиозных и нравственных позиций приводит к их искаению и подмене. Поэтому экспансия мусульманства, угрожающая английской идентичности, изображается в произведении не только как идеологическое влияние на общественное сознание, но и как вероятные последствия влияния «чужой» религии на политическую, социальную, бытовую реальность Англии. Используя такие художественные средства, как фантастика, гротеск, гипербола, автор обыгрывает различные возможности воздействия ислама на жизнь христианской страны. В результате деятельности лорда Айвивуда в стране не только вступает в силу запрет на спиртное, но и в конечном итоге английская армия встает под зеленые знамена ислама. Глазам главной героини,

леди Джоан, предстает следующая фантасмагорическая картина: «Внизу стояли строем солдаты... Над ними развивалось зеленое знамя той великой религии, той могучей цивилизации, которая часто подходила к столицам Запада, ...но никогда не вступала на английскую землю. <...> ей показалось, что Турция завоевала Англию, как Англия – Индию» [Честертон 1992: II, 297].

Патрик Дэлрой констатирует опасность деятельности Айвивуда, которая приводит к потере национальной идентичности: «Когда английской олигархией правит англичанин, лишенный английских свойств, тогда получается весь этот кошмар, конец которого ведом только Богу» [Честертон 1992: II, 235]. Попытка реализации идей Айвивуда на государственном уровне, стремление к созданию нового, искусственного общества приводит к пренебрежению традициями и создает угрозу вещами, без которых, по мысли автора, невозможна жизнь: это дом, счастье, радость, любовь. Честертон в своей художественной практике сумел показать одну из основных опасностей общественного развития XX в.: опасность идеи (социальной, национальной, философской), если она становится бескомпромиссным руководством к жизни.

Создавая комплексную характеристику героя-безумца, в которой сочетаются портретные, социальные и психологические черты, Честертон выражает авторское отношение к ним через оценочные сравнения и определения. Портретные детали приобретают символическое значение, становятся «говорящими» и выступают оценочной характеристикой воплощенных в образе героя идей. Так, «бесцветность» («белое» и «серое») в портретах лорда Айвивуда и доктора Уорнера включает в себя безупречность, доходящую до холодности, безжизненность, голую логику и слепоту ко всему человеческому. Герой-безумец становится символом условности, безжизненности, смерти. Честертон подбирает парадоксальное определение таким героям – “dead alive”. В конце романа «Жив-человек» Мун так отзывается об Уорнере: «Мы сидели рядом с привидением. Доктор Герберт Уорнер давно уже умер» [Честертон 1992: II, 138].

Таким образом, честертоновские герои-безумцы становятся символическим воплощением интеллектуальной болезни общественного сознания рубежа XIX–XX вв. Абсолютизованные идеи материальной пользы и духовной свободы, позитивизма и скептицизма, по Честертону, ведут к «безумию». При этом человеческое восприятие перестает улавливать многообразие действительности, потому что теряет свою стереоскопичность. Честертон констатирует, что утрата целостной системы взглядов на бытие в

результате абсолютизации одной идеи или теории, попытка расщепить человека на составляющие приводят в современной науке и философии к кризису общественного сознания.

С идеями «безумцев», воплощаемыми в жизнь, борются герои-чудаки. В образах чудаков Честертона органично сочетаются особое, не отягощенное штампами и условностями взрослого мира видение, эксцентрика и игровое поведение, ведущее свое начало из народной карнавальной культуры, «глупость» и доброта диккенсовских чудаков. Их оружием и силой становятся благодарное удивление перед чудом мира, творческая игра, радостное созидание, защита основных, незыблемых, по Честертону, традиций человечества. Эксцентричность героев Честертона, парадоксальность их действий – особый условный прием, создающий эффект остранения, помогающий разрушить автоматизм восприятия и общественные условности, характерные для рубежа XIX–XX вв. Именно в этом видит Р. Бажанова культурную функцию эксцентрики: «Удивить и поразить воображение человека своим “парадоксальным, вывернутым” сходством с самой действительностью, богатой неожиданностями, случайностями, непредсказуемостью и шаткостью незыблемых порядков – такова познавательно эстетическая нацеленность эксцентрики» [Бажанова 2012: 190].

На фоне характерного для западноевропейской философии, литературы и культуры в целом на рубеже XIX–XX вв. разочарования в рационально-действенной природе человека в произведениях Г. К. Честертона возникает герой-чудак, чье эксцентричное поведение направлено на внешний мир и становится парадоксальным способом разрушения безжизненных условностей и выявления подлинной сущности мира. Целью действий такого героя выступает защита добра, высокого порядка, неповторимости мира и индивидуальности человека. Чудак становится защитником мироздания против небытия, которое в романах Г. К. Честертона принимает самые разные формы.

Список литературы

Бажанова Р. К. Эксцентричность как проявление артистизма: специфика и функции // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 19-1. С. 187–192.

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худ. лит., 1990. 543 с.

Гачев Г. Д. Национальные образы мира: Курс лекций. М.: Академия, 1998. 429 с.

Карасик В. И., Ярмахова Е. А. Лингвокультурный типаж «английский чудак». М.: Гнозис, 2006. 240 с.

- Козырева М. А. Эксцентрики и эксцентрика в классическом английском детективе // Филология и культура. 2016. № 4 (46). С. 217–221.
- Молодцова М. Комедия дель арте (История и современная судьба). Л.: ЛГИТМИК, 1990. 218 с.
- Оруэлл Д. Англия, ваша Англия // Иностранный литература. 1992. № 7. С. 212–232.
- Потанина Н. Л. Игровое начало в художественном мире Чарльза Диккенса. Тамбов: Издво ТГУ им. Г. Р. Державина, 1998. 252 с.
- Пристли Д. Б. Заметки на полях. Художественная публистика. М.: Прогресс, 1988. 471 с.
- Разумахина К. Ю. Художественный мир произведений П. Г. Вудхауса и английская юмористическая традиция: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2017. 259 с.
- Стернин И. А., Ларина Т. В., Стернина М. А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж: Истоки, 2003. 300 с.
- Фокс К. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения / пер. с англ. И. П. Новоселецкой. М.: РИПОЛклассик, 2011. 512 с.
- Честертон Г. К. Вечный Человек. М.: Политиздат, 1991. 544 с.
- Честертон Г. К. Избранные произведения: в 3 т. М.: Худ. лит., 1992.
- Честертон Г. К. Избранные произведения: в 4 т. М.: Book Chamber International, 1994. Т. 3. 384 с.
- Честертон Г. К. Чарльз Диккенс. М.: Радуга, 1982. 205 с.
- Boyd I. The novel of G. K. Chesterton. A Study in Art and Propaganda. London, 1975. 241 p.
- Chesterton G. K. Charles Dickens. New York: Dodd, Mead & Company, 1911. 300 p.
- Chesterton G. K. The Napoleon of Notting Hill. London: Wordsworth Editions Limited, 1996. 132 p.
- Chesterton G. K. The Flying Inn. London: Methuen, 1928. 282 p.
- Coats J. D. Chesterton and the Edwardian Cultural Crisis. Hull: Hull University Press, 1984. 266 p.
- Lodge D. Dual Vision: Chesterton as a Novelist // G. K. Chesterton: A Half Century of Views. New York: OUP, 1987. P. 326–335.
- Bazhanova R. K. Ekstsentrichnost' kak proyavlenie artistizma: spetsifika i funktsii [Eccentricity as artistic display: specificity and functions]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2012, issue 19-1, pp. 187–192. (In Russ.)
- Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [The Works of François Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Kudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 543 p. (In Russ.)
- Gachev G. D. *Natsional'nye obrazy mira* [National Images of the World]: a course of lectures. Moscow, Akademiya Publ., 1998. 429 p. (In Russ.)
- Karasik V. I., Yarmakhova E. A. *Lingvokul'turnyy tipazh 'angliyskiy chudak'*. [Linguocultural Type 'English Eccentric']. Moscow, Gnozis Publ., 2006. 240 p. (In Russ.)
- Kozyreva M. A. Ekstsentriki i ekstsentrika v klassicheskem angliyskom detektive [Eccentrics and eccentricity in English classic detective story]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2016, issue 4 (46), pp. 217–221. (In Russ.)
- Molodtsova M. *Komediya del'arte (Istoriya i sovremenennaya sud'ba)* [Commedia dell'arte (History and Modern Fate)]. Leningrad, Leningrad State Institute of Theatre, Music, and Cinema Press, 1990. 218 p. (In Russ.)
- Orwell G. Angliya, vasha Angliya [England Your England]. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 1992, issue 7, pp. 212–232. (In Russ.)
- Potanina N. L. *Igrovoe nachalo v khudozhestvennom mire Charl'za Dikkensa* [The Play-Based Elements in the Artistic World of Charles Dickens]. Tambov, Derzhavin Tambov State University Press, 1998. 252 p. (In Russ.)
- Priestley J. B. *Zametki na polyakh. Khudozhestvennaya publitsistika* [Notes in the Margins. Fiction]. Moscow, Progress Publ., 1988. 471 p. (In Russ.)
- Razumakhina K. Yu. Khudozhestvennyy mir proizvedeniy P. G. Vudkhausa i angliyskaya yumoristicheskaya traditsiya [The artistic world of P. G. Wodehouse's works and the English humorous tradition]: Cand. philol. sci. diss. St. Petersburg, 2017. 259 p. (In Russ.)
- Sternin I. A., Larina T. V., Sternina M. A. *Ocherk angliyskogo kommunikativnogo povedeniya* [Essay on English Communicative Behavior]. Voronezh, Istoki Publ., 2003. 300 p. (In Russ.)
- Fox K. *Nablyudaya za anglichanami. Skrytye pravila povedeniya* [Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour]. Transl. from English by I. P. Novoseletskaya. Moscow, RIPOLklassik Publ., 2011. 512 p. (In Russ.)
- Chesterton G. K. *Vechnyy chelovek* [The Everlasting Man]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 544 p. (In Russ.)
- Chesterton G. K. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]: in 3 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1992. (In Russ.)
- Chesterton G. K. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works: In 4 vols.]. Moscow, Book Chamber International, 1994, vol. 3. 384 p. (In Russ.)
- Chesterton G. K. *Charles Dickens*. Moscow, Raduga Publ., 1982. 205 p. (In Russ.)

- Boyd I. *The Novel of G. K. Chesterton. A Study in Art and Propaganda*. London, 1975. 241 p. (In Eng.)
- Chesterton G. K. *Charles Dickens*. New York, Dodd, Mead & Company, 1911. 300 p. (In Eng.)
- Chesterton G. K. *The Napoleon of Notting Hill*. London, Wordsworth Editions Limited, 1996. 132 p. (In Eng.)
- Chesterton G. K. The Flying Inn. London, Methuen, 1928. 282 p. (In Eng.)
- Coats J. D. Chesterton and the Edwardian Cultural Crisis. Hull: Hull University Press, 1984. 266 p. (In Eng.)
- Lodge D. Dual Vision: Chesterton as a Novelist. In: G. K. Chesterton: *A Half Century of Views*. New York, OUP, 1987, pp. 326-335. (In Eng.)

Eccentrics and Madmen in G. K. Chesterton's Novels

Ekaterina V. Vasiljeva

Associate Professor in the Department of Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature
Voronezh State Pedagogical University
86, Lenina st., Voronezh, 394043, Russia. vevvrn@mail.ru

SPIN-code: 8859-5329

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5455-7910>

ResearcherID: Y-7542-2018

Submitted 22 Apr 2025

Revised 22 Aug 2025

Accepted 01 Sep 2025

For citation

Vasiljeva E. V. Chudaki i bezumtsy v romanakh G. K. Chestertona [Eccentrics and Madmen in G. K. Chesterton's Novels]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 4, pp. 100–109. doi 10.17072/2073-6681-2025-4-100-109. EDN MTIXBK (In Russ.)

Abstract. The paper analyzes the eccentric hero in the novels written by the famous English author G. K. Chesterton (1874–1936). The study aims to explore how eccentric and insane characters are depicted and function in Chesterton's novels. Methodologically, the research is based on works of R. Bazhanova, M. Bakhtin, G. Gachev, V. Karasik, E. Yarmakhova, and I. Sternin. The analysis has revealed that Chesterton's weirdos are typologically similar to medieval jesters and Dickens' eccentrics. Chesterton follows the playful tradition in English literature, characteristic of the works by W. Shakespeare, L. Sterne, Ch. Dickens, O. Wilde, L. Carroll, and nonsense poetry. The specific features of the characters are originality, oddity, a special world view, similar to children's attitude, the ability to play, and creative imagination. The characters' oddity is shown as strange eccentric actions that break the social rules. The image of the eccentric reflects the specific features of English humor, the English commitment to paradox and nonsense. Chesterton used such ways of being for his characters to create the effect of defamiliarization, which broke the automaticity of perception and conventions of social behavior typical for the late 19th – early 20th centuries. The study has revealed the difference between the seeming and true madness of Chesterton's characters. Insane characters embody Chesterton's perception of negative social consciousness of that period. They personify mind limitations, commitment to the only one point of world view. Eccentric and mad heroes are antagonists. In their confrontation, eccentrics protect the main human values, spiritual traditions, and help to reveal the wonder of being.

Key words: G. K. Chesterton; eccentric; madman; play; national identity; paradox; eccentricity.

УДК 821.161.1-93

doi 10.17072/2073-6681-2025-4-110-118

<https://elibrary.ru/nwbfkp>

EDN NWBFKP

Принцип «игрового перевертыша» в детской художественной литературе

Гридина Татьяна Александровна

д. филол. н., профессор кафедры общего языкознания и русского языка

Уральский государственный педагогический университет

620091, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26. tatyana_gridina@mail.ru

SPIN-код: 9100-3240

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3993-5164>

Researcher ID: AAZ-9874-2021

Коновалова Надежда Ильинична

д. филол. н., профессор кафедры общего языкознания и русского языка

Уральский государственный педагогический университет

620091, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26. sakralist@mail.ru

профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся

Уральский федеральный университет им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина

620062, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

SPIN-код: 5984-0528

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8541-1014>

Researcher ID: ABD-8812-2021

Статья поступила в редакцию 13.08.2025

Одобрена после рецензирования 04.10.2025

Принята к публикации 10.10.2025

Информация для цитирования

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Принцип «игрового перевертыша» в детской художественной литературе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 4. С. 110–118.
doi 10.17072/2073-6681-2025-4-110-118. EDN NWBFKP

Аннотация. В статье характеризуется принцип «игрового перевертыша» как основа сюжето-строения художественных произведений современной детской литературы. Данный принцип создает парадоксальное переключение исходной пресуппозиции, вызывая эффект обманутого ожидания. Побуждая читателя к декодированию выстроененной сюжетной «ловушки», такие тексты, как правило, обладают свойством двойной адресации, что коррелирует с проблемой их рецепции и понимания с точки зрения интерпретации ребенком и взрослым. Цель исследования – анализ сюжетообразующих стратегий произведений современной детской художественной литературы, эксплуатирующих принцип «игрового перевертыша» как феномен смеховой культуры. Методы исследования – описательно-структурный и описательно-функциональный анализ – выявление композиционных фрагментов произведения, последовательно реализующих провокативную стратегию сюжетомоделирования в соотношении с текстовыми маркерами «переключения смысла». Представлена типология стратегий «игрового перевертыша» в произведениях современных детских писателей: ложная идентификация персонажа; дискредитация ролевой маски; стратегия ролевого «бумеранга»; создание фантастической

реальности. Выявленные стратегии рассматривались с учетом приемов языковой игры, задействованных в сюжете. Материалом исследования послужили тексты игрового характера, опубликованные в альманахе для семейного чтения, издаваемом по инициативе журнала «Урал»: стихотворения Михаила Яснова, рассказы Артура Гиваргизова и Станислава Востокова. Намечена перспектива экспериментального исследования таких текстов в свете глубины считывания авторской интенции адресатом.

Ключевые слова: игровой текст; русская детская художественная литература; стратегии сюжетостроения; языковая игра.

Введение

Актуальность обращения к заявленной проблематике определяется рядом обстоятельств: во-первых, практически totally игровой палитрой произведений современных детских писателей, что диктует необходимость осмысления их специфики в аспекте формально-смысловой организации и ориентации на ментальность адресата (ребенка определенного возраста) (см., например: [Гридина 2024: 15–34; Cherniak 2016: 114–129]); во-вторых, тем, что сам феномен игрового текста предполагает исследование специфических кодов коммуникации, которые не только отражают, но и формируют читательскую компетенцию ребенка. В этом смысле весьма показательны игровые тексты провокативного характера, вовлекающие адресата в процесс рефлексии над подстроенной автором сюжетной «ловушкой». В-третьих, игровой текст, особенно в современной детской литературе, – это всегда текст двойной адресации, что коррелирует с более общей проблемой «рецепции художественного текста» в аспекте его понимания (интерпретации ребенком и взрослым).

Цель исследования – рассмотреть сюжетообразующие стратегии текстов современной детской художественной литературы, эксплуатирующие принцип «игрового перевертыша» как специфический феномен смеховой культуры.

Специфика таких текстов заключается в их намеренно провокативном характере, опрокидывающем ожидания читателя. Данный эффект создается в ситуациях двоякого рода: а) нечто, казущееся парадоксальным, на деле оказывается вполне объяснимым; б) нечто, выдаваемое за обычное, оказывается парадоксальным. В результате обнаружения «реального» содержания такого рода высказываний, текстов возникает комический эффект [Дземидок 1974]. Важным условием создания игровой ситуации такого типа является **преднамеренность (осознанность)** нарушения **обычного порядка вещей**. Нонсенс на самом деле есть авторская стратегия, обусловленная использованием провокативного игрового кода для создания сюжетной интриги.

Предваряя анализ конкретного материала, кратко охарактеризуем основные подходы к определению игрового текста в литературоведческой и лингвистической парадигмах.

Одной из главных черт игрового художественного текста признается его интерпретационная вариативность (см., например: [Люксембург 2006: 5–25; Рахимкулова 2003]). Ср. также рассуждение Ю. М. Лотмана о множественности кодов художественного языка, в связи с чем «воспринимающему текст приходится не только при помощи определенного кода дешифровать сообщение, но и устанавливать, на каком «языке» закодирован текст» [Лотман 2023: 37]. Применительно к игровой специфике произведений детской литературы этот фактор приобретает особую актуальность (см., например, посвященную анализу этой проблемы коллективную монографию: [Детское чтение... 2020]).

В любом игровом тексте присутствует некая **«мнимая ситуация»**, в которой намеренно (осознанно) сталкиваются **«воображаемый и реальный планы»** [Рюмина 2003: 93]; границы между этими планами подвижны и в ходе развития сюжета могут противопоставляться друг другу, пересекаться между собой, накладываться друг на друга. «Игровой перевертыш» – один из востребованных принципов такого соположения и переключения смыслов в текстовой проекции. Применительно к произведениям детской литературы «игровой перевертыш» реализует функцию создания комического эффекта. В этом отношении данный принцип вполне коррелирует с тремя «основополагающими мотивами, которые выделяются во всех теориях смеха и имеют отношение к сущности комического. Это **мотив противоречия** (контраста, нелепости, безрассудства, бессмыслицы, перехода в противоположность), часто сопутствующий ему **мотив игры** и **мотив видимости** (кажимости, иллюзии... и т. п.)» [Рюмина 2003: 74].

В процессе сюжетостроения по принципу «игрового перевертыша», помимо фабульной интриги, активно задействованы приемы языковой игры как «...особой формы лингвокреативного мышления, основанного на ассоциативных механизмах переключения стереотипов порождения, восприятия, употребления языковых знаков»¹; таков, в частности, конструктивный принцип «ассоциативной провокации», моделирующий эффект обманутого ожидания с помощью разного рода лингвистических приемов (см.: [Гридина 2025: 57–66]).

Материалом для анализа послужили произведения современных детских писателей, опубликованные в альманахе для семейного чтения «Детская», который издается по инициативе литературно-публицистического журнала «Урал». Как указано в аннотации к данному выпуску, «альманах рассчитан на чтение детьми разного возраста, их родителями, а также родителями с детьми» [Детская... 2018]². В числе авторов этого издания поэты и писатели-прозаики, чей художественный почерк отличается ярко выраженной игровой направленностью (Михаил Яснов, Артур Гиваргизов, Нина Дашевская и др.), в том числе использованием в сюжетостроении принципа «игрового перевертыша».

Методы исследования: описательно-структурный и описательно-функциональный анализ – выделение смысловых фрагментов произведения, последовательно реализующих провокативную сюжетную стратегию в соотношении с текстовыми маркерами «игрового перевертыша».

Исследование и его результаты

С учетом средств реализации игровой установки представлена типология провокативных стратегий сюжетостроения в произведениях современных детских писателей. Принцип «игрового перевертыша» характеризуется в свете корреляции текстовой и затекстовой пресуппозиций осознания содержания – с последовательным выделением микротем и ассоциативно выводимых имплицитур в развитии событийной перспективы произведения.

Типология стратегий игрового перевертыша в произведениях детской литературы предполагает рассмотрение его видов и функций в парадоксальном переключении восприятия обыгрываемых ситуаций.

1. **Ложная идентификация персонажа** – провокативное обыгрывание многозначности ключевого слова текста в сюжетной проекции.

Рассмотрим в качестве примера рассказ Артура Гиваргизова «Не заяц».

Уже само заглавие текста содержит интригу, отсылая потенциального читателя к некой пресуппозиции сюжета о животных. Заметим в этой связи, что *заяц* – популярный персонаж русских сказок, в которых акцентируются такие его качества, как трусливость, способность быстро бегать / убегать от опасности, запутывая следы. Ориентация НЕ в названии рассказа «Не заяц» может восприниматься как сигнал того, что речь пойдет о каком-то «нетипичном» зайце, или о другом животном, или вообще не о животном, а, например, о человеке, которому присущи или не присущи черты зайца. Последнее допущение может быть актуальным для адресата, в сознании которого всплы-

вают переносные значения слова *заяц* (ср., в частности, смысл *заяц* – «безбилетный пассажир», обыгрываемый в данном тексте)³:

Андрей Николаевич Жуков ни разу в жизни не платил за проезд. А где он только не был! На Алтае. На Кавказе. В Серпухове... И не раз! И ни разу (с. 23). Обозначенная затекстовая ситуация парадоксальна – она противоречит известной максиме: проезд на любом общественном транспорте не является бесплатным, тем более что речь идет как будто бы о солидном (взрослом) человеке (ср. выражение *где он только не был* – о якобы большом опыте «бесплатных» путешествий Андрея Николаевича Жукова). Кроме того, персонаж назван полным именем (выводимая импликатура: «уважительное или официальное обращение к взрослому»).

Следующий текстовый фрагмент развивает тему нонсенса и недопустимости подобной ситуации (в свете ее общественного порицания): *«Как это не платил?» – возмутился контролер. Контролеры, когда видят зайцев, всегда возмущаются, не могут не возмущаться, не имеют права. Водителям автобусов тоже не нравятся безбилетные пассажиры* (с. 23). Из последней реплики контролера становится понятным, что действие, очевидно, происходит в автобусе.

Представленная экспозиция рассказа имеет провокативный характер, предшествующий переключению сюжета в совершенно неожиданное русло по принципу «игрового перевертыша», обнаруживающего **ложную идентификацию персонажа**, о котором идет речь, с «зайцем» – безбилетником:

Но Андрей Николаевич Жуков никакой не заяц. Его упрекать не за что. Потому что Андрею Николаевичу два года и семь месяцев. А до пяти лет можно и без билетов. И папа (Николай Андреевич) носит Андрея Николаевича в специальном рюкзачке (с. 23).

Отметим здесь использованный автором дополнительный прием провокативной идентификации взрослого персонажа и ребенка: это языковая игра с отзеркаливающими друг друга именем и отчеством отца и сына по принципу перемены мест «слагаемых» (Николай *Андреевич* и *Андрей* Николаевич). Тот, кого принимают за безбилетного пассажира, не отец, а путешествующий с отцом в специальном рюкзачке его маленький сын: *А когда в поход или на рыбалку, у папы два рюкзака: один с палаткой и едой – за спиной, а другой – А. Н. – на груди*. *Вот как и сейчас – на рыбалку и за грибами...* (с. 23).

Принцип игрового перевертыша, опрокидывающий ожидания читателя и создающий комический (смеховой) эффект, поддержан и языковыми маркерами нонсенса, особенно ярко прояв-

ленными в концовке рассказа: *Водитель автобуса* довез Николая Андреевича с Андреем Николаевичем до Федыкино и говорит в микрофон: «*Ну, удачи, ни пуха ни пера, ни грибов ни рыбы*». А Николай Андреевич и Андрей Николаевич тоже в ответ желают: «*И вам удачи. Ни тиру ни ну, ни к селу ни к городу*» (с. 23).

Такого рода формулы – традиционный для смеховой народной культуры [Коновалова 2018: 158–173] эвфемистический прием благопожелания через отрижение «желаемого». Ср. исходный смысл выражения *ни пуха ни пера* вместо прямого пожелания хорошей охоты (на что существовало табу). В данном случае переносный смысл выражения *ни пуха ни пера* сталкивается с текстовым, ситуативно обусловленным симиляром *ни грибов ни рыбы* (как пожелание собрать хороший урожай грибов и наловить рыбы в противовес напутствию). Выражения *Ни тиру ни ну* (о том, что не дает результатов), *ни к селу ни к городу* (о том, что не подходит к ситуации) на самом деле выступают в finale рассказа как пожелание водителю автобуса удачной дороги. Всё это поддерживает эффект игрового перевертыша в реализации сюжета данного рассказа.

2. **Намеренно парадоксальная дискредитация ролевой маски персонажа.** Показательным аналогом реализации данной стратегии может служить, например, детское мини-стихотворение М. Яснова из цикла «Новогодний маскарад»:

*Нарядилась мышка волком:
Хочет с чувством выть
И с толком.
Словно в поле и в степи
Сышен вой:
— Пи-пи-пи-пи!* (с. 18)

В этом «игровом перевертыше» актуализирована затекстовая пресуппозиция: «тонкий, слабый писк мышки вряд ли кого-то может устрашить». Маска – лишь внешний атрибут, неспособный изменить сущности того, кто ее надевает. Этот смысл задан парадоксальным переключением значения слова *вой* в текстовой проекции: устрашающий мышиный «вой» – ироническая гиперболизация необоснованных ожиданий (ориентированная на осознание этого парадокса читателем-ребенком).

3. **Стратегия ролевого «бумеранга», изменяющая ожидаемый исход ситуации на прямо противоположный.** Данная стратегия реализована в рассказе А. Гиваргизова «Перелом», сюжет которого обыгрывает ситуацию визита ребенка к зубному врачу.

Начало рассказа отсылает к пресуппозиции: «дети боятся лечить зубы»:

Пришел Коля к зубному врачу. Боится.

— Не бойся, — успокаивает врач. — Я тебе сначала все расскажу.

Леонид Константинович перед лечением всегда своих больных успокаивал. Он считал, что пациент боится не боли, а неизвестности. Поэтому перед лечением Леонид Константинович **рассказывал пациентам о предстоящем лечении**.

Сначала будем замораживать уколом, потом высверливать бормашиной, выковыривать нерв проволочкой, пломбировать цементом... А если на следующий день зуб еще сильнее заболит, то будем корчевать, то есть вырывать. Клещами. **Теперь ты все знаешь и ничего не боишься** (с. 24).

В этом фрагменте обыгрывается парадоксальная тактика «успокаивания» пациента перечислением тех процедур, которые как раз и являются главной причиной боязни зубных врачей. Причем доктор подробно описывает и самый «страшный финал» такого лечения – вырывание зуба.

Леонид Константинович надел маску и взял шприц. И правда, **после рассказа о предстоящем лечении Коля уже ничего не боялся**. Он почувствовал себя полицейским из Нью-Касла, штат Пенсильвания. Потому что наступил решающий момент (с. 24).

Взгляд на происходящее подан в двух абсолютно противоположных проекциях восприятия: то, что для врача представляется обычной практикой лечения, мальчиком воспринимается как ужасная пытка. Комическое разрешение этого противоречия – своего рода «ролевой бумеранг», когда пациент с позиции безропотной «жертвы» переходит на позицию обороны, предъявляя врачу собственный «рецепт» избавления от страха (беря на себя роль того, кто диктует условия поведения в данной ситуации):

Коля ловким движением выхватил из рук Леонида Константиновича шприц, положил его в карман и со словами «Эту игрушку я оставил пока у себя» медленно вышел из кабинета (с. 24).

Комический эффект усиливается аллюзией на поведение «крутых» полицейских как персонажей приключенческих вестернов.

4. **Стратегия игрового перевертыша как способ создания фантастической реальности.** Примером данной стратегии может служить повесть Станислава Востокова «Эволюция 3-го “Б”, или Беспозвоночные от звонка до звонка». Здесь развивается фантастический сюжет, в котором ярко проявлен мотив *оборотничества*⁴, служащий средством гротескной «мимикрии» человека и представителей фауны (насекомых, животных, птиц) в обрисовке характеров, внешности, особенностей поведения, качеств персонажей.

Ср.: Жил дядя Вася. И у него была **одна нога**. Зато рук было **шесть**, и он на них здорово умел ходить.

В этой характеристике заключен игровой нонсенс: имя и гендерная принадлежность (дядя Вася) отсылают к пресуппозиции – это человек, у него *руки*, а не лапы, как у животных, но количество рук – *шесть*, да еще и тот факт, что персонаж умеет на них ходить, переключают его идентификацию в категорию *животное* или *насекомое*:

Однажды дядя Вася пошел записываться в бассейн. Но его не пустил охранник. – У нас только для людей, – сказал он. – А осьминогам другое место...– Но у меня же не восемь ног! – обиделся дядя Вася. – У меня вообще только одна. – А это что? – охранник показал на многочисленные дяди Васины руки. – Руки. – Паукам тоже нельзя, – ответил охранник.

Далее развивается сюжетная линия, как дядя Вася добывает справку о том, что он человек. Из полиции его посыпают в Институт проблем эволюции..., где специалист Кошкин предлагает ему выдать справку о том, что он *муравей*. Но этой идентификации мешает тот факт, что у дяди Васи лишь *одна нога*. И тогда Кошкин выдал дяде Васе справку о том, что он *является дядей Васей, представителем нового вида, и название придумал «Авункулус базилиус вульгарис»*. Это по латыни значит «*Дядя Вася Обыкновенный*». Дядя Вася пошел в бассейн, и охранник его пустил. Конечно, в справке не было написано, что дядя Вася человек. Зато она давала понять, что он не осьминог и не муравей. А остальное мелочи (с. 33–35).

Эффект игрового перевертыша занимательным для читателя образом фиксирует повороты сюжета, связанные с антропоморфными и зооморфными аналогиями в идентификации характеризуемых персонажей данной повести (сотрудников, работающих в Институте экологии и эволюции имени Северцева). В описании поведения и внешнего облика этих исследователей явно проступают некие черты изучаемых ими насекомых, пресмыкающихся и других представителей фауны. Например: *Директор института много работал. А когда уставал, то снимал пиджак, расправлял длинные жесткие надкрылья и начинал водить по ним ногой, как это делают кузнечики*. Тогда Институт наполняли прекрасные звуки, а под окнами директора останавливались дети со станции юных натуралистов. Они пытались определить, что за *насекомое поет*. Одни юннаты считали, что *сверчок, другие – что саранча обыкновенная*» (с. 37). Замдиректора хвастается перед хозяином своим умением *громко и красиво квакать*. При этом у него шаром раздувалось горло, как у лягушки или жабы. За это свое умение он попадает в институтский ансамбль на роль *пер-*

вой скрипки. <...> Кроме замдиректора, в этом ансамбле играли: *ученый с хоботом* (труба), *ученый с хвостом гремучей змеи* (перкуссия) и *ученый с кулаками и грудью, как у гориллы* (литавры) (с. 39).

В таком же сюжетном ракурсе соединения в персонаже человеческих и «нечеловеческих» способностей характеризуются типажи юннатов, школьников 3-го «Б» класса. Свойства животных и насекомых, присущие этим героям, подчеркиваются их фамилиями: *Бабочкина* – имела тонкий голос и могла не только *издавать ультразвук, но и слышать его*, этот талант она использует для того, чтобы подсказывать одноклассникам правильные ответы. *А сосед Бабочкиной по парте, Медведев, научился использовать инфразвук, <...> на котором говорят слоны и киты* (с. 51). В этом же ключе обыгрывается и тема **оборотничества**: Третьяклассник Медведев был *оборотнем*. Правда, он превращался не в волка, а в утку. И если оборотни принимают вид волков при виде полной Луны, Медведев *становился уткой* при виде двойки. Поэтому, когда домой вместо мальчика приходила утка, его бабушка точно знала, что именно внук получил в школе (с. 51).

Интересен в плане техники «игрового перевертыша» эпизод оценки учителем стихотворения, написанного этим учеником, когда за грамотность тот получает «два» и превращается в утку, а за *полезный совет мыть руки*, содержащийся в тексте, получает «пять» и снова превращается в человека. Общий итог оценки стихотворения – *тройка с плюсом* – превращает героя **«в очень странное существо – наполовину утку, наполовину человека»** (с. 52). Концовка данного фантастического рассказа неожиданна. В ней представлен типаж бабушки Медведева, которая была *самым обычным человеком*. У нее была *одна голова, две руки, две ноги и никаких больших способностей*. Рядом с *внуком-оборотнем и шестируким мужем дядей Васей* она *выглядела довольно странно*. Дядя Вася определяет ее как *«Гомо сапиенс вульгарис – человек разумный обычный*. При этом именно бабушка *была самым знаменитым человеком в мире, не проходило дня, чтобы её не показали по телевизору или не взяли у нее интервью*. Причем все статьи и репортажи начинались одинаково: *«В Москве, на улице Семенова-Тян-Шанского живет самый обычный, ничем не примечательный человек...»* (с. 52).

Таким неожиданным поворотом сюжета объединяются фантазийный и реальный планы читательского восприятия описываемых событий и персонажей. Безусловно, это текст двойной адресации: трансформации, происходящие с героями,

не только приемлемая, но и вполне отвечающая ментальности ребенка зона воображения, пространство его внутренней свободы, где опрокидываются все представления о возможном и невозможном, допустимом и недопустимом с позиций ортодоксальной логики⁵.

Для взрослых читателей данный рассказ может иметь философский смысл, выступая, в частности, как некая аллегория нереализованных возможностей человека в свете его сущностных потребностей, талантов, устремлений.

Самостоятельную роль в этом рассказе получает Приложение «Литературный архив 3-го «Б», где представлена имитативно-шутливая стилизация практик детского сочинительства⁶, стихи о членистоногих, написанные по заданию И. И. Дарвинова, учителя биологии с говорящей прецедентной фамилией⁷. В сочинениях третьеклассников *принцип игрового перевертыша* при описании «членистоногих» представлен разными приемами: это, в частности, намеренное столкновение омоформ: *Пчелам дорог мед, /А врага не жаль / – все идут на взлет по команде «Жаль!»* (с. 53); парономастические сближения: *У червяка нет ног, увы! Нет рук и даже головы. О! Как ужасно он живёт! Червяк один сплошной живот!* (с. 62); ситуативное наложение и переключение смыслов многозначного слова: *К вам комары не лезут целоваться, они вам просто песенки поют. Но лучше не устраивать оваций, пугает их, когда в ладоши бьют* (с. 63).

Литературные «опыты» на заданную тему характеризуются и игрой с **прецедентными текстами**, высвечивая тонкие грани между поведением животных, насекомых, рыб и человека. Таково, например, стихотворение «Кузнецик», ассоциативно соотносительное с образом описанного выше директора Исследовательского института:

Кузнечику не нужно скрипки, / Ведь он играет на ноге. / Поверх надкрыльев очень гибких, / Игра ведется налегке! / И все вокруг молчат, как рыбы / У рыбака в его ведре! / А Вы ноктюрн сыграть смогли бы / На пятке или на бедре? (с. 54).

Явная аллюзия на стихотворение В. Маяковского «А вы могли бы?» коррелирует с общей направленностью (сюжетным развертыванием) рассмотренного текста, в котором идея самореализации персонажей через преодоление барьера «невозможности» является главенствующей.

Заключение

Современная детская художественная литература, имеющая ярко выраженный игровой характер, представляет собой специфический феномен в аспекте реализуемых стратегий коммуникации писателя с адресатом.

Принцип «игрового перевертыша» активно используется в произведениях современных детских писателей, выступая сюжетообразующим началом организации текста, в котором задан неожиданный ракурс видения ситуации, событий, внешности, поведения описываемых персонажей.

Выделенные стратегии сюжетостроения по принципу «игрового перевертыша» отражают типологические черты народной смеховой культуры и природу игры, создающей провокативную оптику соотношения между реальным и условным планами изображаемого: 1) ложная идентификация персонажа; 2) намеренно парадоксальная дискредитация ролевой маски персонажа; 3) стратегия ролевого «бумеранга», изменяющая ожидаемый исход ситуации на прямо противоположный; 4) стратегия «игрового перевертыша» как способ создания фантастической реальности.

Произведения современных детских писателей выступают своего рода экспериментальным полем апробации принципа «игрового перевертыша» в соответствии с актуальными (органичными для ментальности ребенка) векторами восприятия нонсенса. Такого рода тексты коррелируют с укорененными в традиционной смеховой культуре, в том числе в детском игровом фольклоре, практиками «загадок-обманок», «небылиц», «нелепиц», «страшилок» и т. п., создающими эффект комического абсурда.

Неотъемлемым аспектом реализации выделенных стратегий «игрового перевертыша» выступает языковая игра, вписывающаяся в сюжетообразующую канву и жанровую специфику текста (см. подробнее: [Гридина 2020: 73–85]).

Перспективой исследования является экспериментальная верификация восприятия игровых текстов детской художественной литературы адресатом – как детьми разных возрастных групп, так и взрослыми читателями в плане глубины считывания авторского замысла и техники его воплощения.

Примечания

¹См. определение языковой игры как особой формы лингвокреативного мышления, а также выделение конструктивных принципов создания игровой трансформы (игремы): ассоциативное наложение, ассоциативная интеграция, ассоциативное отождествление, ассоциативная выводимость, ассоциативная провокация, игровая имитация (стилизация, пародирование) – в работе: Гридина Т. А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явление языковой игры): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996.

²Далее все цитаты из анализируемых художественных текстов приводятся по данному изданию, в круглых скобках указаны номера страниц.

³Сказанное подтверждают результаты проведенного нами пилотного эксперимента с детьми и взрослыми, которым предлагалось ответить на вопрос, о ком или о чем может быть текст с таким названием. Ср.: *это рассказ о храбром зайце* (7 л.); *про зайца, который никого не боялся* (11 л.); *о волке, который прикидывался зайцем* (14 л.), *может, это о том, кто всегда платит за проезд* (студент-филолог) и т. п.

⁴См. сущностное определение данного феномена: «Оборотничество – в суеверных представлениях и фольклоре колдовское превращение, при котором персонажи нечистой силы меняли свой внешний вид (ипостась), принимая облик другого человека, животного, предмета, растения и т. п. От иных видов метаморфоз оборотничество отличается тем, что оборотень может вернуть себе при определенных условиях прежний (изначальный) облик, т. е. обратиться туда и обратно» (Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 томах / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М.: Междунар. отношения, 2004. С. 466).

⁵См. размышления Федора Витберга о значении фантазии в мировосприятии ребенка: «Через посредство создаваемых образов ребенок знакомится с окружающей его действительностью; на этих же образах воспитываются его ум и чувство, следовательно, они представляют единственную, доступную и понятную для ребенка форму знания [Витберг 2021: 63].

⁶См. опыт описания детского литературного творчества в структуре художественного текста [Асонова 2023: 255–268], а также анализ создания «литературных произведений» современными школьниками [Барковская 2023: 137–151].

⁷Об ономастическом ресурсе языковой игры в детской художественной литературе см. подробнее: [Ваганова, Гридина 2025: 2496–2504].

Список литературы

Асонова Е. А. Детское литературное творчество в современной прозе для подростков // Детские чтения. 2023. Т. 23, № 1. С. 255–268. doi 10.31860/ 2304-5817-2023-1-23-255-268

Барковская Н. В. Журнал «Крапива»: независимое творческое сообщество начинающих авторов // Детские чтения. 2023. Т. 23, № 1. С. 137–151. doi 10.31860/2304-5817-2023-1-23-137-151

Ваганова И. Ю., Гридина Т. А. Моделирование сказочного ментального пространства в современной детской литературе: ономастический регистр языковой игры // Филологические науки.

Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18, № 6. С. 2496–2504. doi 10.30853/phil20250350

Витберг Ф. Несколько слов о значении фантастического элемента в жизни детей // Детские чтения. 2021. Т. 19, № 1. С. 44–64.

Гридина Т. А. Аксиологические регистры языковой игры в детской художественной литературе // Филологический класс. 2025. Т. 30, № 2. С. 57–66. doi 10.26170/2071-2405-2025-30-2-57-66

Гридина Т. А. Речежанровый потенциал языковой игры в художественной литературе для детей // Филологический класс. 2020. Т. 25, № 1. С. 73–85. doi 10.26170/FK20-01-07

Гридина Т. А. Метаязыковая рефлексия ребенка над игровым текстом: экспериментальные данные // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2024. № 22. С. 15–34.

Детская: альманах / ред.-сост. Н. Колтышева. Екатеринбург: Журнал «Урал»; Изд. дом «Автограф», 2018. 304 с.

Детское чтение: проблемы рецепции и интерпретации: кол. монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. 224 с.

Дземидок Б. О комическом. М.: Прогресс, 1974. 324 с.

Коновалова Н. И. «Условная реальность» смехового текста традиционной народной культуры // Лингвистика креатива-4: кол. монография / под ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2018. С. 158–173.

Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Эксмо, 2023. 448 с.

Люксембург А. М. Игровая поэтика: введение в теорию и историю // Игровая поэтика: сб. науч. тр. ростовской школы игровой поэтики. Вып. 1. Ростов н/Д: Литфонд, 2006. С. 5–25.

Рахимкулова Г. Ф. Олакрез Нарцисса: Проза Владимира Набокова в зеркале языковой игры. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2003. 320 с.

Рюмина М. Т. Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность. М.: Едиториал УРСС, 2003. 320 с.

Cherniak M. Children and Childhood as a Sociocultural Phenomenon: Reflections on Reading the Latest Twenty-First Century Prose // Russian Studies in Literature. 2016. Vol. 52. Issue. 2. P. 114–129. doi 10.1080/10611975.2016.1243369

References

Asonova E. A. Detskoe literaturnoe tvorchestvo v sovremennoy proze dlya podrostkov [Representation of children's literary work in novels for teenagers]. *Detskie chteniya* [Children's Readings], 2023, vol. 23, issue 1, pp. 255–268. doi 10.31860/ 2304 -5817-2023-1-23-255-268. (In Russ.)

Barkovskaya N. V. Zhurnal Krapiva: nezavisimoe tvorcheskoe soobshchestvo nachinayushchikh

avtorov [‘Krapiva’ (Nettle) journal: an independent creative community of novice authors]. *Detskie chteniya* [Children's Readings], 2023, vol. 23, issue 1, pp. 137-151. doi 10.31860/2304-5817-2023-1-23-137-151. (In Russ.)

Vaganova I. Yu., Gridina T. A. Modelirovaniye skazochnogo mental'nogo prostranstva v sovremennoy detskoy literature: onomasticheskiy registr yazykovoy igry [Modeling a fairy-tale mental space in modern children's literature: onomastic register of language play]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2025, vol. 18, issue 6, pp. 2496-2504. doi 10.30853/phil20250350. (In Russ.)

Vitberg F. Neskol'ko slov o znachenii fantasticheskogo elementa v zhizni detey [A few words about the meaning of the fantastic element in the lives of children]. *Detskie chteniya* [Children's Readings], 2021, vol. 19, issue 1, pp. 44-64. (In Russ.)

Gridina T. A. Aksiologicheskie registry yazykovoy igry v detskoj khudozhestvennoj literature [Axiological registers of language game in children's fiction]. *Filologicheskiy klass* [Philological Class], 2025, vol. 30, issue 2, pp. 57-66. doi 10.26170/2071-2405-2025-30-2-57-66. (In Russ.)

Gridina T. A. Rechezhanrovyy potentsial yazykovoy igry v khudozhestvennoy literature dlya detey [Speech genre potential of language play in children's fiction]. *Filologicheskiy klass* [Philological Class], 2020, vol. 25, issue 1, pp. 73-85. doi 10.26170/FK20-01-07. (In Russ.)

Gridina T. A. Metayazykovaya refleksiya rebenka nad igrovym tekstom: eksperimentalnye dannye [Metalinguistic reflection of a child on a play-based text: experimental data]. *Psikholingvisticheskie aspekyt izucheniya rechevoy deyatel'nosti* [Psycholinguistic Aspects of the Study of Speech Activity]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Press, 2024, issue 22, pp. 15-34. (In Russ.)

Detskaya: Al'manakh [Children's Room: Almanac]. Ed. by N. Koltysheva. Yekaterinburg, Zhurnal ‘Ural’, ‘Avtograf’ Publishing House, 2018. 304 p. (In Russ.)

Detskoe chtenie: problemy retseptsii i interpretatsii [Children's Reading: Issues of Reception and Interpretation]: a multi-authored monograph. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Press, 2020. 224 p. (In Russ.)

Dzemidok B. *O komicheskom* [The Comical]. Moscow, Progress Publ., 1974. 324 p. (In Russ.)

Konovalova N. I. *Uslovnaya real'nost'* smekhovogo teksta traditsionnoy narodnoy kul'tury [Conditional reality of the comic text of traditional folk culture]. *Lingvistika kreativa – 4* [Linguistics of Creativity – 4]: a multi-authored monograph. Ed. by T. A. Gridina. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Press, 2018, pp. 158-173. (In Russ.)

Lotman Yu. M. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The Structure of the Artistic Text]. Moscow, Eksmo Publ., 2023. 448 p. (In Russ.)

Lyuksemburg A. M. *Igrovaya poetika: vvedenie v teoriyu i istoriyu* [Play-based poetics: An introduction to theory and history]. *Igrovaya poetika* [Play-based Poetics]: a collection of scientific works by the Rostov school of poetics. Rostov-on-Don, Litfond Publ., 2006, issue 1, pp. 5-25. (In Russ.)

Rakhimkulova G. F. *Olakrez Nartsissa: Proza Vladimira Nabokova v zerkale yazykovoy igry* [Olakrez Narcissa: Vladimir Nabokov's Prose in the Mirror of the Language Game]. Rostov-on-Don, Rostov State University Press, 2003. 320 p. (In Russ.)

Ryumina M. T. *Estetika smekha. Smekh kak virtual'naya real'nost'* [The Aesthetics of Laughter. Laughter as Virtual Reality]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. 320 p. (In Russ.)

Cherniak M. Children and childhood as a sociocultural phenomenon: Reflections on reading the latest twenty-first century prose. *Russian Studies in Literature*, 2016, vol. 52, issue 2, pp. 114-129. doi 10.1080/10611975.2016.1243369. (In Eng.)

The Principle of ‘Comic-Effect Provocation’ in Children's Fiction

Tatiana A. Gridina

Professor in the Department of General Linguistics and Russian Language
Ural State Pedagogical University
26, prospekt Kosmonavtov, Yekaterinburg, 620091, Russia. tatyana_gridina@mail.ru

Nadezhda I. Konovalova

Professor in the Department of General Linguistics and Russian Language
Ural State Pedagogical University
26, prospekt Kosmonavtov, Yekaterinburg, 620091, Russia. sakralist@mail.ru

Professor in the Department of Russian Language for Foreign Students
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
19, Mira st., Yekaterinburg, 620062, Russia

Submitted 13 Aug 2025

Revised 04 Oct 2025

Accepted 10 Oct 2025

For citation

Gridina T. A., Konovalova N. I. Printsip «igrovogo perevertysha» v detskoj khudozhestvennoj literature [The Principle of ‘Comic-Effect Provocation’ in Children’s Fiction]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 4, pp. 110–118.
doi 10.17072/2073-6681-2025-4-110-118. EDN NWBFKP (In Russ.)

Abstract. The article deals with fiction texts intended for children that are based on the principle of ‘comic-effect provocation’. This principle creates the effect of disappointed expectation due to the paradoxical development of the plot relative to a given presupposition. Comic-effect provocation is widely used in works of modern children's writers, which dictates the need to analyze the specific features of such play-based texts from the point of view of their formal and semantic organization. Encouraging the reader to decode the constructed plot ‘trap’, such texts, as a rule, have the property of double addressing, which correlates with the problem of the reception and interpretation of such texts when perceived by children and by adults. The study aims to analyze the plot-forming strategies used in modern children's fiction that exploit the principle of ‘comic-effect provocation’ as a phenomenon of the culture of laughter. Research methods: descriptive-structural and descriptive-functional analysis aimed at the identification of semantic fragments that consistently implement a provocative plot-forming strategy in conjunction with text markers of ‘switching meaning’. The paper presents a typology of plot-forming strategies that create the effect of ‘deceived expectations’ in the works of modern children's writers: false identification of the character; strategy of discrediting the role mask; strategy of role ‘boomerang’; strategy of creating a fantasy reality. The identified strategies were considered in relation to the techniques of language play involved in the plot. The material for the study included poems of Mikhail Yasnov, stories by Artur Givargizov and Stanislav Vostokov all taken from a family reading almanac.

Key words: play-based text; Russian children's fiction; plot-building strategies; language play.

Литература и политика: за и против (рефлексия над книгой О. Ю. Пановой о советско- афроамериканских литературных взаимосвязях)

Доценко Елена Георгиевна

д. филол. н., профессор кафедры литературы и методики ее преподавания

Уральский государственный педагогический университет

620091, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26. eldot@mail.ru

SPIN-код: 9458-3020

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7167-3865>

Статья поступила в редакцию 23.09.2025

Одобрена после рецензирования 06.10.2025

Принята к публикации 23.10.2025

Информация для цитирования

Доценко Е. Г. Литература и политика: за и против (рефлексия над книгой О. Ю. Пановой о советско-афроамериканских литературных взаимосвязях) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 4. С. 119–126. doi 10.17072/2073-6681-2025-4-119-126. EDN PIQBJO

Аннотация. Обращаясь к афроамериканской литературе, отечественный читатель или исследователь имеет хорошую возможность всегда получить поддержку из наиболее авторитетного современного источника – работ профессора МГУ О. Ю. Пановой. Вышедшая в 2024 г. книга известного американиста отличается спецификой избранного аспекта: «Афроамериканские писатели и СССР. Литература и политика». Речь идет о писателях, журналистах или энтузиастах коммунистического движения, специалистах других профессий, приезжавших в Советский Союз на протяжении нескольких десятилетий и оставивших мемуары, травелоги, статьи, письма о своей поездке. О. Ю. Панова вводит в оборот нашей науки множество имен неизвестных, малоизвестных или забытых авторов, но в поле зрения попадают и писатели, достаточно хорошо известные в нашей стране, чьи произведения были переведены на русский язык или переводятся сейчас. Для изучения советско-афроамериканских культурных контактов наиболее значимыми фигурами оказываются Клод Маккей, Уильям Дюбуа, Ричард Райт, Ральф Эллисон. Отдельная глава книги посвящена интересным фактам чествования А. С. Пушкина в 100-летнюю годовщину смерти в 1937 г. в США. Вместе с тем монография О. Ю. Пановой ставит читателя перед вопросом о том, насколько неизбежным и продуктивным оказывается сочетание литературы и политики. Приезд афроамериканских авторов в Советский Союз часто был обусловлен обстоятельствами внелитературного порядка: например, по приглашению советской стороны на Конгресс Коминтерна приезжали К. Маккей и У. Дюбуа. Наиболее значительные произведения афроамериканских писателей при этом в ряде случаев были связаны не с энтузиазмом «Красных тридцатых» и не с увлечением советским экспериментом, а, скорее, отходом от активной политической позиции. Менее известные мемуарные тексты, включенные в указанное издание в качестве приложения, преимущественно в переводе автора монографии, заслуженно получают внимание. Новая книга о советско-афроамериканских литературных контактах освещает целый корпус проблем, актуальных и важных для нескольких гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: афроамериканская литература XX в.; советско-американские литературные контакты; советская идеология и литература; О. Ю. Панова; Клод Маккей; Уильям Дюбуа; Ричард Райт; Ральф Эллисон; травелог; мемуары; рефлексия.

В новой книге Ольги Юрьевны Пановой, крупнейшего отечественного специалиста по афроамериканской литературе, представлена российская рецепция литературного творчества писателей «черной Америки» на протяжении нескольких десятилетий советской истории. Название «Писатели и СССР» изначально делает акцент на политической стороне или, во всяком случае, политическом контексте проблемы, в отличие, например, от привычного уровня «русско-американских литературных взаимосвязей». Однако выход за пределы собственно литературного взаимодействия обусловлен не только идеологическими установками советской культурной политики, проявляющей интерес к отражению расовых проблем в литературе как вариации классовых. Литература темнокожих писателей США, хотя «История негритянской словесности США с первых известных памятников (1740–1760-е гг.) насчитывает более двух с половиной столетий» [Панова 2014: 6], – достаточно молодой феномен в рамках в принципе относительно молодой (по сравнению с европейскими аналогами) американской литературы. XX век в этом смысле для афроамериканской литературы еще остается временем самопознания и осмысливания, не приходится удивляться, что культура молодого советского государства видит в афроамериканской литературе своего рода союзника или ровесника. Тем более что и целый ряд американских писателей, с которыми нас знакомит книга О. Ю. Пановой, на определенном этапе своей биографии проявляют интерес к СССР и способам решения расовой проблемы и лишь позднее разочаровываются в советском эксперименте.

Монография профессора О. Ю. Пановой – труд грандиозный в самых разных смыслах, сложно даже оценить «количественно» выполненный в ходе исследования объем проделанной работы: сбор и классификация материалов «фондов отечественных архивов (РГАЛИ, РГСАСПИ, ГА РФ, ЦГАКФД СПб) и некоторых писательских архивных коллекций, находящихся в США» [Панова 2024: 14]¹. Впечатляет разнообразие и масштаб информации, впервые представленной отечественному читателю и далеко выходящей за рамки литературных (как и политических) контактов.

В монографии 7 глав, демонстрирующих, в соответствии с замыслом книги, динамику советско-афроамериканских литературных контактов: от суровых и еще дышащих энтузиазмом революции 1920-х гг. до противостояния времен холодной войны – через «красные тридцатые» и Вторую мировую. Но и авторский замысел, и структура книги гораздо сложнее. Помимо «основной» аналитической части – разделенного на

главы обзора, посвященного определенным событиям («пушкинский юбилей 1937 г.») или связям с Россией конкретных американских авторов: Уильяма Дюбуа, Дороти Уэст, Ричарда Райта, Ральфа Эллисона, – в работе присутствуют обширные Приложения к главам 2–6. Приложение по объему может превышать главу и включать в себя архивные материалы, комментарии, отчеты, художественные произведения – в зависимости от индивидуальной истории советских контактов каждого автора. А материалы Приложений, в свою очередь, требуют справочного аппарата; получается весьма и весьма многоуровневый текст, очень современный и однозначно нелинейный.

Проиллюстрировать сложную композицию монографии можно на примере обращения к Клоду Маккею (Claude McKay, 1889–1948), «пионеру» советско-афроамериканских литературных связей. Непосредственно «экзотическому гостю» советской страны Клоду Маккею посвящена вторая глава книги и, соответственно, приложение к ней. Однако имя Маккея появляется еще в первой главе ««Литература американских негров» в освещении довоенной советской критики», поскольку именно этот автор одним из первых был выдвинут «на роль корифея негритянской литературы в довоенном СССР»: «требовался хотя бы один негритянский писатель, <...> творчество которого служило бы доказательством роста сознательности и идеологической зрелости американских негров» (с. 24). Клод Маккей не только в определенный момент отвечал ожиданиям отечественной критики о «друге Советского Союза», но и предоставляет своей биографией и творчеством благодатный материал для рассмотрения в рецензируемой книге: как писатель и поэт Маккей откликался на проблемы расовой дискrimинации в США, как «неортодоксальный сочувствующий» (с. 391) сотрудничал с прокоммунистическими организациями и как гость СССР провел в Москве и Петрограде более полугода в 1922–1923 гг., написав затем мемуары о своем путешествии. Поездка Маккея в СССР стала содержанием главы «Экзотический гость: Клод Маккей в Советском Союзе».

Приезд Маккея на Четвертый Конгресс Коминтерна в ноябре 1922 г. сопровождался множеством увлекательных приключений, даже если самому американскому автору изначально эти приключения казались проблемами или препятствиями. На конгресс К. Маккей отправился самостоятельно, а не в составе делегации компартии США. Ему пришлось прокладывать себе маршрут в советскую страну через несколько границ и преодолевать не только сложности финансового или организационного характера, но и сопротивление формирующейся бюрократии

внутри, казалось бы, революционного и призывающего к всемирному братству угнетенных движения партий левого толка – в США, Англии, Германии («зная, какие последствия грозят в революционной среде несогласным», с. 393). Обстановка на Конгрессе Коминтерна тоже выявляла парадоксы внутреннего характера – в компартии США, которые К. Маккей, не будучи членом партии, наблюдает во многом со стороны: «Тогда я еще не знал, насколько серьезны разногласия среди американских коммунистов» (с. 389). После завершения конгресса писатель задержался в СССР на несколько месяцев, неоднократно приезжал из Москвы в Петроград, встречался с лидерами советского государства, с рабочими и военными в ходе крупных мероприятий, с писателями и поэтами, активно приглашавшими заморского гостя к себе домой для дружеского общения, сам определял тот энтузиазм, с которым его принимали советские люди, как безусловный успех. Опыт пребывания К. Маккея в Советской России, вступающей в период НЭПа, оказывается поистине бесценным, и читать о нем по настоящему интересно. О. Ю. Панова сопровождает рассказ о путешествии «экзотического гостя» не только пояснениями биографического характера, затрагивающими жизнь, творчество, американское окружение писателя, но и погружением в детали нашей истории, актуализацией имен и контактов. Мы узнаем, например, что «в 1920 г. Джон Рид рекомендовал Ленину пригласить чернокожего поэта Клода Маккея на Третий Конгресс Коминтерна (22 июня – 12 июля 1921 г.) в качестве делегата, способного достойно выступить по негритянскому вопросу. Однако в октябре 1920 г. Джон Рид умер, и поездка Маккея не состоялась. Тем не менее Маккей не оставил мечту своими глазами увидеть русский социальный эксперимент» (с. 76).

И сам «эксперимент», и перипетии судьбы путешествующего писателя в книге профессора О. Ю. Пановой преподносятся максимально объективно – без нарочитой оценочности, при посредстве документов и комментариев, которые, правда, позволяют читателям при желании оценку сформировать самостоятельно. По отношению, скажем, к эпизодам, когда иностранного автора в стране Советов неоднократно и буквально носят на руках и рабочие на заводах, и даже случайно встретившие его на улице незнакомые люди: в еще не оправившейся от голода и ужасов Гражданской войны стране ее жителям кажется, что где-то в далекой Америке есть представители чернокожего меньшинства, страдающие гораздо больше, чем граждане России, и заслуживающие таким образом их безусловной революционной поддержки.

Всесторонний контекст, который выстраивает книга «Афроамериканские писатели и СССР», затрагивает не только взаимоотношения нашей страны и Соединенных Штатов Америки. В поле внимания оказываются, например, не самые известные эпизоды Первой мировой войны, характеристика которых дает возможность лучше понять, почему Маккей в ходе встреч с рядом советских лидеров болезненно реагирует на вопросы о роли колониальных войск в ходе военных действий: «Немецкая пресса создавала негативный образ французских колониальных войск, которые представляли дикарями, каннибалами... В Германии нагнеталась паника – этот феномен получил название “позор черных”» (с. 81).

Клод Маккей как публицист оставил две очень разных по жанру и интонации мемуарные работы по следам своей поездки: статья «Советская Россия и негр» (1923–1924 г.) и раздел книги воспоминаний под общим названием «Далеко от дома» (1937 г.). В монографии О. Ю. Пановой читателю предлагается не только литературоведческий анализ этих произведений: «В мемуарах, писавшихся в тот период, когда Маккей уже отходит от увлечения коммунизмом... появляется содержательное, живое и увлекательное повествование, несомненные литературные достоинства которого позволяют определить его как художественно-документальное» (с. 74), – но и сами творения К. Маккея в очень качественном русскоязычном переводе. Первую из работ, как и большинство англоязычных материалов в книге, на русский перевела О. Ю. Панова (с. 371), вторая представлена в переводе с английского Т. А. Пирусской (с. 441).

Приложение ко второй главе включает оба «травелога» американского писателя и дает нам и представление о его меняющихся с годами взглядах, и – главное – возможность услышать фактически из первых уст мнение человека, которому довелось за короткий срок (даже если его визит в СССР оказался продолжительнее запланированного) повстречаться с такими примечательными личностями, как Л. Троцкий, К. Радек, Л. Каменев, К. Чуковский, В. Мейерхольд, В. Маяковский. Оценка лидеров раннесоветского этапа нашего государства и крупнейших деятелей отечественной культуры (еще не знавших, конечно, какая трагическая судьба ожидает почти каждого из них) у «экзотического гостя» получилась очень личной и очень разной, кому-то Маккей симпатизирует, кого-то оценивает не очень высоко, но тем интереснее знакомиться с его точкой зрения. «Троцкий задал мне несколько прямых и проницательных вопросов об американских неграх, их организации, политической позиции, образовании, религии... Затем Троцкий

высказал свое мнение о неграх и говорил гораздо умнее остальных крупных российских деятелей» (с. 429). «Маяковский сказал мне, что у него есть большой план – поехать в Америку. Я ответил, что он наверняка будет пользоваться там невероятным успехом, декламируя стихи своим зычным голосом в русском костюме» (с. 411–412). Можно сказать, что путешествие К. Маккея по СССР вкупе с его мемуарами выстраивает прекрасный пример взаимодействия «литературы и политики».

Еще более показательная в этом плане фигура – Уильям Дюбуа (W. E. B. Du Bois, 1868–1963), «крупный ученый, писатель, общественный деятель» (с. 16). В своей докторской диссертации О. Ю. Панова называет Уильяма Дюбуа «крестным отцом» негритянского ренессанса [Панова 2014: 585–603]. В рецензируемой научной монографии третья глава «Пять путешествий Уильяма Дюбуа в СССР» посвящена интересу доктора Дюбуа к социалистическому эксперименту. Ольга Юрьевна называет путь афроамериканского политика эталонным для советских функционеров и литературных критиков (с. 131, 180). В отличие от целого ряда других сочувствующих Советскому Союзу американцев, для которых «красные» настроения были скорее эпизодом в их биографии и со временем сменились резко антикоммунистическими и/или антисталинскими взглядами, У. Дюбуа на протяжении своей долгой жизни не разочаровался в коммунизме и большевизме, хотя и отмечал недостатки советской действительности – различные во время его состоявшихся в разные десятилетия XX в. поездок. Всесторонний анализ деятельности Дюбуа и его «промарксистских» убеждений безусловно важен – не только в связи с тем, что речь идет об «одном из основателей Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения» США (с. 131), но и в связи с созданной «еще в 1903 году... формообразующей для будущей афроамериканской традиции книгой “Души черных людей”. Раздвоенность американца-через-дефис, созидающего свою изначальную второсортность, выключенность из нормативной культуры... <еще долго будет находить> отражение в литературном творчестве» многих авторов [Тлостанова 2003: 242]. «Душа черного народа» неоднократно переводилась на русский и была напечатана в нашей стране [Дюбуа 1956; 2022].

В поездках Дюбуа по стране многое кажется уже знакомым: по меньшей мере со второй поездки, срабатывал закрепившийся «протокол» приема высоких иностранных гостей в СССР. Однако в случае с доктором Дюбуа в ситуацию вносит разнообразие тот факт, что у активиста движения за мир в каждом путешествии были не только различные организации в качестве при-

глашающей стороны, но и свои личные интересы для очередного посещения советской страны: в 1936 г. «главной его задачей было изучить положение расовых и национальных меньшинств и пути решения этих проблем в Советском Союзе, что полностью соответствовало его идеи провести сопоставительный анализ социальных теорий и практик в странах с отличной от либеральной рыночной демократии политической системой (Германия, Китай, Япония, СССР)» (с. 149). Такой осознанный подход контрастирует с целями приезда в СССР активистов и особенно «технических специалистов», героев четвертой главы монографии «“Черные среди красных”: экспатрианты, эмигранты и гости СССР 1930-х гг.», нередко оказавшихся и на многие годы задержавшихся в чужой стране почти по воле случая – в результате «пропаганды преимуществ советского строя» (с. 181). Судьбы этих людей сложились совсем не одинаково: от трагической гибели харизматичного и искреннего члена компартии Ловетта Форт-Уайтмена (Lovett Fort-Whiteman, 1889–1939), репрессированного в СССР и скончавшегося в лагерной больнице системы ГУЛага под Магаданом, до «ловкого приспособленчества “трикстера”» (с. 199) Роберта Росса (Robert Ross, 1905–1972), который «сумел провести большую часть своей жизни в СССР, наслаждаясь доступными ему номенклатурными жизненными благами» (с. 195).

Четвертая глава монументального исследования О. Ю. Пановой отличается от других разделов в плане соотношения «литературы и политики», поскольку подготовка в СССР «чернокожих кадров для мирового коммунистического движения» в меньшей степени связана с заглавной дилеммой книги. Литературные опыты (журналистские, в частности) и литературные таланты приезжавших в Советскую страну на учебу или работу по контракту афроамериканцев варьируются, и о публицистической активности Юджина Гордона (Eugene Gordon, 1891–1974), например, автор научной монографии отзыается весьма нелестно: «Будучи сам литератором и критиком <...> не первого и даже не второго ряда, он с размаху пригвоздил к позорному столбу крупнейших авторов Гарлемского ренессанса... составивших цвет и славу афроамериканской литературной традиции» (с. 204). Систематизация подобных ситуаций и типажей, биографий непрофессиональных литераторов, не играющих сколь-либо важной роли в литературном процессе, потребовала, думается, не просто большой, а неимоверно большой, в том числе архивной, работы от автора книги. Для литературоведа, не ориентирующегося в афроамериканской литературе так же свободно, как Ольга Юрьевна, задача

была бы и вовсе неподъемной. Работа создана при поддержке гранта Российского научного фонда «Россия/СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке» и станет – в том числе – полезным справочником, вводящим в оборот множество новых имен, даже не для «широкого» читателя, но для филологов, серьезно интересующихся американской литературой и ее социальным контекстом.

В обзоре «Черные среди красных» по сравнению с другими главами книги, выдержанными в строго объективной манере повествования, несколько меняется и авторское отношение к «персонажам», в большей степени прорываются (или сознательно допускаются) эмоции. Сочувствия заслуживает, например, история Виллианы Джонс-Берроуз (Williana Jones Burroughs, 1882–1945), много сил отдавшей и учительской, и профсоюзной, и редакторской работе, взявшей советское гражданство для себя и сыновей и уже в немолодом возрасте пережившей тяготы эвакуации из Москвы во время Великой Отечественной войны. Совсем другие интонации, вплоть до негодования, сопровождают рассказ об «апологете террора» (с. 206) Юджине Гордоне, который «находясь в СССР в самые страшные годы террора, прилежно изготавливал репортажи о социалистическом строительстве... и брал интервью у прокурора Вышинского – в то самое время, когда в <...> лагере погибал его собрат по расе и товарищ по партии Ловетт Форт-Уайтмен» (с. 208).

Системы наблюдения и подавления работали, правда, по обе стороны железного занавеса, хотя и в совершенно разных масштабах. Например, в книге О. Ю. Пановой упоминаются «преследования, которым подвергся Дюбуа в эпоху маккартизма»: «ФБР уже с начала 1940-х пристально следило за Дюбуа как за симпатизантом коммунизма и собирало на него досье» (с. 154).

Еще один любопытный дискурс появляется при обзоре российско-афроамериканских литературных контактов в связи с чествованием А. С. Пушкина в 100-летнюю годовщину смерти поэта – в главе пятой «“Негритянский” пушкинский юбилей 1937 года в США». Имя Пушкина и интерес к нему афроамериканских литераторов в монографии уже появлялись и еще появятся в главах, предшествующих и последующих по отношению к «юбилейной». Так, с несколькими жившими в Москве 1930–1940-х гг. потомками поэта общался Гомер Смит (Homer Smith, 1909–1974), журналист, воссоздавший «свою русскую одиссею в мемуарной книге “Черный в красной России”» (с. 252). В мемуарах он рассказывает, в частности, о встречах с правнучкой Пушкина Екатериной Александровной и его внуком Гри-

горием Александровичем. «Жизнью и творчеством великого “афро-русского” поэта Смит увлекся всерьез: собирал материалы, много читал о нем... работал с коллекцией Пушкинского Дома» (с. 253). С неподдельным интересом изучал портреты А. С. Пушкина Клод Маккей (с. 276). О значимости для него творчества русских классиков XIX в., начиная с Пушкина, говорил и Ральф Эллисон (Ralph Ellison, 1914–1994) в своем письме Р. Д. Орловой, приведенном в рецензируемом издании (с. 326). Однако пушкинский «проект» 1937 г. – особая страница в истории советско-американских литературных связей.

О. Ю. Панова подробно рассматривает историю создания так называемого Всесоюзного Пушкинского комитета и его деятельность по организации торжеств за рубежом с целью «представить миру “подлинного”, т. е. советского Пушкина» (с. 263). В США в «попечительский совет» вошел целый ряд действительно крупных американских писателей и поэтов. Однако в ряду официальных – и официозных – мероприятий отдельная роль проговаривалась для афроамериканских чествований поэта: «к 1937 г. “негритянский Пушкин” уже существует как факт культуры» (274) и привлекает внимание не только русистов-литературоведов. Как формулирует Э. Лоунсбери, «Пушкин сделал для русских то, что, по мнению многих, должно было быть сделано для афроамериканцев. Это объясняет, почему русский дворянин – возможно, черный, и тем не менее столь далекий от Америки XIX и начала XX в. – стал столь притягательной фигурой для черных американцев» [Лоунсбери 1999]. Пушкинисты отмечают и отношение А. С. Пушкина к слову «раб» в крепостной России, разумеется, вне расового контекста: например, «Пушкин с возмущением вспоминает о том, что Екатерина, уничтожив на словах звание “раб”, щедро дарила своим фаворитам государственные поместья» [Файнберг 1976: 53].

Включив в сферу своего внимания разговор о русской классике, книга О. Ю. Пановой обращается и к признанной классике афроамериканской литературы XX в., шестая и седьмая главы посвящены известным авторам Ричарду Райту (Richard Wright, 1908–1960) и Ральфу Эллисону. Уже названия разделов: «Несостоявшийся визит Ричарда Райта в СССР» и «Из-за занавесы и железного занавеса: о советских контактах Ральфа Эллисона» – показательно переводят разговор в область «несостоявшегося»; Р. Райт хотел приехать в советскую страну, но не случилось, знаменитый роман Р. Эллисона «Невидимка» при жизни автора не был переведен на русский язык. Тема переводов, изданий и переводчиков занимает в главах о Райте и Эллисоне важное место,

и даже создается впечатление, что напечатать свои произведения в серии «Библиотека литературы США» у писателей был один шанс на двоих (с. 335) – Р. Райту и его «Сыну Америки» повезло пока больше [Райт 1981], вернее, повезло русскоязычному читателю, что хотя бы это знакомство уже состоялось.

Вопрос о том, не являются ли в рецензируемой книге «лишними» писатели, у которых не было столь же осозаемых контактов с советской стороной, как у Маккея или Дюбуа, звучал бы некорректно. Здесь можно провести параллель со сходным по масштабу трудом более раннего критика-американиста и воспользоваться приведенным в седьмой главе монографии (с. 323) высказыванием В. Н. Абросимовой о проекте Р. Д. Орловой «Мосты: русско-американские литературные связи»: «Случайных адресатов ни в русской, ни в американской части исследования не было» [Абросимова 2019: 301]. Другое дело, что обращение к крупным афроамериканским писателям в заключительных разделах книги О. Ю. Пановой вновь актуализирует заглавную проблему «литература и политика». С известной долей приблизительности можно сказать: чем крупнее писатель, представляющий определенную эпоху в американской литературе, тем менее осозаемы его связи с СССР. Но своего рода « вывод» на основе предложенных в книге наблюдений в действительности был заявлен автором как принципиальная концепция еще в первой главе монографии, где – при обзоре посвященных афроамериканской литературе советских критических статей 1920–1930-х гг. – подвергался сомнению «тезис о том, что расовая проблема должна рассматриваться не сама по себе, а исключительно в рамках классового подхода» (с. 23–24). Сделав «литературу и политику» объектом исследования в своей монографии, О. Ю. Панова ни в коей мере не утверждает, что такая связка необходима и «полезна» для каждого автора, но последовательно и скрупулезно изучает и исчерпывающе представляет своему читателю результат подобного взаимодействия на уровне советско-афроамериканских контактов. А афроамериканская литература «без политики» [см., например: McKay 1928, МакКей 1929; Райт 1981] – это совсем другая история, которая, благодаря трудам профессора О. Пановой, отнюдь не находится в тени и уже неоднократно была нам явлена, и, надо полагать, заявит о себе в новых работах. Как и «роман-невидимка» Р. Эллисона [Панова 2013; 2018], обязательно перестанет быть невидимым в нашем культурном пространстве, и встреча российского читателя с крупнейшим романом афроамериканского автора – не за горами [Эллисон 2013; 2024].

Примечание

¹Далее в круглых скобках страницы рассматриваемой книги указаны по изданию: Панова О. Ю. Афроамериканские писатели и СССР. Литература и политика. М.: ИМЛИ РАН, 2024. 688 с.

Список литературы

Абросимова В. Н. «Мосты: русско-американские литературные связи» Раисы Орловой полвека спустя // Литература двух Америк. 2019. № 6. С. 296–378. doi 10.22455/2541-7894-2019-6-296-378

Дюбуа У. Души черного народа / пер. с англ. Т. Ю. Адаменко. М.: Директ-Медиа, 2022. 256 с.

Дюбуа У. Душа черного народа / пер. с англ. Е. Голышевой, Б. Изакова // Лики мира. М.: Изд-во иностр. лит., 1956. С. 169–184.

Лоунсбери Э. «Кровно связанный с расой». Пушкин в афро-американском контексте / пер. с англ. К. Кузминского // НЛО. 1999. № 3. С. 229–251.

МакКей К. Домой в Гарлем / пер. с англ. М. Волосова. М.: Земля и Фабрика, 1929. 240 с.

Панова О. Ю. Афроамериканские писатели и СССР. Литература и политика. М.: ИМЛИ РАН, 2024. 688 с.

Панова О. Ю. Негритянская литература США XVIII – начала XX века: проблемы истории и интерпретации: дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГУ, 2014. 787 с.

Панова О. Ю. Ральф Эллисон и эллисонование на Западе и в России // Литература двух Америк. 2018. № 5. С. 10–26.

Панова О. Роман-невидимка Ральфа Эллисона // Иностранная литература. 2013. № 1. С. 204–213.

Райт Р. Сын Америки / пер. с англ. Е. Калашниковой // Райт Р. Сын Америки. Повести. Рассказы. М.: Прогресс, 1981. 752 с. (Библиотека литературы США.)

Тлостанова М. Эра Агасфера, или Как сделать читателей менее счастливыми // Иностранная литература. 2003. № 1. С. 238–251.

Фейнберг И. Читая тетради Пушкина. М.: Сов. писатель, 1976. 264 с.

Эллисон Р. Невидимка. Фрагменты романа / пер. с англ. О. Пановой // Иностранная литература. 2013. № 1. С. 214–249.

Эллисон Р. Невидимый человек / пер. с англ. Е. Петровой. М.: Манн, Иванов и Фербер. 2024. 672 с.

McKay C. Home to Harlem. New York and London: Harper & Brothers Publ., 1928. 119 p.

References

Abrosimova V. N. 'Mosty: russko-amerikanskie literaturnye svyazi' Raisy Orlovoi polveka spustya [Raisa Orlova's bridges: Russian-American literary

connections half a century later]. *Literatura dvukh Amerik* [Literature of the Americas], 2019, issue 6, pp. 296-378. doi 10.22455/2541-7894-2019-6-296-378. (In Russ.)

Du Bois W. *Dushi chernogo naroda* [The Souls of Black Folk]. Transl. from English by T. Yu. Adamenko. Moscow, Direct-Media Publ., 2022. 256 p. (In Russ.)

Du Bois W. *Dusha chernogo naroda* [The Soul of Black Folk]. Transl. from English by E. Golysheva, B. Izakova. *Liki mira* [Faces of the World]. Moscow, Foreign Languages Publishing House, 1956, pp. 169-184. (In Russ.)

Lounsbury A. 'Krovno svyazannyy s rasoy'. Pushkin v afro-amerikanskem kontekste ['Bound by Blood to the Race': Pushkin in African American Context]. Transl. from English by K. Kuzminskiy. *NLO* [New Literary Observer], 1999, issue 3, pp. 229-251. (In Russ.)

McKay C. *Domoy v Garlem* [Home to Harlem]. Transl. from English by M. Volosov. Moscow, Zemlya i Fabrika Publ., 1929. 240 p. (In Russ.)

Panova O. Yu. *Afroamerikanskie pisateli i SSSR. Literatura i politika* [African American Writers and the USSR. Literature and Politics]. Moscow, IWL RAS Publ., 2024. 688 p. (In Russ.)

Panova O. Yu. *Negrityanskaya literatura SShA 18 – nachala 20 veka: problem istorii i interpretatsii*. Diss. d-ra filol. nauk [The negro literature of the USA of the 18th – early 20th century: Problems of history and interpretation. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 2014. 787 p. (In Russ.)

Panova O. Yu. Ral'f Ellison i ellisonovedenie na Zapade i v Rossii [Ralph Ellison and Ellison studies in the West and in Russia]. *Literatura dvukh Amerik* [Literature of the Americas], 2018, issue 5, pp. 10-26. (In Russ.)

Panova O. Roman-nevidimka Ral'fa Ellisona [The Invisible Novel by Ralph Ellison]. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 2013, issue 1, pp. 204-213. (In Russ.)

Wright R. *Syn Ameriki* [Native Son]. Transl. from English by E. Kalashnikova. *Syn Ameriki. Povesti. Rasskazy* [The Son of America. Stories. Short Stories]. Moscow, Progress Publ., 1981. 752 p. (Library of Literature of the USA). (In Russ.)

Tlostanova M. Era Agasfera, ili Kak sdelat' chitateley menee schastlivymi [The Era of Ahasuerus, or how to make readers less happy]. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 2003, issue 1, pp. 238-251. (In Russ.)

Feinberg I. *Chitaya tetradi Pushkina* [Reading Pushkin's Notebooks]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1976. 264 p. (In Russ.)

Ellison R. Nevidimka. Fragmenty romana [The Invisible Man. The Fragments of the Novel]. Transl. from English by O. Panova. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 2013, issue 1, pp. 214-249. (In Russ.)

Ellison R. *Nevidimyy chelovek* [The Invisible Man]. Transl. from English by E. Petrova. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2024. 672 p. (In Russ.)

McKay C. *Home to Harlem*. New York and London, Harper & Brothers Publ., 1928. 119 p. (In Eng.)

Literature and Politics: Pro et Contra (Reflections on O. Yu. Panova's Monograph about Soviet – African American Literary Relations)

Elena G. Dotsenko

Professor in the Department of Literature and Methods of Its Teaching
Ural State Pedagogical University
26, prospekt Kosmonavtov, Yekaterinburg, 620091, Russia. eldot@mail.ru

SPIN-code: 9458-3020

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7167-3865>

Submitted 23 Sep 2025

Revised 06 Oct 2025

Accepted 23 Oct 2025

For citation

Dotsenko E. G. Literatura i politika: za i protiv (refleksiya nad knigoy O. Yu. Panovoy o sovetsko-afroamerikanskikh literaturnykh vzaimosvyazyakh) [Literature and Politics: Pro et Contra (Reflections on O. Yu. Panova's Monograph about Soviet – African American Literary Relations)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 4, pp. 119–126. doi 10.17072/2073-6681-2025-4-119-126. EDN PIQBJO (In Russ.)

Abstract. When it comes to African American literature, Russian readers or researchers can always rely on the most authoritative contemporary source – the works by O. Yu. Panova, Professor at Moscow State University, a renowned expert on American literature. Her book *Afroamerikanskie pisateli i SSSR. Literatura i politika* (African American Writers and the USSR. Literature and Politics), published in 2024, is distinguished by the specific aspect it discusses. The book is about writers, journalists, or enthusiasts of the Communist movement, and specialists in other professions who visited the Soviet Union during a period of several decades and left memoirs, travelogues, articles, and letters about their trips. Panova introduces into scientific circulation many names of unknown, little-known, or forgotten authors. Famous writers who are fairly well-known in our country, whose works have been translated into Russian or are being translated now, also come into view. The most significant figures for the study of Soviet–African American cultural contacts include Claude McKay, William Du Bois, Richard Wright, Ralph Ellison. One of the chapters of the book is devoted to the interesting facts of ‘Black Pushkin Anniversary’ of the 1937 in the USA. Panova’s monograph demonstrates the reader how inevitable and productive a combination of literature and politics turns out to be. Visits of African American authors to the Soviet Union were often due to non-literary circumstances, for example, McKay and Du Bois came to the Congress of Comintern at the invitation of the Soviet side. At the same time, some of the significant works were brought to life not by the enthusiasm of the ‘red thirties’ decade or the fascination with the Soviet experiment, but rather by a departure from an active political position. Lesser-known memoir texts included in this publication as an addendum, mostly translated into Russian by the author of the monograph, also deserve attention. The new book on Soviet–African American literary contacts highlights a whole number of issues that are of particular interest to researchers in several humanities disciplines.

Key words: African American literature of the 20th century; Soviet-American cultural contacts; Soviet ideology and literature; O. Yu. Panova; Claude McKay; William Du Bois; Richard Wright; Ralph Ellison; memoirs; travelogue; reflection.

УДК 821.111-311.4

doi 10.17072/2073-6681-2025-4-127-135

<https://elibrary.ru/sdmexy>

EDN SDMEXY

Конфликт поколений в романе З. Смит «Белые зубы»

Любеева Светлана Васильевна**к. филол. н., доцент кафедры английской филологии**

Московский городской педагогический университет

129226, Россия, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4. lyubeevasv@mgpu.ru

SPIN-код: 4862-7636

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9037-8968>*Статья поступила в редакцию 10.03.2025**Одобрена после рецензирования 05.08.2025**Принята к публикации 08.09.2025***Информация для цитирования**

Любеева С. В. Конфликт поколений в романе З. Смит «Белые зубы» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 4. С. 127–135. doi 10.17072/2073-6681-2025-4-127-135.

EDN SDMEXY

Аннотация. Статья посвящена конфликту поколений в романе современной британской писательницы мультикультурной направленности З. Смит «Белые зубы». Конфликт поколений занимает центральное место в этом произведении и находит свое отражение в судьбах нескольких семей мигрантов на фоне этнокультурного многообразия Лондона конца XX – начала XXI в. Осмысление этой проблемы представляется важным в контексте анализа последствий глобальной смены парадигм в постколониальную эпоху, а также с общекультурной и социальной точек зрения. Проведенное исследование направлено на выявление особенностей авторской презентации конфликта поколений в упомянутом романе. В ходе интерпретации конфликта основное внимание уделяется роли персонажей в историческом процессе, а также их принадлежности к конкретным поколенческим циклам исходя из социологической теории поколений. Такой междисциплинарный подход позволил глубже проанализировать взаимодействие между персонажами в дебютном сочинении З. Смит. Делается вывод о том, что конфликт поколений в романе «Белые зубы» представляет собой многоаспектное, комплексное явление, отражающее реалии второй половины XX – начала XXI в. Конфликт эксплицирован в форме оппозиции консервативного мировоззрения поколения «традиционистов», характеризуемого радикализмом, фундаментализмом и мифологической отчужденностью, и современных взглядов «бумеров» и «поколения X», основанных на детрадиционализме, релятивизме, индивидуализме и деконструкции. Негативный опыт мигрантов первого поколения (дезадаптация, столкновение с расизмом) вынуждает их искать опору в собственных культурных корнях, рассматривая их как онтологический фундамент. Второе поколение мигрантов, сформировавшееся в Великобритании 1970–1980-х гг., испытывает кризис идентичности, социальную изолированность и отчужденность, перевстав воспринимать родителей как абсолютных авторитетов в условиях мультикультурной реальности.

Ключевые слова: конфликт поколений; Зэди Смит; «Белые зубы»; литература о миграции.

Конфликт поколений в современной литературе Великобритании особенно остро звучит в произведениях писателей гибридной идентичности, чьи взгляды сформировались на стыке двух культур. Литературные сочинения таких прославленных авторов, как Х. Курейши (Hanif Kureishi), М. Али

(Monica Ali), А. Леви (Andrea Levy) и З. Смит (Zadie Smith), демонстрируют, что проблема «отцов и детей» и сегодня является значимой темой и требует тщательного анализа, особенно в контексте осмысливания последствий глобальной смены парадигм в постколониальную эпоху.

Творчество З. Смит прочно ассоциируется с литературой о миграции благодаря уникальному опыту писательницы и тематике ее произведений. Родившись в смешанной англо-ямайской семье, З. Смит естественным образом оказалась на пересечении нескольких культур, что стало отправной точкой для исследования вопросов идентичности и миграции, проблемы поколений и влияния колониального прошлого на современную реальность.

Конфликт поколений в дебютном романе З. Смит «Белые зубы» (*“White Teeth”*, 2000) занимает центральное место и раскрывается через судьбы нескольких семей мигрантов на фоне этно-культурного многообразия Лондона конца XX – начала XXI в. Сложное и многослойное повествование с характерными ретроспективными вкраплениями способствует углублению характеров и созданию контраста между прошлым и настоящим, что содействует осмыслинию динамики конфликта поколений и его генезиса [Меркулова 2006: 69].

Литературный дебют З. Смит, чей голос отражает опыт второго поколения британских мигрантов, предоставляет уникальный материал для изучения указанной проблематики. Цель данной статьи – проанализировать специфику авторской презентации конфликта поколений в романе «Белые зубы». В работе сочетаются метод поколенческого анализа, культурно-исторический и сравнительно-типологический методы исследования.

Анализу отдельных аспектов романа «Белые зубы» посвящено достаточное количество трудов как российских, так и зарубежных ученых. В основном исследователи рассматривают это произведение с точки зрения вопроса идентичности [Боровиков 2019; Ali 2019]. В ряде работ изучаются отдельные проблемы, связанные с первым и/или вторым поколением мигрантов [Adi, Al-Shetawi 2018; Lobo 2020]. Несмотря на внимание, уделяемое персонажам-мигрантам в этих исследованиях, конфликт поколений иногда остается недостаточно раскрытым и требует комплексного анализа.

В настоящей статье в ходе интерпретации конфликта поколений в романе акцентируется внимание на роли персонажей в историческом процессе, что соответствует концепции К. Мангейма (Karl Mannheim), а также их принадлежности к конкретным поколениям исходя из социологической теории поколений с учетом национальной специфики [Mannheim 1952]. Такой междисциплинарный подход позволяет глубже проанализировать особенности взаимодействия между персонажами, учитывая исторические и социокультурные контексты.

Основная сюжетная линия анализируемого романа сосредоточена вокруг центральных персонажей – англичанина Арчибалда Джонса (Archiebal Jones) и бангладешца Самада Икбала (Samad Iqbal), которые сблизились в период Второй мировой

войны. После ее окончания герои иммигрируют в Лондон, создавая там собственные семьи. У Арчи и его супруги Клары (Clara) Джонс рождается дочь Айри (Irie), а у Самада и Алсаны (Alsana) Икбал – близнецы Милат (Millat) и Маджид (Magid). Судьбы мигрантов и их детей иллюстрируют процессы адаптации, идентификации и межпоколенческие конфликты в многонациональном обществе.

Проведенный анализ эксплицитной и имплицитной информации о персонажах в повествовании позволяет причислить их к поколениям, соответствующим периоду их рождения. Дата рождения Самада 1926 г., а Арчи, предположительно, его ровесник, что дает возможность отнести их к поколению «традиционистов» (Traditionalist Generation, 1920–1940) [Klimczuk 2015]. Это поколение характеризуется склонностью к консерватизму, дисциплине и уважению к иерархии. Самад и Арчи разделяют подобные ценности и жизненные установки, что находит отражение в их поступках и взглядах. Мужчины взяли в жены женщины гораздо моложе себя. Алсана – 1951 г. рождения, а Клара появилась на свет в 1955 г. Соответственно, эти женщины являются представительницами совершенно иной социальной когорты, именуемой поколением «бумеров» (Boomers, 1941–1960), которые отличаются стремлением к индивидуализму и склонностью подвергать сомнению устоявшиеся социальные и культурные институты.

Рассмотрим персонажей в контексте миграционного процесса в Великобритании.

Современные зарубежные литературоведы относят к первому поколению британских мигрантов (first-generation migrants) тех, кто родился за пределами Великобритании, но впоследствии туда иммигрировал. Ко второму поколению мигрантов (second-generation migrants) причисляют тех, кто родился в Великобритании, куда ранее хотя бы один из их родителей прибыл в качестве мигранта [Assmann 2018: 3; Lobo 2020: 4].

Представителями первого поколения мигрантов выступают персонажи, принадлежащие к индопакистанской диаспоре: Самад Икбал и его жена Алсана, а также Клара Боуден из Вест-Индии.

Культурные особенности образов Клары и Алсаны подчеркнуто контрастируют и отражают сложность жизни женщин в мультикультурном обществе, а также вызовы, с которыми сталкиваются представительницы одного поколения из разных культурных и социальных контекстов.

Клара Боуден, уроженка Ямайки, выросшая в Лондоне с религиозной матерью Гортензией (Hortense), отказывается от навязанной ей религии, выходя замуж за британца Арчи. Алсана происходит из уважаемой бенгальской семьи, но в британской столице вынуждена тяжело трудиться, чтобы заработать на жизнь. З. Смит через дружбу этих геро-

инь демонстрирует, как взаимопонимание и поддержка помогают женщинам преодолевать религиозные и патриархальные ограничения, символизируя их путь к эмансипации и личной свободе.

Милат и Маджид Икбал, а также Айри Джонс относятся к мигрантам второго поколения. Важно

учитывать и принадлежность этих персонажей к «поколению Х» (Generation X, 1961–1980), представителям которого свойственна самодостаточность, гибкость и адаптивность.

Ниже приведено распределение персонажей по поколенческим циклам.

Первое поколение мигрантов		Второе поколение мигрантов
«Традиционалисты» (1920–1940 гг.)	«Бумеры» (1941–1960 гг.)	«Поколение Х» (1961–1980 гг.)
Персонажи – представители поколений		
Самад, Арчи	Алсаня, Нина, Клара	Айри, Милат, Маджид, Джошуа

Перейдем к детальному рассмотрению конфликта поколений, возникающего на почве проблем, с которыми сталкиваются персонажи-мигранты в процессе адаптации к британской среде.

Первое поколение мигрантов стремится интегрироваться в английское общество, однако сталкивается со множеством трудностей. Уровень образования и социальный капитал, приобретенные в стране происхождения, зачастую не обеспечивают им равных возможностей с урожденными британцами, что обусловлено культурными барьерами и структурными ограничениями в социально-экономической иерархии принимающего государства. В приведенной ниже цитате Самад выражает глубокое чувство отчуждения и безысходности, которое испытывают мигранты: “...in a place where you are never welcomed, only tolerated. Just tolerated. Like you are an animal finally housetrained. Who would want to stay? But you have made a devil's pact... it drags you in and suddenly you are unsuitable to return, your children are unrecognizable, you belong nowhere” [Smith 2000: 407] («...тебя никто не любит, все только терпят? И терпят-то еле-еле. Как будто ты животное, которое с трудом удалось приручить. Ты и не думаешь оставаться! Но ты уже заключил договор с дьяволом... он затягивает тебя, и вот ты уже не можешь вернуться, твои дети ни на что не похожи, а ты сам стал непонятно кем»¹.

В 1970-е гг., когда персонажи-мигранты начинают свой путь в Лондоне, гомогенное английское общество не было готово к засилью «цветного» населения. Речь британского политика Энока Паундла (Enoch Powell) «Реки крови» (“Rivers of Blood”, 1968), призывающая к запрету иммиграции в Соединенное Королевство, вызвала волну антимигрантских настроений и ксенофобии в обществе, что нашло художественное воплощение в анализируемом тексте. В одном из эпизодов романа упоминается, что после этой речи мигранты вынуждены были укрываться в подвалах от нападений английских радикалов. Второе поколение мигрантов проходит становление в условиях враждебности со

стороны коренного населения. Используя аллюзию на реальное историческое событие, З. Смит демонстрирует не вымышленные, а реальные вызовы мультикультурной Британии. При этом первое поколение мигрантов представлено как носители сознательного выбора миграции, стремящиеся сохранить свою культурную идентичность в условиях враждебного и фрагментированного общества. Их дети, сформировавшиеся в иной культурной среде и испытавшие влияние родительского выбора относительно миграции, сталкиваются с двойным отчуждением, создающим основу для возникновения и эскалации конфликта поколений.

Стремление мигрантов первого поколения микрировать под британский образ жизни приводит к краху иллюзий. Желанный дом с живой изгородью, в который они переезжают, оказывается симулякром, имитацией образа жизни английской семьи из пригорода Лондона. Дом семьи Икбал представляет собой «опустевшее гнездо», из-за того что дети не желают проводить время там, где им пытаются навязать патриархальные взгляды. Старшее поколение в силу заложенных в них убеждений не помогает своим детям адаптироваться, а пытается всеми силами продемонстрировать правоту консервативной морали. Самад ощущает, что его сыновья предали ценности семьи, выбрав западный путь развития, и решает отправить их в Бангладеш, чтобы консолидировать вокруг ценностей материнской культуры. Не имея достаточно средств, чтобы дать обоим близнецам исламское образование, Самад отправляет своего любимца Маджида в Бангладеш, а бунтаря Милата оставляет в Англии. Однако подобный эксперимент не оправдает ожиданий отца. Милат, изначально демонстрирующий идентификацию с западными ценностями (увлечение белыми девушками, ранняя половая жизнь, употребление наркотиков), присоединяется к экстремистской исламской ячейке. Показательно, что юноша принимает участие в протестах против богохульства в «Сатанинских стихах» (“The Satanic Verses”, 1988 г.) С. Рушди (Salman

Rushdie), хотя сам признается, что их даже не читал. Милат, чтобы продемонстрировать свою «самость», сознательно не отождествляет себя с обществом, а, напротив, высказывает маргинальную точку зрения [Викулова и др. 2020: 38]. Его радикализм приводит к конфликтам с семьей и обществом. Выбор героем подобной стратегии становится обратной стороной социального отчуждения и эмоциональной отстраненности родителей.

В отличие от брата, Маджид возвращается из Бангладеш «настоящим англичанином». «Английскость» Маджида проявляется в его стремлении соответствовать нормам британского общества и в сознательном дистанцировании от семьи. Юноша представляется сверстникам как «Марк Смит» (Mark Smith) и сожалеет, что не родился в английской семье. Это говорит о его желании не выделяться на фоне большинства, чтобы избежать несоответствия и быть принятным. Самад, отправляя сына в Бангладеш, рассчитывал, что он укрепит связь с корнями, так как для Самада эта связь с родиной воспринималась как необходимый элемент сохранения духовности. Однако опыт жизни Маджида в Бангладеш оказался для него потрясением: он воспринял местные реалии как отсталые, жестокие и чуждые его западным представлениям о прогрессе и свободе. Это вызвало растущее отторжение тех устоев, которые отец стремился ему передать. В результате Маджид отвернулся от религии и традиций, отдав предпочтение атеистическим взглядам и либеральной идеологии. Его убеждения стали противоположными взглядам отца – вместо укрепления родовой идентичности он выбрал путь отчуждения, что вылилось в конфликт между отцом и сыном. Через сюжет о двойственности судеб близнецов З. Смит иллюстрирует амбивалентность опыта мигрантов и их потомков, которые вынуждены балансировать между двумя мирами, часто не находя полного принятия ни в одном из них.

Потеря связи с материнской культурой вызывает у мигрантов чувство утраты, а изоляция и дезадаптация в Великобритании приводят к состоянию культурного «пограничья» (*in-betweenness*) (термин Р. Бромли) [Bromley 2000: 10]. Не случаен здесь и образ главной героини Клары, которая теряет зубы. Принимая во внимание связь с заглавием романа, отметим, что метафора зубов играет ключевую роль и стала поводом для многочисленных интерпретаций. В контексте рассматриваемой нами проблематики данная метафора может воплощать распад и потерю целостности образа героини, поскольку культурное пространство, в котором оказываются мигранты, является фрагментированным: индивид начинает «расщепляться», теряя духовную целостность. Путь героини от строгой религиозности к атеизму может быть ин-

терпретирован как процесс онтологического изменения экзистенциального состояния под действием внешних обстоятельств. В юности Клара становится последовательницей «Свидетелей Иеговы» (международного религиозного движения, возникшего в США в 1870-х гг.), но это не соответствует ее религиозной идентичности, поскольку ее культурные корни переплетаются с более глубокими и многослойными традициями Ямайки, где религия тесно связана с местными обрядами, семейными устоями и национальными традициями. Таким образом, Клара становится символом поколенческого разрыва и поиска своего истинного «я» в условиях мультикультурной неоднозначности. Внутренний конфликт Клары выходит наружу и соотносится с мотивом одиночества – характерным мотивом как литературы о миграции, так и современной англоязычной литературы в целом [Баранова, Афанасьева 2023: 22]. Воспитанная под давлением фанатичной матери, девочка восстает против навязанных ей религиозных убеждений, что приводит ее к разрыву с семьей через брак с нелюбимым мужчиной Арчи, который становится для нее мостом к новой жизни: “She did not love Archie, but had made up her mind, from that first moment on the steps, to devote herself to him if he would take her away” [Smith 2000: 47–48] («Она не любила Арчи, но с первого же мгновения на лестнице решила посвятить ему свою жизнь, если он заберет ее отсюда»). Это освободило ее от прежних догм и давления матери, но одновременно усилило чувство одиночества, поскольку выход за пределы устоявшегося мира часто оборачивается для таких персонажей разочарованием. За внешней привлекательностью процветания и свободы мира Запада обнаружилась пустота. Автор акцентирует внимание на том, что истинная полнота жизни человека заключается не в материальном довольстве, а в осознанной духовности и любви, которые позволяют индивиду обрести целостность. Этот процесс требует преодоления внешних ожиданий и навязанных ролей, открывая путь к подлинному существованию.

Если рассмотреть данную проблематику с философского ракурса, то в отчаянном положении персонажей можно усмотреть возможности для формирования новой идентичности. Опираясь на взорения М. Хайдеггера, полагавшего, что «ничто» (нем. *nihil*) – это не просто отсутствие, а активная сила, определяющая наше бытие и сознание, можно сделать вывод, что осознание «ничто» позволяет персонажам постичь свою идентичность и обрести подлинное существование, на что указывает общая оптимистическая тональность произведения [Хайдеггер 1993: 25]. Эта точка зрения подтверждается идеями западного исследователя Э. Холла, который акцентирует внимание не на открытии заново своей идентичности (*rediscovery*),

а на ее создании (*production of identity*). Ученый подчеркивает непрерывность процесса «становления» культурной идентичности мигранта [Hall 1993: 225]. В данном контексте, на наш взгляд, заключена интенция автора продемонстрировать возможные пути разрешения внутреннего конфликта персонажей, которые реализуют последующие поколения.

Второе поколение мигрантов, напротив, сталкивается с проблемой выбора между сохранением своей культурной идентичности и полной ассимиляцией. Милат и Айри отчаянно стремятся найти свое место в британском социуме. Налицо также и определенный вызов поколению «отцов», проявляющийся во внешнем виде, одежде и музыкальных предпочтениях подростков. На первый взгляд, в их образе легко распознать маркеры эпохи 1980-х, но, с другой стороны, писательница дает ключи к пониманию специфических проблем, с которыми сталкиваются эти молодые люди, как представители второго поколения мигрантов. Эпизод, посвященный попытке Айри выпрямить свои африканские волосы, является отражением ее подсознательного стремления соответствовать стандартам красоты, принятым в британском обществе, где прямые волосы считаются более привлекательными. Личная стигматизация девушки основана на изначально абсурдном желании уподобиться образу «Другого», потеряв при этом свою уникальность: “There was England, a gigantic mirror, and there was Irie, without reflection. A stranger in a stranger land” [Smith 2000: 266] («Англия – огромное зеркало, в котором Айри не находила своего отражения»). Милата автор называет *social chameleon* («социальным хамелеоном») за его стремление соответствовать ожиданиям различных социальных групп мультикультурной столицы [ibid.: 269]. В корне такого восприятия – элитарность принимающего общества, которая навязывает новые стандарты и определяет поле выбора мигрантов второго поколения. Этот процесс можно рассматривать как пример внутренней трансформации и поиска подростками-мигрантами своего «Я», которые одновременно пребывают в состояниях «строительства и деконструкции» и, более того, вступают «в противоборство с различием и с оппозицией «внешнего» и «внутреннего» [Толкачев 2019: 165]. Мультикультурный Лондон 1980-х гг. становится символом глобальной эпохи, где различные временные слои и культурные традиции взаимодействуют и создают новые формы существования.

Попутно рассмотрим также межпоколенческий конфликт на примере семьи коренных англичан Чалфенов (Chalfens). Чалфены – представители британского среднего класса, но сами они в это вкладывают более глубокий смысл: “...the inheritors of the enlightenment, the creators of welfare state,

the intellectual elite and the source of culture” [Smith 2000: 435] («...наследники просвещения, основа процветающего государства, интеллектуальная элита, светочи культуры»). Они прокламируют ценности либерализма и воплощают образ традиционной английской семьи. Поэтому директор школы мистер Джонсон (Mr Johnson) в качестве воспитательной меры обязывает Айри и Милата, уличенных в курении марихуаны, регулярно посещать их дом. Изначально подростки, в особенности Айри, попадают под очарование этой семьи, предпочитая их общество собственной семье. Очевидно, что тонкое ощущение родства для второго поколения мигрантов важнее крови, а свобода выбора – главная ценность. Здесь они обретают семью, не по крови, а по духу. В атмосфере открытости и непринужденности у подростков впервые появляется возможность быть услышанными. Ироничные диалоги между членами семьи обнажают истинную природу их взаимоотношений. Обезоруживающая искренность Чалфенов оказывается фривольностью. Искусственно созданный культ идеальной семьи насквозь пропитан фальшью, дурной условностью и лицемерием. Легко заметить, что собственные дети мало волнуют Джойс (Joyce) – мать семейства, поскольку она целиком поглощена миссией спасения потерянного подростка-мигранта. Милату предстоит испытать все тяготы тоталитарной любви англичанки, в чьих руках он превращается в «игрушку». Джойс даже оплачивает сессии юноши с психотерапевтом, стремясь исправить в нем, то, в чем выражается его «самость», не соответствующая ее представлениям. При этом автор изображает ее собственного сына Джошуа (Joshua) как интеллектуального подростка-«ботаника», которого часто оскорбляют и высмеивают сверстники: “He'd taken insults (from the affectionate end, Chalfen the Chubster, Posh Josh, Josh-with-the-Jewfro; from the other, That Hippy Fuck, Curly-haired Cocksucker, Shit-eater), he'd taken never-ending insults all his damn life” [ibid.: 297] «Он выслушивал оскорблений (от безобидных: Джош-толсторож, Джош-вош, Чалфей-еврей – до неприличных: долботрон, ***сос, *****ед), всю жизнь бесконечные оскорблений». Иными словами, постоянное давление общественных стереотипов испытывают как дети мигрантов, так и подростки из английских семей, выявляя проблему сегрегации и затруднения социальной интеграции молодежи «поколения X». Показательно, что курение в романе выступает как метафора, иллюстрирующая общность и взаимосвязь «поколения X» – молодых людей из различных этнических и социальных групп: “And everybody, everybody smoking fags” [ibid.: 292] («Все, абсолютно все, курят, курят, курят»).

Мессианские устремления Джойс перекликаются с общим ощущением британцев своей уникальной миссии цивилизовать мир, сохраняющимся в них даже после распада Британской Империи. Английская школа также преследует цель передачи второму поколению мигрантов культурного капитала англичан. В рамках образовательной политики, начатой в Великобритании в 1960-х гг., предполагалось, что таким образом дети из этнических меньшинств «унифицируются по своим моделям поведения, ценностям и нормам» со временем [Зборовский, Шуклина 2016: 160]. Это влечет за собой возникновение «...непродуктивной и чреватой негативными последствиями конкуренции ценностей» [Тарева 2016: 96]. Вместе с тем роль образования заключалась скорее в «подавлении и амортизации этнических, культурных и языковых различий», что негативно оказывалось на межпоколенческих отношениях в семьях мигрантов, когда родители переставали находить общий язык со своими детьми [Зборовский, Шуклина 2016: 160]. Тем самым автор иллюстрирует, как школа присваивает себе родительскую функцию и препятствует формированию межгенерационной преемственности в этнических семьях.

Конфликт поколений тлеет и в отношениях между супружами в семьях мигрантов. В диалоге с Кларой Алсаной указывает на разницу в возрасте между ними и их мужьями [Smith 2000: 80]. Как уже было отмечено ранее, женщины принадлежат к поколению «бумеров» и иначе смотрят на мир. В первую очередь разногласия между супружами проявляются на религиозной почве. Самад позиционирует себя как мусульманин и ожидает от своей семьи соблюдения религиозных традиций. Алсаны и Клара также воспитаны в религиозных семьях, но это не мешает им проявлять эманципацию в новой среде. Самад обвиняет жену в том, что она перестала готовить, как это делали женщины в мусульманских семьях на протяжении столетий. Племянница Алсаны Нина (Neena), которая младше ее всего на два года, придерживается более прогрессивных взглядов. «Позорная племянница» (Niece-of-Shame), как ее называют в кругу семьи, практикует однополую любовь, читает романы Симоны де Бовуар и полагает, что в Англии нельзя жить так, как на родине. Несмотря на внешнюю демонстрацию благочестия, Самад нарушает супружеские обязательства, поддерживая тайную связь с учительницей собственных сыновей, возлагая ответственность за свое поведение на воздействие английской среды: “I should never have come here – that’s where every problem has come” [ibid.: 145] («Мне не следовало приезжать в Англию – отсюда все беды»). Неспособность Самада оставаться праведным мусульманином лишь усиливает его стремление к религиозному воспи-

танию сыновей, что только способствует нарастанию напряжения в их отношениях.

В романе «Белые зубы» культурные различия между представителями одного поколения, но из разных стран, также отражены в отношениях англичанина Арчи и бангладешца Самада. Арчи и Самад – однополчане-ветераны, тяжело раненные во время Второй мировой войны. Опыт войны является для их поколения ключевым переживанием – “crystallizing agent” (термин К. Мангейма), фактором, помогающим поколениям закрепить и сформировать свою идентичность [Mannheim 1952: 310]. Самад для Арчи «Другой» во всех отношениях: от расовой принадлежности до социального статуса, от интеллекта до мировоззрения. Скрепой, соединяющей жизни двух совершенно разных мужчин, становится война, которую они воспринимали как борьбу со злом ради всеобщего блага. Важную роль играет не только контраст масок – псевдодуховность Самада и заурядность Арчи, но и тот смысл, который наполняет их дружбу, напоминания о значении преемственности.

Тема памяти и забвения является важным элементом в межличностных отношениях и может играть ключевую роль в возникновении конфликтов между поколениями.

Сюжет о сожженной деревенской церкви во время холеры, где noctуют персонажи, будучи солдатами, поднимает вопрос о роли коллективной памяти в сохранении преемственности поколений. Самад обнаруживает на стенах церкви надписи,ставленные бунтовщиками, запертными помещиком за неповиновение триста лет назад. В авторской интерпретации образ церкви глубоко метафоричен. Церковь предстает не просто как здание, предназначенное для богослужений, но как «место памяти» (концепция П. Нора) [Нора 1999]. Как известно, греческое слово «эkklesia» (ἐκκλησία) означает не только церковь, но и народное собрание. В отходе от сугубо религиозного прочтения данного образа З. Смит стремится передать ценность «места памяти», которую оно несет в себе, становясь текстом, рассказывающим правду о событиях далекой эпохи. Данное прозрение, полученное Самадом под воздействием морфия, к которому он пристрастился во время войны, становится для него первым шагом к осознанию безвозвратной потери идеалов прошлого. Через трансцендентный опыт, пережитый героем, автор напоминает нам о прописной, казалось бы, истине, доступной лишь в состоянии измененного сознания. Отметим, что важность памяти присуща традиционному мировоззрению Самада, для которого память о подвиге прадеда М. Панде (Mangal Pande), первого повстанца среди сипаев, является сакральной: “And there was no stronger evocation of the blood that ran through him, and the ground which that

blood had stained over the centuries, than the story of his great-grandfather" [Smith 2000: 99] «Ведь ничего так живо не воскрешало в нем память о бегущей по его жилам крови и земле, которую эта кровь поливала веками, как судьба его прадеда». Эта мифологическая отчужденность утверждается в сознании Самада и становится для него смыслообразующим стержнем. Миф о героизме его прадеда англичанин Арчи постоянно пытается развенчать, опираясь на идеи, сформированные в нем колониальным дискурсом. Это является отражением зарождения тех процессов деконструкции исторической памяти, которые окажут значительное влияние на представления о памяти, истории и культурной идентичности последующих поколений. Если проанализировать рецепцию Второй мировой войны поколением «бумеров», то на примере отношения Алсаны и Клары мы обнаружим полную девальвацию тех смыслов, ради которых старшее поколение готово было отдать жизнь: "If they are heroes, where are their hero things? <...> I've never seen a medal...and not so much as a photograph" [ibid.: 81] («Если они герои, то где доказательства? <...> Я ни разу не видела у него медалей... или хотя бы фотографий <...>»). Война для этих женщин – это далекое прошлое, акт бессмысленной жестокости, который не может быть оправдан эфемерными идеалами. Важно отметить, что в реплике Алсаны акцент смешен в область материальных вознаграждений, что подчеркивает сдвиг ценностных ориентиров «бумеров» в область индивидуализма. Отказ от признания высшего смысла своего существования, приоритет материальных ценностей над духовными, деконструкция памяти о прошлых событиях становятся характерными чертами мироощущения как «бумеров», так и следующих поколений. Разрушение идеологии, борьба с мифами, лежащими в ее основе, и сопутствующая утрата всяких смыслов становятся причинами как их личностного надлома, так и конфликта с поколением предков.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать следующие выводы. Конфликт поколений в романе «Белые зубы» представляет собой многоаспектное, комплексное явление, отражающее реалии второй половины XX – начала XXI в. Авторская презентация конфликта эксплицирована в форме оппозиции консервативного мировосприятия, присущего поколению «традиционалистов», характеризующегося радикализмом, фундаментализмом и мифологической отчужденностью, и современного, свойственного «бумерам» и «поколению X», отмеченного детрадиционализмом, релятивизмом, индивидуализмом и деконструкцией. Негативный опыт мигрантов первого поколения (дезадаптация, расизм) и их стремление сохранить субъективную

устойчивость толкает их обращаться к своим корням как к некоему онтологическому стержню. Второе поколение, формирующееся в условиях культурного многообразия Великобритании 1970–1980-х гг., испытывает кризис идентичности, социальную изолированность и отчужденность, перестав воспринимать родителей как абсолютных авторитетов в условиях мультикультурной реальности.

Примечание

¹ Здесь и далее перевод выполнен В. Ю. Михайлиным.

Список литературы

- Баранова К. М., Афанасьев О. В. Мотив «одиночество» в романе Дж. Грина «Бумажные города» // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2023. № 1(49). С. 20–33. doi 10.25688/2076-913X.2023.49.1.02
- Боровиков П. В. Поиск своего «я» в современной британской постколониальной литературе (на примере произведений Х. Курейши и З. Смит) // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2019. № 2. С. 57–61.
- Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Обучение детей мигрантов в Великобритании: образовательная политика и реалии повседневных практик // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2016. № 1(147). С. 159–168.
- Викулова Л. Г. и др. Лексемы identite / идентичность как элементы универсумов человека и языка: этносемиометрический и аксиологический аспекты интерпретации / Л. Г. Викулова, Е. Ф. Серебренникова, О. В. Вострикова, С. А. Герасимова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 2(831). С. 30–42.
- Меркулова М. Г. Ретроспекция в английской «новой драме» конца XIX – начала XX века: истоки и функционирование. М.: Прометей, 2006. 184 с.
- Нора П. Проблематика места памяти // Франция-память / пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Издво С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.
- Тарева Е. Г. Обучение языку и культуре: инструмент «мягкой силы»? // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. № 3(23). С. 94–101.
- Толкачев С. П. Мультикультурная литература: ответ на новые вызовы XXI века // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2019. № 2(63). С. 153–166.
- Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. 452 с.

Adi F., Al-Shetawi M. Representations of Family Relationships and Generational Conflicts in the Works of British Writers in Diaspora // *Arab World English Journal for Translation & Literary Studies*. 2018. Vol. 2. Iss. 3. P. 68–84.

Ali B. The Construction of Identity in Zadie Smith's *White Teeth* // *Zanco Journal of Humanity Sciences*. 2019. № 23 (5). P. 330–342.

Assmann C. Doing Family in Second-Generation British Migration Literature. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2018. 302 p.

Bromley R. Narratives for a New Belonging: Diasporic Cultural Fictions. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2000. 224 p.

Klimczuk A. Generational Differences, Generations of Western Society, Managing Multiple Generations in the Workplace // Encyclopedia of Diversity and Social Justice / ed. by S. Thompson. Lanham: Rowman & Littlefield, 2015. P. 348–352

Lobo D. Representing immigrant experiences of post-war Britain in contemporary literature: first and second-generation immigrants in Zadie Smith's *White Teeth*. Thesis for master's degree in English literature. Paris: Paris-Est Créteil University, 2000. 93 p.

Mannheim K. The Problem of Generations // Kecskemeti P. (ed.) Essays on the Sociology of Knowledge. London: Routledge and Kegan Paul, 1952. P. 276–320

Smith Z. *White Teeth*. London: Penguin Books, 2000. 541 p.

References

Baranova K. M., Afanas'eva O. V. Motiv 'odinochestvo' v romane Dzh. Grina 'Bumazhnye goroda' [The motif of loneliness in J. Green's novel 'Paper Towns']. *Vestnik MGPU. Seriya 'Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie'* [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], 2023, issue 1 (49), pp. 20-33. doi 10.25688/2076-913X.2023.49.1.02. (In Russ.)

Borovikov P. V. Poisk svoego 'ya' v sovremennoy britanskoy postkolonial'noy literature (na primeire proizvedeniy Kh. Kureishi i Z. Smit) [The search for 'self' in modern British postcolonial literature (based on novels by H. Kureishi and Z. Smith)]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Polotsk State University, Part A. Humanities], 2019, issue 2, pp. 57-61. (In Russ.)

Zborovskiy G. E., Shuklina E. A. Obuchenie detey migrantov v Velikobritanii: obrazovatel'naya politika i realii povsednevnykh praktik [Migrants' children education in the United Kingdom: educational politics and realities of daily practices]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1*

Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture], 2016, issue 1 (147), pp. 159-168. (In Russ.)

Vikulova L. G., Serebrennikova E. F., Vostrikova O. V., Gerasimova S. A. Leksemy identite/identichnost' kak elementy universumov cheloveka i yazyka: etnosemioticheskiy i aksiologicheskiy aspekty interpretatsii [Lexemes identity as elements of the human and languages universes: ethmosemiometric and axiological aspects of interpretation]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2020, issue 2 (831), pp. 30-42. (In Russ.)

Merkulova M. G. *Retrospeksiya v angliyskoy 'novoy drame' kontsa XIX – nachala XX veka: istoki i funktsionirovanie* [Retrospection in the English 'New Drama' of the End of the 19th and Beginning of the 20th Centuries: Origins and Functioning]. Moscow, Prometey Publ., 2006. 184 p. (In Russ.)

Nora P. Problematika mest pamjati [The Problems of Sites of Memory]. *Frantsiya-pamyat'* [France-Memory]. Transl. from French by Dina Khapaeva. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 1999, pp. 17-50. (In Russ.)

Tareva E. G. Obuchenie yazyku i kul'ture: instrument 'myagkoy sily'? [Teaching language and culture: Is it a 'soft power' tool?]. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie* [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], 2016, issue 3 (23), pp. 94-101. (In Russ.)

Tolkachev S. P. Mul'tikul'turnaya literatura: otvet na novye vyzovy XXI veka [Multicultural literature: responding to new challenges of the 21st century]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina* [The Bulletin of the Ryazan State University named for S. A. Yesenin], 2019, issue 2 (63), pp. 153-166. (In Russ.)

Heidegger M. *Vremya i bytie* [Being and Time]. Moscow, Respublika Publ., 1993. 452 p. (In Russ.)

Adi F., Al-Shetawi M. Representations of family relationships and generational conflicts in the works of British writers in diaspora. *Arab World English Journal for Translation & Literary Studies*, 2018, vol. 2, issue 3, pp. 68-84. (In Eng.)

Ali B. The construction of identity in Zadie Smith's *White Teeth*. *Zanco Journal of Humanity Sciences*, 2019, issue 23 (5), pp. 330-342. (In Eng.)

Assmann C. *Doing Family in Second-Generation British Migration Literature*. Berlin, Boston, Walter de Gruyter GmbH, 2018. 302 p. (In Eng.)

Bromley R. *Narratives for a New Belonging: Diasporic Cultural Fictions*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2000. 224 p. (In Eng.)

Klimczuk A. Generational differences, generations of western society, managing multiple generations in the workplace. In Thompson S. (ed.) *Encyclopedia of Diversity and Social Justice*. Lanham, Rowman & Littlefield, 2015, pp. 348-352. (In Eng.)

Lobo D. *Representing immigrant experiences of post-war Britain in contemporary literature: first and second-generation immigrants in Zadie*

Smith's White Teeth. Thesis for master's degree in English literature. Paris, Paris-Est Créteil University, 2000. 93 p. (In Eng.)

Mannheim K. The problem of generations. In Kecskemeti P. (ed.), *Essays on the Sociology of Knowledge*. London, Routledge and Kegan Paul, 1952. pp. 276-320. (In Eng.)

Smith Z. *White Teeth*. London, Penguin Books, 2000. 541 p. (In Eng.)

The Conflict of Generations in Z. Smith's Novel 'White Teeth'

Svetlana V. Lyubeeva

Associate Professor in the Department of English Philology

Moscow City University

4, Vtoroy Sel'skokhozyaystvennyy proezd, Moscow, 129226, Russia. lyubeevasv@mgpu.ru

Submitted 10 Mar 2025

Revised 05 Aug 2025

Accepted 08 Sep 2025

For citation

Lyubeeva S. V. Konflikt pokoleniy v romane Z. Smit «Belye zuby» [The Conflict of Generations in Z. Smith's Novel 'White Teeth']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 4, pp. 127-135. doi 10.17072/2073-6681-2025-4-127-135. EDN SDMEXY (In Russ.)

Abstract. The article is devoted to the theme of generational conflict in the novel *White Teeth* written by a contemporary British writer of multicultural orientation Zadie Smith. The conflict of generations is central to this work and is reflected in the fates of several migrant families against the backdrop of the ethno-cultural diversity of late 20th and early 21st century London. The comprehension of this problem is important in the context of analyzing the consequences of the global paradigm shift in the postcolonial epoch, as well as from the general cultural and social points of view. The research is aimed at identifying the peculiarities of the author's representation of the conflict of generations in the novel. The interpretation of the conflict focuses on the characters' role in the historical process, as well as on their belonging to specific generational cycles, based on the sociological theory of generations. The interdisciplinary approach allowed for a deeper analysis of the interactions between the characters in Smith's debut work. It is concluded that the generational conflict in the novel *White Teeth* is a multidimensional, complex phenomenon that reflects the realities of the second half of the 20th – early 21st centuries. In the novel, the conflict is presented in the form of an opposition between the conservative worldview of the 'traditionalist' generation, characterized by radicalism, fundamentalism, mythological alienation, and the modern worldview of the 'boomers' and 'Generation X', which is characterized by detraditionalism, relativism, individualism, and deconstruction. The second generation of migrants formed in Great Britain in the 1970s and 1980s is experiencing an identity crisis, social isolation, and alienation, no longer perceiving their parents as absolute authority figures in the context of a multicultural reality.

Key words: conflict of generations; Zadie Smith; White Teeth; migration literature.

УДК 821.111(09)

doi 10.17072/2073-6681-2025-4-136-144

<https://elibrary.ru/tcxjwq>

EDN TCXJWQ

Рецепция творчества Обри Бердсли в романах Ады Леверсон 1910-х годов

Новокрещенных Ирина Александровна**к. филол. н., доцент кафедры мировой литературы и культуры**Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. ira-tabunkina@mail.ru

SPIN-код: 6165-6981

ResearcherID: P-1752-2016

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0877-4823>*Статья поступила в редакцию 30.09.2025**Одобрена после рецензирования 20.10.2025**Принята к публикации 17.11.2025***Информация для цитирования**

Новокрещенных И. А. Рецепция творчества Обри Бердсли в романах Ады Леверсон 1910-х годов // Вестник Пермского университета. Российской и зарубежной филологии. 2025. Т. 17, вып. 4. С. 136–144.
doi 10.17072/2073-6681-2025-4-136-144. EDN TCXJWQ

Аннотация. Исследована рецепция графического и литературного творчества Обри Бердсли в двух романах Ады Леверсон. В романе «Предел» (1911) реминисценции к Обри Бердсли и его творчеству характеризуют эволюцию влюбленности художника-дилетанта Гарри де Фрейна, чье французское написание имени отсылает к традиции трубадуров. Его кисти принадлежит единственный портрет Валентии, на котором она выглядит как героиня Россетти и Берн-Джонса на полотне «Любовь среди руин» (названном в романе «Любовь среди роз»). Запутавшись в любовных и финансовых делах, Гарри планирует сделать черно-белый набросок Валентии в розовом саду, как у Обри Бердсли, в творчестве которого розовый сад был символом порочности и красоты. Через упоминание рисунков Бердсли подчеркивается ироническое отношение Ады Леверсон к герою-художнику, потерпевшему фиаско как в любви, так и в творчестве. Живописный портрет Валентии остался единственным произведением Гарри де Фейна, так как он был изгнан из «розового сада» самой возлюбленной.

В послевоенном романе Ады Леверсон «Любовь со второго взгляда» (1916), как и в романе «Предел», у героини (Эдит) есть супруг (Брюс Оттли) и возлюбленный (Эйлмер Росс). Иллюстрации Бердсли к «Саломее» О. Уайльда противопоставляются постимпрессионизму и футуризму как живые и яркие проявления чувств. Ведя диалог с Эйлмером Россом о современном искусстве, Артур Конистон называет «позерами» старых и новых художников, но отдает должное уму и таланту Обри Бердсли. Вернувшись с войны и высоко оценивающий талант Бердсли, герой-интеллектуал и консерватор Эйлмер критикует его за неуместность некоторых образов. Ада Леверсон продолжает интерпретацию Бердсли как символа эпохи 1890-х (как это было в ее пародийной пьесе «Алый зонтик» и пастише «Диккенс, или Литература повторяется»), но уже в новом контексте искусства XX в.

Ключевые слова: английская литература; рецепция; Обри Бердсли; роман; Ада Леверсон; реминисценция; экфрасис; Оскар Уайльд; прерафаэлиты; импрессионисты, футуристы; живопись.

Введение

В 1890-е гг. Ада Леверсон (Ada Esther Leverson, 1862–1933) была известна своими

остротами и кругом знакомств, в который входили Оскар Уайльд, Макс Бирбом, Герберт Бирбом Три, Джон Грей, Джон Лейн, Чарльз Риккетс,

Роберт Росс, Уолтер Сиккерт, Джон Сарджент и другие [Леверсон 2017: 259]. Обри Бердсли (Aubrey Vincent Beardsley, 1872–1898) – создатель стиля модерн в графике, литератор, музыкант, денди – тоже был знаком и переписывался с Адой Леверсон [The Letters... 1970: 80, 82, 112–113; Raby 1998: 63].

В середине 90-х гг. XIX в. в «Панче» были анонимно опубликованы ее пьеса «Алый зонтик» (“The Scarlet Parasol”) и пастиш «Диккенс сегодня, или Литература повторяется» (“Dickens Up to Date; Or Fiction Repeats Itself”), в которых объектом шутливой пародии стали личность Обри Бердсли, его литературное и графическое творчество [Табункина 2010: 52–58; Табункина 2011: 11–18]. Кроме регулярных пародий в «Панче» на литературное содержание «Желтой книги» [Стерджис 2014: 259], пародий на Уайльда и мемуаров о нем, перу Ады Леверсон также принадлежат шесть романов, написанных в первые два десятилетия XX в.

Толчком к романному творчеству Ады Леверсон послужил окончательный разрыв с супругом, когда он эмигрировал в Канаду в 1905 г. Первый роман «Двенадцатый час» (“The Twelfth Hour”) был создан в 1907 г. Другие пять романов появились в течение следующих девяти лет: «Тень любви» (“Love’s Shadow”, 1908), «Предел» (“The Limit”, 1911), «Как на иголках» (“Tenterhooks”, 1912), «Райская птица» (“Bird of Paradise”, 1914), «Любовь со второго взгляда» (“Love at Second Sight”, 1916). Романы «Тень любви», «Как на иголках», «Любовь со второго взгляда» составляют трилогию о семье Оттли, содержат отсылки к современникам и воплощают биографический опыт писательницы [Wenman-James 2021]. Во всех романах Леверсон обнаруживаются острумные характеристики, тонкая ирония, социальная сатира, проблема иллюзии и реальности [Winegarten 2009; Mahoney 2019: 27–46], а также реминисценции к фланандской (Ван Дейк) и французской (Ватто) живописи XVII–XVIII вв., творчеству прерафаэлитов и импрессионистов, постимпрессионистов и футуристов.

Целью нашей статьи является изучение рецепции творчества Обри Бердсли в двух романах Ады Леверсон – «Предел» (1911) и «Любовь со второго взгляда» (1916). Эти романы, и в целом творчество Ады Леверсон, практически не известны современной российской англистике. Пожалуй, первые переводы ее пародий на Уайльда и комментарии к ним были сделаны М. Л. Матвеевым и опубликованы в журнале «Иностранный литература» [Леверсон 2017: 261–272]. Применяя историко-литературный и эстетико-поэзологический подходы, разработанные в трудах А. Н. Веселовского, М. М. Бахтина, Д. С. Лихачева,

Ю. М. Лотмана, С. С. Аверинцева и других, культурно-контекстуальный метод, типологический метод с привлечением открытий рецептивной эстетики, мы исследуем интермедиальную рецепцию синтетической поэтики Обри Бердсли в романах Ады Леверсон 1910-х гг. Реминисценции к Бердсли и его творчеству характеризуют образную систему и конфликт анализируемых романов Леверсон.

От romance к розовому саду Бердсли

Роман «Предел» состоит из 36 глав, в которых повествуется о супружах Уайберн и других героях, удачно или неудачно устраивающих любовные и брачные отношения. В центре сюжета находится супружеская пара – Ромер и Валентия. С ними много лет дружит и заводит romance с Валентией ее кузен Гарри де Фрейн.

Заглавие романа “The Limit” связано с сюжетом узнавания тайны супружеской измены. События выявляют предел, до которого смогут дойти герои в действиях и чувствах на пути к катастрофе в их жизни. Это предел лжи у Валентии (обманывать мужа, когда он все знает), предел эгоизма у Гарри (готовность находиться в одновременных отношениях с Валентией и с возможной супругой, если он женится), предел великодушия у Ромера (мириться с присутствием Гарри, зная о его отношениях с Валентией). Как и в пьесе Ады Леверсон «Алый зонтик» (1895), героиня романа «Предел» живет со скучным, как она считает, мужем и мечтает о любви.

Главное противопоставление в романе – это противопоставление глубоких, но не выражаемых открыто чувств и поверхностного, ярко выражаемого восхищения. Конфликт, захвативший героев в любовном треугольнике, доходит до кульминации в 34-й главе романа, когда Ромер случайно узнает об отношениях Гарри и Валентии и намерении Гарри жениться на мисс Алек Уолмер, чтобы поправить свое финансовое состояние. Для Валентии эта новость стала ударом, она не будет поддерживать отношения влюбленности с женатым мужчиной. Ромер заставляет Гарри отказать мисс Уолмер, чтобы Валентия не расстраивалась. Ромер, поначалу думавший, что сможет выдержать Гарри в их доме, через несколько дней меняет решение. Гарри разбалтывает Валентии о великодушном поступке Ромера, желая посмеяться над его глупостью. Валентия понимает, насколько сильно Ромер любит ее, и прогоняет Гарри.

Особенностью трактовки Адой Леверсон конфликта романа становится акцент на том, что чувства всех героев перерождаются в эгоистическое желание сохранить свой покой и удовольствие. Гарри хочет поправить финансы и не поте-

рять Валентию. Валентия, будучи замужем за Ромером и скучая с ним, имеет роман с Гарри. Ромер, любя Валентию и оберегая ее от расстройства, на самом деле, как нам сообщает повествователь, пытается сохранить свое душевное равновесие.

Обри Бердсли и его творчество упоминаются в связи с образом Гарри (Harry de Freyne). Вторая глава – “Harry” – начинается с повествования о его портрете, студии, привычках, самовосприятии, ценностях, которые изображаются затем в романе с точки зрения персонажей или рассказчика. Гарри носит монокль как уступку дендиизму, хорошо видя и в монокле, и без него: “He was no fop, although he wore a single eye-glass rather as a concession to some ideal of dandyism than as a help to clear vision. He could see remarkably well, with or without it” [Leverson 1950: 24]. В студии Гарри можно было говорить на любые темы, «от биржевого маклерства до любви», молиться, есть, петь, флиртовать, но только не рисовать (“everything except perhaps painting”). Гарри – художник-дилетант, кисти которого принадлежит единственная удачно написанная картина. Это портрет Валентии, который выставлялся в галерее Графтон под названием «Золотая Лилия»: “his sole success in art, and had been exhibited at the Grafton Galleries under the name of The Gilded Lily” [ibid.: 12]. Экфрасис обнаруживает разное восприятие этой картины героями романа и разное отношение их к героине.

Ироническое объяснение повествователем названия картины снижает художественную значимость портрета как произведения искусства: “No one had ever known or was ever likely to know whether the title referred to the decorative, if botanically impossible, blossom in her hand, or to the golden hair of the seductive sitter” [ibid.: 12]. «Никто никогда не знал и вряд ли когда-нибудь узнает», относится ли название к декоративному, хотя и невозможному с ботанической точки зрения, цветку в ее руке или к золотым волосам соблазнительной натурщицы. Название полотна “The Gilded Lily” напоминает выражение “gild the lily” в значении ‘улучшить или украсить что-то идеальное и испортить это’. Возможно, это авторская оценка произведения Гарри.

Ромер беззаветно любит свою жену и обожествляет страсть к ней: “In reality, he was worshipping. His passion for his wife was his one romance, his one interest, his one thought”; “He adored her with passion, and with the selfishness and jealousy of passion, but circumstances and his temperament caused it to take the outward form, principally, of care for her happiness” [ibid.: 44]. Поэтому глубину и значимость живописному образу в его оценке придает фанатичное восприятие портрета любящим мужем. На картине он видит

хрупкую женскую фигуру, пропивающую сквозь дымчатые занавески, держащую в руках странный золотой цветок. Женский образ производит на него «впечатление прекрасной Мадонны, словно на глубоко набожного католика». Это вызывает в нем «нечто вроде религиозного экстаза»: “The frail figure, bright yet dim, vaguely appearing through vaporous curtains, holding an impossible gold flower, had the effect on him of a beautiful Madonna on a deeply devout Catholic. It produced in him a form of religious ecstasy” [ibid.: 43]. Золотая лилия становится символом Мадонны-Валентии в восприятии исступленно преданного супруга.

Портрет, экфрасис которого открывает роман после короткого обмена репликами Валентии и Ромера в первой главе, расположен в комнате и вписан в ее интерьер. Изображенная на нем Валентия с бледными цветами выглядит изящно, а сама картина – таинственно. “It was a charming room, with pale grey walls and a pale green carpet, and very little in it except, let in as a panel, a delicate low-toned portrait of the mistress of the house, vaguely appearing through vaporous curtains, holding pale flowers, and painted with a rather mysterious effect...” [ibid.: 12]. Валентия на портрете представляет тип героинь Россетти и Берн-Джонса (“was the type loved by Rossetti and Burne-Jones”) с преобладанием языческого начала, и сама является очень живописной, что облегчило задачу художника: “Her pictorial appearance had no doubt made easier the artist's task, and the pale exquisite portrait had truly been described as a whispering likeness” [ibid.: 21]. В разговоре с приятелем американцем Ван Бюреном Гарри сравнивает Валентию с героиней картины Берн-Джонса «Любовь среди роз» (“Now she's considered like 'Love among the Roses' by Burne-Jones” [ibid.: 34]), имея в виду, очевидно, полотно «Любовь среди руин» (1873–1898), на котором рядом с влюбленными изображены розовые цветы шиповника.

Шиповник – постоянный живописный мотив полотен прерафаэлитов и их последователей о средневековых рыцарях и их Прекрасных Дамах (А. Хьюз «Прекрасная Розамунда» (1854), Э. Блейр-Лейтон «Ален Шартье» (1903) и др.). Осыпающиеся розовые лепестки цветка «напоминают о быстротечности счастья» на полотне Блейр-Лейтона «В добный путь!» (1900) [Кирюхина 2013: 384]. Ветки шиповника с цветами и шипами окутывают заснувших стражей замка, членов королевской семьи и придворных в зале, во дворе и беседке на четырех картинах Э. Берн-Джонса из цикла «Шиповник» (1870–1890-е) со стихотворными подписями У. Морриса, выполненного по мотивам сказки братьев Гримм «Спящая красавица» (1812).

В романе Ады Леверсон «Предел» Гарри во время очередного свидания планирует сделать черно-белый набросок Валентии в розовом саду, как у Бердсли: “I should like to paint you as you're looking now, Val. I think I'll do a sketch of you in the rose garden, all in black and white, like a Beardsley, with the balustrades and steps and things behind you” [Leverson 1950: 204]. Розовые кусты, гирлянды из роз, балюстрады, ступеньки – характерные детали на листах Бердсли «Таинственный розовый сад» (1895), «Туалет Венеры» (1896), «Венера между божествами жизни и смерти» (1896), «Разносчики фруктов» (1896) и др. Не случайно художник Ю. Юркун, по воспоминаниям поэта М. Кузмина, в чьем творчестве нами тоже обнаружены и проанализированы отсылки к английскому графику [Табункина 2012: 121–130; Табункина 2013а: 78–84; Табункина 2013б: 120–129; Бочкарёва, Табункина 2014: 74–93]), назвал Камеронову галерею и эспланаду в царскосельском Екатерининском парке «Бердслеевскими» [Кузмин 2011: 73]. В романе Бердсли «Под Холмом» роза появляется еще в первой главе, когда Тангейзер при входе в Холм зацепился рукавом за дикий цветок как пропуск из «верхнего» мира в «нижний»: “a passport, as it were, from the upper to the lower world” [Beardsley 1996: 77]. Розы украшают шляпу миссис Марсапл, маникюрши Венеры. В виде роз выполнены архитектурные детали фонтана на террасе Венеры, а живые цветы разбросаны на столах. С розой связан мотив обольщения Тангейзера и сексуальная символика цветка [Бочкарёва, Табункина 2010: 171–173].

Критики пишут, что рисунок «Таинственный розовый сад» Бердсли первоначально выполнил как сюжет Благовещенья. После он изменил фигуры на более зловещие и порочные, а на месте ангела представлен Гермес в крылатых сандалиях [Aubrey Beardsley 2020: 152]. У Бердсли розовый сад – это символ порочности, сочетания красоты и порока. В романе «Предел» Гарри планирует рисунок с Валентией в розовом саду, когда он и Валентия скрывают свои отношения от Ромера, наслаждаясь ими, но Гарри уже думает о своей возможной женитьбе и последующем после бракосочетания разрыве с Валентией. Отсылка к рисунку Бердсли связана со свободой и смелостью чувств, как и в романе Д. Г. Лоуренса «Белый павлин» (1911) [Новокрещенных 2018: 207–223]. Однако у Ады Леверсон она подчеркивает эгоизм и непорядочность поведения Гарри.

Леверсон представляет пространство розового сада как место, в котором раскрываются характеры героев. В розовом саду драматург Херефорд Боган – герой в духе литературы Просвещения, которому позволено говорить правду и открыто

сообщать о проступках других героев, – объясняет Валентии различие Ромера и Гарри. Любовь первого к Валентии сильна (“But Romer is an exception. He's as much in love as if he had no hope of ever being within a mile of you”), а второй – поверхностный и не мужественный (“But he cares a bit about a lot of people, and things. He's superficial, and he has no courage”) [Leverson 1950: 226]. Боган близок самой Аде Леверсон: в его легких комедиях с любовными коллизиями одни диалоги, а действия нет: “A light comedy, with a very slight love interest” <...> “all dialogue, no action” [ibid.: 195]. В романах Леверсон критиками также были отмечены слабость сюжета и комментарии рассказчика, тонкая ирония и абсурдные несоответствия [Wenman-James 2021].

Итак, в романе «Предел» эволюция влюбленности Гарри де Фрейна в Валентию показана через реминисценции к картине Э. Берн-Джонса «Любовь среди руин» (в романе «Любовь среди роз») и к рисунку О. Бердсли «Таинственный розовый сад». Прослеживается ирония Ады Леверсон по отношению к художнику-дилетанту через экфрасис его единственной картины – портрет Валентии, которая сначала им восхищалась, а потом «прогнала» из розового сада.

Реминисценции к Бердсли и современное искусство

Роман «Любовь со второго взгляда» (1916) состоит из 30 глав и повествует об отношениях Эдит и Брюса Оттли, их друзьях и знакомых. Как и в романе «Предел», героиня окружена двумя мужчинами, один из которых ее супруг, а второй – возлюбленный.

Действие романа «Любовь со второго взгляда» охватывает несколько недель в апрельском Лондоне во время Первой мировой войны. Тема войны обуславливает противопоставление образов Брюса Оттли и Эйлмера Росса, определяет конфликт произведения. Если Брюс панически боится войны и разговоров о ней, а также появления дирижаблей в небе над Лондоном и обосновывает нервами отклонение от военной службы, то Эйлмер даже снизил возраст, чтобы отправиться на фронт. По его примеру ушел на войну и его сын от первого брака. У Эдит Оттли, три года назад отказавшей Эйлмеру, вновь проснулись чувства к нему. Герои сдерживают чувства, пока не завершена война и пока Эдит не свободна. Счастливо ускоряет развязку конфликта в романе приехавшая из Франции эксцентричная сплетница мадам Эглантайн Фрабель (Madame Frabelle), фамилия которой отсылает к Леди Флабелле из вымышленного французского романа, пародируемого Диккенсом, а затем Адой Леверсон в пастише «Диккенс сегодня, или Ли-

тература повторяется» (1896). Влюбившись в мадам Фрабель, Брюс сам уходит от Эдит, открывая ей путь к любви с Эйлмером.

Эйлмер – герой-интеллектуал, имеющий систему взглядов и ценностей, которые обязали его принять участие в военных действиях. Он приверженец традиций. Его консервативное поведение проявляется в поступках: он не целует Эдит, пока она замужем и не свободна. В его доме на стенах висят старые темные картины, в длинных низких шкафах – книги, а в вазе – вишневые (не зеленые! – И. Н.) гвоздики: “There were a few very old dark pictures on the walls. The room was crammed with books in long, low bookcases. On the mantelpiece was a pewter vase of cerise-coloured carnations” [Leverson 1982: 450]. Классический стиль интерьера дома Эйлмера подчеркивает его традиционные взгляды.

Когда у Эйлмера собирались гости, состоялся разговор об искусстве. Среди гостей был Артур Конистон, который готовился стать адвокатом, но, когда началась война, надел форму (“He had been reading for the Bar, but when the war broke out he joined the New Army, and was now in khaki”). Артур музыкален, он хорошо и громко поет, но музыка, которая ему нравилась, приводила в шок окружающих. Он исполняет не «тонкие» произведения Дебюсси, Форе, Равеля, а «пугающие» и «дерзкие» песни: “Being so young, so pale, and so contemporary, one expected him to sing thin, elusive music by Debussy, Fauré, or Ravel. He seemed never to have heard of these composers, but sang instead threatening songs, such as, 'I'll sing thee Songs of Araby!' or defiant, teetotal melodies, like 'Drink to Me only with thine Eyes!'” [ibid.: 395]. Песня “I'll sing thee Songs of Araby!” из канаты “Lalla Rookh” Ф. Клэя (Frederic Clay, 1838–1889) отражает романтическое видение Востока. В произведении “Drink to Me only with thine Eyes！”, которое является песней на стихотворение Б. Джонсона из сборника “The Forest” (1616), винопитие представлено как метафора любви.

Артур уважает Эйлмера как знатока искусства и стремится узнать его мнение не о действиях на фронте, куда он еще только отправится, а об искусстве: “He regarded with the greatest admiration as a man of culture, and a judge of art”. Вероятно, поэтому диалог напоминает интервью, а об Артуре сказано “who was a born interviewer” [ibid.: 432]. Причем Артур не просто задает вопросы, а развивает идею собеседника собственными примерами.

«Интервью» Артура Конистона начинается с вопроса об отношении Эйлмера к постимпрессионистам, затем продолжается вопросом о футуристах, точнее, о том, как эти течения выражают жизненные явления. Эйлмер характеризует искусство постимпрессионистов через ссылку к

нонсенсу Эдварда Лири: “Aylmer smiled. He said: 'I think their attitude to life, as you call it, is best expressed in some of Lear's Nonsense Rhymes: 'His Aunt Jobiska said, 'Everyone knows that a pobble is better without his toes' <...> Lear is the spirit they express'” [ibid.: 432]. Эйлмер подробно объясняет свою точку зрения, используя термины из области искусства. Постимпрессионизм Эйлмер критикует с позиции реалистического искусства, которое выступало за подобие жизни. Он говорит, что каждому виду искусства приходится чем-то поступаться из-за своей ограниченности: так, скульптор отказывается от цвета. Однако современные художники отказываются от сходства, от красоты, от частей тела, которые и делают образ реалистическим: “Why, the sculptor always surrenders colour, and the painted form. Each has to give up something for the limitation of art. But the more modern artist gives up much more – likeness, beauty, a few features here and there – a limb now and then” [ibid.: 432–433]. Артур, продолжая мысль Эйлмера, приводит свой пример произведений – это творчество Огюста Родена и Джейкоба Эпстайна (Jacob Epstein, 1889–1959), когда видна только часть формы, фрагмент, вырастающий из скульптуры: “Like the statuary of Rodin or Epstein. One sees really only half the form, as if growing out of the sketchy sculpture” [ibid.: 433]. Таковы, например, монумент с крылатым сфинксом работы Эпстайна на могиле Уайльда, установленный на кладбище Пер-Лашез в Париже в 1914 г., или вырастающие из массы фигуры скульптурных групп Родена «Граждане Кале» (1884–1886), установленной в г. Кале в 1895 г., или «Врат ада» (1880–1917).

Футуризм Эйлмер парадоксально называет «прошлым» (“they are already past. They always were”), а отношение футуристов к жизни, то есть способность изображать явления жизни, он метафорически сравнивает со взглядом на луну, отражающуюся в озере. Но вместо луны человек видит отражение ведерка для угля: “But I should say their attitude to life is that of the man who is looking at the moon reflected in a lake, but can't see it; he sees the reflection of a coal-scuttle instead” [ibid.: 433]. Железные дороги (“railways”) – основной предмет полотен футуристов. А основной пафос футуристов – это повышенная эмоциональность, когда жизнерадостный молодой человек специально подчеркивает свое жизнерадостное настроение, кричит о нем, бьет в барабан и дует в трубу: “Affectation for affectation, I prefer the pose of depression and pessimism to that of bullying and high spirits. When the affected young poet pretended to be used up and worn out, one knew there was vitality under it all. But when I see a cheerful young man shrieking about how full of life

he is, banging on a drum, and blowing on a tin trumpet, and speaking of his good spirits, it depresses me, since naturally it gives the contrary impression” [ibid.: 433]. Однако такая жизнерадостность, говорит Эйлмер, только «угнетает», производит противоположное впечатление.

Артур резюмирует соотношение художников старого искусства и нового, называя и тех, и других по-французски «позерами»: современные позеры не лучше старых. Среди старых позеров – Бердсли, а среди новых – Одл, английский иллюстратор, чей стиль считают предвестником сюрреализма (Alan Elsden Odle, 1888–1948). “The modern *poseurs* aren't so good as the old ones. Odle is not so clever as Beardsley”. Слово “clever” (умный) использовал и Роберт Хиченз в романе «Зеленая гвоздика» (“The Green Carnation”, 1894) для характеристики творчества Бердсли устами миссис Виндзор. У Леверсон Эйлмер не соглашается с утверждением Артура, решительно не ставя знак равенства между современными иллюстраторами и Бердсли, чье творчество он представляет в паре с Уайльдом.

Эйлмер называет Бердсли и Уайльда сдержанными, но яркими. Ярость шла из их взаимодействия, из таланта Бердсли-графика к созданию линий и собственного видения образа. Иллюстрации Бердсли к «Саломее» Уайльда, по мнению Эйлмера, были неподходящими, потому что он хотел видеть всё черно-белым, а Уайльд – фиолетовым и золотым. “Beardsley had the gift of line – though he didn't always know where to draw it – but his illustrations to Wilde's work were unsuitable, because Beardsley wanted everything down in black and white, and Wilde wanted everything in purple and gold. But both had their restraints, and their pose was reserve, not flamboyance” [ibid.: 433]. Высоко оценивая талант Бердсли, Эйлмер, однако, критикует его за неуместность некоторых образов: «Он не всегда знал, где проводить линии».

В романе «Любовь со второго взгляда» Леверсон озвучила одну из критических точек зрения на творчество Бердсли, которая оформилась еще в 1894 г., когда появились его листы к пьесе Уайльда. Реминисценция к Бердсли и Уайльду соединяет характеристику их творческого мира и представление публике – их позы сдержаны, а не броски, как у современных футуристов. Леверсон продолжает интерпретацию Бердсли как знака эпохи 1890-х гг., представленную в ее пьесах «Алый зонтик» и пастише «Диккенс сегодня, или Литература повторяется», но уже в новом контексте живописи XX в.

Особенность критики искусства Бердсли и Уайльда, постимпрессионистов и футуристов, скульпторов Родена и Эпстайна, молодого иллюстратора Одла в романе Леверсон состоит в том,

что все они представлены на фоне войны и в восприятии героев, связанных с войной. «После стольких лет жизни среди реальных вещей (“real things”), – сказал Конистон, – становится как-то стыдно обсуждать старые темы (“old subjects”)». Реальные вещи – это война, а старые темы – искусство. Однако Эйлмер предпочитает Бердсли и Уайльда постимпрессионистам и футуристам, очевидно выражая точку зрения самой Ады Леверсон.

Выводы

Интермедиальная рецепция творчества Обри Бердсли в романах Ады Леверсон осуществляется через реминисценции к его рисункам, экфрасис и его составляющие, эволюцию влюбленности главных героев и критику художественных течений ХХ в. Творчество Ады Леверсон, начавшееся в 1890-х гг. и продолжавшееся в первые десятилетия ХХ в., демонстрирует жанровое разнообразие и эволюцию рецепции произведений Обри Бердсли от пародий и пастиша в журнале «Панч» до небольших мелодраматических романов 1910-х гг.

В романах «Предел» (1911) и «Любовь со второго взгляда» (1916) творчество Бердсли вписано в контекст эпохи, которая существенно меняется за пять лет. В довоенном романе «Предел» рисунки Обри Бердсли «Таинственный розовый сад» и другие вместе с картиной Эдварда Берн-Джонса «Любовь среди руин» (в романе «Любовь среди роз») иронически интерпретируют эволюцию романтической свободной любви художника-дилетанта Гарри де Фрейна к замужней женщине (не случайно французское написание его имени отсылает к традиции трубадуров). Сначала Гарри пишет Валентию как героиню Россетти и Берн-Джонса. Затем, запутавшись в любовных и финансовых делах, герой Леверсон планирует сделать черно-белый набросок Валентии в розовом саду, как у Обри Бердсли, где розовый сад был символом порочности и красоты. Через упоминание рисунков Бердсли подчеркивается ироническое отношение Ады Леверсон к несостоявшемуся художнику, потерпевшему фиаско как в любви, так и в творчестве. Живописный портрет Валентии остался единственным произведением Гарри де Фейна, так как он был изгнан из «розового сада» самой возлюбленной.

Роман Ады Леверсон «Любовь со второго взгляда» (1916) наследует типологию героев романа «Предел»: у героини есть скучный супруг и возлюбленный. В этом послевоенном романе иллюстрации Бердсли к «Саломее» О. Уайльда противопоставляются постимпрессионизму и футуризму как живые и яркие проявления чувств. Артур Конистон называет «позерами» старых и новых художников, но отдает должное

уму и таланту Обри Бердсли. Вернувшийся с войны и высоко оценивающий талант Бердсли, герой-интеллектуал и консерватор Эйлмер критикует его за неуместность некоторых образов. Ада Леверсон продолжает интерпретацию Бердсли как символа эпохи 1890-х, но уже в новом контексте искусства XX в. Сама Ада Леверсон будет гротескно представлена под именем таинственной Сиб в романе Уиндема Льюиса «Обезьяны Господни» (1923–1930), в котором тоже обнаруживается рецепция творчества Бердсли (см. об этом: [Новокрещенных 2024: 89–99]).

Список литературы

Бочкирева Н. С., Табункина И. А. Реминисценция О. Бердсли в экфрастическом цикле М. Кузмина «Северный веер» // Экфрастические жанры в классической и современной литературе / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2014. С. 74–93.

Бочкирева Н. С., Табункина И. А. Художественный синтез в литературном наследии Обри Бердсли / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010. 254 с.

Кирюхина Е. М. Повседневность Средневековья в творчестве художников-прерафаэлитов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 5 (1). С. 383–390.

Кузмин М. А. Дневник 1934 года / под ред. Г. А. Морева. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.

Леверсон А. Полное собрание пародий на Оскара Уайльда / пер. с англ. и вст. М. Матвеева // Иностранная литература. 2017. № 8. С. 258–272.

Новокрещенных И. А. Рецепция творчества Обри Бердсли в романе Уиндема Льюиса “The Apes of God” // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 89–99. doi 10.34216/1998-0817-2024-30-1-89-99

Новокрещенных И. А. Художественные связи О. Бердсли и Д. Лоуренса // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 53. С. 207–223. doi 10.17223/19986645/53/14

Стерджис М. Обри Бердслей. Биография / пер. с англ. К. Савельева. М.: Колибри: Азбука-Аттикус, 2014. 432 с.

Табункина И. А. «Литература повторяется»: стилизация рококо в пастише Ады Леверсон на романы Чарльза Диккенса и Обри Бердсли // Формы выражения кризисного сознания в литературе и культуре рубежа веков / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2011. С. 11–18.

Табункина И. А. Литературные связи М. А. Кузмина с английской культурой в стихотворении «Слоновой кости страус поет...» (1925) // Мировая литература в контексте культуры. 2013а. Вып. 2(8). С. 78–84.

Табункина И. А. Рецепция Обри Бердсли в стихотворении М. Кузмина «Приглашение» // Вестник

Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 2 (18). С. 121–130.

Табункина И. А. Стихотворение М. Кузмина “Fides Apostolika” (1921) в контексте литературного и графического наследия Обри Бердсли // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013б. Вып. 3(23). С. 120–129.

Табункина И. А. «Чужое слово» в английской литературе: от реализма к fin de siècle // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 1(7). С. 52–58.

Aubrey Beardsley. 4 March – 20 September 2020. Large print guide. Tate, 2020. 274 p.

Beardsley A. Under the Hill // Wilde O. Salome. Beardsley A. Under the Hill. London: Creation Books, 1996. P. 65–123.

Leverson A. Love at Second Sight // Leverson A. The Little Ottleys. London: Virago Press Limited, 1982. P. 369–543.

Leverson A. The Limit. London: Richards Press Ltd, 1950. 301 p.

Mahoney K. Dainty Malice: Ada Leverson and Post-Victorian Decadent Feminism // Decadence in the Age of Modernism / ed. by K. Hext and A. Murray. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2019. P. 27–46.

Raby P. Aubrey Beardsley and the Nineties. London: London Houser, Great Eastern Wharf Parkgate Road, 1998. 117 p.

The Letters of Aubrey Beardsley / ed. by H. Maas. London: Rutherford, Fairleigh Dickinson University Press, 1970. 472 p.

Wenman-James L. Ada Leverson (1862–1933) // Y90s Biographies. Yellow Nineties 2.0 / ed. by L. J. Kooistra. Ryerson University Centre for Digital Humanities, 2021. URL: https://1890s.ca/leverson_bio/ (дата обращения: 05.02.2024)

Winegarten R. Ada Leverson (1862–1933) // Shalvi/Hyman Encyclopedia of Jewish Women. 2009. URL: <https://jwa.org/encyclopedia/article/leverson-ada> (дата обращения: 05.02.2024).

References

Bochkareva N. S., Tabunkina I. A. Reministsentsiya O. Berdсли v ekfrasticheskem tsikle M. Kuzmina ‘Severnyy veyer’ [Reminiscence by A. Beardsley in M. Kuzmin’s ekphrastic cycle ‘The Northern Fan’]. *Ekfrasticheskie zhanry v klassicheskoy i sovremennoy literature* [Ekphrastic Genres in Classical and Modern Literature]. Perm, Perm State University Press, 2014. P. 74-93. (In Russ.)

Bochkareva N. S., Tabunkina I. A. *Khudozhestvennyy sintez v literaturnom nasledii Obri Berdсли* [Artistic Synthesis in the Literary Heritage of Aubrey Beardsley]. Perm, Perm State University Press, 2010. 254 p. (In Russ.)

Kiryukhina E. M. Povsednevnost' Srednevekov'ya v tvorchestve khudozhhnikov-preraphaelitov [Everyday life of the Middle Ages in the works of preraphaelites]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2013, issue 5 (1), pp. 383-390. (In Russ.)

Kuzmin M. A. *Dnevnik 1934 goda* [The Diary of 1934]. Ed. by G. A. Morev. St. Petersburg, Publishing House of Ivan Limbakh, 2011. 416 p. (In Russ.)

Leverson A. Polnoe sobranie parodií na Oskara Uayl'da [The complete collection of parodies of Oscar Wilde]. Transl. from English and preface by M. Matveev. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 2017, issue 8, pp. 258-272. (In Russ.)

Novokreshchennykh I. A. Retseptsiya tvorchestva Obri Berdsli v romane Uindema L'yuisa 'The Apes of God' [Reception of Aubrey Beardsley's work in the novel 'The Apes of God' by Wyndham Lewis]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2024, vol. 30, issue 1, pp. 89-99. doi 10.34216/1998-0817-2024-30-1-89-99. (In Russ.)

Novokreshchennykh I. A. Khudozhestvennye svyazi O. Berdsli i D. Lourensa [Artistic connections of A. Beardsley and D. H. Lawrence]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal. Philology], 2018, issue 53, pp. 207-223. doi 10.17223/19986645/53/14. (In Russ.)

Sturgis M. *Obri Berdsley. Biografiya* [Aubrey Beardsley: A Biography]. Transl. from English by K. Savel'ev. Moscow, KoLibri: Azbuka-Attikus Publ., 2014. 432 p. (In Russ.)

Tabunkina I. A. 'Literatura povtoryaetsya': stilizatsiya rokoko v pastishe Ady Leverson na romany Charl'za Dikkensa i Obri Berdsli ['Literature Repeats Itself': Rococo stylization in Ada Leverson's pastiche on the novels of Charles Dickens and Aubrey Beardsley]. *Formy vyrazheniya krizisnogo soznaniya v literature i kul'ture rubezha vekov* [The Forms of Expression of Crisis Consciousness in Literature and Culture at the Turn of the Centuries]. Perm, Perm State University Press, 2011, pp. 11-18. (In Russ.)

Tabunkina I. A. Literaturnye svyazi M. A. Kuzmina s angliyskoy kul'turoy v stikhhotvorenii 'Slonovoy kosti straus poet...' (1925) [The literary links of M. Kuzmin with English culture in the poem 'The ostrich sings to the ivory...'](1925)]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* [World Literature in the Context of Culture], 2013a, issue 2 (8), pp.78-84. (In Russ.)

Tabunkina I. A. Retseptsiya Obri Berdsli v stikhhotvorenii M. Kuzmina 'Priglashenie' [Reception

of A. Beardsley in the poem 'Invitation' by M. Kuzmin]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2012, issue 2 (18), pp.121-130. (In Russ.)

Tabunkina I. A. Stikhhotvorenie M. Kuzmina 'Fides Apostolika' (1921) v kontekste literaturnogo i graficheskogo naslediya Obri Berdsli [The analysis of the poem 'Fides Apostolika' (1921) by M. Kuzmin in the context of graphic and literary heritage of Aubrey Beardsley]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2013b, issue 3 (23), pp. 120-129. (In Russ.)

Tabunkina I. A. 'Chuzhoe slovo' v angliyskoy literature: ot realizma k fin de siècle ['Alien Word' in English Literature: From Realism to Fin de Siècle]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2010, issue 1 (7), pp. 52-58. (In Russ.)

Aubrey Beardsley. 4 March – 20 September 2020. Large Print Guide. Tate, 2020. 274 p. (In Eng.)

Beardsley A. *Under the Hill. Salome/Under the Hill*. London, Creation Books, 1996, pp. 65-123. (In Eng.)

Leverson A. Love at second sight. In Leverson A. *The Little Ottleys*. London, Virago Press Limited, 1982, pp. 369-543. (In Eng.)

Leverson A. *The Limit*. London, Richards Press Ltd, 1950. 301 p. (In Eng.)

Mahoney K. Dainty malice: Ada Leverson and post-Victorian decadent feminism. *Decadence in the Age of Modernism*. Ed. by K. Hext and A. Murray. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 2019, pp. 27-46. (In Eng.)

Raby P. *Aubrey Beardsley and the Nineties*. London, London Houser, Great Eastern Wharf Parkgate Road, 1998. 117 p. (In Eng.)

The Letters of Aubrey Beardsley. Ed. by H. Maas. London, Rutherford, Fairleigh Dickinson University Press, 1970. 472 p. (In Eng.)

Wenman-James L. Ada Leverson (1862–1933). *Y90s Biographies. Yellow Nineties 2.0*. Ed. by L. J. Kooistra. Ryerson University Centre for Digital Humanities, 2021. Available at: https://1890s.ca/leverson_bio/ (accessed 05 Feb 2024). (In Eng.)

Winegarten R. Ada Leverson (1862–1933). *Shalvi / Hyman Encyclopedia of Jewish Women*. 2009. Available at: <https://jwa.org/encyclopedia/article/leverson-ada> (accessed 05 Feb 2024). (In Eng.)

The Reception of Aubrey Beardsley's Works in Ada Leverson's Novels of the 1910s

Irina A. Novokreshchennykh

Associate Professor in the Department of World Literature and Culture

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia. ira-tabunkina@mail.ru

SPIN-code: 6165-6981

ResearcherID: P-1752-2016

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0877-4823>

Submitted 30 Sep 2025

Revised 20 Oct 2025

Accepted 17 Nov 2025

For citation

Novokreshchennykh I. A. Retsepsiya tvorchestva Obri Berdsli v romanakh Ady Leverson 1910-kh godov [The Reception of Aubrey Beardsley's Works in Ada Leverson's Novels of the 1910s]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 4, pp. 136–144. doi 10.17072/2073-6681-2025-4-136-144. EDN TCXJWQ (In Russ.)

Abstract. This article examines the reception of Aubrey Beardsley's graphic and literary works in two novels by Ada Leverson. Reminiscences of Aubrey Beardsley and his works characterize the evolution of love of the amateur artist Harry de Freyne in *The Limit* (1911). French spelling of Harry de Freyne's name alludes to the troubadour tradition. He painted the only portrait of Valentia, in which she resembles the heroine of Rossetti and Burne-Jones in the painting *Love among the Ruins* (titled *Love among the Roses* in the novel). Entangled in love and financial affairs, Harry plans to make a black-and-white sketch of Valentia in a rose garden, this reminding rose gardens from Aubrey Beardsley's works, where they symbolize both depravity and beauty. The mention of Beardsley's drawings emphasizes Ada Leverson's ironic attitude toward her character, who suffered a fiasco in both love and art. The portrait of Valentia remained the only work of Harry de Freyne as he was banished from his beloved's 'rose garden'.

In Ada Leverson's postwar novel *Love at Second Sight* (1916), as in *The Limit*, the main character (Edith) has a husband (Bruce Ottley) and a lover (Aylmer Ross). Beardsley's illustrations for Oscar Wilde's *Salome* are contrasted with Post-Impressionism and Futurism as vibrant and vivid expressions of emotion. In his discussion with Aylmer Ross about modern art, Arthur Coniston dismisses both old and new artists as 'poseurs', but pays tribute to the intellect and talent of Aubrey Beardsley. Having returned from war, Aylmer, an intellectual and conservative, while praising Beardsley's talent, criticizes him for the inappropriateness of some of his imagery. Ada Leverson continues to interpret Beardsley as a symbol of the 1890s (as in her parody play *The Scarlet Parasol* and the pastiche *Dickens Up to Date; Or Fiction Repeats Itself*), but within the new context of 20th-century art.

Key words: English literature; reception; Aubrey Beardsley; novel; Ada Leverson; reminiscence; ekphrasis; Oscar Wilde; Pre-Raphaelites; Impressionists; Futurists; painting.

УДК 821.111:821.161.1

doi 10.17072/2073-6681-2025-4-145-156

<https://elibrary.ru/xjtiry>

EDN XJTIRY

La femme fatale: типологические художественные переклички

У. М. Теккерея и И. С. Тургенева
(«История Генри Эсмонда» и «Дым»)

Проскурнин Борис Михайлович

д. филол. н., профессор кафедры мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. bproskurnin@yandex.ru

SPIN-код: 5554-1732

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5077-1650>

ResearcherID: M4794-2017

Статья поступила в редакцию 22.08.2025

Одобрена после рецензирования 09.10.2025

Принята к публикации 13.10.2025

Информация для цитирования

Проскурнин Б. М. *La femme fatale*: типологические художественные переклички У. М. Теккерея и И. С. Тургенева («История Генри Эсмонда» и «Дым») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 4. С. 145–156. doi 10.17072/2073-6681-2025-4-145-156. EDN XJTIRY

Аннотация. Статья посвящена генетико-типологическому сравнительному исследованию содержательных и художественных перекличек двух произведений выдающихся реалистов XIX в. – романов «История Генри Эсмонда» У. М. Теккерея и «Дым» И. С. Тургенева. На разнонациональному материале, однако принадлежащем к одному этапу развития мировой литературы – этапу социально-психологического реализма, при обращении к разным жанровым модификациям романа как главного жанра эпохи, но с опорой на одинаковые образную и сюжетную константы – «роковая женщина» и «неразделенная любовь» – продемонстрировано общее и особенное в решении писателями вечной темы любви и вечных образов влюбленных, своеобразие их «работы» с архетипическими образами и архетипическими сюжетными ситуациями. Новизна подхода к осмыслиению образа *la femme fatale* и его сюжетного воплощения в указанных романах связана с показом своеобразия динамики образа в системе социально-реалистического и реалистико-психологического воспроизведения мира и человека, укрепляющего свои эстетические позиции в европейской литературе 1850–1860-х гг. Исследовательский акцент в статье сделан на эстетической, проблемно-тематической и художественно-аналитической близости романов «История Генри Эсмонда» и «Дым», но особенно – на очевидной перекличке романов на уровне центральных героев, чья судьба оказывается оригинальным воплощением писательского видения сложности, противоречивости и важности воспроизводимых эпох. Анализ функционирования образа «роковой женщины» в романах показывает, что писатели наполняют его глубоким реалистическим и психологическим смыслом, существенно преобразуя образный стереотип, подчиняя его этико-эстетическим, социально-историческим и нравственно-идеологическим задачам, поставленным ими при создании произведений.

Ключевые слова: «роковая женщина»; «неразделенная любовь»; социальный реализм; роман; русско-английские литературные связи XIX века; сравнительно-типологические литературные исследования.

Одной из вечных тем в мировом искусстве и литературе является тема любви, столь же вечны в истории мировой литературы любовный сюжет и образы влюбленных. Особо подчеркнем распространенную в произведениях на эту вечную тему дихотомию любви взаимной и безответной. И в том, и в другом случае возникает драматическое заострение темы; при этом в сюжетной ситуации неразделенной любви уровень погружения во внутренний мир героя, как правило, мужчины, чрезвычайно глубок. Тема неразделенной, а то и фатальной, роковой, любви, как известно, станет одной из ядерных в мировой любовной лирике от рыцарей, Петрарки, Шекспира, Гете, Новалиса до поэтов нашего времени. И не только лирики, но и литературы в целом. Вспомним Ф. Шиллера, А. И. Куприна, Ф. С. Фитцджеральда – и далее по списку чуть ли не всей мировой литературы. Столь же частотен в мировой литературе и объект такой любви – роковая (фатальная) женщина.

«Образ роковой женщины, *la femme fatale*, насчитывает чуть ли тысячелетия трансформаций, превращений и толкований» [Федорова 2013]. Трудно перечислить все варианты этого образа в мировой культуре и литературе: Лилит, Цирцея, Медея, Клитемнестра, Клеопатра, Месалина, Даила, Саломея и т. д. Общеизвестно, что в XIX в. этот образ был особенно популярен в предромантический этап развития европейской культуры (здесь более уместно говорить о готической литературе: вспомним роман «Монах» М. Г. Льюиса и образ Матильды), романтический период (назовем хотя бы знаменитые баллады Дж. Китса “La Belle Dame Sans Merci” и «Ламия») и в период расцвета декаданса (здесь в первую очередь говорят о «Саломее» О. Уайльда) (см. об этом: [Praz 1968; Craciun 2003; Лурье 2012; Федорова 2013]). Актуализация образа на этих этапах развития мировой литературы объясняется, с одной стороны, порубежным характером обозначенных эпох, глубинными сдвигами в эстетическом освоении мира в целом в эти моменты, а с другой – вечным желанием мужчин-авторов понять «темное женское начало» и «общим переосмыслиением женской образности», начатым на рубеже XVIII–XIX вв. и давшим о себе знать в конце XIX в. [Лурье 2012: 155].

Очевидна архетипичность образов и мотива любовных отношений «роковой женщины» и ее поклонника. Здесь имеет место тот самый случай, когда очевидны отмеченные Е. М. Мелетинским особая образность и имплицитная сюжетность [Мелетинский 1994: 4]. Используя терминологию исследователя, скажем, что «роковая женщина» весьма близка к хтоническим, демоническим силам [Мелетинский 1994: 18], хотя, в

конечном счете, это социально-культурный архетип, а демоническое по мере развития художественного освоения мира и человека становится воплощением кризиса социума, «болезни века», особенностей времени. Тем не менее роковую женщину чаще всего описывают как своеобразную чародейку, соблазнительницу, всегда ассоциирующуюся с необычностью, загадочностью и беспокойством. Не случайно Е. М. Мелетинский полагал, что именно в архетипичном сюжете безответной или трудной любви к «роковой женщине» возникают контрастная пара архетипических героя (героини) и антигероя (анттигероини) [там же: 38] и мотив «страдательного попадания самого героя во власть демона и спасения от него» [там же: 55].

Достаточно частое появление образа *la femme fatale* в английской литературе второй половины XIX в. объясняется скорее всего двумя моментами: общим переосмыслиением женской темы и женской образности и увеличением колониальной проблематики, то есть всплеском внимания к экзотике, связываемой с далекими странами. Не случайно Ребекка Стот, размышляя о «роковой женщине» у поздних викторианцев, обращается к неоромантизму и творчеству Р. Хаггарда и Б. Стокера с их неанглийскими сюжетами, а также к образам малазийских и африканских женщин в ряде произведений Дж. Конрада, трактуемых ею целиком неоромантически. Анализируя образ Тэсс в знаменитом романе Т. Гарди, исследовательница, справедливо делая больший акцент на метаисторической фатальной составляющей структуры образа и ее сюжетной функции, забывает при этом, что понятие «роковая женщина» традиционно подразумевает драматическую любовь мужчины к такой женщине, ее манипулирование им, чего, как известно, нет в романе «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» (см.: [Stott 1992]), даже если иметь в виду сложные чувства, питаемые к Тэсс Энджелом Клэром и Алеком Д'Эрбервиллем.

Сама по себе постановка вопроса о типе роковой женщины в реалистической литературе середины XIX в. любопытна и продуктивна, особенно если иметь в виду, во-первых, возрастающую в то время усложненность образа человека за счет увеличивающейся психологической глубины рисуемого характера и отказа от бинарности при изображении психологии героя или героини в пользу «многоголосия» во внутреннем мире героя или героини, не всегда кстати «организованного». Во-вторых, постановка вопроса о динамике образа *la femme fatale* в условиях главенства социально-психологического реализма в мировой литературе второй половины XIX в. важна в связи со все более растущим в то время

вниманием к воспроизведению того, что Ф. Достоевский называл «за-душевной» составляющей природы человека, то есть того, что после З. Фрейда будет называться «индивидуальным бессознательным», а благодаря К. Юнгу – «коллективным бессознательным». Иначе говоря, образ роковой женщины в реалистической литературе второй половины позапрошлого века, когда складывается принцип художественного психологизма как системы, теряет ранее свойственный ему мистицизм, сказочную таинственность и приобретает социально-аналитический акцент. Более того, термин «роковая женщина» становится метафорой построенного на контрастах женского образа, сочетающего социально-психологический анализм с обязательным для образа акцентом на страсть и холодность, искренность и актерство, капризность и взбалмошность, внешней, порою, завораживающей красоте и внутренний душевный кризис, деструктивность любовного чувства, способность подчинять своим чарам и управлять влюбленным в нее мужчиной как сублимацию низкой социальной роли женщины, к тому времени уже справедливо «рвущейся» на вершины социума¹.

Именно в таком исследовательском ракурсе предполагается посмотреть на вариации образа *la femme fatale* у двух писателей XIX в. – Теккерея и Тургенева, каждый из которых не только сыграл выдающуюся роль в истории собственных национальных литератур, но и приобрел всемирную славу выдающегося прозаика, и каждым из которых создана галерея женских образов, так или иначе воплощающих понимание своего времени.

О судьбе творчества У. М. Теккерея отечественные исследователи писали не раз (см.: [Иващева 1974; Вахрушев 1984; Нуралова 1985; Гениева 1989; Гениева 1990; Гилюсова 2008; Ломакин 2012] и др.), подчеркивая не отрывавший всей глубины мастерства писателя стереотип сравнения с Диккенсом: «Его постоянно сравнивали с Диккенсом, выверяли его достижения по Диккенсу, что, по сути своей, было неверно – трудно себе представить более непохожих друг на друга писателей» [Гениева 1990: 6]. В другой работе Е. Ю. Гениева писала: «Ситуация в известном смысле нелепая, но имеющая объяснение. Творческая драма Теккерея, писателя, *опередившего свое время, скорее нашего современника* [курсив наш. – Б. П.], была в том, что исторически он был современником Диккенса. Всю жизнь, у себя на родине и у нас, в России, он находился в тени великого собрата по перу» [Гениева 1989]. Упоминали исследователи и о личном знакомстве Теккерея и Тургенева, хотя писатели не оставили объемных и зафиксиро-

ванных в дневниках, письмах, статьях и т. п. материалах впечатлений друг о друге, чтобы можно было составить какое-либо основательное суждение об их двух встречах, разговорах, а главное – об их мнениях о творчестве друг друга (см.: Гениева 1989; Нуралова]. Безусловно, И. С. Тургенев, практически живший в Европе и «из первых рук» осведомленный об основных именах и явлениях ведущих европейских литераторов, а также будучи внимательным и вдумчивым читателем, в том числе английской литературы, не мог не читать произведения Теккерея, о чем свидетельствуют его частые отсылки к «Ярмарке тщеславия» в письмах, хотя в его домашней библиотеке в Спасском-Лутовинове сохранился лишь экземпляр «Истории Пенденниса» (см. об этом: [Нуралова 1985; Сизарева 2023; Волков 2024]).

Обратим внимание на прозорливое замечание Е. Ю. Гениевой: «Вчитываясь в произведения Тургенева, например, в его “Дым”, раздумывая над образом Ирины, приходишь к выводу, что, вероятно, Тургенев, так мало сказавший о Теккере, был его внимательным читателем. Трудно удержаться от сопоставления образа Ирины с женскими персонажами в романах и повестях Теккерея, особенно с героями “Эсмонда” и “Ньюкомов”» [Гениева 1989]. Эта мысль литературоведа звучит как приглашение к дальнейшему размышлению, и наша работа, в известной степени, – развитие этой исследовательской предпосылки. Оно построено на принципах типолого-сравнительного изучения разнонационального, но появившегося в рамках одного этапа развития мировой литературы материала и в рамках одного художественного посыла – исследовать внутренний мир человека, прежде всего чувственную его сторону, в переходных социально-исторических контекстах: анализируются роман Теккерея «История Генри Эсмонда, эсквайра, полковника службы ее величества королевы Анны, написанная им самим» (“The History of Henry Esmond, Esq., A Colonel in the Service of Her Majesty Queen Anne, Written by Himself”, 1852), живописующий турбулентный в истории Англии период смены одной королевской династии другой, и роман И. С. Тургенева «Дым», по-новому для писателя и ошеломительно не по-тургеневски для тогдашних его читателей (см. об этом: глава VII в книге Г. А. Бялого [Бялый 1962]) осмысляющий буквально «пышущие жаром современности» нравственно-идеологические проблемы пореформенной России (впервые опубликован в журнале «Русский вестник» за 1867 г., № 3).

Методологической основой нашего сопоставительного изучения теккеревского и тургенев-

ского вариантов *la femme fatale* и ее судьбы в современном ей обществе в этих романах является не столько изучение использования одним писателем опыта другого, к чему может толкать пятнадцатилетняя разница выхода произведений в свет, сколько осмысление того, что Д. Дюришин называет «влиянием эстетических идей» [Дюришин 1979: 144], явлением, диктуемым «закономерностями всеобщего порядка» [Дюришин 1979: 173], иначе говоря – генетической общностью и проявлением всеобщего в единичном, особенном, общемирового литературного явления в национальном литературном преломлении.

Действительно, для генетико-типологического сравнения темы трудной любви и образов «роковой женщины» в двух обозначенных романах Теккерея и Тургенева, как и для сопоставления самих романов, есть немало оснований. Во-первых, в обоих случаях доминирует мужской взгляд на образ «роковой женщины», пусть повествовательно и реализованный по-разному: у Теккерея *Ich-erzählung* мемуарного типа, хотя время от времени вспоминающий события своего детства, отрочества и молодости Эсмонд смотрит на всё это как бы «со стороны», с высоты прожитого, а потому часто о самом себе тогдашнем говорит «он», «Гарри», «полковник» и т. п.; у Тургенева – казалось бы абсолютное *Sie-erzählung*, но дистанция между автором и героем настолько мала, что порою, как и в случае с Эсмондом, мы оказываемся внутри перспективы видения событий, их оценки главным героем Григорием Литвиновым. Очевидна доминанта интроспективизации повествования у того и у другого, хотя и в разных жанрах, с разной степенью имплицитности/эксплицитности и концентрации. Думается, что суждение одного из первых толкователей Теккерея Р. М. Роскоу о нем справедливо и по отношению к Тургеневу: «...глубокие и чувствительные ощущения делают его восприимчивым к той сфере, которая лежит на границе между душевными волнениями и интеллектом...» (цит. по: [Проскурнин, Яшенькина 1998: 212]). Этой мысли классика мирового теккерееведения вторит современная исследовательница, когда говорит о том, что в «Генри Эсмонде» «Теккерей создает интроспективное, очень интимное произведение, выдержанное в лирическом ключе» [Catalan 2009: 105]. Как известно, герои романов Тургенева изначально глубоко и по-тургеневски особо психологичны. Г. М. Ребель, один из авторитетных современных знатоков творчества писателя, справедливо отмечает особенность его психологизма, придающего всему повествованию особый лирический лад, в том, что образ героя у Тургенева «создает-

ся при помощи очень деликатного, неброского, рассеянного (разбросанного по тексту), многосоставного, филигранного, сложного **«психологического рисунка**, существенными элементами которого являются в совокупности все проявления героя в их взаимодействии и взаимокорректировке... <...> то есть вся полнота геройного существования в художественном мире произведения...» [Ребель 2007:156]

Рассматриваемые романы занимают особое место в творчестве Теккерея и Тургенева. Так, «История Генри Эсмонда» – оригинальный исторический роман, «стоящий особняком в английской исторической романистике 50-х годов» XIX в. [Вахрушев 1984: 92] и, конечно, в творчестве самого Теккерея, поскольку после пародийного осмысления жанра в «Ребекке и Ровене», но особенно в «Записках Барри Линдана», писатель создал новаторский исторический роман; это и «блестящий опыт психологического романа, пронизанный при этом автобиографическими мотивами» [Ивашева 1974: 246]. Современник Теккерея, философ, психолог и критик Дж. Г. Льюис, рецензируя «Генри Эсмонда», отметил, что роман «настолько не похож на “Ярмарку щеславия” и “Пенденниса”, насколько может быть таковым роман Теккерея» (цит. по: [Lund 1988: 79]), тем самым обозначив особость романа в творческой практике писателя.

Тургеневский «Дым» современники писателя (Д. И. Писарев, Н. Н. Страхов) и последующие поколения исследователей называли совершенно новым типом романа, «странным соединением любовного романа с политическим памфлетом», где, по определению Л. В. Пумпянского, «разнородные жанровые пласти держатся лишь “на единстве символа”» (цит. по: [Петровская 2012: 55]). Под этим символом имеется в виду символ дыма, он же туман, неопределенность, неизвестность, неустойчивость. Отметим полемически заостренное и, как кажется, не замеченное современными тургеневедами суждение об этом романе О. М. Ушаковой, которая в изыскательски смелых и одновременно глубоких размышлениях о «Дыме» как претексте знаменитой поэмы Т. С. Элиота «Любовная песня Пруфроха» приходит к выводу о маргинальном положении романа «Дым» в творчестве Тургенева с точки зрения эволюции его европеизма в сторону эстетики уже *новейшего времени* – эстетики *moderna* (курсив наш. – Б. П.) [Ушакова 2018].

Оба романа характеризуются необычностью формы, а также наличием в их содержательной структуре заостренного политического начала: у Теккерея с историческим акцентом, у Тургенева с идеологическим, причем и в том, и в другом – с оттенком сатиры, сарказма, пафосности. В ро-

мане Теккерея это не столь очевидно в его первой половине, где Эсмонд рассказывает о своих детских и отроческих годах жизни, и потому ему не все понятно, например, в деятельности главного политического интригана и шпиона в этой части произведения, наставника Эсмонда-мальчика мистера Холта – тайного агента якобитов и скрытого католика. Более очевидна политическая составляющая в финальных главах романа, повествующих о неудачной попытке посадить на освобождаемый умирающей королевой Анной английский трон принца Якова Стюарта группой заговорщиков, которую, стремясь хотя бы так добиться сердца и руки непреступной красавицы Беатрисы Каслвуд, а вовсе не по политической причине, возглавляет Генри Эсмонд.

В романе Тургенева идеологово-политическое связано с обращением к чрезвычайно политизированному времени в жизни России после реформы 1861 г.: страна бурлила политическими и идеологическими спорами и напряженными размышлениями о том, куда она пойдет в результате кардинальных социально-политических изменений, вызванных реформой. Заметим, что Теккерей и Тургенев совпадают и в характерологической «подаче» исторического и политико-идеологического начала; права Л. М. Лотман, полагая, что тургеневский герой воплощает «идею единства идеологии и психологии» и наделен автором «личной судьбой, отражающей исторический и этический смысл идеологии» [Лотман 1974: 170, 171]. Эти суждения вполне применимы к ряду образов «Генри Эсмонда». Совпадения очевидны и в иронико-сатирической интонации изображения характеров, носителей подобной «сюжетной судьбы»: Генри Эсмонд иронически, а к концу воспоминаний даже саркастически, осмыслияет события политической жизни Англии конца XVII – начала XVIII в.; Тургенев создает иронико-сатирические собирательные образы представителей двух пореформенных идеологических течений в Российской действительности – либерал-демократов и консерваторов. Имеется в виду, с одной стороны, группа так называемых «губаревцев», «гейдельбергских арабесок», в изображении Тургенева – новых «репетиловых», после проведенных нескольких часов с которыми Литвинов так и не понял, «при чем он присутствовал» и зачем «они собрались», «кричали, шумели, из кожи лезли» [Тургенев 1968: 23–24], а их «глава или наставник», Степан Губарев, «немногого туповатый, лобастый, глазастый, губастый, бородастый» [там же: 16], которому «они излагали <...> свои сомнения, повергали их на его суд», отвечал им «мычанием, подергиванием бороды, вращением глаз или отрывочными, незначительными слова-

ми», редко вмешиваясь в прения» [там же: 22]; он кстати будет разоблачен в своем псевдоародолюбии в конце романа (см.: [там же: 165–166]). С другой стороны – это группа молодых русских генералов на отдыхе в Баден-Бадене, яростно сожалеющих о начатых в России реформах, уверенных в неизбежном возвращении к «началу...up principle», «когда некоторое, так сказать, омрачение овладевает даже высшими умами», и полагающих, что их долг – «куказывать перстом гражданина на бездну, куда все стремится», и на то, что «уж лучше по-старому, по-прежнему... верней гораздо [там же: 59, 61]².

Современников И. С. Тургенева напугала (по П. В. Анненкову) ядовитая резкость авторских оценок; Теккерей же был писателем, не боявшимся резких суждений и разоблачительных эскапад, слыл «едким ироником и скептиком, утверждающим: ничто не ново под солнцем – ни добро, ни зло; в этом нередко видели порожденный его предельно трезвым умом и самой реальностью цинизм» [Проскурнин, Яшенькина 1998: 186]. Некоторые зарубежные критики считают, что «обвинения в цинизме и человеконенавистничестве <...> подтолкнули его к этой последней благородной цели» [Monserrat 1980: 279], то есть к созданию истории о положительном герое, который страдает от неразделенной любви к демонически красивой девушке, но, разочаровавшись в ней и одновременно в политике, находит свое счастье в любви, не отягощенной мощными и разрушительными страстями, любви искренней и взаимной. То же самое происходит и с героем «Дыма»: только вырвав из сердца роковую любовь вновь от него отказавшейся красавицы Ирины Ратмирской и – что очень важно – вернувшись в Россию, Литвинов обретает любовь из-за испытаний, через которые она прошла, крепкую, верную, счастливую и «начинает сначала строить то, что однажды уже обратилось в дорожную пыль» [Ребель 2007: 257]. Последнее, по справедливому мнению литературоведа, – тургеневский «противовес» демагогии либералов и реакционеров.

У Тургенева очевидно более, нежели у Теккерея, синкретичное и более концентрированное (в том числе в связи с романным объемом) переплетение социального и любовного, идеологического и психологического. Роковая любовь в романах того и другого писателя играет важную роль с точки зрения характеристики времени и с точки зрения слияния мотивов личных, нравственных, социально-исторических, идеологических, психологических. Именно подобную объединительную сюжетную роль любви увидел в романе Теккерея В. С. Вахрушев, полагая тему любви центральной, которая по мере ее разрешения оригинально вбирает в себя практически все

другие темы, но особенно – историческую тему смену династий в британском королевстве (см.: [Вахрушев 1974: 93–99]).

Своеобразно сплетена с идеологическими акцентами времени и любовная линия Литвинова и Ирины, а также линия еще более безответной, но чрезвычайно преданной любви к Ирине Потугина. Для всей концепции романа важно, что наиболее драматический виток трудной любви Литвинова к Ирине случается накануне нового этапа его жизни, когда он достиг целей своего заграничного путешествия и готов уже к возвращению в Россию, к началу иного, преобразовательного, типа хозяйствования в поместье, а также началу семейной жизни с Татьяной Шестовой. Новый этап жизни начинает и Россия; как и Литвинов, она, Россия, находится в поиске – в поиске других горизонтов жизни, новых социально-нравственных опор и принципов дальнейшего существования. Отсюда колебания, дискуссии, споры, столкновения позиций, которые сатирико-драматически и одновременно нравственно-психологически (образы Литвинова и Потугина тому доказательства) изображает Тургенев.

Герой-рассказчик Теккерея повествует о своем жизненном пути, который по воле автора оказывается, по сути, историей Англии времен войны за Испанское наследство, правления королевы Анны и смены династий, еще раз после Славной революции 1688 г., – событий, продемонстрировавших окончательное вступление страны в эпоху политического компромисса аристократии и третьего сословия. Подчеркнем, как у Теккерея, так и у Тургенева все исторические, политические, идеологические «материи» подаются через частную, прежде всего внутреннюю жизнь главного героя; иначе, чем, как не погружением во внутреннюю жизнь, по Т. Манну, является роман? Словом, мы сталкиваемся со ставшей благодаря В. Скотту обязательной парадигмой жанра – «приватизацией истории», то есть изображением ее, по-пушкински говоря, «домашним образом». Этому «одомашниванию» истории (политики, идеологии) активно способствует и тема любви, которая у Теккерея историезируется и политизируется эксплицированно: счастье любви Генри Эсмонда к Беатрисе Каслвуд напрямую ставится ею в зависимость от успеха политического переворота, им возглавленного. Роман Тургенева не исторический, но имплицитно (глубинно) любовные сюжеты, в случае с Литвиновым любовное наваждение (любовная стихия как неизбежная форма «подачи» роковой любви), работают на тургеневскую концепцию исторического этапа, в который вступила Россия, как сложного, противоречивого, туманного, покрытого дымовой завесой неизвестности. Как

видим, изображенная писателями роковая суть характеров Беатрисы и Ирины акцентирует сложность, противоречивость, переходность рисуемых писателями времен. Концептуальная внутренняя чуждость Ирины миру ее мужа Ратмирова и его друзей-генералов, что подчеркивается ее холодностью, резкостью и насмешками над Ратмировым и другими генералами, над их спутницами. Но и другой жизни она страшится, а потому не решается на побег с Литвиновым: «Ирина глубоко несчастна от того, что не может порвать с ненавистной ей обстановкой. В этом трагизм ее положения» [Батюто 1972: 276]. Вот почему одна из самых драматичных сцен романа – сцена на вокзале, когда Литвинов молча указывает все не решающейся на побег с ним Ирине на свободное место в его купе, а она, было уже упавшая без сил от внутренней борьбы на это место, в последний момент выбегает из вагона и исчезает «в молочной мгле тумана...» [Тургенев: 1968: 159].

Беатриса тоже ни на кого не похожа (прежде всего на мать, что важно для концепции семейного счастья в романе и для эволюции образа Эсмонда), тоже противопоставляет себя всем и всему: «Она была рождена, чтобы повелевать...» [Теккерей 1977: 365] (“She was born <...> to command every where” [Thackeray 1858: 335]), с детства «она командовала всем домом с величественным видом императрицы» [Теккерей 1977: 128] (“imperial ways” [Thackeray 1858: 110]), ее отличало «необузданное своеволие, <...> ревнивый нрав» [Теккерей 1977: 250] (“headstrong will... jealous temper” [Thackeray 1858: 414]). Беатриса представлена более целостной, чем Ирина, и не находится во внутреннем конфликте с самой собой. Эта целостность проистекает из ее агрессивной эгоцентричности как избалованной и изнеженной родителями красавицы, из-за бедности, в которую вверг семью мот и игрок отец, по сути, торгающей своей красотой. Она открыто манипулирует окружением, начиная с родителей и брата и заканчивая влюблющимися в нее мужчинами. Беатриса легко влюбляет в себя принца Якова и герцога Гамильтона, например; не говоря уже о страдающем на протяжении всего романа от безответной любви к ней Эсмонда. При этом она абсолютно «от мира сего»: «Я хочу везде быть первой, сэр, и хочу, чтобы мне льстили и говорили любезности» [Теккерей 1977: 394]. А Ирина у Тургенева – «вне мира сего», она вся стихия, с которой она не может совладать. Одновременно Тургенев, рассказывая историю семьи Осининых и акцентируя их родовую княжескую гордость в контрасте с бедностью и захудальностью «чистокровных князей, Рюриковичей» [Тургенев 1968: 37], объясняет характер своеобразного бунта Ирины против обстоятельств, ее

желание реванша, головокружительного успеха назло не благоволящей ей судьбе социальной историей, а не только «красотой на продажу». Ее своеобразный бунт завершается показным, даже лицемерным, благонравием, когда Ирина, как сообщается в конце романа, превращает свой петербургский дом в храм, «посвященный высшему прилинию, любвеобильной добродетели, словом: неземному» [там же: 169]. Понятно, что это своего рода месть светскому миру за поражение в борьбе с ним; ироничный повествователь сообщает, что «молодые люди не все сплошь влюбляются в Ирину... Они ее боятся... они боятся ее озлобленного ума» [там же: 170] и понимают, что ничего кроме терзаний и страданий любовь к Ирине не принесет. Беатриса в романе Теккерея тоже прекрасно понимает, что доставляет страдания Генри: «Вы слишком рабски подчинялись мне, чтобы завоевать мое сердце...» [Теккерей 1977: 430]. В силу природного и даже не осознаваемого ею эгоцентризма, стремления к большему, чем судьба ей представляет, Беатриса ничуть не сочувствует ему, как и другим мужчинам, теряющим голову от любви к ней: «...своенравная красавица вскидывала теперь голову с видом недосягаемого превосходства, и вся ее повадка, казалось, говорила: “Не подступись!”» [Теккерей 1968: 392].

В связи с большей эпической развернутостью всего повествования и при этом меньшим лирическим напряжением образ Беатрисы Каслвуд в романе Теккерея дан фабульно более развернуто, чем образ Ирины у Тургенева, но в обоих произведениях героини постоянно «на сцене», по театральному «рукописи»: оказывается тенденция драматизации романа, заявившая о себе как раз во второй половине XIX в. Одновременно эти «роковые женщины» показаны извне, мужским глазом, и потому столь впечатляющи непонятность, неожиданность, казалось бы, немотивированность, капризность их поведения. Читаем о Беатрисе: «...в глазах ее был особенный, *неизъяснимый* (выд. мною. – Б.П.) блеск» [Теккерей 1977: 450] (“a wonderful lustre” [Thackeray 1858: 414]), и Ирину Тургенев наделяет необычным выражением глаз: они «внимательно и задумчиво глядели из какой-то неведомой глубины и дали» [Тургенев 1968: 38]. Не случайно О. М. Ушакова увидела во взгляде Ирины Ратмирской воплощение еще одного мифологического архетипа роковой женщины – Медузы Горгоны: взгляд Ирины подобен взгляду мифического чудовища, способного завораживать и вводить в состояние оцепенения свои жертвы, как это происходит с Литвиновым, да и Потугин тоже признается в этом (см.: [Ушакова 2018: 334]). Излишне говорить, что и Теккерей не раз подчеркивает маня-

щий и покоряющий взгляд Беатрисы (см.: [Теккерей 1977: 234, 304, 333, 450, 476]).

Ирина наделена Тургеневым своеобразным демонизмом: уже в семнадцать лет в ней сказывалась «нервическая барышня», а в рисунке ее «улыбавшихся, тонких губ, было что-то своевольное и страстное, что-то опасное и для нее, и для других»; в институте благородных девиц она тогда «слышала за одну из лучших учениц по уму и способностям, но с характером непостоянным, властолюбивым и с бедовою головой» [Тургенев 1968: 38]. Да и на баден-баденском, основном, а не ретроспективном, этапе сюжета Ирина относит себя к людям, которые не знают, что «происходит у них в душе» [Тургенев 1968: 138]. Демонические женщины Тургенева (а к ним также можно отнести Анну Одинцову из «Отцов и детей», Марию Полозову из «Вешних вод», Клару Милич из «После смерти») – это антиподы «тургеневских девушек»: «...они сильны, властны, горделивы, не способны на жертвенную любовь, но в большинстве случаев эти женщины так же несчастны, как и “тургеневские девушки”» [Харлухина 2011: 206]. Но это не отменяет, а, наоборот, предопределяет сложность этих образов. Орловский литературовед А. А. Бельская справедливо пишет: «Образ Ирины Осининой/Ратмирской, пожалуй, – один из самых сложных женских образов русской литературы, и в романе Тургенева она предстает одновременно и воплощенной Красотой, и одинокой Душой, и ищущей любовь странницей, и Любовницей, и нарушающей “запрет” Женою» [Бельская 2014: 174]. Сложность, противоречивость, загадочность этого образа навеяна Тургеневу его непростыми отношениями с Полиной Виардо; не случайно в одном из писем к ней он отмечает, что радуется тому, что «Дым» заслужил именно ее одобрение до мнения литературных критиков (см. об этом: [Петровская 2012: 63]). По любопытному совпадению, образы матери и дочери Каслвуд – Рэйчел и Беатриса – во многом инспирированы разрывом Теккерея с Джейн Брукфилд, тоже «роковой женщиной», к которой писатель питал безответные чувства. Об этом сложном моменте в жизни Теккерея пишет Энн Монсаррат в книге с красноречивым названием – «Неудобный викторианец. Теккерей, человек; 1811–1863» [Monserrat 1980: 279–284]. Свидетельствуют, что Теккерей не раз прерывал их отношения, но по настойчивой просьбе Джейн возобновлял их. Именно они отражены в отношениях Эсмонда и Беатрисы Каслвуд, которые сам герой называет рабством и отказом от здравого смысла [Теккерей 1977: 325, 366]. Литвинов еще на московском этапе их отношений с Ириной «словно попал в водоворот, словно потерял себя» [Турге-

нев 1968: 42]; еще тогда он ощущал что-то иррациональное в своем чувстве, а уже во время второй попытки обрести когда-то ускользнувшую от него любовь Ирины он чувствует нечто колдовское, томительно тяжелое, ноющее, даже страшное, роковое: «Он чувствовал одно: пал удар, и жизнь перерублена, как канат, и весь он увлечен вперед и подхвачен чем-то неведомым и холодным. Иногда ему казалось, что вихорь налетал на него, и он ощущал быстрое вращение и беспорядочнее удары его темных крыл...» [Тургенев 1968: 108]. И при этом Тургенев пишет: «Но решимость его не поколебалась» [там же]. Так и Генри Эсмонд долгое время говорил о Беатрисе: «Но она судьба моя!» [Теккерей 1968: 324] (“But she is my fate!” [Thackeray 1858: 297]).

В конце романов оба писателя живописуют драму освобождения героев от чар роковой женщины, но делают это по-разному. Теккерей, по ходу повествования рисуя любовь- страсть, рожденную в юности с ее экзальтированностью, повышенной чувственностью и черно-белым видением мира и себя, и организовав повествование как обращенную к внукам мемуарную ретроспективу, в духе викторианского времени диадатически подчеркивает неразумность демонического чувства, овладевшего мемуаристом в юности, и показывает, как исподволь у зреющего Эсмона рождается любовь к Рэйчел Каслвуд, построенная не на страсти, а на прожитых вместе испытаниях и обретенная в результате общности мировоззренческих позиций. Тургенев же делает освобождение Литвинова от роковой любви психологически более болезненным для героя. Здесь важен образ Потугина, который помогает Литвинову пережить эту боль второго расставания с Ириной, с одной стороны, былью о новгородце Ваське Буслаеве, который в результате неудачной попытки перепрыгнуть камень на библейской горе Фавор, чтобы в одночасье обрести вечное счастье, «голову себе сломил» [Тургенев 1968: 157], и это намек на роковую безрассудность всей одержимости Литвиновым Ириной; с другой – напутствием приниматься за дело, смеясь идти вперед, быть пионером, тружеником. Именно поэтому Тургенев приводит Литвинова вновь к Татьяне как символу новой – деятельной и созидательной – жизни. Тем самым Тургенев виртуозно синтезирует идеолого-политическое и любовно-психологическое.

Итак, мы видим, сколь значительна обусловленная временем и особенностями развития мировой литературы во второй половине XIX в. содержательная и художественная генетико-типологическая близость двух замечательных мастеров социально-психологического реализма в осмыслиении вечной темы страдательной любви

и образа роковой женщины. Одновременно думается, что Тургенев наверняка разделял суждения Теккерея, вложенные в уста зрелого Эсмона о не поддающейся объяснению неизбывной зависимости влюбленного мужчины от любимой женщины: «...если проследить путь каждого в жизни, непременно найдется женщина, которая или висит на нем тяжелым грузом, или цепляется за него, мешая идти; или подбодряет и гонит вперед, или, поманив его пальцем из окна кареты, заставляет сойти с круга, предоставив выигрывать скачку другим; или протягивает ему яблоко и говорит: “Ешь”; или вкладывает в руку кинжал и шепчет: “Убей! Вот перед тобою Дункан, вот венец и скипетр!”» [Теккерей 1977: 407]. Ироничное, но, по сути, отражающее устоявшееся в веках суждение о разрушительной роли любви к *la femme fatale*.

Примечания

¹ Не случайно мы говорим о появлении в литературе этого времени по-разному представленного образа «новой женщины»: Нора Г. Ибсена, Виви Уоррен Б. Шоу, Анна Каренина Л. Толстого, Настасья Филипповна Барацкова Ф. Достоевского, Анна Сергеевна Одинцова и Елена Стакова И. Тургенева и др. В известной степени предтечами образов «новых женщин» в английской литературе мы можем назвать Джейн Эйр Ш. Бронте, Кэтрин Эрншо Э. Бронте, Доротею Брук и Ромолу Дж. Элиот, Бекки Шарп и Этель Ньюком У. Теккерея.

² Конечно, здесь надо говорить об особой идеологической позиции Тургенева – «над схваткой», воплощенной в образе главного героя, так принципиально и не влившегося в группу Губарева и сразу ощущившего полную чужесть генеральской идеологии (в том числе и потому, что один из них, как ему казалось вначале, отобрал у него любовь Ирины), и особенно – в образе Созонта Потугина, о котором Литвинов сразу подумал: «Этот не то, что те» [Тургенев 1968: 24], и который в значительной степени весьма близок автору. Но это предмет специального осмысления не в рамках нашего исследования. Тем более он хорошо изучен в отечественном тургеневедении (см.: [Бялый 1962; Алексашина 2008; Аюпов 2010]).

Список литературы

Алексашина И. В. Проблемы исторического развития России в романе И. С. Тургенева «Дым»: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2008. 177 с.

Аюпов И. С. Роман И. С. Тургенева «Дым» в историко-культурном контексте: дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2010. 190 с.

Батюто А. М. Тургенев-романист. Л.: Наука, 1972. 389 с.

Бельская А. А. Трансформация мифа об Амуре и Психее в романе И. С. Тургенева «Дым» // Ученые записки Орловского государственного университета. 2014. № 2 (58). С. 172–179.

Бялый Г. А. Глава седьмая: «Дым» в ряду романов Тургенева // Бялый Г. А. Тургенев и русский реализм. Л.: Сов. писатель, 1962. С. 171–197.

Вахрушев В. С. Творчество Теккера. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1984. 151 с.

Волков И. О. Творчество И. С. Тургенева в пространстве мировой литературы (по материалам библиотеки писателя): дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2024. 721 с.

Гениева Е. Ю. Уильям Мейкпес Теккерей. Творчество. Воспоминания. Библиографические разыскания. М.: Книга, 1989. 488 с.

Гениева Е. Ю. Неизвестный Теккерей // Теккерей в воспоминаниях современников (Серия литературных мемуаров). М.: Худ. лит., 1990. С. 5–22.

Гнююсова И. Ф. Л. Н. Толстой и У. М. Теккерей: проблема жанровых поисков: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. 184 с.

Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы / пер. со словац. и ком. И. А. Богдановой, авт. предисл. Ю. В. Богданов, ред. Г. И. Насекина. М.: Прогресс, 1979. 317 с.

Ивашева В. В. Английский реалистический роман XIX века в его современном звучании. М.: Худ. лит., 1974. 464 с.

Ломакин С. В. Уильям Мейкпес Теккерей и русская литература 40–60-х гг. XIX в.: оценки в критике и типологические связи: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 179 с.

Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века (Истоки и эстетическое своеобразие). Л.: Наука, 1974. 350 с.

Лурье З. А. История формирования образа «проковой женщины» во французской культуре XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 2. История. 2012. Вып. 1. С. 155–161.

Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. 136 с.

Нуралова С. Э. Теккерей в России: середина XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Ереван, 1985. 254 с.

Нуралова С. Э. Записка Теккера И. С. Тургеневу. URL: <https://turgenev-lit.ru/turgenev/biografiya/nuralova-zapiska-tekkereya.htm> (дата обращения: 29.07.2025)

Петровская Е. В. «Египетские глаза» и «синый вуаль» (литературно-художественный контекст образа Ирины в «Дыме» Тургенева // Спасский вестник. 2012. № 21. С. 55–63.

Прокурин Б. М., Ященко Р. Ф. История зарубежной литературы XIX в.: Западноевропейская реалистическая проза: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 1998. 416 с.

Ребель Г. М. Герои и жанровые формы романов Тургенева и Достоевского. Типологические явления в русской литературе XIX века. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2007. 398 с.

Сизарева М. А. «Ярмарка тщеславия» по-русски: к 175-летию первой публикации // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2023. № 2. С. 196–204. doi 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-2-14

Теккерей У. М. История Генри Эсмонда, эсквайра, полковника службы ее величества королевы Анны, написанная им самим / пер. Е. Калашниковой // Теккерей У. М. Собрание сочинений в 12 томах. М.: Худ. лит., 1977. Т. 7. С. 5–506.

Тургенев И. С. Дым // Тургенев И. С. Собрание сочинений в шести томах. М.: Правда, 1968. Т. 3. С. 5–172.

Ушакова О. М. Дым, Пруфрок и *la femme fatale* (И. С. Тургенев и Т. С. Элиот на randevu) // Литература двух Америк. 2018. № 5. С. 310–353. doi 10.22455/2541-7894-2018-5-310-353

Федорова К. А. Образ «*la femme fatale*» в искусстве // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 3. URL: <https://human.snauka.ru/2013/03/2551> (дата обращения: 25.07.2025).

Харлушина А. А. Специфика изучения типологии женских образов у И. С. Тургенева в исследованиях начала XXI века // Успехи гуманитарных наук. 2021. № 4. С. 204 – 208.

Catalan Z. The Politics of Irony in Thackeray's Mature Fiction: Vanity Fair, The History of Henry Esmond, The Newcomes. Sofia: Klement Ohridski University Press, 2009. 179 p.

Craciun A. Fatal Women of Romanticism. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 328 p.

Lund M. Reading Thackeray. Detroit: Wayne State University Press, 1988. 186 p.

Monserrat A. An Uneasy Victorian. Thackeray, the Man, 1811 – 1863. New York: Dood, Mead and Company, 1980. 500 p.

Praz M. The Romantic Agony. New York: Meridian Books, 1968. 502 p.

Stott R. The Fabrication of the Late-Victorian Femme Fatale: The Kiss of Death. Basingstoke: Macmillan, 1992. 257 p.

Thackeray W. M. The History of Henry Esmond, a Colonel in the Service of Her Majesty Queen Anne, Written by Himself. London: Smith Elder and Co; Cornhill, 1858. 505 p.

References

Aleksashina I. V. Problemy istoricheskogo razvitiya Rossii v romane I. S. Turgeneva 'Dym'.

Diss. kand. filol. nauk [The problems of historical development of Russia in Turgenev's novel 'Smoke']. Cand. philol. sci. diss.]. Tver, 2008. 177 p. (In Russ.)

Ayupov I. S. *Roman I. S. Turgeneva 'Dym' v istoriko-kul'turnom kontekste*. Diss. kand. filol. nauk [I. S. Turgenev's novel 'Smoke' in the historical and cultural context. Cand. philol. sci. diss.]. Magnitogorsk, 2010. 190 p. (In Russ.)

Batyuto A. M. *Turgenev-romanist* [Turgenev as a Novelist]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 389 p. (In Russ.)

Bel'skaya A. A. Transformatsiya mifa ob Amure i Psikhee v romane Turgeneva 'Dym' [Cupid and Psyche myth transformations in I. S. Turgenev's novel 'Smoke']]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Orel State University], 2014, issue 2 (58), pp. 172-179. (In Russ.)

Byalyy G. A. Glava sed'maya: 'Dym' v ryadu romanov Turgeneva [Chapter seven: 'Smoke' in the series of Turgenev's novels]. Byalyy G. A. *Turgenev i russkiy realism* [Turgenev and Russian Realism]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1962, pp. 171-197. (In Russ.)

Vakhrushev V. S. *Tvorchestvo Tekkereya* [Thackeray's Works]. Saratov, Saratov State University Press, 1984. 151 p. (In Russ.)

Volkov I. O. *Tvorchestvo I. S. Turgeneva v prostranstve mirovoy literatury (po materialam biblioteki pisatelya)*. Diss. d-ra filol. nauk [I. S. Turgenev's Works in the World Literature Space (Based on the Writer's Library Materials)]. Dr. philol. sci. diss.]. Tomsk, 2024. 721 p. (In Russ.)

Genieva E. Yu. *Uil'yam Meykpiis Tekkerey. Tvorchestvo. Vospominaniya. Bibliograficheskie razyskaniya* [William Makepeace Thackeray. Works. Memoirs. Bibliographical Research]. Moscow, Kniga Publ., 1989. 488 p. (In Russ.)

Genieva E. Yu. *Neizvestnyy Tekkerey* [Unknown Thackeray]. *Tekkerey v vospominaniyah sovremenников (Seriya literaturnykh memuarov)* [Thackeray in the Memoirs of His Contemporaries (Series of Literary Memoirs)]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990, pp. 5-22. (In Russ.)

Gnyusova I. F. L. N. Tolstoy i U. M. Tekkerey: problema zhanrovyykh poiskov. Diss. kand. filol. nauk [L. N. Tolstoy and W. M. Thackeray: The Problem of Genre Searches. Cand philol. sci. diss.]. Tomsk, 2008. 184 p. (In Russ.)

Dyurishin D. *Teoriya sravnitel'nogo izucheniya literatury* [Theory of Comparative Literature Study]. Transl. from Slovak and comm. by I. A. Bogdanova, pref. by Yu. V. Bogdanov, ed. by G. I. Nasekin. Moscow, Progress Publ., 1979. 317 p. (In Russ.)

Ivasheva V. V. *Angliyskiy realisticheskii roman XIX veka v ego sovremennom zvuchanii* [The 19th-

Century English Realistic Novel in Its Contemporary Meaning]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1974. 464 p. (In Russ.)

Lomakin S. V. *Uil'yam Meykpiis Tekkerey i russkaya literatura 40-60-kh gg. XIX v.: otsenki v kritike i tipologicheskie svyazi*. Diss. kand. filol. nauk [William Makepeace Thackeray and the Russian literature of the 1840s-1860s: Criticism and typological connections. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2012. 179 p. (In Russ.)

Lotman L. M. *Realizm russkoy literatury 60-kh godov XIX veka (Istoki i esteticheskoe svoeobrazie)* [Realism of the Russian Literature of the 1860s (Origins and Aesthetic Originality)]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 350 p. (In Russ.)

Lurie Z. A. *Istoriya formirovaniya obrazov 'rokovoy zhenschiny' vo frantsuzskoy kul'ture XIX v.* [The history of the image of the 'femme fatale' in 19th-century French culture]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Istoriya* [Westnik of Saint Petersburg University. Series 2. History], 2012, issue 1, pp. 155-161. (In Russ.)

Meletinskiy E. M. *O literaturnykh arkhetipakh* [On Literary Archetypes]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 1994. 136 p. (In Russ.)

Nuralova S. E. *Tekkerey v Rossii: seredina XIX veka*. Diss. kand. filol. nauk [Thackeray in Russia: The mid-19th century. Cand. philol. sci. diss.]. Yerevan, 1985. 254 p. (In Russ.)

Nuralova S. E. *Zapiska Tekkereya I. S. Turgenevu* [A Note from Thackeray to I. S. Turgenev]. Available at: <https://turgenev-lit.ru/turgenev/biografiya/nuralova-zapiska-tekkereya.htm> (accessed 29 July 2025). (In Russ.)

Petrovskaya E. V. 'Egipetskie glaza' i 'siniy vual' (literaturno-khudozhestvennyy kontekst obrazza Iriny v 'Dyme' Turgeneva ['Egyptian eyes' and 'blue veil' (literary and artistic context of Irina's image in Turgenev's 'Smoke'])]. *Spasskiy Vestnik*, 2012, issue 21, pp. 55-63. (In Russ.)

Proskurnin B. M., Yashen'kina R. F. *Istoriya zarubezhnoy literatury XIX v.: Zapadnoevropeyskaya realisticheskaya proza* [The History of Foreign Literature of the 19th Century: Western European Realistic Prose]. Moscow, Flinta-Nauka Publ., 1998. 416 p. (In Russ.)

Rebel G. M. *Geroi i zhanrovye formy romanov Turgeneva i Dostoevskogo. Tipologicheskie yavleniya v russkoy literature XIX veka* [Heroes and Genre Forms in the Novels of Turgenev and Dostoevsky. The Typological Phenomena in the 19th-Century Russian Literature]. Perm, Perm State University Press, 2007. 398 p. (In Russ.)

Sizareva M. A. 'Yarmarka tshcheslavija' po-russki: k 175-letiyu pervoy publikatsii ['Vanity Fair'

in Russian: To the 175th anniversary of the first publication]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology], 2023, issue 2, pp. 196-204. doi 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-2-14. (In Russ.)

Thackeray W. M. *Istoriya Genri Esmonda, eskvayra, polkovnika sluzhby ee velichestva korolevy Anny, napisannaya im samim* [The History of Henry Esmond, Esq., a Colonel in the Service of Her Majesty Queen Anne, Written by Himself]. Transl. by E. Kalashnikova. In Thackeray W. M. *Sobranie sochineniy* [Collected Works: In 12 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1977, vol. 7, pp. 5-506. (In Russ.)

Turgenev I. S. *Dym* [Smoke]. In Turgenev I. S. *Sobranie sochineniy v shesti tomakh* [Collected Works: In 6 vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1968, vol. 3, pp. 5-172. (In Russ.)

Ushakova O. M. *Dym, Prufrok i 'la femme fatale'* (I. S. Turgenev i T. S. Eliot na randevu) [Smoke, Prufrock, and la femme fatale (I. S. Turgenev and T. S. Eliot on a rendez-vous)]. *Literatura dvukh Amerik* [Literature of the Americas], 2018, issue 5, pp. 310-353. doi 10.22455/2541-7894-2018-5-310-353. (In Russ.)

Fedorova K. A. *Obraz 'la femme fatale' v iskusstve* [The image of 'femme fatale' in arts]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* [Humanities Scientific Researches], 2023, issue 3. Available

at: <https://human.s nauka.ru/2013/03/2551> (accessed 25 July 2025). (In Russ.)

Kharlushina A. A. *Spetsifika izucheniya tipologii zhenskikh obrazov u I. S. Turgeneva v issledovaniyakh nachala XXI veka* [A specific study of the typology of female images of I. S. Turgenev in research of the early 21st-century]. *Uspekhi gumanitarnykh nauk* [Modern Humanities Success], 2021, issue 4, pp. 204-208. (In Russ.)

Catalan Z. *The Politics of Irony in Thackeray's Mature Fiction: Vanity Fair, The History of Henry Esmond, The Newcomes*. Sofia, Klement Ohridski University Press, 2009. 179 p. (In Eng.)

Craciun A. *Fatal Women of Romanticism*. Cambridge, Cambridge University Press, 2003. 328 p. (In Eng.)

Lund M. *Reading Thackeray*. Detroit, Wayne State University Press, 1988. 186 p. (In Eng.)

Monsarrat A. *An Uneasy Victorian. Thackeray, the Man, 1811–1863*. New York, Dood, Mead and Company, 1980. 500 p. (In Eng.)

Praz M. *The Romantic Agony*. New York, Meridian Books, 1968. 502 p. (In Eng.)

Stott R. *The Fabrication of the Late-Victorian Femme Fatale: The Kiss of Death*. Basingstoke, Macmillan, 1992. 257 p. (In Eng.)

Thackeray W. M. *The History of Henry Esmond, a Colonel in the Service of Her Majesty Queen Anne, Written by Himself*. L., Smith Elder and Co; Cornhill, 1858. 505 p. (In Eng.)

La Femme Fatale: Typological Artistic Comparisons of W. M. Thackeray and I. S. Turgenev ('The History of Henry Esmond' and 'Smoke')

Boris M. Proskurnin

Professor in the Department of World Literature and Culture

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia. bproskurnin@yandex.ru

SPIN-code: 5554-1732

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5077-1650>

ResearcherID: M4794-2017

Submitted 22 Aug 2025

Revised 09 Oct 2025

Accepted 13 Oct 2025

For citation

Proskurnin B. M. *La femme fatale: tipologicheskie khudozhestvennye pereklichki U. M. Tekkereya i I. S. Turgeneva ('Istoriya Genri Esmonda' i «Dym») [La femme fatale: Typological Artistic Comparisons of W. M. Thackeray and I. S. Turgenev ('The History of Henry Esmond' and 'Smoke')]*. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zareubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 4, pp. 145–156. doi 10.17072/2073-6681-2025-4-145-156. EDN XJTIRY (In Russ.)

Abstract. The article is a comparative genetic and typological study of the thematic, problematical, and artistic similarities between two works by prominent realists of the 19th century – the novels *The History of Henry Esmond* by W. M. Thackeray and *Smoke* by I. S. Turgenev. Exploring these novels, the author of the article works with diverse national material (though belonging to one stage of the development of world literature – the stage of socio-psychological realism), deals with different genre modifications of the novel as the main genre of the literary era (though relying on the same figurative and plot constants – *la femme fatale* and unrequited love). Based on this material, the paper demonstrates both similar and individual aspects of the writers' solution of the eternal theme of love and the eternal images of lovers. Also, the uniqueness of the writers' work with archetypal images and archetypal plot situations is demonstrated. The novelty of the approach to understanding the image of *la femme fatale* and its plot embodiment in these novels is connected with the demonstration of the uniqueness of the dynamics of the image in the system of socio-realistic and realistic-psychological reconstruction of the world, whose aesthetic positions in the European literature of the 1850s and 1860s were strengthening. The research emphasis in the article is placed on the aesthetic, problem-themed, and artistic-analytical proximity of the novels *The History of Henry Esmond* and *Smoke*, but especially – on the obvious overlap of the novels at the level of the central characters, whose fates turn out to be the original embodiment of the writers' visions of the complexity, inconsistency, and importance of reproducible eras. An analysis of the functioning of the image of *la femme fatale* in the novels shows that the writers fill it with deep realistic and psychological meaning, significantly transforming the figurative stereotype, subordinating it to the ethical, aesthetic, socio-historical, and moral-ideological tasks they set themselves when creating these works.

Key words: *la femme fatale*; unrequited love; social realism; novel; Russian-English literary relations of the 19th century; comparative and typological literary research.

УДК 82-32
doi 10.17072/2073-6681-2025-4-157-163
<https://elibrary.ru/dhvuv>

EDN DHVUVI

Призраки прошлого в рассказе А. Штифтера «Три кузнеца своей судьбы»

Сейбел Наталия Эдуардовна

д. филол. н., профессор кафедры русского языка и литературы

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
454080, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина, 69. seibel_ne@mail.ru

SPIN-код: 2940-5240

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6840-8286>

ResearcherID: HLX-0823-2023

Статья поступила в редакцию 25.07.2025

Одобрена после рецензирования 16.10.2025

Принята к публикации 20.10.2025

Информация для цитирования

Сейбел Н. Э. Призраки прошлого в рассказе А. Штифтера «Три кузнеца своей судьбы» // Вестник Пермского университета. Российской и зарубежной филологии. 2025. Т. 17, вып. 4. С. 157–163. doi 10.17072/2073-6681-2025-4-157-163. EDN DHVUVI

Аннотация. В статье рассматривается преломление готической традиции в литературе бидермайера. Исходя из кантовской идеи трансцендентности добра, литература часто связывает истории призраков с темами судьбы и моральной ответственности. Потусторонние образы появляются как олицетворение порока, вины, преступления.

Анализируется рассказ А. Штифтера «Три кузнеца своей судьбы», в котором автор сознательно использует узнаваемую читателем образность. С одной стороны, показывается, как на уровне эстетического решения сцен с Белой Дамой возникает пародия: полночь, холод, красная луна, отраженная в пламени камина в красной комнате. С другой стороны – выделяются элементы полемики с готической традицией: геометрическая правильность помещения, ровное дыхание охваченной сомнамбулизмом девушки, отсутствие страшной предыстории и доброжелательность призрака. Встреча с призраком и последующий скандал, закончившийся дуэлью и свадьбой, выглядит набором случайностей и рокового стечения обстоятельств. Но для Штифтера судьба – лишь следствие человеческих поступков, поэтому логично обратиться к прошлому героев, которые оказались на пороге события, изменившего их судьбу. История трех героев разворачивается в прошедшем времени как пример, с одной стороны, невозможности «обмануть судьбу», с другой – того, как решения героев направляют и подталкивают события. Еще более давним «призраком прошлого» является несчастное детство, потеря семьи и отсутствие детских привязанностей, которые сформировали героя. Наконец, самый удаленный временной план проявляется через античные образцы и идеи стоицизма, впитанные в ходе обучения. Все три персонажа стремятся свести к минимуму любое влияние, способное привнести в их жизнь хаос и принимают то, что не способны исправить: болезнь (Розалин), дружеские обязанности и вынужденное участие в празднике (Эрвин), порядок монастыря (Леандр).

Ключевые слова: готический рассказ; мотив судьбы; А. Штифтер; бидермайер; хронотоп.

Внимание австрийского двора к спиритизму, поощрение опытов Иоганна Йозефа Гасснера и Франца Месмера, приведших к открытию гипно-

за, вкупе с обретшей популярность традицией готического романа сыграли важную роль в становлении немецкоязычной мистической литера-

туры. Обнаружение гальванического электричества и последующие публичные опыты Джованни Альдини, получившего большое признание при дворе императора Франциска I, поставили «на поток» чудо воскрешения и подтолкнули литературу к поиску вдохновения и просветления в «запредельном». Постепенно появление призрака в литературном тексте становится поводом для обсуждения связи времен [Винокуров 1996: 25], преемственности поколений. К 40-м гг. XIX в. мода на готику уже настолько повсеместна, что порождает полемику и пародию. Поскольку в творчестве Адальберта Штифтера наука и проповедование – органические составляющие, а «связь между естественными науками, мистикой и эстетикой, столь же основополагающая, сколь и напряженная» [Dinkel 2025: 84], его обращение к образам потустороннего мира нельзя расценивать как дань моде или желание осмеять вкусы публики и ставшие беллетристическими литературные ходы и приемы. Появление в новелле, написанной во второй половине 1843 г., «леденящего душу» призрака, меняющего судьбу героя, автор использует для обсуждения устойчиво интересующих его проблем: божественного прорицания, судьбы и случая, личной ответственности, воспитания юношества и его последствий, сути любви и дружбы, соединяющих людей. Поэтому рассказ «Три кузнеца своей судьбы» так активно становится объектом исследовательского внимания, что за пародией здесь скрывается целый комплекс вневременных проблем.

Обзор литературы и методология

Во-первых, рассказ, по мнению исследователей, становится отражением штифтеровской концепции судьбы не как «трансцендентной контролирующей инстанции, а только как хода жизни..., на который влияют бесчисленные факторы» [Begemann 2017: 125]. В этом смысле она вписывается в ряд таких программных текстов, как «Авдий», «Бригитта» «Бабье лето» и даже «Витико». Во-вторых, широкое поле для современных исследований – психология героев, долго сдерживавших и подавлявших свою натуру. С этой точки зрения «коварная месть случая <...> в конечном счете есть не что иное, как долго подавляемое сексуальное желание, которое пробирается на поверхность через подсознание (через сон)» [Dinkel 2025: 683]. И даже еще определенее: «Штифтер предвосхищает то, что Фрейд позже разработает в своем эссе 1919 года о “Жутком” как проявление возвращения подавленного <...> аффективный контроль <в новелле> превращается в сексуальную тревогу, гинофобию и женоненавистничество» [Begemann 2017: 126]. В-третьих, «Три кузнеца своей судь-

бы» вписывается в традицию педагогических «штудий» Штифтера, представляющих плюсы и минусы различных систем воспитания юношества. Во многих рассказах об учениках и наставниках повторяется образная система, строящаяся на паре «копекун и воспитанник» (Ризах – Густав – Генрих; Полковник – Августин – Готлиб; Стефан Мураи – рассказчик – Густав), устойчиво появляются «замещающие родительские фигуры» [Dallinger 2018: 158], часто призванные не столько обучать, сколько обеспечивать, «чтобы все и всегда происходило “надлежащим образом”, приносит ли “ненадлежащее” вред или нет – это уже не имело значения» [Штифтер 1971: 362].

Интерес данного исследования составляет игра Штифтера с хронотопом. В применении к штифтеровским текстам рассмотрение вопросов времени и пространства особенно продуктивно, поскольку в них «в описание природы непосредственно вплетаются человеческие чувства..., так что становится невозможным распознать, имеем ли мы дело с ландшафтом, отраженным в душе или наоборот...» [Райнмюллер 2003: 101]. Важно показать, как автор, с одной стороны, совмещает несколько пластов узнаваемых готических и романтических пространств и времен, с другой – создает их новую модификацию. Исследование хронотопа позволяет в случае «Трех кузнецов своей судьбы» выйти на проблемы исторических взглядов автора, его представлений о путях взросления человека и т. д.

Событие рассказывания.

«Синхронический» хронотоп

В исследуемом тексте встреча с призраком и последующий скандал, закончившийся дуэлью и свадьбой, выглядят набором случайностей и рокового стечения обстоятельств. Но Штифтер уходит от апологии судьбы и представляет рассказанный сюжет объектом различных толкований уже на уровне композиции.

«Рама» рассказа заведомо иронична и юмористична. Во-первых, пародийность очевидна уже на уровне эстетических приемов создания «страшного»: эксплуатируются готические штампы (полночь, холод, красная комната, красная луна, красное пламя в камине), символика цвета выражена активнее, чем в любом другом тексте Штифтера, у которого «красный цвет ... в открытом, не приглушенном указанием на спокойный оттенок, варианте встречается крайне редко и всегда сопутствует проявлениям антигармоничным» [Сейбелль 2005: 39]. Во-вторых, история героев – часть полемики, разворачивающейся на праздничном вечере «в компании веселящихся людей» (in einer Gesellschaft lustiger Männer [Stifter 2025])¹. Спор идет о старом и но-

вом – о подлинности древних текстов и возможности «нововведений» в них. Лингвистические упражнения по поводу слов «Рок» и «Судьба» перерастают в философские. Исторический диспут упирается в вопросы «психологии, логики и метафизики» (die Psychologie, die Logik und Metaphysik). В работах по поэтике Штифтера «тенденция к сценической перспективе» [Bertraim 1907: 46] выделяется как важная часть завязки его рассказов, часто начинающихся как аргументы в полемике, фрагмент дневника и т. д. В данном случае «какой-то плут» (ein Schalk) своим рассказом прерывает спор, грозящий стать бесконечным (war auf dem Wege, ins Endlose zu geraten). Историю Эрвина и Леандра излагает мошенник, о котором идет дурная слава («о его жизни рассказывают довольно авантюрные вещи» – da man sich aus seinem früheren Leben noch ganz <...> abenteuerliche Sachen erzählt). Его поведение в ходе монолога оценивается слушателями как произвол и обман (Willkür und Täuschung) именно потому, что ни один из спорщиков не может извлечь из истории аргумента за или против руководящей роли судьбы в человеческой жизни. Автор заведомо сигнализирует читателю, что однозначный выбор между провидением и волей невозможен. Понимание истины требует взвешенности (поэтому спор прерывается до завершения отложенного рассказа), гармонии и равновесия, лежит в плоскости разумного принятия того и другого, ответственного подхода к событиям и их следствиям.

Читатель оказывается в очень важной для Штифтера ситуации «пост-»: рассказ о встрече с призраком завершен через сутки после праздника. «Постпраздничный» хронотоп – это хронотоп успокоения, утешения, осмысления: если «мирское, обыденное время перебивается моментами сакрального, праздничного времени» [Гуревич 1972: 92], то возвращение к разумному, рациональному, повседневному – важнейший в рамках идеализированной Штифтером «модели исполнения долга и достоинства разума» шаг [Steinwendtner 2022: 10]. В «Старой печати» герои не пытаются пролить свет на окружающие их тайны, пока праздник их любви не разрушает война. В «Бригитте» ослепление первой любви можно, а восстановлению семьи предшествует череда бурных событий. В «Бабьем лете» счастье наступает после треволнений юности и забот зрелости, с ним «в повествование входят другие времена и просторы» [Павлова 2005: 55].

Хронотоп «пост-» с его успокоением обеспечивает трезвый взгляд на мир. Разум помогает увидеть повторения, схождения, профетические указания. Так, вступление «рифмуется» в тексте «Трех кузнецов своей судьбы» с центральной

сценой – спором о существовании призраков, предшествующей скандалу. Подогретое свадебными хлопотами волнение провоцирует гостей на сальные шутки, неуместное любопытство, ехидные замечания. Этот спор тоже должен был остаться теоретическим (“sie mußte aus dem Grunde hohl und unfruchtbar”), если бы не вмешательство постороннего лица. В обоих случаях «открывшаяся истина» не решает спора, не становится аргументом той или другой стороны, возникает «третий» путь решения обсуждаемых вопросов. Удвоение в системе образов: Эрвин – Розали. Оба – воплощенная строгость, нежелание любви, недоверие людям, оба – убежденные «кузнецы своего счастья». Еще одно важное удвоение связано с именами главных героев. Читатель изначально знает, что они вымышлены (“Mein Vormann hat sie Erwin und Leander genannt”), а значит мифологическая отсылка (Леандр и Геро) особенно важна. Мотивы одержимости любовью, ночного пути, преодоления препятствий и запретов, волшебного сна и смертельной опасности, ложного пути аскезы, ведущей к трагедии, уже намечены в античном первоисточнике, а также текстах непосредственных предшественников Штифтера на пути осмыслиения этого сюжета: Шиллера («Геро и Леандр», 1801) и Фр. Грильпарцера («Волны моря и любви», 1831). Блуждающая во сне Розали окажется двойником мифологического Леандра, а взявший на себя ответственность за ее репутацию Эрвин – Геро.

Вступление рассказа выполняет, таким образом, несколько важных функций. Во-первых, создает узнаваемую для читателя романтической литературы атмосферу близости автора и рассказчика, позволяющую давать оценку герою, сюжету и повествователю, устанавливать через посредство автора прямые связи между читателем и «моим дорогим Шлемилем» [Шамиссо 1955: 12], «моим бедным другом <...> злополучным Натаниэлем» [Гофман 1962: 241] и др. Во-вторых, указывает на степень достоверности истории через лукавое извинение автора перед ее возможными участниками. В-третьих, «размыкает» границы рассказа за счет литературных, исторических и культурологических параллелей. В-четвертых, дает хронологическую «точку отсчета»: настоящее как ориентир для оценки прошлого. При этом, поскольку у читателя нет ответа на вопрос, где именно рассказчик прерывал свою историю, внимание привлекается к трем важным сценам: ночному визиту Розали (в связи с чем в рассказе возникает романтически-любовный акцент), поズору девушки, публично обвиненной втайной встрече с Эрвином (сцена, где гордость и милосердие Эрвина вступают в спор), и дуэли (где важнее вопросы ответственности и кары).

«Постпраздник» рассказанной вставной истории заканчивается, в результате, примирением позиций: «Они позволяют слухаю одержать верх, но не позволяют ему управлять ими» (*sie lassen den Zufall gelten, aber sich nicht von ihm beherrschen*). Заблуждения юности преодолены. История прошлого – урок для настоящего.

Детство vs взросłość

Второй временной пласт рассказа связан с воспитанием Эрвина и Леандра. Трактующий бытие как «цепь причин и следствий», где «нет беды, а есть вина», Штифтер [Штифтер 1971: 137] ищет истоки человеческих заблуждений в ранних порах детства. Категории Судьбы, Проридения, Удела отражают представление о справедливости бытия. Возможно, Счастье и Несчастье – это «прошедшее человека; но все же это не двойник, в котором повторяется настоящее», – пишет А. А. Потебня [Потебня 1989: 482]. У Штифтера причина и следствие достаточно далеко отстоят друг от друга во времени. Поэтому вторым «призраком прошлого» становятся в рассказе детские годы его героев.

Мир детства мальчиков – это тоже мир «пост-»: хронотоп разрушенной гармонии. Леандру остался «теперь осиротевший дом» (*nun verwaisten Hause*), Эрвину «руины [замка барона] <...> в далких лесистых горах» (*Raubritterruinen in den fernen Waldbergen ware*). Изолированный мир «с черными стенами» (*auf dem mauerschwarzen*), мутной водой окруженной мрачными соснами реки (*wo der Fluß zwischen düstern Föhren stagnierte*), сном на «голой соломе» (*auf bloßem Stroh*) порабощает героев, подчиняет себе их умы, вырывает из времени. «У Эрвина и Линдра отсутствует какая-либо само-рефлексия – что совершенно буквально очевидно из того факта, что “у них дома не было зеркала”» [Begemann 2017: 126]. Они счастливы своим незнанием: незнанием любви, незнанием заботы. Вся история их воспитания строится на противопоставлении «мужского» мира и «женского». Типичная для Штифтера техника архитектурно выверенного повествования, построенного по математическим законам повторяемости, симметрии, золотого сечения, проявляется в описании детства особенно наглядно. Здесь устойчиво повторяются характеристики по одним и тем же основаниям. Фрагмент начинается и заканчивается акцентом на «взгляд»: «лишенный любви взгляд мальчиков-сирот» (*der liebeleere Blick von Waisenknaben*) отражает мужской мир колледжа и опекунов и противопоставлен «счастливым глазам ребенка», которые «должны <...> отражать любовь, полученную от матери» (...*Augen eines Kindes, ... die empfangene Mutterliebe*). Друг-

ое основание для противопоставления – металлы: «железная воля» и «железная независимость» (*eiserne Unabhängigkeit*) мальчиков – антитеза «свинцу в конечностях» (*gossen ihnen Blei in die Glieder*) при встречах с девушками. Еще один акцент создает анималистика: герои наделены тигриной ловкостью, статью и силой (видимой, правда, только им самим), в то время как «дамы и девушки» в их глазах обладают «чарами гремучих змей» (*Zauber dieser Klapperschlangen*).

Фрагмент не случайно настолько обширен. «Странная техника затягивания <...> сюжета, <...> не умаляемая тем, что к концу действие часто внезапно переходит в почти драматическую скротечность» [Bertraim S. 47] в данном случае дает читателю составить представление, какой важности «порог» преодолевает герой, участвуя в дуэли из-за девичьей чести Розалин. Рушится его ограниченный, односторонний «мужской» мир. Сформированное детскими впечатлениями инфантильное мировоззрение распадается. Дуэль – последний «всплеск» мальчишества, что подчеркивает Штифтер: «...как мальчик, который не может...» (*wie ein Knabe, der ihn nicht ... kann*), «...в незрелые сердца, такие как у Эрвина...» (*in naturrohe Herzen, wie Erwings*), «...жалели человека, который был так смущен...» (*bedauerten den Menschen, der sich so bloß gebe*).

«Призрак» Белой Дамы заставил Эрвина реализовать давно назревшую потребность в переменах, окончательно перейти из прошлого (болезненного детства) в настоящее (взросłość). Если до встречи с Розалин Эрвин реализовывал свою жажду обновления через намерение поменять место жизни (намеревался уехать в Техас, чтобы произвести там «революцию»), то случившийся «прорыв эмоций» разрушает константы времени.

«Дикость» vs цивилизация

Наконец, третий пласт прошлого в рассказе – культурно-исторический.

Эрвин и Леандр воспитаны на «старой классике», древних языках, «законах спартанцев, поклонении стоикам». Они «бросали вызов силе нового века» (*Sie trotzten <...> der Macht des neuen Jahrhunderts*). Итог такого воспитания – абсолютная непреклонность, порядок, строгость как в собственной жизни, так и в отношении имения, работников и т. д.: «Два года без злости и два года без жалости <...> это было выше человеческого понимания!» (*Zwei Jahre nicht zornig und zwei Jahre unerbittlich <...> es ging über menschliche Begriffe!*). Пятилетний труд в имени Эрвина показывает результативность такой абсолютизации порядка. В ней нет развития, но есть опора. Герой компенсирует ограниченность

своей жизни великой мечтой о новых колониях в Америке и справляется с пороками современности – «все слуги и бездельники, все паразиты и друзья дома, все чиновники, большие и малые...» (Alle Diener und Müßiggänger, alle Schmarotzer und Freunde des Hauses, alle Beamte, große und kleine) изгнаны из родового поместья.

Гордыня «кузнеца своего счастья» Эрвина в его «почти презрении» (Europa, das er fast verachtete) к современной цивилизации. Он стремится повернуть время вспять, осознает намеченное путешествие как историческую миссию, как возможность вырваться из «постметафизического времени» [Neumann 2000: 165]: «Веселое “бидермайеровское” странствие переосмысливается Штифтером в философском, онтологическом аспекте, нередко приобретая трагический оттенок» [Лошакова 2014: 122]. Герой стремится возродить древность, будучи уверенным, что человечество нуждается в исправлении, что современный мир зашел в тупик безнравственности. Адаптация к законам повседневности в его глазах «наипостыдна» (auf das Schmählichste), даже мнимая измена идеалам стоицизма вызывает «боль и раздражение» (dieser Schmerz und dieser Verdruß). В его представлении Америка – «чистый лист», полигон для созидания, она, в глазах героя, прекрасна своей дикостью (an der Grenze der Wilden), изначальным природным величием земли (großen aufrecht stehenden Natur). Он кажется себе вершителем судеб, готовится управлять не только своей, но и чужими жизнями, даже способствовать переустройству мироздания, ибо «создаст государство <...> которое когда-нибудь станет первым в мире...» (etwa einen Staat ..., der dereinst seiner geographischen Lage nach der erste der Welt werden würde).

Утопический проект Эрвина – не что иное, как попытка воскрешения античности во всей полноте и неизменности. Идея героя находится в сложном диалоге с исторической концепцией автора. Герои Штифтера неоднократно говорили о том, что живут в эпоху межвременья, «истина добра и красоты в человеческих взаимоотношениях должна выйти наружу из-под всех наслений и искажений, в которых повинны общество и сам человек» [Михайлов 1991: 397]. В романе «Бабье лето» господин Дрендорф противопоставляет созидающую Древность и современность, способную лишь к «подражанию», а барон Ризах выражает уверенность, что человечество вновь вернется к созиданию. При этом оба отрицают подражание как путь созидания. Важнейшей идеей автора является неповторяемость прошлого, невозможность создать великое лишь из обломков античности и готики, какой бы ценностью ни обладали их творения. Поэтому желания

ние Эрвина построить «государство спартанской бронзы, афинской красоты и римской доблести» (einen Staat von spartanischem Erze, athenischer Schönheit und römischer Tüchtigkeit erzeugen) обречено.

Неподвижность представлений, крайняя консервативность взглядов обрекают Эрвина на осознание собственной слабости, готовят к будущему эмоциональному взрыву, переворачивающему его жизнь.

Выводы

Рассказ А. Штифтера «Три кузнеца своей судьбы» становится историей преодоления. Прошлое не только формирует, но и ограничивает героев. Штифтер последовательно помещает действие в ситуацию «пост-» времени, «между-» временем: современность – переход великого прошлого к будущему; герои застигнуты в переходный момент между заблуждениями юности и выбором зрелости; слушатели рассказа помещены в ситуацию перехода от праздничного возбуждения к трезвым будням. Если бидермайер «оставляет место для необычного, странного и загадочного» [Бент 1987], то у Штифтера необычность, судьбоносные совпадения, роковые случайности – следствие внутренней динамики эпохи, непосредственно влияющей на психологию героев. Отсюда значимость вопросов времени в художественных текстах автора, принципиальное значение их пространственно-временной организации для понимания глубинных смыслов произведений.

Примечание

¹ Здесь и далее цитируется без указания страниц по электронному ресурсу [Stifter 2025], перевод наш.

Список литературы

Бент М. И. Немецкая романтическая новелла: Генезис, эволюция, типология. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. 120 с.

Винокуров И. В. Привидения: Реальность или миф? М.: Сантакс-Пресс, 1996. 320 с.

Гофман Э. Т. А. Песочный человек // Гофман Э. Т. А. Избранные произведения в 3 т. Т. 1. М.: Худ. лит. 1962. С. 227–266.

Гуревич А. Я. Что есть время? // Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. С. 84–139.

Лошакова Г. А. Семантика путешествия и странствия в художественной прозе австрийского бидермайера // Обсерватория культуры. 2014. № 1. С. 120–124.

Михайлов А. В. Адальберт Штифтер // История всемирной литературы: в 8 т. / АН СССР;

Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1983–1994. Т. 7, 1991. С. 395–398.

Павлова Н. С. «Кроткий закон» // Павлова Н. С. Природа реальности в австрийской литературе. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 47–60.

Потебня А. А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. 620 с.

Райнмюллер И. «Лесной путник» Штифтера: рождение образа из глубин памяти // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2003. Вып. 2, № 10. С. 101–109.

Сейбелль Н. Э. Австрийская параллель: А. Штифтер, Г. Брох, Р. Музиль. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2005. 290 с.

Шамиссо А. Необычайные приключения Петера Шлемиля / пер. с нем. И. Татариновой. М.: Худ. лит., 1955. 72 с.

Штифтер А. Лесная тропа: Повести и рассказы: пер. с нем. М.: Худ. лит., 1971. 517 с.

Begemann Ch. Die drei Schmiede ihres Schicksals // Stifter-Handbuch: Leben – Werk – Wirkung / Davide Giuriato (Hg.). München: J. B. Metzler Verlag, 2017. S. 124–128.

Bertraim E. Studien zu Adalbert Stifters Novellentechnik. Dortmund: Fr. Wilh. Ruhfus, 1907. 160 S.

Dallinger P.-M. Adalbert Stifter – Bildung, ein Lebensthema. Eine Skizze // Gymnasium. Stift Kremsmünster. 2018. № 161. S. 151–160.

Dinkel B. Adalbert Stifter (Ver-)Führung der sanften Gewalt. Basel: Brill Fink, 2025. 860 S.

Neumann G. “Zuversicht”. Adalbert Stifters Schicksalskonzept zwischen Novellistik und Autobiographie // Stifter-Studien. Ein Festgeschenk für Wolfgang Frühwald zum 65 Geburtstag. Walter Hettche, Johannes John, Sybille von Steinsdorff (Hg.). Tübingen: Niemeyer, 2000. S. 163–187.

Steinwendtner B. Und senkte mich in meine Träume. Adalbert Stifter Totes Gebirge und Dachstein // Steinwendtner B. An den Gestaden des Wortes. Salzburg-Wien: Otto Müller Verlag, 2022. S. 8–52.

Stifter A. Die drei Schmiede ihres Schicksals. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/stifter/3schmied/3schmied.html> (дата обращения: 21.07.2025).

References

Bent M. I. *Nemetskaya romanticheskaya novella: Genezis, evolyutsiya, tipologiya* [German Romantic Novella: Genesis, Evolution, Typology]. Irkutsk, Irkutsk State University Press, 1987. 120 p. (In Russ.)

Vinokurov I. V. *Privideniya: Real'nost' ili mif?* [Ghosts: Reality or Myth?]. Moscow, Santaks-Press, 1996. 320 p. (In Russ.)

Hoffmann E. T. A. *Pesochnyy chelovek* [The Sandman]. Hoffmann E. T. A. *Izbrannye pro-*

izvedeniya [Selected Works: in 3 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1962, vol. 1, pp. 227–266. (In Russ.)

Gurevich A. Ya. *Chto yest' vremya?* [What is time?]. Gurevich A. Ya. *Kategorii srednevekovoy kul'tury* [The Categories of the Medieval Culture]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1972, pp. 84–139. (In Russ.)

Loshakova G. A. Semantika puteshestviya i stranstviya v khudozhestvennoy proze avstriyskogo bidermeyera [Travel and journey semantics in Austrian Biedermeier prose]. *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2014, issue 1, pp. 120–124. (In Russ.)

Mikhaylov A. V. *Adal'bert Shtifter* [Adalbert Stifter]. *Istoriya vsemirnoy literatury* [The History of World Literature: in 8 vols.]. AN SSSR; Gorky Institute of World Literature. Moscow, Nauka Publ., 1983–1994, vol. 7, 1991, pp. 395–398. (In Russ.)

Pavlova N. S. ‘Krotkiy zakon’ [‘The Gentle Law’]. Pavlova N. S. *Priroda real'nosti v avstriyskoy literature* [The Nature of Reality in Austrian Literature]. Moscow, LRC Publishing House, 2005, pp. 47–60. (In Russ.)

Potebnya A. A. *Slovo i mif* [A Word and a Myth]. Moscow, Pravda Publ., 1989. 620 p. (In Russ.)

Raynmyuller I. ‘Lesnoy putnik’ Shtifters: rozhdenie obraza iz glubin pamяти [Stifter’s ‘Forest Traveler’: the birth of the image from the depths of memory]. *Vestnik SPbGU. Seriya 2* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 2], 2003, vol. 2, issue 10, pp. 101–109. (In Russ.)

Seibel N. E. *Avstriyskaya parallel'*: A. Stifter, G. Brokh, R. Musil' [Austrian Parallel: A. Stifter, G. Broch, R. Musil]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Pedagogical University Press, 2005. 290 p. (In Russ.)

Shamisso A. *Neobychaynye priklyucheniya Petera Shlemilya* [The Extraordinary Adventures of Peter Schlemihl]. Transl. from German by I. Tatarnova. Moscow, Khudozhestvennaya literatra Publ., 1955. 72 p. (In Russ.)

Shtifter A. *Lesnaya tropa: Povesti i rasskazy* [The Forest Path: Stories and Stories]. Transl. from German. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1971. 517 p. (In Russ.)

Begemann Ch. ‘Die drei Schmiede ihres Schicksals’ [Three blacksmiths of their destiny]. *Stifter-Handbuch: Leben – Werk – Wirkung* [Stifter Guide: Life - Work - Effect]. Ed. by Davide Giuriato. Munich, J. B. Metzler Verlag, 2017, pp. 124–128. (In Germ.)

Bertraim E. *Studien zu Adalbert Stifters Novellentechnik* [Studies on Adalbert Schriftester's Technique of Short Stories]. Dortmund, Fr. Wilh. Ruhfus, 1907. 160 p. (In Germ.)

Dallinger P.-M. Adalbert Stifter – Bildung, ein Lebensthema. Eine Skizze. *Gymnasium. Stift Kremsmünster*, 2018, issue 161, pp. 151–160. (In Germ.)

Dinkel B. *Adalbert Stifter (Ver-)Führung der sanften*. Basel, Brill Fink, 2025. 860 p. (In Germ.)

Neumann G. 'Zuversicht'. Adalbert Stifters Schicksalskonzept zwischen Novellistik und Autobiographie ['Zuversicht']. Adalbert Stifter's concept of fate between novelistics and autobiography]. *Stifter-Studien. Ein Festgeschenk für Wolfgang Frühwald zum 65 Geburtstag*. Ed. by Walter Hettche, Johannes John, Sybille von Steinsdorff. Tübingen, Niemeyer, 2000, pp. 163-187. (In Germ.)

Steinwendtner B. Und senkte mich in meine Träume. Adalbert Stifter Totes Gebirge und Dachstein. In Steinwendtner B. *An den Gestaden des Wortes* [On the Edges of the Word]. Salzburg-Wien, Otto Müller Verlag, 2022, pp. 8-52. (In Germ.)

Stifter A. Die drei Schmiede ihres Schicksals [Three blacksmiths of their destiny]. Available at: <https://www.projekt-gutenberg.org/stifter/3schmied/3schmied.html> (accessed 21 July 2025). (In Germ.)

Ghosts of the Past in A. Stifter's Story 'Die drei Schmiede ihres Schicksals'

Nataliya E. Seibel

Professor in the Department of Russian Language and Literature

South-Ural State Humanitarian Pedagogical University

69, prospekt Lenina, Chelyabinsk, 454080, Russia. seibel_ne@mail.ru

SPIN-code: 2940-5240

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6840-8286>

ResearcherID: HLX-0823-2023

Submitted 25 Jul 2025

Revised 16 Oct 2025

Accepted 20 Oct 2025

For citation

Seibel N. E. Prizraki proshlogo v rasskaze A. Shtiftera «Tri kuznetsa svoey sud'by» [Ghosts of the Past in A. Stifter's Story 'Die drei Schmiede ihres Schicksals']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 4, pp. 157–163. doi 10.17072/2073-6681-2025-4-157-163. EDN DHUVI (In Russ.)

Abstract. The article examines how the Gothic tradition is presented in Biedermeier literature. Basing on Kant's idea of transcendence of the good, literature often links ghost stories with the themes of fate and moral responsibility. Otherworldly images appear as the personification of vice, guilt, and crime.

The literary work under analysis is the story *Die drei Schmiede ihres Schicksals* by A. Stifter, in which the author consciously uses imagery that is recognizable to the reader. The paper shows how a parody is developed at the level of the aesthetic solution of scenes with the White Lady: midnight, cold, a red moon reflected in the flame of the fireplace in the red room. On the other hand, elements of polemic with the Gothic tradition can be noted: the geometric correctness of the room, the even breathing of the girl seized by somnambulism, the absence of a scary backstory, and the benevolence of the ghost. The encounter with the ghost and the subsequent scandal, ending in a duel and a wedding, look like a set of coincidences and a fatal confluence of circumstances. But for Stifter, fate is only a consequence of a person's actions, so it is logical to turn to the past of the heroes who found themselves on the threshold of events changing their fate.

The story of the three heroes unfolds in the past, thus showing the impossibility of 'cheating fate' and, on the other hand, demonstrating how the heroes' decisions direct and propel events. An even more distant 'ghost of the past' is the unhappy childhood, the loss of family, and the lack of childhood attachments – all these having shaped the heroes' personalities. Finally, the most distant timeline is revealed through the ancient models and ideas of Stoicism, absorbed during education. All the three characters strive to minimize any influence that could bring chaos into their lives and accept what they cannot fix: illness (Rosalyn), obligations as a friend and forced participation in the celebration (Erwin), the rules of life in a monastery (Leander).

Key words: Gothic story; fate motif; A. Stifter; Biedermeier; chronotope.

Научный периодический журнал «**Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология**» (ISSN: 2073-6681; eISSN: 2658-6711) зарегистрирован в 2009 г. как самостоятельное издание, объединяющее две серии журнала «*Вестник Пермского университета*», издаваемого с 1994 г. («Филология» и «Иностранные языки и литературы»).

Цель журнала «*Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*» – освещение новых результатов научной деятельности российского и зарубежного научного сообщества в области современной филологической науки; содействие развитию теоретических и практических исследований в области социогуманитарного знания; установление и укрепление научных связей между учеными из различных регионов России и других стран. Журнал публикует проблемные статьи и аналитические обзоры по актуальным вопросам современной филологической науки; результаты теоретических, экспериментальных и практических исследований в области языкознания, литературоведения, журналистики, методики преподавания языков и литературы; рецензии на научные публикации; хронику научных событий, сообщения о достижениях ведущих научных школ. Одна из задач журнала – формирование тематических научных площадок для обмена мнениями, предложениями и опытом в данных научных областях. Научный журнал «*Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*» публикует качественные, оригинальные авторские исследования, ранее нигде не публиковавшиеся.

С 19.02.2010 журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: с 01.02.2022 – 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.4. Фольклористика (филологические науки), 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки); с 21.02.2023 – 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (философские науки)

Полнотекстовая версия журнала выставляется на сайте <http://press.psu.ru/index.php/phiology> и на сайте НЭБ Elibrary.ru.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Оформленная в соответствии с требованиями журнала рукопись статьи направляется автором в редакцию в виде файла, сопровождается паспортом статьи. Письмо сложенными файлами должно быть отправлено с адреса, указанного в сведениях об авторе, и сопровождаться текстом: «Передавая статью в научный журнал “Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология”, я гарантирую, что статья создана мной лично и не была ранее опубликована. Согласен на размещение статьи на сайте “Вестника Пермского университета. Российская и зарубежная филология” <http://press.psu.ru/index.php/phiology/index>. Беру на себя полную ответственность за соблюдение авторских прав в отношении используемых мной материалов» (в случае частичной публикации представляющей статьи здесь должны быть указаны сведения об уже опубликованном фрагменте и месте его публикации).

К рецензированию направленных для публикации в журнал рукописей статей привлекаются рецензенты из состава редакционного совета или редакционной коллегии журнала, а также российские и зарубежные специалисты в соответствующей области знания, имеющие опыт практической работы или публикаций в течение последних 3 лет по тематике рецензируемых статей. Рецензентом не может выступать научный руководитель автора статьи. Решение о принятии рукописи к публикации, возвращении ее автору на доработку или отклонении от публикации принимается редколлегией на основании результатов рецензирования. Поступающие рецензии на рукопись статьи обрабатываются в редакции, отправляются автору в виде нескольких рецензий или одной итоговой рецензии без указания данных о рецензентах. Если необходима доработка статьи, то автор вносит исправления, выделяя измененные места цветом. Срок доработки статьи не ограничен. Члены редакционного совета или редколлегии даже при наличии положительной рецензии могут обратиться к главному редактору с предложением о дополнительном рецензировании статьи.

Рукописи рассматриваются в порядке их поступления в течение 1 дня – 6 месяцев. Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлегией и главным редактором. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ. Редакция не вступает в полемику и переписку с автором по содержанию его статьи. Плата за редакционную обработку и публикацию присланных рукописей, в том числе аспирантов, одобренных рецензентами и рекомендованных к печати, не взимается.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись статьи объемом от 20 до 40 тыс. знаков, оформленная в соответствии с требованиями, файл рукописи без авторских данных, паспорт статьи должны поступить по электронному адресу langlit2009@mail.ru (попросите отправить подтверждение). Основной текст может быть написан на русском или английском языках. **Правила оформления рукописей помещены на сайте журнала в разделе «Руководство для авторов».**

Главный редактор – Ирина Александровна Новокрещеных. Зам. гл. редактора – Ирина Ивановна Русинова, Наталья Валерьевна Шутемова, администратор сайта – Алексей Васильевич Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта – Варвара Андреевна Бячкова.

По вопросам обращаться: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, ПГНИУ, корп. 5, ауд. 131, 133 (тел. (342)2396795), ауд. 172 (тел. (342)2396290).

Научное издание

**Вестник Пермского университета
Российская и зарубежная филология**

Том 17. Выпуск 4 / 2025

Редакторы *Е. И. Герман, О. И. Кирьянова*

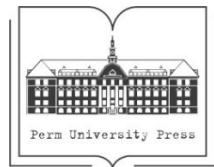
Корректор *Е. Г. Иванова*

Компьютерная верстка: *Е. И. Герман*

Макет обложки: *Т. А. Басова*

Подписано в печать 15.12.2025. Дата выхода в свет 19.12.2025

Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 19,18. Тираж 500 экз. Заказ 138

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Управление издательской деятельности

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. (342) 239-66-36

Отпечатано в типографии ПГНИУ.

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. (342) 239-65-47

Подписной индекс журнала

«Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»

в онлайн-каталоге «Урал-Пресс» – 41008

<https://www.ural-press.ru/catalog/98131/8963075/>

Распространяется бесплатно и по подписке